

gaudeamus

Под ред. Е.Б. Старовойтенко

АНТОЛОГИЯ

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПСИХОЛОГИИ

АНТОЛОГИЯ

Москва 2005

Научные консультанты: докт. психол. наук, профессор,
академик РАО ШАДРИКОВ Владимир Дмитриевич;
докт. филос. наук, профессор,
академик РАО АБУЛЬХАНОВА Ксения Александровна

Редактор – составитель: докт. психол. наук, профессор
СТАРОВОЙТЕНКО Елена Борисовна.

Составители: докт. филос. наук, профессор,
академик РАО АБУЛЬХАНОВА
Ксения Александровна;
докт. психол. наук, профессор,
чл.- корр. АПН Украины
ТАТЕНКО Виталий Александрович

Предмет и метод психологии: антология / ред. Е. Б. Старовойтенко. -
Москва : Академический проект : Гаудеамус, 2005. - 511 с. - (Gaudeamus). -
ISBN 5-9842603-1-X (в пер.). - ISBN 5-98426-031-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ: ВОСХОЖДЕНИЕ МЫСЛИ В ТЕКСТАХ О ПСИХИЧЕСКОМ

Психологическая наука исключительна не только в силу уникальности своего предмета – самого тонкого, сложного, возвышенного и противоречивого, чем является душа, мысль, сознание человека, но и в силу высочайшей степени свободы, которую она предоставляет посвятившему ей себя ученому. Эта свобода – в исследовательских перспективах будущего психологии, которая являет собой гигантское, еще не освоенное пространство научных проблем. Она – в настоящем психологии, поскольку ее *выход* на практическое поле предполагает творческий поиск разнообразнейших способов оптимизации жизненных, социальных, экономических и др. отношений людей, опираясь на раскрытие возможностей их сознания, деятельности, личности.. Эта свобода видна и при обращении к истории психологии. При всем стремлении историков этой науки представить прошлое в виде разных сменяющих друг друга, или противоборствующих, или мирно сосуществующих глобальных направлений, бесконечно разнообразна индивидуальность мысли каждого автора, ее истоки, способ репрезентации, доказательства ее истинности.

Конечно, современной психологии необходима *обобщающая* рефлексия ее прошлого: достигнутого уровня познания своего объекта, этапов психологического познания на всем протяжении его движения, развивающейся логики познания. Однако проблема исторического видения психологии, как оно складывалось в отечественной науке, заключалась в том, что она во многом носила философско-идеологический характер, причем часто – догматический. Именно поэтому сегодняшнее обращение к массиву накопленных на протяжении становления психологии знаний должно *изменить* свой характер. Необходима более объективная *реконструкция* прошлого на основе возобновляющегося обращения к исторической действительности, воплощенной в ее авторских источниках – научных текстах.

Для достижения объективности требуется раскрыть основное противоречие современного историко - психологического познания. Сегодня мы имеем две

образующие это противоречие точки зрения. Одна – идеальная модель – состоит в понимании истории как постепенного и непрерывного накопления все более глубоких знаний. Другая модель представляет познание как цепь несовершенных, неадекватных, поверхностных способов познания. Как может быть разрешено это противоречие? Полагаем, что психологии, особенно в силу ее современного состояния, характеризующегося плюрализмом направлений, теорий, точек зрения на ее объект и предмет, не говоря о разветвленности и комплексности способов ее практического применения, необходимо оформление и репрезентация накопленных знаний как *системы*, предполагающей преемственность, взаимное дополнение и обогащение всех лучших идей, принадлежащих ученым – психологам.

С позиций сложившихся в науковедении канонов, требующих однозначности и жесткости в оценке знаний, теорий, их объяснительных возможностей, эмпирической обоснованности и т.д., даже наиболее зрелые современные теории психологии редко или в незначительной степени могут им соответствовать, не говоря о теориях, сложившихся в истории. Однако нельзя не учитывать, что большинство науковедческих критериев оформилось в области точных, естественных наук. И чем больше психология обнаруживает уникальность своего предмета и объекта, тем более очевидным становится то, что ей *необходимы собственные способы познания*, собственные методы и обобщения, специфику которых и пытались с достигнутого в их эпоху уровня познания, выявить и Джемс, и Гуссерль, и Дильтей, и др.

По мнению составителей данного собрания текстов, новое представление и систематизация психологического знания могут быть осуществлены с тех самых позиций свободы и творчества, о которых выше шла речь. Психология открыта для новых идей, для разнообразия точек зрения, толерантна к их противоречиям в силу своей *проблемности*. Именно способность психологического познания выявлять проблемы, удерживать их на протяжении длительного времени в нерешенном состоянии, выдерживать противоречия, составляющие их ядро, и дает возможность посредством их многократного переформулирования, конструктивного преобразования приблизиться к познанию сущности психического. Только с этих позиций становится понятной иллюзорность

идеальной модели познания, которая представляет поступательно-накопительную непрерывность исторической связи знаний. Как доказано в сравнительно новой области, отличной от строгого науковедения, опирающегося на естественно-научную парадигму – в *методологии науки* – в рамках старого знания новое может быть не понимаемо и не объяснимо. И с этих позиций историзм науки предстает и не как непрерывность, но и не как дискретность – отрицание новым знанием предшествующего, а как непрерывность познания в сохранении и решении *проблем* данной науки.

Поэтому для каждого будущего психолога, вступающего в храм науки, она должна быть представлена не только как система уже сложившихся *знаний*, в которых воплощены закономерности изучаемых явлений, а также *инструментария* – методов исследования и практик, как сегодня говорят «технологий» изучения и практической работы, но как совокупность имплицитных, еще только намечающихся или уже оформившихся, но еще нерешенных, задач.

В эпоху постмодернизма, российского плюрализма, неопределенности и скептицизма мышления, у молодого поколения есть законная потребность в *полезности*, операциональности и практической применимости знаний. Эту потребность необходимо учитывать. Однако сегодня «полезное» знание не лежит в готовом виде на полках учебников и монографий, в подборках хорошо валидизированных надежных методик. Сегодня и от профессионалов, и от будущих психологов требуется стать не только авторами *новых подходов*, теорий, суждений. Предполагается достижение ими максимально возможного уровня развития своих *творческих способностей*, позволяющих видеть, формулировать и решать проблемы науки на базе уже сложившихся, известных подходов. Эти проблемы составляют сущность и освоения, и применения на практике, и приращения знаний.

Данное издание адресовано новому поколению психологов, обращено к их самостоятельности, креативности и способности в аутентичных текстах психологического прошлого найти своего собеседника, вступить с ним в творческий диалог, длиною в профессиональную жизнь.

В данном собрании работ представлено сходное и различное понимание авторами предмета психологии и ее основного метода, происхождения и функций «души» или «психики», моментов зависимости и свободы психики в мире, конкретных форм детерминации психического, потенций и достигаемых уровней развития психики, самодостаточности психики и ее принадлежности человеку - носителю, соотношения индивидуального, субъектного, личностного и надличного начал психической жизни, а также даны многие классификации психических явлений, построенные по существенным основаниям, начиная с классической триады – ум, чувство, воля. Проступающие в текстах разнородность и общность авторских взглядов бесконечно важны для понимания *сущности*, многообразия способов *существования* и *организации* психического.

Здесь мы находим абстрактно -логические и субъективно-умозрительные, исторически фундированные и жизненные, созданные по аналогии и оригинальные построения. Это – аутентичная архитектоника восходящей во времени психологической мысли. Знакомство с ней важно уже потому, что на определенном этапе в отечественной психологии определения и подходы к психическому превратились в сухую абстракцию. Данные тексты включают прекрасные феноменологические описания классов, тонкого строения, закономерностей и связей психических явлений, предлагают задачу - проблему продолжения научного поиска в этом направлении.

В первом разделе объединены тексты западно –европейских и американских психологов, относящиеся в основном к первой половине и середине 20-го века. Второй и третий разделы содержат концепции отечественных психологов, созданные главным образом в середине и второй половине 20-го века, а также на современном этапе развития психологии. В целом тексты репрезентируют историю и актуальное состояние психологии.

Обобщая идеи авторов текстов первого раздела, можно выделить следующие «сквозные» *темы* западной психологии:

1. Философская и собственно научная методология психологии: предмет и методы, принципы и законы психологии в сравнении с другими науками.
2. Синтетическая характеристика психического, выделение его структурно-функциональных элементов и их связей: представления и мышления

(познавательная способность), переживаний (эмоции, аффекты, чувства), влечений, интуиции, воображения, воли. Различение функциональных модальностей психического, соотнесенных как с целостной психикой, так и с ее отдельными составляющими.

3. Соотнесение сознательного и бессознательного в контексте проблем психики и тела, индивидуального и коллективного, личности и надличного.

В русле *первой темы* осуществляется интроспективное, феноменологическое, экзистенциалистское, гуманистическое и т. д. определения психического в аспекте методологии: через синтетический метод интеграции элементов сознания и психики (Вундт, Коффка, Бен, Дильтей и др.), через функциональный подход к психическому как способности, отвечающей потребности в эффективном жизненном функционировании и росте личности (Маслоу), через созерцательно – рефлексивный метод понимания психики как феномена, не имеющего временно-пространственных характеристик и открывающегося в самопостижении и самораскрытии (Гуссерль), через метод изучения поведения, оставляющий психику за рамками научного объяснения (Уотсон).

Здесь проступает противоречие классической психологии сознания и бихевиоризма, составившее кризис психологии начала века, глубоко отрефлексированный на методологическом уровне в трудах С.Л.Рубинштейна. Обнаруживаются противоречия описательных и объяснительных установок в познании, а также оппозиции сциентистских и гуманистических, отвлеченных и прагматических подходов к психике. Содержательно и конкретно поставлены науковедческие проблемы психологии: определения парадигмы, характера научных обобщений, категориального строя, законов и принципов исследования психики (Бен, Пфендер); доказательства инструментальности истины как упорядочивающей части опыта и рассмотрения соотношения старых знаний и новых фактов, то есть развития науки (Джемс); обоснования конкретных методов изучения психического, в частности, метода описания психического (Дильтей) феноменологической редукции (Гуссерль), аналитического метода (К. Юнг).

В русле *темы структурных определений* психика рассматривается как целое, образованное наблюдаемыми актами сознания (Вундт), как целое, замкнутое в скрытом внутреннем опыте (Гуссерль), как целое, интегрирующее психические

функции и способы (сознательные и бессознательные, объективные и субъективные) их реализации (Юнг), как внутреннее целое, соотнесенное с внешним миром посредством личностного функционирования (Маслоу). Синтетический метод представлен в единстве с аналитическим, предполагающим тонкую дифференциацию когнитивных, эмоциональных и регулятивных компонентов психики. Оригинальный способ интеграции психических «элементов» осуществляется через выделение их общих модальностей: напряжения - расслабления, возбуждения – успокоения, стремления – избегания, активности – реактивности, удовольствия – неудовольствия, различения - отождествления, направленности на объект – направленности на субъекта, репродукции – творчества, адаптации – регуляции. (Вундт) Таким образом, психика характеризуется как многомодальная, многокачественная, полифункциональная.

При раскрытии *тематики сознательного – бессознательного уровней психического* исследуется сознание как чистый внутренний опыт и способность к интенции (направленности на объект), принадлежащая «Я» как центру, идеально тождественному в своих многообразных переживаниях (Гуссерль), акцентируется противоречие сознательных и бессознательных влечений (Фрейд), изучается соотношение сознания, структурированного из сенсорных, интуитивных, мыслительных, эмоциональных процессов и содержаний, с коллективным и личным бессознательным, а также обосновывается, что функционирование бессознательного и его продуктивное взаимодействие с сознанием, состоящее в преобразовании его энергии через символ в сознательную позицию, ведет к восстановлению сбалансированного паттерна личности (Юнг).

Обобщая, можно проследить *две основные* методологические линии западной психологии: с одной стороны, рассмотрение психического «в себе» и попытка найти в нем же его собственные основания и причины активности, с другой стороны, взгляд на психику как функциональную способность и качество личности, действующие через связь внутреннего и внешнего, включая жизнедеятельность, экзистенцию, жизнь, самопознание.

Второй и третий разделы представляют классику отечественной психологии, а также результаты поиска новых психологических парадигм и теоретических

моделей, ведущегося в русле отечественных традиций. Важно было подчеркнуть *преемственность* авторских психологических воззрений, сложившихся и нарождающихся в пространстве нашей культуры, ценность психологических *инноваций*, присущие психологическому познанию *проблемность и гипотетичность*, а также характерную для большинства авторов тенденцию к масштабным *методологическим обобщениям*.

В ряду знаковых фигур отечественной психологии достойное место принадлежит Г. И. Челпанову. В его понимании, предметом психологии является «мир внутренний», «мир психический», составляющий субъективную сторону человеческой жизни. Основным методом изучения внутреннего мира определяется метод самонаблюдения, состоящий в обращении к индивидуальному внутреннему опыту. Предлагая развивать субъективную психологию, ученый не отрицает привлечения к общепсихологическим исследованиям методов «вспомогательных» наук, в частности, сравнительной, клинической и экспериментальной психологии.

С.Л. Рубинштейн - основоположник крупного психологического направления – в качестве предмета психологии рассматривает «внутреннее, психическое содержание жизни» личности-субъекта, способного знать и переживать события своей психической жизни. Подчеркиваются и рассматриваются во взаимосвязи такие характеристики психики, как ее субъективность, реальность существования и функционирования, идеальность ее высших форм, единство сознательного и бессознательного планов психической активности, принадлежность психического личности как регулятивному и качественному началу индивидуальной жизни, «событийность» или оценка личностью психических явлений как значимых для себя, единство мотивационного, когнитивного, эмоционального аспектов психической жизни. Обосновывается, что интегральным психическим образованием, заключающим все существенные формы и свойства психики, является «отношение к жизни», субъективно связывающее личность с общественными отношениями. Эта связь приобретает реальность, продуктивность, неповторимость на основе индивидуальной деятельности, осуществляющейся в познавательной, этической, практической, эстетической сферах жизнедеятельности общества. Фактор «отношения» обуславливает

существенную роль в индивидуальной жизни самосознания и самопознания, придающих этой жизни рефлексивный и поступковый характер. Ведущим способом психологического познания выступает у Рубинштейна метод «опосредованного изучения психической жизни» через раскрытие всех ее существенных объективных связей и ее активных влияний на объективный мир, то есть метод диалектического исследования «внутреннего через внешнее» и «внешнего через внутреннее».

Другой классик отечественной психологии – А. Н. Леонтьев – обозначает проблемное поле психологии как поиск сущности, природы психических явлений. Глубоко обосновывается гипотеза, что сущностью психического являются построение и содержание «образа мира», воплощающего единство отражения и преобразования внешней и внутренней реальности. Акцентируется активная природа психического, потенциал которой раскрывается при онтогенетическом включении индивида в поэтапно развивающуюся деятельность. Активность психических явлений состоит в их способности к опосредованию жизненных процессов, то есть психика выступает средством эффективного функционирования субъекта жизни. Формы психического опосредования совершенствуются в жизненной динамике, начиная от сенсорных явлений и до сознательных, мыслительных, смысловых. Ведущим методом познания психического становится в данной концепции объективный метод изучения психики в реальном жизненном развитии, прежде всего, в соотношении с внешней и внутренней деятельностью. Объективный метод берется во взаимосвязи с методом интроспекции, самонаблюдения как имеющим большую ценность при изучении внутрисмыслового плана деятельности.

Текст Б. Г. Ананьева посвящен традиционному для отечественной классики 20-го века методу исследования детерминации психических явлений. В качестве ведущей рассматривается общественная, или социальная, детерминация, превращающая существование «биологического индивида» в существование «индивида общественного». Согласно автору, социальная детерминация приобретает развивающий характер в процессах индивидуальной сознательной деятельности, позволяющей активно осваивать общественный опыт и переводить его в план внутреннего опыта личности. Способом формирования внутреннего

социального содержания личности является «интериоризация», осуществимая в условиях совместной деятельности и общения личности с другими людьми. Эффективная организация процесса интериоризации может осуществляться в русле воспитательной деятельности, нацеленной на формирование способности личности к самовоспитанию и саморазвитию. Благодаря этой способности, индивид становится субъектом общественной детерминации, может активно опосредовать множественные социальные воздействия, оказываемые на него. Внутренняя динамика социальной детерминации соотносится Ананьевым с единым процессом индивидуальной жизни и сменой ведущих форм деятельности в онтогенезе. В его понимании, раскрытие внутриспсихических превращений социальных детерминант в соотношении с циклами жизнедеятельности означает изучение развития личности и ее структуры; личностная сущность психического составляет основной предмет психологической науки.

Заслугой Б. Ф. Ломова является органичное соединение предмета и метода психологии на основе понятия «система». Предмет психологического познания составляют для данного автора «системные качества» психики, а основной способ их познания – системный метод. Обосновывается, что системные качества формируются на основе реализации психических функций во множестве объективных связей человека: с природой, с другим человеком, с познанием, с трудовой деятельностью и соответственно, с биологической, социальной, предметной системами, в которые включен субъект жизни. Существенным аспектом применения системного подхода определяется исследование полидетерминации психических явлений, исходящей от внешних объектов, от поведения, деятельности и свойств субъекта. Подчеркивается, что детерминированность психики не исчерпывается ее жесткой прямой причинной зависимостью; для психологической сферы наиболее характерна опосредованная, вероятностная, обладающая множеством источников, изменчивая, субъективированная и индивидуализированная детерминация.

В. А. Роменец, известный украинский психолог, предложил оригинальное решение актуальной проблемы поиска парадигм психологического познания или тех «ячеек» психики, в которых можно обнаружить потенциал и развитые формы всех психических явлений в их взаимосвязях. Такой «ячейкой» автор считает

«поступок», интегрирующий проблемную жизненную ситуацию, мотивацию и поступковый акт личности. В поступке заключен основной потенциал личностного развития, и прежде всего, в конфликтах (коллизиях) поступка, в его внутренне очищающем (катарктическом) эффекте и в осмыслении поступка в координатах его общественной ценности. Поступок рассматривается как предмет психологии, познаваемый методом анализа и синтеза его объективных и субъективных моментов.

Последний раздел объединяет концептуальные модели предмета и метода психологии, созданные учеными, относящими себя к рубинштейновскому направлению психологической науки. Предлагается новая исследовательская и практическая перспектива психологии, ставящая в фокус теоретического и эмпирического рассмотрения «индивидуальную личность» или «индивидуального субъекта» как основной объект этой науки. С изяществом классической мысли обосновываются креативные варианты парадигм психологии, которые при ближайшем рассмотрении оказываются моментами единого и целостного понимания предмета психологии.

Авторские акценты при построении предметного поля психологии можно представить следующим образом. Психика берется в контексте индивидуального бытия и определяется как «внутренняя жизнь» или «психический план индивидуальной жизни», структурированные из отдельных «форм психической жизни», порождающих полифункциональный и полимодальный «внутренний мир» личности. (В. Д. Шадриков, Е. Б. Старовойтенко). Внутренняя жизнь и внутренний мир исследуются в генетическом и сущностном единстве с внешней деятельной жизнью, благодаря которому психическое становится способом активного влияния личности на собственные жизненные процессы и отношения, на их пространственно – временные характеристики и способы разрешения их противоречий, то есть «субъектным качеством», «субъектным началом» ее жизнедеятельности. (К. А. Абульханова). «Субъектная сущность» психического выступает основным психологическим результатом индивидуального развития личности. (В. А. Татенко) В общей системе детерминант психической жизни субъектные детерминанты в единстве с социальными задают линию активной индивидуализации личности, предполагающей приоритетную роль ее

самопознания, самодеятельности и самовыражения. (К. А. Абульханова, Е. Б. Старовойтенко)

Осуществляя замысел данного издания, составители придерживались принципа усиления прозрачности авторской мысли в каждой публикуемой работе и потому рискнули на незначительные купюры и снятие отдельных цитат и ссылок. При адресации издания новому поколению психологов с целью их обучения и профессионального развития, такая презентация текстов кажется оправданной. Важно было показать, как симфония психологической мысли, набирая мощь, обретает новое звучание, оставаясь великим и никогда не завершенным произведением.

ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИЯ

А. БЭН. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ ДУХА

1. Все, что человек знает, испытывает или сознает, распадается на два отдела, которые в обычном языке носят названия «материи» и «духа»; на языке философии они называются также «внешним миром» и «внутренним», «не я» и «я», «объектом» и «субъектом». Последние два названия суть наиболее подходящие.

Совокупность наших познаний о дереве, реке, созвездии может служить примером того, что мы разумеем под «объектом». Испытывание удовольствия или страдания, желание, мышление относятся к «субъекту».

Все, что мы можем знать или о чем мы можем мыслить, входит в тот или другой из этих обширных отделов, которые обнимают собою всю Вселенную в том виде, в каком она нам представляется.

Различие между объектом и субъектом, т. е. между миром протяженным и миром, где протяжение не играет никакой роли, еще яснее выступает в способе их познания: к протяженному или внешнему миру мы прилагаем чувственное наблюдение, для мира же духовного мы пользуемся присущей нам способностью самосознания или внутреннего наблюдения.

Далее, при наблюдении с помощью чувств мы можем работать совместно с другими людьми: мир, открытый для одного, открыт и для всех, и производимое им впечатление в существенных чертах своих у всех одинаково. При самонаблюдении же каждый из нас действует отдельно и сам по себе; отсюда изучение субъекта носит чисто индивидуальный характер, и этот признак индивидуальности иногда вводят в его описание.

Значение этого различия проявляется в том, как знание переходит от одного человека к другому: знание об объекте сообщается легче благодаря тому, что здесь все имеют в виду одно и то же; знание о субъекте передается непрямым, окольным путем, причем достижение общего взаимного понимания не обеспечено.

2. Область объекта, т. е. внешний мир, характеризуется одним специфическим для него свойством — протяженностью. Область субъекта — сознание — не имеет этого свойства.

Дерево или река обладают пространственной величиной. Напротив, удовольствие, например, не имеет ни длины, ни ширины, ни толщины; его ни в каком отношении нельзя назвать протяженным предметом. Мысль или идея могут относиться к протяженным величинам, но нельзя сказать, что они сами протяженны. Никто не скажет, чтобы акт воли, желание или уверенность можно было измерить посредством мер протяжения. Поэтому обо всем, что входит в область субъекта, говорят как о непространственном.

3. Таким образом, если под «духом», как это всеми принято, мы будем разуметь всю совокупность субъективных состояний, то мы будем иметь возможность определить его отрицательно как «то, что не обладает протяженностью». Но так как и внешний мир мы познаем также через посредство наших духовных состояний, то у *научной психологии* для того, чтобы дать понятие о духе, остается только один способ, а именно — перечислить те *три свойства или функции духа* (чувство, волю или хотение и мышление или ум), из которых строится весь наш опыт, как объективный, так и субъективный. Этот перечень должен нам заменить определение духа.

Чувство обнимает собою все наши удовольствия и страдания, а равно и некоторые виды простого возбуждения, т. е. сознание того, что безразлично по

отношению к удовольствию и страданию. Удовольствия, доставляемые теплом, питанием, музыкой; страдания от утомления, нищеты, угрызений совести; возбуждения, сопровождающие удивление, поддержание небольшой тяжести или прикосновение к столу; восприятие далекого лая собаки,— все это будут явления чувства. Область чувства делится обычно на два главных отдела: на ощущения и эмоции (чувствования).

К воле или хотению относятся все действия человека, которые вызываются или руководятся чувствами. Еда, прогулка, возведение построек, разговор — все эти действия производятся с известной целью, и эта цель состоит в том, чтобы получить удовольствие или избежать страдания. Напротив, все действия, не возбуждаемые чувствами, произвольны. Таковы действия сил природы: ветра, тяжести, электричества и проч., а также органические отправления: дыхание, кровообращение, движения внутренностей и т. п.

Мышление, ум, интеллект или познание обнимает собою все те деятельности, которые известны под названиями «восприятия», «памяти», «обобщения», «отвлечения», «разума», «суждения» и «воображения». Все эти деятельности могут быть, как мы увидим дальше, сведены к трем основным отправлениям духа: различению, или сознанию различий, отождествлению, или сознанию сходств, и удержанию, или памяти.

Наш дух почти никогда не может отдаваться исключительно какому-либо одному из этих трех видов его деятельности. Чувство, например, сопровождается, в большей или меньшей степени, волею и мышлением. Испытывая какое-либо удовольствие, мы хотим, чтобы оно продолжалось или усиливалось (воля); в то же время мы «различаем» это удовольствие от других состояний сознания, «отождествляем» его с некоторыми из них, а в нашей памяти оно остается в виде представления (ум).

Таким образом, определение духа есть, вместе с тем, и разделение, т. е. классификация его главных и основных свойств. Приводим здесь некоторые из прежних определений и делений духа. Рид говорит: «под духом человека мы понимаем то, что в нем мыслит, вспоминает, рассуждает, желает». Это определение осуществлено посредством деления, которое в одно и то же время и неполно, и имеет лишние члены; неполнота его состоит в том, что пропущено

чувство; напротив, приведены «воспоминание» и «рассуждение», которые уже содержатся в «мышлении». Таким образом, Рид в своей классификации различает в духе только умственные и активные (деятельные) элементы. Недостающий в его классификации отдел «чувств» отчасти отнесен им к умственным способностям (эстетические ощущения и эмоции), а отчасти рассматривается в активных способностях, в числе которых у Рида описываются все доброжелательные и зложелательные эмоции.

Т. Броун, недовольный употреблением термина «активный» в указанном делении, ударился в противоположную крайность и предложил классификацию, в которой чувство совершенно покрывало собой область воли. А именно, он делил духовные состояния на возникающие под влиянием внешних воздействий (*external affections*) и возникающие помимо внешних воздействий (*internal affections*). К первым он относил ощущение, т. е. духовные состояния, получаемые посредством органов внешних чувств; вторые подразделял на «умственные состояния духа» (*intellectual states of mind*) и эмоции (*emotions*). Таким образом, классификация Бруна равносильна делению на ощущения, эмоции и ум; все явления активного или волевого характера он относит к эмоциям.

Сэр Вильям Гамильтон, критикуя построение проф. Д. Стюарта, говорит, что если исключить материальные явления и взять область духа, т. е. явления, обнаруживающиеся в самосознании или рефлексии, то они сами собою распадутся на три категории, или основных рода: явления познания, явления чувства, или удовольствия и страдания, и, наконец, явления воли и желания. Таким образом он раздельно рассматривает ум, чувство и волю.

4. Исследовать духовные явления в указанном нами сейчас порядке этих трех основных способностей не совсем удобно.

Как чувство, так и воля заключают в себе, с одной стороны, первичные элементы, а с другой — вторичные и сложные явления, происходящие от работы ума над этими первичными. Так, например, ощущение есть первичный элемент в области чувства и всегда предшествует умственным операциям; напротив, эмоции, как явления вторичные и производные, должны следовать за изучением умственных способностей. Воля в значительной степени есть продукт памяти и в

то же время зависит от чувств; поэтому в порядке исследования она выступает последней.

Итак, порядок рассмотрения может быть следующим:

1) чувство и хотение (воля) в их зачатках, в связи с подробным анализом ощущений, которые представляют собой один из видов класса чувств; но сверх того, учение об ощущениях дает нам и примеры развития одной из деятельностей ума, а именно - различения.

2) ум;

3) эмоции;

4) воля;

5. Хотя субъект и объект (или дух и материя) представляют собой наиболее обширные подразделения всего нашего опыта, однако в действительности в каждом индивидууме существует местный параллелизм или *связь* между духом и телом.

Физические органы, относящиеся к духовным процессам, суть следующие:

1) мозг и нервы; 2) органы движения (т. е. мускулы); 3) органы чувств; 4) внутренности: пищеварительный канал, легкие, сердце и проч. Более же всего духовные процессы связаны, конечно, с мозгом и нервами.

Определение природы этого параллелизма всегда представляло большие затруднения, и потому факт связи духа с телом считался каким-то чудом. Затруднение здесь происходит оттого, что мы легко начинаем думать в данном случае о некоторого рода пространственном соотношении между протяженным и не протяженным. Думая о соединении, о связи чего-нибудь с чем-нибудь, мы почти всегда имеем в виду существование в пространстве, как, например, когда мы говорим, что одна вещь находится внутри другой. Это выражение часто прилагалось (в переносном смысле) и к данному вопросу: говорили, что дух находится внутри тела. Декарт, например, думал, что дух помещается в шишковидной железе (в мозгу); схоластики спорили о том, находится ли дух весь во всем теле, или же весь в каждой его части. Но эти выражения совсем не подходят в данном случае: связь духа с телом состоит в их *взаимной зависимости* друг от друга, а не в пространственном их сосуществовании.

Взаимная связь основных свойств души формулируется авторами различно. Некоторые представляют ее в виде безусловного и неразрывного сосуществования подобно тому, как в материальном теле сосуществуют длина, ширина и толщина. Так, по Гамильтону, мышление и хотение так же не могут проявляться в отдельности, как не могут существовать друг без друга стороны и углы одного и того же квадрата.

Другой вопрос касается того, какой из различных душевных способностей принадлежит первенство в порядке зависимости или причинной связи. В этом вопросе Гамильтон, как и немецкие авторы, решительно становился на сторону познания, или мышления, из которого и производит остальные способности.

Выше мы имели дело с *основными понятиями психологии*, представлявшими собой высшие обобщения, какие были в ней до сих пор достигнуты. Нам остается вкратце указать конечные, или *основные законы*, аксиомы или истины этой науки, если только здесь можно получить что-либо подобное. В механике впереди вывода законов движения идут определения; точно так же и химия начинается с анатомической теории и руководится ей во всем последующем изложении.

Что касается психологии, то вот наиболее основные и общие истины:

I. Связь между духом и гелом.

Положение, что физические процессы неизменно сопутствуют психическим есть закон всего духа.

II. Существуют более или менее общие законы, связанные с деятельностью каждой из трех душевных способностей:

1) Закон относительности, т. е. факт зависимости каждого психического состояния от предшествующего ему состояния или состояний.

2) Закон запоминания, наиболее тесно связанный с деятельностью ума, но имеющий существенное значение также и для чувствования и воли, которые по своей природе способны к приобретениям и развитию.

3) Закон стимула. Существует общий принцип, по которому психические впечатления, происходящие от внешнего раздражения органов чувств, зависят от силы действующего стимула. Этот принцип находит себе ограничение в другом, гласящем, что впечатление, продолжающееся без перерыва, ослабляется.

4) Законы взаимодействия трех способностей. Они получаются при помощи подробного рассмотрения того, каким образом действуют друг на друга чувствование, воля и мышление.

ЛОГИКА ПСИХОЛОГИИ

1. Психология, или «наука о духе», имеет своим предметом дух в тесном смысле, а также связь его с материей, как мы наблюдаем эту связь в животном организме.

2. Наиболее противоположными друг другу понятиями во всей области познания являются понятия «внешнего» и «внутреннего», или «объекта» и «субъекта».

3. Дух можно определить как то, что обладает тремя свойствами: чувством, волей и умом.

Таким образом, положительное определение духа есть в то же время и деление его, а потому должно согласовываться со всеми правилами логического деления.

4. Определение духа мы должны пополнить указанием на сосуществование его с телом.

Сосуществование духа и тела есть сочетание совершенно исключительное, своеобразное: здесь соединены основные элементы человеческого опыта - субъект и объект, дух и протяженная материя. И мы не можем сказать с уверенностью, что именно в основе этого соединения: причинная ли связь, или же сосуществование свойств.

5. Связь духа с телом нужно предполагать во всех без исключения духовных процессах.

Многие, начиная с Аристотеля, утверждали, что некоторые виды деятельности духа не связаны с телесными процессами; но никто не отрицает того, что дух до некоторой степени зависит от тела. Однако все попытки провести точную границу между духовными процессами, зависящими от органов тела и не зависящими от них, оказались неудачны.

6. Характерную черту объектов психологии составляет сосуществование в них двух совершенно различных рядов явлений: всякий факт имеет две стороны.

А именно - каждое проявление чувствительности имеет духовную сторону, известную всякому по его собственному сознанию, и сторону физическую, т. е. ряд физических перемен, частью заметных с первого взгляда, частью же глубоких и скрытых.

Нужно ли — и, если нужно, то в какой степени — вводить описание этих физических сопровождений в изложение *науки о духе*, это зависит от обстоятельств. С одной стороны, раз параллельность явлений правильна и постоянна, то их нельзя опустить без ущерба для наших познаний в области собственно духовных явлений; с другой стороны вполне возможно, что духовные явления, как совершенно оригинальные и единственные в своем роде, лучше изучать совершенно отвлеченно от их физических сопровождений. Кроме того, решение этого вопроса находится в большой зависимости еще и от степени глубины наших знаний о нервной системе и вообще таких органах тела, деятельность которых связана с деятельностью духа: на одной ступени развития этих знаний, может быть, лучше совершенно опустить рассмотрение физических условий сознания, тогда как на другой, напротив, будет удобнее остановиться на их выяснении.

В действительной истории науки, вплоть до настоящего столетия, лишь очень немногие философы систематически обращали внимание на сопровождающие духовную деятельность физические процессы; наиболее заметными из них были Платон, Аристотель, Гоббс и Гартли. И несмотря на незрелость физиологических сведений их времени, все они (за исключением, может быть, только Платона) обязаны этим познаниям в высшей степени важными психологическими открытиями и догадками. В настоящее время, когда физиология поставила изучение этого предмета на новую, более солидную почву, можно надеяться, что параллельное изучение телесных и духовных явлений будет еще более плодотворным.

Таким образом, психология есть, с одной стороны, отдел общей биологии, а потому в ней имеют силу общие биологические законы. Охватывающий все области явлений закон сохранения энергии распространяется и на физические

сопровождения духовных явлений и влечет за собой в высшей степени важные практические последствия.

С другой стороны, психология изучает единственное в своем роде явление: *самосознание индивидуума, личности* — предмет, которому нет подобного в области других естественных наук. Тем не менее, при изучении *психической стороны духовных явлений* имеют место те же методы, тот же дух научного исследования, что господствует и в других естественных науках: состояния сознания различаются по силе и продолжительности; они бывают простыми или сложными, содействуют или противодействуют одно другому, подчиняются законам возникновения, усиления, ослабления и т. п. Во всех этих отношениях духовные явления аналогичны физическим силам, так что привычки, приобретенные при точном исследовании физических деятелей и явлений, могут быть, с некоторыми поправками, оказаться полезными при изучении сложных явлений духа.

Двусторонность психических явлений отмечена и в языке. Все термины психологии произошли из слов, означающих явления внешнего мира. Одни из них имеют теперь уже почти исключительно субъективный смысл: «удовольствие», «страдание», «чувство», «мысль», «приятность», «страх», «сознание», «угрызения совести» и т.п. Зато другие сохраняют в то же время и отношение к некоторым объективным фактам; таковы, например, термины: «впечатление», «волнение», «возбуждение», «жадность», «раздражение». Этого рода термины двусмысленны, и мы не всегда можем сказать, означают ли они духовную или же физическую сторону явлений. Сверх того, мы вообще склонны представлять себе духовные явления как физические.

ДРУГИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОЛОГИИ

Сознание. Это самое запутанное слово в человеческом словаре: в нем сосредоточены все трудности метафизики. Если бы оно было вполне точным синонимом слова «дух», то его так и можно было бы определить. Но внешний, или протяженный, мир неотделим от наших познавательных способностей: слово, обозначающее всякое духовное явление, должно быть шире, чем слово

«дух», — оно должно обнимать и материю, и дух. Поэтому если «сознание» обозначает все, что мы чувствуем, то из всех возможных терминов это самый обширный и не имеющий, в сущности, никакого определенного значения; подобно слову «бытие», это искусственно выдуманный термин для объединения двух высших родов существующего: объекта и субъекта.

Чтобы обозначить каждый из них в отдельности, мы должны употребить двойные названия «сознание субъективное» (сознавание нами нашего внутреннего мира) и «сознание объективное» (сознавание внешнего мира), т. е. вернуться, в сущности, к прежним терминам: «субъект» и «объект».

Ощущение. Это слово имеет несколько значений. Прежде всего, оно может означать либо физические процессы, связанные с деятельностью органов чувств, либо только чисто духовные состояния, возникающие вследствие этих процессов. Во втором из этих смыслов слово «ощущение» может иметь опять два значения, так как чувства дают нам с одной стороны, чисто чувственные состояния (удовольствия и страдания), с другой — материал для ума, основу наших идей. Наконец, «ощущение» противоположно в некотором отношении восприятию: первое есть непосредственный акт духа, а второе — сложное явление, продукт ассоциации. Так, например, цвет и видимая величина суть ощущения, расстояние же и действительная величина предметов суть восприятия.

Отдельные виды ощущений (включая в их число и мускульное чувство) составляют основные неразложимые духовные состояния. Их можно определять только ссылкой на их субъективное содержание; так, например, сопротивление, движение, теплота, ощущения органов пищеварения, вкуса, обоняния, осязания, слуха, зрения (словом, все специальные ощущения) познаются лишь непосредственным опытом.

Эмоция (чувствование). Это те чувства, которые возникают лишь под влиянием умственной деятельности. Некоторые эмоции совершенно своеобразны и доступны лишь непосредственному сознанию; таковы, например, удивление, гнев, любовь, страх и т. п. Эти эмоции близко подходят к основным, элементарным чувственным состояниям. Напротив, другие, очевидно, производны; таковы эмоции эстетические и нравственные.

Ступени волевого процесса. Воля, или хотение, это одна из сторон духа, взятого как целое; в отличие от чувства, воля есть нечто единое, неделимое. Тем не менее, волевой процесс имеет несколько стадий, которые носят особые названия. Мотивом называется чувство, возбуждающее в том или в другом случае хотение; так, мотивом еды служат либо страдания голода, или недостаточного питания, либо удовольствия еды. Столкновение мотивов приводит к колебанию и обсуждению. Решение есть хотение, исполнение которого на некоторое время отсрочено. Желание есть умственное воспроизведение, предвкушение волевого акта, иногда только подготовляющее хотение, иногда же замещающее его вполне. Уверенность есть готовность действовать известным, определенным образом ввиду определенной цели.

Умственные состояния. В области ума мы имеем три основных процесса: различение, нахождение сходств или отождествление и удержание или восстановление в уме (память); все они познаются только на опыте.

Самые высшие роды (*genera generalissima*) нельзя объединить в одном каком-либо понятии, так как всякое понятие, всякий признак мы можем мыслить лишь в противоположность другому понятию, не обладающему этим признаком; этого требует основной закон «относительности». И если мы сведем субъект и объект к единству (к сознанию или бытию), то нам немедленно придется создать совершенно искусственное и даже само себе противоречащее понятие «бессознательного» или «небытия», так что, во всяком случае, последних понятий будет не одно, а два.

Различение — это тот же основной закон «относительности» или «контраста». Сходство (или нахождение тождества среди различий) есть особое, совершенно оригинальное и одно из наиболее часто повторяющихся состояний духа. Удержание (усвоение, сохранение и восстановление, или воспроизведение) — одна из важнейших черт нашей духовной природы; иначе мы называем это явление идеями (представлениями), памятью (запоминанием, воспоминанием, припоминанием). Так как все эти состояния определяются только ссылкой на субъективный опыт, то обозначающие их метафоры: удержание, восстановление и т. п. просто описывают их посредством других понятий. Сложные умственные способности: разум, воображение

и др. определяются сущностью их деятельности; так, разум есть способность выводить заключения из посылок, способность приобретать научное знание.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В КОТОРЫХ ВЫРАЖАЮТСЯ НАШИ ЗНАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ДУХА

Сложность многих из понятий психологии дает повод для потребления *словесных* или *аналитических предложений*. Так, ввиду того, что дух определяется как совокупность трех различных и несводимых один на другой отделов явлений, в психологии есть ряд предложений, указывающих на сопутствие друг другу явлений этих трех групп: чувство сопровождается хотением и умственной деятельностью и т. д. Точно так же, когда мы, например, говорим, что дух (как целое) чувствует, желает, вспоминает, мы даем, конечно, аналитическое или реальное предложение. То же и относительно многих других понятий. Простые чувствования (страх, любовь, гнев и т. п.) определяются целым рядом признаков. Утверждение того, что все эти признаки соединяются в данном чувствовании, есть реальное предложение. Когда же мы прилагаем к названию чувствования какой-либо один из них, предложение будет словесным: например, «гнев ведет к мести». Наши обычные рассуждения о духе полны словесных предложений: мы осуждаем нравственные недостатки, хвалим добродетели; мы говорим, что «благоразумие избавляет нас от опасностей», что «наиболее сильный из мотивов определяет поступок» и т. д.

Что дух различает, — это предложение словесное; однако, для полного разъяснения различия (относительности или контраста) нужно много предложений, значительная часть которых будет реальными. Не говоря уже о двусторонности всякого духовного явления, условия, обстоятельства и пределы каждой из основных умственных способностей выражаются предложениями, никоим образом не словесными.

а) Так, если мы определяем *относительность* как возникновение сознания при перемене впечатления, то это общее предложение будет соединять два различных факта: изменение впечатления, (факт в большей своей части физический) с возникновением сознания (фактом чисто духовным).

б) Удержание в памяти, *ассоциация* по смежности — все эти выражения обозначают одну и ту же основную способность духа, которую можно выразить в форме закона: раз нам дано известное условие (а именно, факт восприятия тех или других впечатлений), с ним связывается возможность для него удерживаться в памяти, восстанавливаться, вспоминаться. Влияние побочных обстоятельств (внимания, состояния организма и т. п.) выражается реальными предложениями, подчиняющимися основному закону. Этот закон есть обширное обобщение, резюмирующее, объясняющее и придающее точность менее широким предложениям (*axiomata media*) относительно развития ума, чувства и воли: на нем основано множество положений касательно происхождения сложных духовных явлений из более простых, развития мышления и чувства и эволюции зрелого духа из его первичных зачатков. В изучении этого и состоит так называемый «анализ духа». Правильность этого анализа опирается частью на непосредственное сознание того, кто с ним знакомится, частью на косвенную очевидность, или «умозаключение». Так, доказательством сложности чувства красоты служит то, что мы можем сознавать процесс объединения элементов этого чувства; то же надо сказать и относительно нравственного чувства. Косвенным подтверждением этого может служить также отсутствие этих чувств до тех пор, пока нет необходимых для их образования сочетаний.

в) Закон *сходства* (или нахождения тождества среди различий) надо признать общим предложением индуктивного характера. «Наличные в данный момент состояния сознания стремятся восстановить в духе сходные с ними из числа пережитых, хотя бы некоторые черты последних и были отличны от первых», — вот его формула. Как уже было сказано, для того, чтобы описать все случаи приложения этого чрезвычайно широкого закона, необходимо много других дополнительных предложений.

Есть еще один важный закон духа, иногда называемый законом *навязчивой идеи*. Оно состоит в следующем: идеи стремятся осуществляться; так, например, вид зевоты заставляет и нас зевать — просто через посредство идеи этого действия.

г) Можно указать законы возникновения, течения и прекращения чувства.

В понятие о каждом отдельном виде чувств — как ощущений, так и эмоций — входит, с одной стороны, его *содержание* как чувства, с другой — *предшествующее* ему духовное состояние. Законы связи духа с телом указывают на физические условия чувства; они дополняются законами относительности и запоминания, а также индукциями относительно возникновения, течения и прекращения чувств. Эти последние законы, подобно всем другим, касаются и телесных проявлений эмоций, и быть может, эту их сторону можно подвести под еще более широкие законы.

Как и во всех науках, в которых *из сочетаний элементов возникают сложные целые*, в психологии есть законы сложения чувств и других духовных состояний. Так, уже было указано, что, например, эстетическое чувство, совесть, воображение и т. п. суть не простые духовные состояния, а результаты сложения нескольких элементов.

О живых существах высказывают то, что у них *различные способности переходят в действия*. Это же можно сказать и относительно духа: я хожу, я говорю, рассуждаю, удивляюсь, желаю и т. д.— все такого рода предложения будут реальными.

ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

1. В психологии особенную важность имеет *анализ*, разложение явлений на элементы.

Во всех науках мы добиваемся точного и исчерпывающего анализа явлений, так как только такой анализ может вести к установлению наиболее общих предложений.

Ценность всякого анализа пропорциональна той трудности, с какой приходится находить и доказывать состав явления. Благодаря такому анализу, число несводимых одно на другое научных положений сводится до минимума. Зная составные элементы какой-либо эмоции, например, эстетического или нравственного чувства, благоговения и т. п., мы можем на основании знания этих элементов исправлять и пополнять то, что мы знаем о целом.

Подтверждением правильности психологического анализа служит, во-первых, наше сознание тождества сложного явления с совокупностью его слагаемых; это

дело индивидуального самосознания. Например, тот факт, что в состав нравственного чувствования входит чувство подчинения авторитету под страхом наказания, доказывается тем, что каждый находит у себя этот элемент в составе своего нравственного чувства.

Психологический анализ подтверждается, во-вторых, совпадением следствий данного состояния сознания и сопровождающих его обстоятельств с тем, чего можно было ожидать на основании анализа. В этом состоит объективная проверка этого анализа. Что религиозное чувствование, например, содержит в себе элемент страха, доказывается сходством внешнего выражения и поступков, вызываемых этими двумя чувствованиями.

Труднее всего доказать, что анализ полон и исчерпывает предмет. Эта трудность встречается при анализе всех очень сложных явлений: здесь недостаточно указать на присутствие тех или других элементов, — надо доказать еще, что кроме них нет никаких других. Там, где количество элементов может быть точно определено (как, например, в химии), мы можем подтвердить анализ обратным синтезом; но где этого точно определить нельзя, как во многих биологических и почти во всех психических явлениях, там такой способ проверки невозможен. Так, например, некоторые психологи защищали взгляд, что благожелательность слагается исключительно из эгоистических элементов; другие, напротив, хотя и допускали присутствие этих элементов, не соглашались, чтобы все можно было свести к ним одним. Вследствие невозможности для психологии вполне точно перечислить все элементы духовного явления, таких споров нельзя решить психологическим синтезом, т. е. составлением целого из частей. Приходится видоизменять обстоятельства, отыскивать такие случаи, в которых эгоистических элементов или вовсе нет, или они настолько мало заметны в общем результате, что, очевидно, нельзя приписать все им одним. Пример последнего можно видеть в сострадании, какое вызывают в нас тяжелые наказания преступников.

2. Индукции психологии опираются на «экспериментальные методы». Великий закон сосуществования духа и тела доказывается по *методу сходства*: мы должны доказать, что все духовные явления — чувства, хотения, мысли — сопровождаются процессами в теле. В некоторых отношениях сосуществование

имеет здесь сходство с причинностью. Мы можем доказать параллельность явлений в очень большом количестве случаев; но во многих духовных процессах — например, при сосредоточенном размышлении — физические явления по своей тонкости совершенно ускользают от наблюдения. Однако, хотя эти случаи и не подтверждают нашего закона, они не опровергают его и не уничтожают силы остальных несомненных случаев.

Мы можем не только установить в общей форме закон сосуществования духа и тела, но и указать в точности (путем исключения), какие именно телесные процессы связаны с духовными, при этом мы будем пользоваться всеми экспериментальными методами.

Закон относительности устанавливается по методу сходства и в значительной степени также по методу сопутствующих изменений. Умственные законы удержания (сохранения в памяти) устанавливаются — как в их общих формулах, так и в применении к специальным условиям — всеми экспериментальными методами.

3. Ввиду того, что в психологии открыты чрезвычайно общие законы, в ней есть широкое поле для приложения *дедуктивных методов*.

Из каждого из перечисленных выше важнейших психологических законов можно вывести множество других положений. Но лучше всего, может быть, значение дедукции как восполнения индукции видно на законе сохранения энергии в его приложении к духу. Согласно этому закону всякое психическое действие представляет собой некоторую строго определенную, хотя и недоступную точному вычислению, затрату физической силы, вырабатываемой телом. Из этого положения вытекает бесчисленное множество следствий, и я сейчас укажу для примера некоторые из них. Большая умственная работа или сильная эмоция сопровождаются соответствующей затратой физической силы, которая, таким образом, отнимается от удовлетворения других жизненных потребностей организма. Точно также сильное напряжение той или другой из *духовных способностей* влечет за собой ослабление если не собственно телесных, то, по крайней мере, остальных духовных функций, и т. д. В таких случаях мы можем прилагать дедуктивное рассуждение во всех его фазах: мы здесь имеем предварительную индукцию; имеем и вычисление

(насколько его допускает данный случай); наконец, здесь должна иметь место и проверка, как единичными фактами, так и эмпирическими обобщениями или законами.

Такого рода «дедуктивные» приложения представляют собой важное предохранительное средство против голого эмпиризма, столь обычного в сочинениях по психологии, и служат лучшим доказательством полезности психологической науки, несмотря на ее несовершенства. В психологии есть ряд обобщений относительно того, что значительная затрата силы в одном из направлений совершается за счёт других проявлений духа, а закон сохранения силы превращает эти эмпирические обобщения в строго общие положения и вполне объясняет исключения из них.

4. Связь духа с телом долго считали загадочной, и преобладало мнение, что эта связь навсегда останется таковой, никогда не поддастся объяснению; Научное отношение к этому вопросу состоит в том, чтобы представить себе материальные и духовные свойства соответственно особой природе тех и других: первые — при помощи ощущений, вторые — посредством самосознания. Затем мы должны *до пределов возможного обобщать* каждый из этих классов свойств, соединяя материальные свойства в группы инерции, тяжести, молекулярных сил и т. д., а духовные — в группы удовольствий и страданий, хотений и различных факторов умственного порядка, и стараясь подняться до наиболее общих законов соединения этих двух классов свойств в организме человека и животного. И когда нам удастся довести этот процесс обобщения до высшей точки, какую он, по-видимому, допускает, мы, тем самым, дадим научное объяснение отношению духа и тела. Всякое же дальнейшее объяснение будет несамостоятельным, ненужным и не имеющим содержания.

Надо признать ненаучным такой, например, способ выражения: «сознательное ощущение есть факт нашей телесной и духовной природы, абсолютно не допускающий объяснения». Единственный возможный смысл такого выражения— тот, что телесные и духовные явления коренным образом различны одни от других, хотя и тесно связаны друг с другом. Точно также ненаучно будет сказать: «до сих пор мы совершенно не знаем, каким образом материя и дух воздействуют друг на друга». В сущности мы ничего и не можем

узнать кроме самого этого факта, обобщенного до пределов возможного. Есть ли - говорит Юм, — в целой природе принцип более таинственный, чем связь души с телом, в силу которой предполагаемая духовная субстанция приобретает такое влияние над субстанцией материальной, что наиболее тонкая мысль становится способною направлять самую грубую материю?

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ЗАКОНЫ ПСИХОЛОГИИ

Психология обладает многими эмпирическими законами; в ней есть также и производные законы — вследствие того, что имеющиеся в ней обобщения обладают очень большой широтой.

Физические явления, связанные с духовными, чрезвычайно сложны, так как представляют собой высшие явления биологического порядка. Поэтому мы можем ожидать в психологии много чисто эмпирических обобщений, которые в качестве таковых будут строго ограничены условиями времени, места и обстоятельств. Так, явления сна можно подвести только под эмпирические законы с некоторой помощью гипотез. Влияние возбуждающих средств на эмоциональные состояния выражаются точно так же только чисто эмпирическими законами; напротив, законы влияния пищи (и вообще питания) суть законы производные.

Большое число наблюдений относительно духовных явлений можно представить в виде производных законов из законов более общих; в таком случае они получают большую общность и более широкое приложение. Так, все правила, рекомендуемые для хорошего запоминания, представляют собой, очевидно, дедукции из широкого закона усвоения или памяти.

Строго говоря, и основные законы духа — суть эмпирические законы, только очень высокого порядка.. Это не основные законы природы, вроде закона тяготения или закона сохранения энергии, однако, они вполне доказаны для всех проявлений духа и потому приложимы в этих пределах. Поэтому мы и признаем их наиболее общими или основными законами психологии и выводим из них производные психологические законы.

В. ВУНДТ. ЭЛЕМЕНТЫ СОЗНАНИЯ

До сих пор мы рассматривали сознание прежде всего лишь в его общих формальных свойствах, как они проявляются в его объеме, в различных степенях ясности его содержаний, наконец, в связанных с этим отношениях перцепции и апперцепции. Вслед за этим сам собою возникает вопрос: каковы же *содержания*, которые даются нам в этих формах? Ответ на этот вопрос прежде всего ставит перед нами ту задачу, что мы должны дать отчет о последних, далее неразлагаемых составных частях этих содержаний. Эти последние составные части называют обыкновенно «элементами». Первою задачей всякой науки, исследующей факты, является указание элементов и затем — изыскание законов, по которым эти элементы сочетаются друг с другом. *Задача психологии, таким образом, сводится к двум проблемам: каковы элементы сознания? Какие сочетания образуют эти элементы и по каким законам?*

Если мы сочетание элементов назовем, в отличие от простых изолированных элементов, «психическим образованием», то взаимное отношение образований и элементов можно будет легко пояснить на повседневных примерах. Обратимся к опытам с метрономом. Воздействие отдельного удара маятника, после которого мы тотчас же остановим метроном, представляет собою психический элемент. Такой отдельный удар маятника далее, в общем, неразложим, если только (в данном случае легко достигнуть этого) мы отвлечемся от того, что слышим этот звук идущим из какого-либо направления пространства и т. п. Но если на нас будут воздействовать два

удара такта, то они конституируют уже психическое образование. Это образование будет становиться все более сложным по мере того, как мы будем включать в ряды тактов большее число ударов и, может быть, также усложнять ряд с помощью ударений различной силы. Такой элемент сознания, как отдельный удар такта, называется *ощущением*, а соединение таких элементов в более или менее сложный такт — *представлением*. Впрочем, еще и в настоящее время многие психологи обозначают символом «представление» лишь те образования, которые не вызваны непосредственными внешними впечатлениями, т. е. лишь так называемые «образы воспоминания»; представления же, обусловленные идущими извне впечатлениями органов чувств, называются в этом случае *«восприятиями»*. Но с чисто психологической точки зрения это различие не имеет никакого значения, так как вообще нет каких-либо общезначимых различий между образами воспоминания и так называемыми восприятиями органов чувств. Образы, возникающие во время сновидений, обыкновенно бывают столь же живыми, как и восприятия органов чувств в бодрственном состоянии, почему они сплошь и рядом принимаются нами за действительно пережитые события. Кроме того, слово «представление» очень хорошо передает существенный, всем этим образованиям свойственный признак: мы как бы ставим их перед собою, т. е. выносим их вовне. Те ощущения и возникающие из них образования, которые, — ввиду того, что они локализируются в нашем собственном теле, — называют обыкновенно органическими ощущениями, или общим чувством (например чувство мускульного утомления, ощущения боли или тяжести во внутренних органах и т. п.), мы также воспринимаем как относящиеся в этом смысле к внешнему миру. В противоположность этим элементам осязательного и общего чувств, сводящимся к довольно однообразным ощущениям давления, тепла, холода и боли, специальные чувства слуха, зрения, запаха, вкуса дают массу ощущений, из которых каждое обладает своеобразным, только ему свойственным, *качеством ощущения*. Каждое такое качество может иметь различные степени силы. Так, например отдельный удар такта, оставаясь неизменным по качеству, может иметь весьма различную интенсивность. Во всех этих случаях ощущения и представления находятся друг с другом в том же отношении, которое было выше объяснено на примере ударов маятника. Так, зеленый, красный, белый или черный цвета мы называем зрительными ощущениями, а зеленую поверхность, черное тело — зрительным представлением.

Отношение при этом остается тем же, что и между отдельным ударом такта и рядом тактов; разница лишь в том, что в этом случае соединение многих ощущений в одно представление плоскости или тела происходит более непосредственно, так что установление понятия ощущения требует более старательной абстракции от этого соединения в образования, в представление. Но так как представления плоскостей и тел могут изменяться любым образом, тогда как цвет плоскости или тела остается тем же самым, то и в этом случае мы невольно начинаем выделять этот остающийся неизменным при всех изменениях сочетаний элемент как простое ощущение. Подобным же образом и простой тон мы рассматриваем как слуховое ощущение; состоящий же из многих тонов звук или же аккорд — как слуховое представление, и т. д. Если мы слышим тона в мелодической или ритмической связи, то возникают представления все возрастающей сложности; равным образом и многие относительно более простые зрительные представления могут соединяться в более обширные по объему одновременно или последовательно данные единства. В особенности чувства зрения и слуха порождают таким образом в высшей степени разнообразные и богатые комбинации, во-первых, качеств простых ощущений, во-вторых, тех сплетений представлений, в которые могут соединяться эти ощущения. Так, например, уже простой ряд тонов, начиная от самого низкого и до самого высокого из различаемых нами тонов, состоит из бесчисленного количества тонов, из которых наша музыкальная гамма берет лишь некоторые, сравнительно большими интервалами отделённые друг от друга тона. Музыкальные же звуки представляют собою сочетания большого числа таких простых ощущений тона, а так называемые созвучия отличаются от звуков тем, что некоторые из обертонов звучат в них с большею силою. Более замкнутое, но зато дифференцирующееся по различным направлениям разнообразие порождают простые цветовые ощущения. Так, например красный цвет, с одной стороны, переходит через целый ряд оттенков в оранжевый и затем в желтый цвет, с другой же стороны, точно так же через целый ряд постепенных оттенков переходит он через более бледные тона в белый и через более тёмные — в чёрный цвета.

Наши ощущения и представления положительно неисчерпаемы. Стоит лишь подумать о разнообразнейших формах поверхностей и тел и о различии расстояний и направлений, в которых мы воспринимаем предметы, чтобы нам стало до очевидности ясным, что установить какие-либо границы в этом отношении решительно невозможно.

Можно сказать, что богатство ощущений и представлений, доставляемых каждым из наших чувств, находится в тесной зависимости от расстояния тех предметов, которые они делают доступными нашему сознанию. Наиболее узка сфера связанных с нашим телом осязательных впечатлений и впечатлений общего чувства. Близка к ней по объему сфера ощущений обоих так называемых химических чувств, вкуса и обоняния, выполняющих еще и у человека присущую им на всех ступенях животного царства важную функцию вспомогательных органов и органов защиты при выборе пищи. Значительно дальше достигают ощущения и представления слуха, так как с помощью его наше сознание приходит в соприкосновение с внешним миром в языке, пении и музыке. Наконец, зрение, это по преимуществу на расстоянии воспринимающее чувство, дает форму и содержание общей картине внешнего мира.

Но как ни различны могут быть качества ощущений и формы представлений, в одном пункте все эти элементы и образования сходятся: они относятся *к объективному миру*, к вещам и процессам вне нас, к их свойствам, соединениям и отношениям, так как даже наше собственное тело, которому принадлежат наши осязательные и органические ощущения, само представляет собою относительно нашего сознания часть внешнего мира, хотя и самую близкую. Поэтому возникает вопрос: являются ли эти объективные элементы и образования вообще единственными содержаниями сознания? Или, другими словами: существуют ли лишь такие психические содержания, которые мы относим во внешний мир, или же, кроме этого представляющегося в нашем сознании внешнего мира, существуют и другие элементы, которые мы постигаем уже не как противостоящие нам объекты или их свойства?

Чтобы ответить на этот вопрос, вновь прибегнем к помощи метронома. Если мы выберем интервалы средней величины, например в $\frac{1}{2}$ - $1\frac{1}{2}$ секунды, и ритмизируем такой ряд тактов вышеописанным образом путем произвольного удара отдельных ударов такта, то каждый отдельный удар будет представлять собою, как выше замечено, ощущение, а целый такт — представление. В то же время при воздействии такого ритмического целого мы наблюдаем явления, которые не содержатся в том, что мы называли ощущением и представлением. Прежде всего при окончании такого ряда тактов мы получаем впечатление «нравящегося нам целого». Если бы мы захотели ближе определить это понятие того, что нам нравится, то нам пришлось бы обозначить его

как субъективное чувство удовольствия, порождаемое внешними впечатлениями, которые именно поэтому мы называем нравящимися нам. Таким образом, это понятие состоит из двух составных частей: из объективного представления, — в данном случае ряда тактов, — и из *субъективного чувствования удовольствия*. Ясно, что это чувство удовольствия, само по себе взятое, не содержится ни во внешнем впечатлении ряда тактов, ни в том, что мы называем его представлением; оно является собою некоторый привходящий субъективный элемент. Это доказывается также тем, что оно не проецируется вовне, но воспринимается непосредственно как реакция нашего сознания или скорее же, как мы уже наперед выразимся более подходящим термином, нашей *интерцепции*. Субъективность чувствования удовольствия сказывается также в относительной независимости его от объективных свойств впечатления. При столь простом образовании, как ритмический ряд тактов, чувство удовольствия бывает обыкновенно очень умеренным; у многих индивидуумов возникающее чувство удовольствия совершенно опускается под порог сознания, так что они воспринимают лишь объективные свойства такта. Однако, у других лиц эта субъективная реакция удовольствия проступает весьма определенно. Как известно, это чувство удовольствия становится более интенсивным лишь при соединении ритмического такта с гармонической последовательностью тонов в мелодическое целое. Но при возникающем таким образом наслаждении, доставляемом мелодией, едва ли уже можно отрицать индивидуальное сознание. Однако как раз в этом случае мы замечаем, что степень чувствования удовольствия при восприятии одной и той же мелодии может в высшей степени варьировать у различных индивидуумов; это *субъективное различие* все более увеличивается по мере усложнения строения мелодии. Очень сложное музыкальное произведение может привести в величайшее восхищение музыкально образованного человека и оставить совершенно холодным профана. Напротив, профану в музыке может доставить удовольствие самая простая мелодия, которую музыкант сочтет тривиальной и отталкивающей. Поэтому во всех этих случаях чувство удовольствия, связанное с известными ощущениями и представлениями, будет субъективным элементом, зависящим не только от впечатления самого по себе взятого, но прежде всего, всегда и даже главным образом от впечатления принимающего субъекта. Отрицательным образом этот субъективный характер сказывается уже в том, что это чувство удовольствия не проецируется вовне, как

ни тесно может оно быть связанным с относящимися ко внешнему миру представлениями.

Но чувство удовольствия не единственное, что мы наблюдаем при наших простых опытах с маятником метронома. Если мы попытаемся представить себе возможно точное состояние сознания в промежутке между двумя ударами такта известного ритмического ряда, то заметим, что мы схватываем равенство двух тонов в силу субъективного процесса, одинаковым образом протекающего в каждый из сравниваемых промежутков времени и обуславливающего, таким образом, впечатление их совпадения. В повседневной жизни воспринимаемые в этом случае явления обозначаются обыкновенно как смена *«ожидания»* и *«исполнения»*. Если мы ближе проследим эти явления, то заметим, что процесс ожидания в этом случае все время закономерно изменяется. В момент, непосредственно следующий за одним ударом, ожидание направляется на следующий удар и, пока он действительно не наступит, все время возрастает. В момент же нового удара маятника это напряженное ожидание сменяется чувством исполнения ожидания, затем весь процесс повторяется снова. Если ритм в силу ударений различной степени становится сложнее, то усложняются соответствующим образом и эти субъективные процессы, причем переплетаются друг с другом многие подобные процессы ожидания и исполнения.

В чем же состоят эти процессы, часто встречающиеся нам и в других случаях, хотя и не в столь закономерной смене, как при воздействии ритма? Ясно само собою, что ожидание, равно как и исполнение, отнюдь не является связанным с самим объективным впечатлением элементом. Эти процессы могут субъективно варьировать не менее, чем наслаждение от восприятия ритмического ряда тактов или мелодии. Поэтому все сходится в том, что эти своеобразные элементы сознания возникают не вне нас, а в нас. Возможно еще предположить в этом случае, что носителями этих субъективных явлений ожидания являются ощущения, которые при вслушивании в ряд тактов частью воспринимаются внутри уха через натяжение барабанной перепонки, частью в примыкающих к ней мимических мускулах. При ожидании зрительных впечатлений этим ощущениям соответствуют подобные же ощущения в глазу. Однако при ближайшем рассмотрении это допущение по многим основаниям неприемлемо. Во-первых, эти ощущения остаются во время состояния ожидания, насколько можно заметить, относительно неизменными по силе, в них не заметно и следа правильно

чередующихся друг с другом напряженного ожидания и внезапного перехода в противоположное состояние, как это мы наблюдали при экспериментах с ритмами. Во-вторых, мы можем вызвать совершенно такие же ощущения в ухе или около уха, или в окрестности глаза, или произвольно, — не находясь в состоянии ожидания, — напрягая соответствующие мускулы, или возбуждая их электрическим током средней силы: в обоих случаях характерный элемент ожидания отсутствует совершенно. Наконец, ясно, что сведение этих явлений к однообразным мускульным ощущениям сделало бы невозможным объяснение того переплетения состояний ожидания различной силы и различной длительности, которое мы наблюдали, например, при более сложных ритмических рядах тактов или можем наблюдать в сложных душевных состояниях; вызываемых интеллектуальными процессами. Каким образом ощущения, даваемые мускулом, натягивающим барабанную перепонку (*tensor tympani*), или мускулатурой глаза при фиксации, могут объяснить нам сильное чувство ожидания, возбуждаемое увлекательно написанным романом или захватывающей драмой? Если мы примем к тому же во внимание, что эти состояния совершенно так же субъективны и зависимы от индивидуальных особенностей сознания, как и чувство удовольствия, возбуждаемое нравящимся нам ритмом, то нам станет до очевидности ясным, что эти состояния (для краткости обозначим их как контрастирующие состояния *«напряжения»* и *«разряда»*) можно с одинаковым правом назвать *чувствованиями*. И всюду, где они наблюдаются, они в качестве субъективных реакций сознания сопровождают ощущения и представления, но не бывают тождественными с последними. При средней скорости ударов метронома чувствования удовольствия, напряжения и разряда появлялись в тесной связи друг с другом как состояния сознания, правильно чередующиеся вместе с ритмическими впечатлениями. Но при изменениях скорости движения маятника отношение между этими видами чувствований существенно изменяется. Если мы возьмем интервал 2 ½-3 секунды, то напряжение и разряд еще чувствуются, как и прежде; мало того, чувствования эти проступают даже яснее прежнего, так как напряжение при больших интервалах становится более интенсивным. Но в то же время вместе с увеличением интервалов заметно ослабевает чувство удовольствия, и очень скоро мы достигаем той границы, где чувство напряжения при ожидании становится уже мучительным. Таким образом, чувство удовольствия переходит здесь в чувство *неудовольствия*, причем последнее, в свою очередь, тесно связывается с чувствованиями

напряжения и разряда. Если мы будем изменять величину интервалов в противоположную сторону, так что удары маятника будут следовать друг за другом через промежуток в $\frac{1}{2} - \frac{1}{4}$ секунды, то чувствования напряжения и разряда исчезают. Вместо них появляется все возрастающее вместе со скоростью впечатлений возбуждение, к которому присоединяется еще более или менее живое чувство недовольства. К прежде найденным чувствованиям присоединяется, следовательно, еще одно, которое всего лучше назвать **«возбуждением»**. Это чувство хорошо известно нам из повседневной жизни даже в наиболее сложных своих формах, так как оно, очевидно, является существенной составной частью многих аффектов, например гнева, возбужденной радости и т. д. С помощью тех же простых средств можно тотчас вызвать чувство, противоположное возбуждению, если, неожиданно изменить скорость движения маятника вновь на среднюю. Такое изменение скорости всегда сопровождается ясным чувствованием **«успокоения»**.

Таким образом, эксперименты с метрономом познакомили нас с **тремя парами чувствований**: удовольствие и недовольство, напряжение и разряд, возбуждение и успокоение. В то же время для нас стало ясным, что каждая из этих форм чувствований лишь крайне редко наблюдается в изолированном виде, по большей же части многие из них сочетаются в одно целое. Такое сочетание чувствований мы можем назвать **цельным чувствованием** (Totalgefühl); а отдельные чувствования — **частичными** (Partialgeföhle), причем ясно, что отношение между ними совершенно подобно отношению между представлениями и простыми ощущениями. Кроме того, заметим, что каждая из контрастирующих пар чувствований, например удовольствие — недовольство, могут уравнивать друг друга, так что возможно приблизительно свободное от чувствований состояние. С другой стороны, впрочем, ввиду того, что очень часто в цельное чувствование соединяются весьма многие формы чувствования, могут встретиться друг с другом, — в особенности, в более сложных душевных состояниях, — как раз контрастирующие чувствования; поэтому они не при всех обстоятельствах компенсируют друг друга и иногда соединяются как раз в контрастирующие сочетания. Простые случаи таких состояний, «раздвоенных настроений», как они удачно называются в повседневной жизни, мы можем в простой форме установить уже с помощью наших экспериментов с метрономом, если, например, мы выберем такую последовательность тактов, что напряжение уже начинает становиться мучительным, а предшествующий

разряд еще возбуждает чувство удовольствия, равно как и направленное на последующий разряд напряжение.

Если мы перейдем от ритмических слуховых впечатлений к любой другой области ощущений, то везде встретимся с теми же тремя парами чувствований, которые были показаны с помощью метронома. В особенности бросается при этом в глаза постоянно по тем же направлениям идущий характер чувствований, если следующие друг за другом впечатления будут вызывать контрастирующие чувствования. Так, красный цвет действует возбуждающим образом, синий же, в сравнении с ним, — успокаивающим. Не менее контрастируют друг с другом низкий и высокий тоны; в то же время контраст чувствований здесь имеет смешанный характер, как это показывают выражения «серьезный», «торжественный» для низких и «радостный», «возбужденный» для высоких тонов. Таким образом, чувствования удовольствия и неудовольствия, по всей видимости, соединяются при низких тонах в цельное впечатление серьезности, к которому присоединяется еще, когда именно низкий звук контрастирует с предшествующими высокими тонами, чувство успокоения.

Чувствования, связанные с осязательными, обонятельными и вкусовыми впечатлениями, в общем однообразнее и проще. Здесь, например, противостоят друг другу сильное чувство неудовольствия при боли и чувство удовольствия при легком щекотании. Точно так же противостоят друг другу приятное впечатление сладкого и неприятное интенсивного горького или кислого вкуса и т. д. Но уже многие запахи бывают более сложны: так, например, приятные и в то же время возбуждающие, например ментол-эфир, или неприятные и возбуждающие, как аммиак, *Asa foetida*. И органические или общие ощущения часто бывают смешанного характера, но преимущественно они связаны с чувствованиями удовольствия или неудовольствия.

Важно, наконец, то свойство чувствований, что они соединяются в *течение чувствований*, которое обыкновенно бывает связано с течением представлений. Длительный процесс такого рода со сменяющимися, но связанными друг с другом содержаниями чувствований и представлений, мы называем *аффектам*; более же длительный процесс такого рода, но более слабый по силе — *настроением*. Так, например, радость, удовольствие, веселость, надежды будут аффектами с преобладающим чувствованием удовольствия, а гнев, печаль, забота, страх —

аффектами с преобладающим оттенком неудовольствия. Сверх того, в оба эти ряда аффектов входят в качестве ясно различаемых составных частей чувствования напряжения и разряда, возбуждения и успокоения, последние в особенности в связи с чувствованием неудовольствия; и тогда мы называем эти чувствования **подавляющими** (deprimierende). Так, радость и гнев будут возбуждающими аффектами, печаль и страх — подавляющими, надежда, забота, страх — аффектами напряжения, в момент же наступления ожидаемого события или при исчезновении аффекта страха появляется интенсивное чувствование разряда. Многие аффекты отличаются, кроме того, колеблющимся, изменяющимся то по интенсивности, то качественно течением чувствований. Так, в особенности для гнева, надежды, заботы характерны колебания в интенсивности; в надежде, страхе и заботе часто также заметны бывают и качественные колебания: надежда и забота сменяют друг друга и тогда, по большей части, усиливают друг друга в силу этого контраста. В особенности в аффектах мы можем наблюдать это течение чувствований также и объективно на движениях мимических мускулов лица, а при сильных аффектах также и на движениях прочих мускулов тела. Эти мимические и пантомимические, так называемые **«выразительные движения»**, постоянно связаны с характерными изменениями в биении сердца или дыхательных движениях; так как эти изменения можно наблюдать и при самых слабых аффектах и даже при простых, не связанных в течении аффекта чувствованиях, то они являются самыми надежными показателями этих субъективных процессов. К этим изменениям относятся также и часто наблюдаемые при аффекте сужения и расширения капиллярных сосудов, в особенности лица: например, покраснение при стыде или гнев, побледнение при страхе и испуге.

С аффектами тесно связан следующий класс важных сложных длительных процессов — **волевые процессы**. Часто еще и в наше время принимают волю за особый, специфический психический элемент, или же сущность ее усматривается в представлении действия с известным намерением. Более точное исследование волевого процесса по его субъективным и объективным признакам показывает однако, что он самым тесным образом связан с аффектами и поэтому может наряду с ними считаться течением чувствований. Нет ни одного акта воли, в который не входили бы более или менее интенсивные чувствования, соединяющиеся в аффект. Характерное отличие волевого процесса от аффекта заключается, в сущности, лишь в конечной стадии непосредственно предшествующего волевому действию и сопровождающего его процесса. Если эта

конечная стадия отпадает, то остается чистый аффект. Так, например, мы говорим об аффекте гнева, если человек выказывает свое гневное возбуждение только в выразительных движениях; напротив, мы говорим о действии под влиянием аффекта, если человек в гневе, например, свалит своего противника ударом на пол. Во многих случаях аффекты и содержания чувствований, конституирующие составные части волевого процесса, бывают слабые, но совсем они никогда не отсутствуют. Произвольное действие без аффекта, на основании чисто интеллектуального обсуждения, как оно допускалось многими философами, вообще невозможно. Но волевые процессы, конечно, отличаются при этом от обыкновенных аффектов некоторыми признаками, придающими воле ее своеобразный характер. Во-первых, определенные, входящие в волевой процесс представления, более или менее окрашенные в чувствования, находятся в непосредственной связи с конечной стадией, волевым поступком, и последний подготавливается этой связью. Мы называем такие подготавливающие, связанные с чувствованиями представления *мотивами* или «побудительными причинами» действия, «побуждениями» к поступку. Во-вторых, эта конечная стадия состоит из характерных чувствований, которые повторяются при всех волевых явлениях в сходной по существу форме. Обыкновенно мы называем их чувствованиями *деятельности, активности*. Они слагаются, — как это показывают более тщательный субъективный анализ и сопровождающие эти чувствования объективные симптомы выражения, в особенности, дыхательные движения, — из чувствований возбуждения, напряжения и разряда. При этом возбуждение и напряжение предшествуют заключительному действию, разряд в связи с возбуждением сопровождает его и продолжается еще некоторое время спустя. Решающее влияние на характер волевых процессов оказывает, в особенности, количество мотивов и их воздействие друг на друга. Если налицо имеется лишь один мотив, подготавливающий аффект и его разрешение в действие, то мы называем такой волевой процесс *действием по влечению*. Действия животных, по-видимому, почти все являются такого рода простыми волевыми действиями. Но и в душевной жизни человека они играют весьма важную роль, сопровождая более сложные волевые процессы, и эти сложные процессы очень часто возникают из действий по влечению, когда последние повторяются. Действия, возникающие из многих борющихся друг с другом сильно окрашенных чувствованиями мотивов, мы называем, напротив *произвольными действиями* или, если мы вполне сознаем предшествовавшую борьбу противоположных мотивов, *действиями по выбору*. Это усложнение мотивов

обыкновенно обуславливает и некоторое изменение в особенностях характерной для волевых процессов конечной стадии. Весь процесс протекает быстрее, заключительные же чувствования возбуждения, напряжения и разряда, при влечениях занимающие, по большей части, очень короткий промежуток времени, протекают при произвольных действиях и в особенности при действиях по выбору более длительно, и течение их при этом бывает то более быстрым, то более медленным. То же самое можно наблюдать и в таких сложных волевых действиях, которые не проявляются вовне в тех или других движениях тела, но порождают изменения в течении лишь процессов сознания. Подобного рода *внутренние волевые действия* мы наблюдаем прежде всего при произвольном напряжении внимания, при обусловленном определенными мотивами направлении мышления и т. д.

Если мы ближе всмотримся в чувствования возбуждения, напряжения и разряда, из которых слагаются эти внутренние волевые действия, то сейчас же заметим большое их сходство с процессами, сопровождающими апперцепцию впечатления или же представления, возникающего в сознании в силу воспоминаний. Наряду со сменяющимися ощущениями мы видим обнимаемые одним общим названием «чувствований деятельности» элементы, которые, с одной стороны, являются, существенной составной частью действий по влечению и произвольных действий, с другой — процессов внимания и апперцепции. Эти процессы сходны друг с другом также и в том, что в соответствии с действиями по влечению и произвольными бывают и различные формы апперцепции. Если мы воспринимаем впечатление, которое дано нам помимо нашего содействия, то внимание наше, следуя этому единственному мотиву, обращается на впечатление до известной степени, как бы вынужденное к этому; мы воспринимаем впечатление, как можно выразиться, «пассивно»; чувство удовольствия наступает всегда лишь вслед за впечатлением. Напротив, если мы обращаем внимание на ожидаемое впечатление, то чувствования напряжения и возбуждения, как ясно можно заметить, предшествуют впечатлению; мы сознаем тогда «активную» апперцепцию. Часто называют также эти процессы «непроизвольным» и «произвольным» вниманием. Однако эти выражения нецелесообразны, так как в действительности волевые процессы в обоих случаях бывают налицо и разнятся, как в действиях по влечению, так и в произвольных действиях, лишь по степени. Ясно без дальнейших рассуждений, что, ввиду этого внутреннего сродства, самая *апперцепция* может рассматриваться как *элементарный*

волевой процесс, который в то же время бывает налицо в качестве существенного, всегда вновь появляющегося в характерных для воли чувствованиях активности, фактора во всех как внутренних, так и внешних волевых действиях. В этом кроется побудительная причина того, что мы считаем волю нашим сокровеннейшим, тождественным с самым существом нашим достоянием; представления же противостоят воле как нечто внешнее, на что она реагирует в своих чувствованиях. Таким образом, в последней основе своей воля совпадает с нашим «я»; а это «я» не является ни представлением, ни специфическим чувствованием, но заключается в тех элементарных волевых процессах апперцепции, которые, постоянно изменяясь, неуклонно сопровождают процессы сознания и, таким образом, созидают непреходящий субстрат нашего *самосознания*. Ближайшими внешними порождениями этого «я» будут затем чувствования, которые представляют собою не что иное, как реакцию апперцепции на внешние переживания; дальнейшими его порождениями будут представления, из которых те, которые всегда присутствуют в нашем сознании, — представления нашего собственного тела, — тесно сливаются с действующими также и при их восприятии волевыми процессами.. Поэтому для наивного сознания они сливаются с нашим «я» в единство.

Таким образом, мы видим в аффектах, настроениях и волевых процессах такие психические содержания, которые все отличаются друг от друга своим характерным течением, однако нигде не содержат специфических элементов, почему все их и всегда можно вновь разложить на те же самые формы чувствований. Как ни своеобразен в особенности волевой процесс, однако своеобразность его никогда не обуславливается специфическими элементами представления и чувствования, но исключительно способом сочетания этих элементов в аффекты с их конечными стадиями, слагающимися опять-таки из общих форм чувствований.

Однако остается ответить еще на один вопрос, который еще не разрешен путем сведения всех чувствований к вышеупомянутым шести главным формам чувствований: удовольствию, неудовольствию, напряжению, разряду, возбуждению и успокоению. Представляется ли каждая из этих форм совершенно одинаковой по качеству, где бы она ни появлялась вновь? Или же дело обстоит здесь так же, как с отношением синего цвета к различным оттенкам этого цвета, т. е. так, что каждая из вышеупомянутых основных форм чувствований может встречаться не только в различных степенях интенсивности, но и с *разнообразными качествами*? Чтобы ответить на этот вопрос, вновь обратимся к

нашему метроному, который и здесь предоставляет нам ту выгоду, что дает возможность наглядно представить проблему с помощью возможно простого примера. Возьмем два $4/4$ такта с различной расстановкою ударений, такою, например, какая представлена по методу субъективного ритмизирования на фигурах А и В. Оба ряда тактов содержат одинаковое количество повышений и понижений с различной их расстановкой. А дает нам отчетливый пример нисходящего построения такта, В — такой же пример сначала восходящего, затем нисходящего такта.

2 1 1 1
 f f f f f f f f

А

1 2 1 1
 f f f f f f f f

В

При надлежащей скорости ударов метронома можно легко по произволу слышать как тот, так и другой такты в однообразных ударах маятника. Если же нужно, наоборот, выбрать один из этих тактов, то следующие за рядом А такты нужно группировать совершенно так же, как А. То же самое нужно сказать и относительно ряда В. Такое произвольное повторение возможно, однако, лишь потому, что при каждом последнем ударе такта каждый раз схватывается все целое, чтобы связывать затем и следующие такты совершенно так же, как мы в общем знаем из измерений объема сознания. Однако вышеизложенные наблюдения над чувствованиями дают нам важное дополнение к прежним наблюдениям. Именно они показали нам, что существенною составною частью такого течения аффектов являются сменяющиеся чувствования напряжения и разряда, иногда также возбуждения и успокоения и, наконец, чувствование наслаждения, которое мы получаем, в особенности, в конце ряда тактов, вследствие соединения составных частей его в ритмически расчлененное целое. Отсюда ясно, что центр тяжести воздействия чувствований вообще лежит каждый раз в конце рядов тактов, ибо там различные переплетающиеся друг с другом ритмические чувствования соединяются в целое. Сюда же относится то чувство, которое при следовании друг за другом такого рода рядов заставляет нас непосредственно воспринимать последующие ряды как согласующиеся с предшествующими. Мы апперцепируем не предшествующий ряд сам по себе, так как большая часть его членов отошла уже в более темное поле зрения сознания, но то

цельное чувствование, которое связано с непосредственно апперцепированным конечным членом ряда и является, таким образом, равнодействующей всех предшествовавших процессов чувствования. Если мы сравним теперь это конечное чувствование, которое в сущности и придает известному ритму его своеобразный аффективный характер, представленный у нас в двух примерах А и В, то выясняется, насколько оно, с одной стороны, зависит от качества и распределения его предшествовавших компонентов, а с другой стороны, насколько оно каждый раз обладает и специфическим качеством. Хотя мы и можем всегда подвести это качество под одно или под многие из шести основных качеств, однако этим отнюдь не исчерпывается собственное качество конечного чувствования, отличающееся от других подобных классов. Равным образом, нельзя смотреть на него как на простую сумму простых чувствований, связанных с отдельными частями такта. Так, например, в рядах тактов А и В распределенные в них чувствования напряжения и разряда совершенно одинаковы и отличаются друг от друга разве лишь своею относительною силой. Таким образом, отсюда нельзя было бы понять, почему в конце каждого подобного ряда конечное чувствование бывает совершенно отличным. Еще более наглядно, чем при опытах с произвольно изменяемым ритмическим ударением, можно убедиться в этом, если мы будем выстукивать ряды тактов А и В без метронома, так что ударения над частями тактов будут поставлены не только субъективно, но и объективно. Если мы при этом попросим другого наблюдателя сравнить последовательно данные ряды А и В, то в конце каждого ряда он получает настолько отличное впечатление, что не всегда бывает в состоянии с уверенностью решить, одинаковой длины эти ряды или один из них длиннее. В то время как, следовательно, при повторении одинаковых рядов тактов возможно еще, как мы видели раньше, схватить как целое пять подряд данных четырехдольных; тактов, при перемене ритма, наоборот, невозможно более сравнение одного ряда с другим рядом иного ритма. Сконцентрированное на конце каждого ряда тактов *цельнее чувствование* обладает при этом каждый раз известной качественной окраской, зависящей от свойства ритма, хотя эта своеобразная окраска и совпадает по своей общей форме с возникающим при конце такта чувствованием наслаждения и разряда предшествующего ожидания и напряжения. Эти наблюдения в то же время существенно дополняют полученные прежде результаты относительно соединения более длинных рядов такта. Если мы

нашли ранее, что констатирование совпадения следующего ряда с предшествующим всегда падает на конечный пункт ряда и совершается непосредственно в едином и нераздельном акте апперцепции, то теперь это явление вполне выясняется из нераздельной природы и мгновенного возникновения конечного цельного чувствования. Благодаря именно ему, последний удар такта известного ритмического ряда становится представителем всего ряда, так как в его апперцепции качество ритмического чувствования соответствующего размера такта, концентрируется совершенно адекватным образом. Таким образом, связанные с представлением качественные оттенки чувствований становятся заместителями самих представлений, и эта замена приобретает свое в высшей степени важное значение прежде всего благодаря тому, что — как нам наглядно показали как раз опыты с ритмом — представления, лежащие в более темных областях сознания и их составные части вновь поступают в течение процессов сознания в своем апперцепцией обусловленном эмоциональном проявлении.

То, что было здесь пояснено на простом примере ритма, применимо равным образом и к содержаниям представлений всякого рода. Если мы, соединяя ритм с гармонической сменой тонов, образуем мелодический мотив, то при повторении его возникает совершенно тот же процесс, что и при повторении не связанного с мелодией ряда тактов; но качественная равнодействующая этого целого, которая и в этом случае концентрируется на апперцепции последнего впечатления и делает возможным его непосредственное восприятие, в этом случае будет гораздо более богатою. Под конец, однако, и в этом случае целое вновь сгущается в совершенно нераздельное, замкнутое в себе воздействие чувствования, и это подготавливается уже в то время, когда мы слушаем мелодическую последовательность тонов. Не иначе обстоит дело и с любыми иными образованиями представлений. Как бы ни было слабо связанное с ними чувствование, однако, благодаря свойствам представления, оно всегда приобретает качественную окраску, которая в том случае, если нет других более живых реакций чувствований, проявляется как видоизменение слабых чувствований напряжения и возбуждения, сопровождающих все процессы сознания и, в особенности, процессы апперцепции. Но огромное значение, которое имеют чувствования для совокупности процессов сознания, именно для процессов воспоминания, познания и восприятия, равно как и для деятельности так называемых фантазий и рассудка, часто, к сожалению, игнорируется.

Мы можем здесь еще раз подчеркнуть тот результат, который получается из этих наблюдений для понимания природы чувствований.

Если выше чувствования как состояния, относимые нами к субъекту, были названы субъективными реакциями сознания, то обозначение это, как мы видим теперь, хотя и верно, однако недостаточно. Психическое значение придает известному чувствованию, возникающему из каких-либо объективных содержаний, не отношение его к сознанию вообще, но его тесная связь с апперцепционными процессами. Чувствование, - как это при опытах с ритмами ясно видно в его возникновении из предшествовавших впечатлений, — всегда связано с актом апперцепции, Поэтому его можно рассматривать как *специфический вид реакции апперцепции* на содержания сознания, стоящие в связи с непосредственно апперцепируемым впечатлением. С этим стоят в связи еще два последние вопроса. Каким образом приобретают чувствования свойство выступать всегда в контрастирующих парах, например удовольствия и неудовольствия и т. д.? Почему эти контрастирующие чувствования выступают именно в трех парах, или короче, в трех направлениях? Так как здесь дело идет о последних, далее неразлагаемых фактах психологического опыта, то ответ на оба эти вопроса не может быть дан в форме объяснения в собственном смысле этого слова. Ответить на этот вопрос — то же, что объяснить, например, почему синий цвет — синий, а красный цвет — красный. Однако, ввиду связи чувствований с совокупностью процессов сознания, можно попытаться вывести на основании этой связи основные отношения контрастирующих чувствований. Чувствования, рассматриваемые с этой точки зрения, т. е. как вид реакции апперцепции на данные содержания, дают нам исходную точку для понимания контрастирующих пар чувствований. Мы нашли, что акт апперцепции представляет собой простой волевой акт. Но каждый волевой акт скрыто содержит в себе или стремление, или противодействие: ибо воля наша или стремится к какому-нибудь предмету, притягивается им, или, наоборот, отвращается от него. В этом, как теперь ясно видно, выражается основное отношение контрастов чувствований, которое лишь разветвляется по различным направлениям в основных формах чувствований. Из этих направлений контрастирующая пара — удовольствие, неудовольствие — может рассматриваться как непосредственно связанная с качественным свойством впечатления или представления модификация стремления и противодействия: к чему мы стремимся, то связано с удовольствием, и от чего мы отвращаемся, то связано с неудовольствием. С

другой стороны, контрастирующую пару — возбуждение, успокоение — можно поставить в прямую связь с интенсивностью, с какою действует апперцепция, будет ли при этом содержание, вызывающее акт апперцепции, возбуждать в качественном отношении удовольствие или неудовольствие или же будет безразличным. Поскольку этот вызванный известным содержанием акт апперцепции может состоять или в усилении, или в ослаблении нормальной функции апперцепции, эта интенсивная сторона реакции и переходит в контрастирующую пару: возбуждение и успокоение. Наконец, в силу связи следующих друг за другом процессов сознания, каждый акт апперцепции находится в то же время в связи с предшествующими и последующими процессами. Смотря по тому, перевешивает ли при этом направление на только что протекший ряд или на тот, который должен возникнуть, получается в первом случае чувство разряда, во втором — напряжения. Поэтому мы можем в принципе рассматривать каждое отдельное чувство как некоторое образование, разлагаемое по всем этим изменениям и их обоим основным направлениям; при этом составные части этого образования, взятые в отдельности, могут выступать с большею или меньшею силой или совсем отсутствовать, но *качественное свойство содержания сознания* дает целому специфическую, отличающую его от всякого другого содержания окраску.

В. ДИЛЬТЕЙ. ВОЗМОЖНОСТЬ И УСЛОВИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Разрешение задачи описательной психологии предполагает прежде всего то, что мы можем *воспринимать внутренние состояния*. Фактическое доказательство этому заключается в *знании* о душевных состояниях, которыми мы несомненно обладаем. Всякий знает, что такое чувство удовольствия, волевой импульс или мыслительный акт. Никто не подвержен опасности смешать их между собою. Раз такое знание существует, оно должно быть и возможным. Не могут, следовательно, быть справедливыми возражения, которые приводились против таких возможностей. И в самом деле, возражения эти основаны на очевидном перенесении того, что относится к внешнему восприятию, на восприятие внутреннее. Всякое внешнее восприятие покоится на различении воспринимающего субъекта и его предмета. Внутреннее же восприятие прежде всего есть не что иное, как именно *внутреннее сознание какого-либо состояния или процесса*. Какое-нибудь состояние налицо передо мной, когда оно осознано. Если я чувствую себя печальным, то это чувство печали не есть мой объект, но в то время, когда это состояние мною осознается, оно налицо передо мной таким, который именно сознает. Я убеждаюсь в нем. Эти восприятия внутренних состояний вспоминаются. Так как они часто возвращаются в том же соединении с внешними и внутренними условиями, которыми они вызываются, то возникает знание, присущее каждому из нас о наших состояниях, страстях и стремлениях.

Если же выражение «восприятие» взять в более узком и точном смысле внимательного подмечания, то возможность такого восприятия будет, конечно, ограничена более тесными рамками, но в их пределах его возможность все же сохранится. Если мы это внимательное подмечание назовем *наблюдением*, то психологии придется считаться с учением о том, что наблюдение собственных

состояний невозможно. Оно, конечно, было бы невозможно, если бы оно было связано с *различением наблюдающего субъекта и его предмета*. Наблюдение объектов природы покоится на этом различении наблюдающего субъекта и его предмета. Но когда в сферу наблюдения попадают внутренние состояния, происходит процесс совершенно иного рода. Ибо от сознания внутренних состояний или процессов наблюдение их отличается только усиленным, направляемым волей, возбуждением сознательности. Подобно тому, как везде следует избегать смешения предпосылок познания природы с предпосылками постижения фактов духовной жизни, так и здесь мы должны остерегаться перенесения того, что имеет место при наблюдении внешних предметов, на внимательное постижение внутренних состояний. Я, несомненно, могу направить свое внимание на боль, которую я сознаю, и таким образом подвергнуть ее наблюдению. На этой способности наблюдения внутренних состояний покоится возможность экспериментальной психологии. Но, конечно, это наблюдение внутренних состояний ограничено условиями, при которых оно возникает. Какого бы взгляда ни придерживаться относительно возникновения волевого акта, эмпирически, во всяком случае, достоверно, что родственность внимания с волевыми актами выражается в том, что при нем уничтожается всякое состояние рассеянности, произвольной игры представлений, а также в том, что внимание никогда не может быть направлено в иную сторону, нежели одновременно с ним сосуществующий волевой акт. Поэтому мы никогда не можем наблюдать игры наших представлений или со вниманием следить за самим актом мышления. О такого рода процессах мы знаем лишь по воспоминанию. Последнее, однако, является значительно более достоверным вспомогательным средством, нежели то обычно думают, тем более, что мы можем еще подхватить в таком воспоминании только что прерванный процесс, как подхватывают концы нитей разорванной ткани.

В другом месте пункт этот будет надлежащим образом развит, здесь же достаточно было указать, на чем основана возможность наших знаний о внутренних состояниях. В известных границах возможность постижения внутренних состояний существует. Правда, и в их пределах постижение это

затрудняется внутренним *непостоянством всего психического*. Последнее — всегда *процесс*.

Дальнейшее затруднение заключается в том, что восприятие это относится всегда к одному *единственному индивиду*. Кроме того, мы не в состоянии измерить ни власти, которой обладает в нашей душе какое-либо представление, ни силы волевого импульса или интенсивности ощущения удовольствия. Для нас не имеет смысла приписывать одному из этих состояний силу вдвое большую, нежели другому. Однако, недостатки эти более чем уравниваются решительным преимуществом, присущим внутреннему восприятию по сравнению с внешним. При осознании наших внутренних состояний мы постигаем их *без посредства внешних чувств* — в их реальности, такими, как они есть. И тут же, чтобы восполнить указанные недостатки, на помощь является другое вспомогательное средство.

Внутреннее восприятие мы восполняем *постижением других*. Мы постигаем то, что внутри их. Происходит это путем духовного процесса, соответствующего *заключению по аналогии*. Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно или же отличающиеся от нее отсутствием чего-либо, присущего нам безусловно, не могут быть восполнены нами положительно. В подобном случае мы можем сказать, что сюда привходит нечто нам чуждое, но мы не в состоянии сказать, что именно.

За большое внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни говорит то, что для исследователя, привыкшего оглядываться вокруг себя и знающего свет, понимание чужой человеческой душевной жизни в общем вполне возможно. Зато при познании душевной жизни животных пределы этого познания весьма неприятным образом обнаруживают свое значение. Наше понимание позвоночных, обладающих в основных чертах той же структурой, что и мы, естественно, является лучшим, какое мы вообще имеем о жизни животных; при изучении импульсов и аффективных состояний оно оказывается даже весьма полезным для психологии; но если наряду с позвоночными членистоногие оказываются важнейшим, обширнейшим, и в психическом отношении довольно

высоко стоящим разрядом животных, в особенности же перепончатокрылые, к которым принадлежат пчелы и муравьи, - то одна уже до крайности разнящаяся от нашей их организация чрезвычайно затрудняет толкование физических проявлений их жизни, которым, несомненно, соответствует и в высшей степени чуждая нам внутренняя жизнь. Таким образом, тут у нас отсутствуют все средства для проникновения в обширную душевную область, являющуюся для нас совершенно чуждым миром; беспомощность наша по отношению к нему выражается в том, что поразительные душевные проявления пчел и муравьев мы подводим под смутнейшее из понятий, под понятие инстинкта. Мы не можем составить себе никакого понятия о пространственных представлениях в голове паука. Наконец, у нас не существует никаких вспомогательных средств для определения того, где кончается душевная жизнь и где начинается организованная материя, лишенная ее.

Но психология принуждена компенсировать одно другим в недостатке имеющихся в ее распоряжении вспомогательных средств. Так она соединяет *восприятие и самонаблюдение, постижение других людей, сравнительный метод, эксперимент, изучение аномальных явлений*. Она пытается сквозь многие входы проникнуть в душевную жизнь.

Весьма важным дополнением к этим методам, поскольку они занимаются процессами, является пользование *предметными продуктами психической жизни* в языке, в мифах, в литературе и в искусстве; во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь: продукты действующих сил психического порядка, прочные образования, построенные из психических составных частей и по их законам. Если мы наблюдаем процессы в самих себе или в других, мы видим в них постоянную изменчивость, вроде пространственных образов, очертания которых постоянно менялись бы; поэтому неценимо важным представляется иметь перед собой *длительные образования* с прочными линиями, к которым наблюдение и анализ всегда могли бы возвращаться.

Вопрос о том, может ли задача описательной психологии быть разрешена этими вспомогательными средствами, зависит от попытки познать объемлющую и единообразную *связь всей душевной жизни человека*. Психологический анализ

с полной достоверностью установил ряд отдельных связей. Мы вполне можем проследить процессы, ведущие от внешнего воздействия к возникновению образа восприятия; мы можем также проследить преобразование его в воспоминаемое представление; мы можем описать образование представлений фантазии и понятий. Точно так же — мотивы, выбор, целесообразные действия. Но все эти отдельные связи надлежит скоординировать в одну общую связь душевной жизни. И вопрос весь в том, окажемся ли мы в состоянии проложить себе к нему дорогу.

СТРУКТУРА ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

«Я» находит себя в смене состояний, единство которых познается через *сознание тождества личности*; вместе с тем оно находит себя обусловленным внешним миром и в свою очередь воздействующим на него; этот внешний мир, как ему известно, охватывается его сознанием и определяется актами его чувственного восприятия. Из того же, что жизненная единица обусловлена средою, в которой она живет и, со своей стороны, на нее влияет, возникает расчленение ее внутренних состояний. Расчленение это я обозначаю названием *структуры душевной жизни*. Благодаря тому, что описательная психология постигает эту структуру, ей открывается связь, объединяющая психические ряды в одно целое. Это целое есть *жизнь*.

Всякое психическое состояние во мне возникло к данному времени и в данное время вновь исчезнет. У него есть определенное течение: начало, середина и конец. Оно — процесс. В смене этих процессов пребывает лишь то, что составляет форму самой нашей сознательной жизни: *взаимоотношение между «я» и предметным миром*. Тождество, в котором процессы связаны во мне, само не процесс, оно не преходяще, а пребывающее; как сама моя жизнь, оно связано со всеми процессами. Точно так же этот единый существующий для всех предметный мир, который был до меня и будет после меня, находится передо мною, как ограничение, коррелят, противоположность этому «я» со всяким его сознательным состоянием. Таким образом, сознание этого мира — не процессы и не агрегат процессов. Но все остальное во мне, кроме этого отношения мира и «я», есть процесс.

Процессы эти следуют один за другим во времени. Нередко, однако, я могу подметить и внутреннюю связь между ними. Я нахожу, что один из них вызывается другими. Так, например, чувство отвращения вызывает склонность и стремление удалить внушающий отвращение предмет из моего сознания. Так предпосылки ведут к заключению. В обоих случаях я замечаю это влияние. Процессы эти следуют один за другим, но не как повозки одна позади и отдельно от другой, не как ряды солдат в движущемся полку, с промежутками между ними: тогда мое сознание было бы прерывным; но сознание без процесса, в котором оно состоит, есть нелепость. Наоборот, в моей бодрствующей жизни я нахожу *непрерывность*. Процессы в ней так сплетаются один с другим, и один за другим, что в моем сознании постоянно что-либо присутствует. Для бодро шагающего путника все предметы, только что находившиеся впереди него или рядом с ним, исчезают позади него, а на смену им появляются другие, между тем как непрерывность пейзажа не нарушается.

Я предлагаю обозначить то, что в какой-либо данный момент входит в круг моего сознания, как *состояние сознания*, status conscientias. Я произвожу как бы поперечное сечение с тем, чтобы познать наслоения, составляющие полноту такого жизненного момента. Сравнивая между собой эти временные состояния сознания, я прихожу к заключению, что почти всякое из них, как то можно доказать, включает в себя одновременно *представление, чувство и волевое состояние*.

Во всяком состоянии сознания заключаются прежде всего, как составная часть, представления. Понимание истинности этого предложения требует, чтобы под такой составной частью разумелись не только цельные образы, выступающие в восприятии или от него остающиеся, но также и всякое относящееся к представлению содержание, являющееся частью общего душевного состояния. Физическая боль, как горение раны, содержит в себе, кроме резкого чувства недовольствия, также органическое ощущение качественной природы, совершенно как ощущение вкусовое или зрительное; кроме того оно включает в себя и локализацию. Точно так же всякий процесс побуждения, внимания или хотения содержит в себе такое, характера представлений, содержание. Как бы смутно эта

содержание ни было, все-таки только оно определяет направление волевого процесса.

Понимание наличности чувственного возбуждения во всяком сознательном жизненном состоянии также зависит от того, берем ли мы эту сторону душевной жизни во всей ее широте. Сюда в такой же мере, как удовольствие и неудовольствие, относится также одобрение и неодобрение, нравится ли что-либо или не нравится, и вся игра тонких оттенков чувств. Во всяком побуждении неотразимо действуют смутные чувства. Внимание направляется интересом, а последний представляет собою участие чувства, вытекающее из положения, в котором находится наше «я», и из отношений его к предмету.

При хотении образ, предстоящий воле, сопровождается чувством удовольствия; в нем, кроме того, часто заключается неудовольствие от настоящего состояния; двигателями его всюду являются чувства. Установить наличность чувственного возбуждения в нашем представляющем и мыслящем поведении труднее; но при тщательном наблюдении оказывается возможным доказать и это. Правда, я не могу согласиться с широко распространенным учением о том, что всякое ощущение, как таковое, связано с некоторым чувственным тоном. Но каждый раз, когда в центр нашего внимания попадает простое и сильное ощущение, от него исходит также легкая чувственная окраска душевного состояния. Так как зрительным ощущениям присущ самый слабый чувственный тон, то вышеизложенное положение может считаться доказанным, если его удастся проверить в приложении к ним. Это доказательство вытекает из опыта, произведенного впервые еще Гете. Если мы будем рассматривать один и тот же пейзаж сквозь различно окрашенные стекла, то, хотя и в мало заметной степени, это придаст пейзажу совершенно различное настроение, в зависимости от различного влияния, оказываемого на наши чувства разными цветами. Влияние, оказываемое на жизнь наших чувств высотой звука или его тембром, много яснее; таково, например, действие трубы или флейты. Если перейти от этих чувств, являющихся носителями эстетических воздействий и познания, к чувствам, лежащим глубже и находящимся в близком отношении к самосохранению, то участие чувств окажется всюду горячее, а подчас даже и резким. Приведенные факты опровергают учение Гербарта, согласно которому

чувства вытекают из отношений между представлениями. Когда ощущения вступают во взаимоотношения, из этого возникают новые чувства, как то видно на примерах чувства удовольствия, возникающего из созвучности, и неудовольствия — из диссонанса. Точно так же и мыслительный процесс, уже как деятельность внимания, сопровождается участием чувства в виде интереса. К этому присоединяется возбуждение чувств при задержке. Впечатления остроумия, пронизательности, неожиданности сочетаний, не говоря уж об очевидности и сознании противоречия как неправильности, часто понимаются как чувства. Я склонен был бы сказать, что эти внутренние состояния сами по себе — не чувства, но что к очевидности неминуемо присоединяется удовлетворение, а к противоречию — неприятное чувство, сходное с дисгармонией. Так и созвучие в качестве состояния частичного слияния, хотя бы основного тона и октавы, является сначала состоянием представления, и лишь вторично для нашего понимания процесса в этом состоянии представления содержится приятное чувство сродства звуков.

Если мы обратимся, наконец, к рассмотрению вопроса о наличии волевой деятельности в психических процессах, то здесь доказательство в наименьшей степени удовлетворяет предъявляемым требованиям. Всякое чувство имеет тенденцию перейти в вожделение или отвращение. Всякое состояние восприятия, находящееся в центре моей душевной жизни, сопровождается деятельностью внимания; благодаря ему, я объединяю и апперципирую впечатления: красочные пятна на картине становятся предметом. Всякий мыслительный процесс во мне ведется намерением и направлением внимания. Но и в ассоциациях, протекающих во мне как бы помимо воли, интерес определяет собою направление, в котором совершаются соединения. Не указывает ли это на то, что основу их составляет волевой элемент? Здесь, однако, мы попадаем в темные пограничные области: начала волевого — в длительных направлениях духа, и самодеятельного - как условия испытываемого давления или воздействия. Так как из настоящих описаний должен быть исключен всякий гипотетический элемент, то надо признать, что наличие волевой деятельности в психических процессах может быть доказано с наименьшей безукоризненностью.

Но мы и *общие состояния* обозначаем именем чувства, или волевого процесса, или представления. Это основано прежде всего на том, что такого рода общее состояние мы всякий раз обозначаем преимущественно на той стороне его, которая попадает во внутреннее восприятие. В восприятии красивого пейзажа господствует представление; лишь при более тщательном рассмотрении я обнаруживаю состояние внимания, т. е. связанную с представлением волевою деятельность, причем все вместе проникнуто глубоким чувством наслаждения. Однако, не одно это составляет природу такого рода общего состояния и подсказывает решение вопроса о том, назовем мы его чувством, волеием или представлением. Дело идет не только о количественном соотношении различных сторон одного общего состояния. Внутреннее отношение этих различных сторон моего поведения, — как бы *структура*, в которой переплетаются между собой эти нити, — в чувственном состоянии иное, чем в состоянии волеюм, а в этом последнем — иное, чем в представлении. Так, например, во всяком состоянии, где господствует представление, деятельность внимания и связанные с нею возбуждения сознания совершенно подчинены развитию представления; волевые движения целиком вошли в эти образования представляющей природы: они в них растворяются. Отсюда и возникает видимость чисто представляющего, свободного от воли, состояния. Волеюм процесс, наоборот, обнаруживает совершенно иное соотношение между представляющим содержанием и волеием; здесь речь идет о совершенно своеобразном соотношении между намерением, образом и будущей реальностью. Предметный образ здесь является как бы оком желания, обращенным на реальность.

Перейдем далее. В представляющих состояниях мы можем без помощи гипотез установить ряд между восприятиями, воспроизводимыми памятью представлениями и словесными процессами мышления, причем члены этого ряда будут находиться между собою во внутренней связи. Точно так же мы можем без помощи гипотез описать связь, в которой сравниваются и взвешиваются мотивы, производится выбор и определяются решением воли целесообразно захватывающие друг друга процессы движения. С одной стороны, прогрессирующее развитие интеллекта, вызываемое глубоко захватывающей силой общих умозрений, с другой — прогрессирующая идеализация волеюм деятельности, вызываемая

воспитанием внутренних процессов и внешних движений и представляющая в распоряжение воли все больше соединений внутренней деятельности с внешними движениями. Воля постоянно как бы подчиняет новых рабов служению своим целям. Но задача состоит в том, чтобы установить связь между обоими рядами. Один из них протекает от игры раздражений до отвлеченного мыслительного процесса или до внутренней художественной формировки, другой идет от мотивов до процесса движения. В *жизненной связи* оба ряда сопряжены между собою, и только исходя из этого, их жизненная ценность становится вполне понятной: ее-то и надлежит уловить.

Задача — трудности чрезвычайной. Ибо именно то, что устанавливает связь между этими обоими членами и раскрывает их жизненную ценность, составляет наиболее темную часть всей психологии. Мы вступаем в действительную жизнь, не располагая ясным воззрением на это *ядро нашего «я»*. Лишь сама жизнь позволяет нам постепенно догадываться о том, какие силы неустанно подталкивают ее вперед.

Через все формы животного существования проходит соотношение между раздражением и движением. В нем совершается приспособление животной особи к окружающей ее обстановке. Я наблюдаю, как ящерица пробирается вдоль ярко освещенной солнцем стены и в месте, куда сильнее всего падают лучи, расправляет свои члены; я издаю звук, и она исчезает. Впечатления света и тепла вызвали ее на игру, прерванную восприятием, которое указывает на опасность. В данном случае инстинкт самосохранения у беззащитного зверька с необычайной живостью среагировал на восприятие целесообразными движениями, основанными на механизме рефлексов. Следовательно, впечатление, реакция и механизм рефлексов находятся между собою в целесообразной связи. Попытаюсь выяснить природу этой связи. Внешние условия, в которых находится душевная жизнь, стояли бы лишь в причинной связи с изменениями этой жизни, и суждение о ценности их для изменчивости ее не могло бы возникнуть, если бы индивид был существом с одной только способностью представления, и во всех восприятиях, представлениях и понятиях такого представляющего существа не заключалось бы никакого повода для действий его. *Ценность* возникает лишь в жизни *чувств и побуждений*, и только в этой жизни заключается то, что связывает игру

раздражений и смену впечатлений с силой произвольных движений, и что ведет от одних к другим. Смотря по реакции в жизни чувств и побуждений, вызываемой жизненными условиями, последние становятся задерживающими или способствующими действиям. Смотря по тому, вызывают внешние условия в сфере чувств депрессию или подъем, из этого состояния чувств возникает стремление удержать или изменить данное состояние. Благодаря тому, что образы, доставляемые нашими внешними чувствами, или мысли, к ним примыкающие, связаны с представлениями и чувствами удовлетворения, полноты жизни и счастья, этими чувствами и представлениями вызываются целевые действия, направленные к приобретению благ, достижимых при их помощи. Если же эти образы и мысли связаны с чувствами и представлениями о страдании, то возникают целевые действия, направленные к защите от возможного вреда. Удовлетворение побуждений, достижение и сохранение удовольствия, полноты и повышения жизни, защиты от всего давящего, принижающего и препятствующего - вот то, что объединяет игру наших мыслей и восприятий и наши произвольные действия в *единую структурную связь*.

Пучок побуждений и чувств есть центр нашей душевной структуры, из которого, благодаря участию чувства, сообщаемого из этого центра игре впечатлений, последние доходят до внимания; так образуются восприятия и соединения их с воспоминаниями и рядами мыслей; к последним, в свою очередь, присоединяются подъем жизни или, наоборот, боль, страх, гнев. Таким образом, в движение приходят все глубины нашего существа. Именно отсюда возникают затем — при переходе боли в тоску, тоски в желание или при аналогичных переходах в другом ряду душевных состояний — произвольные действия. И вот это-то и является решающим для всего изучения связи душевной структуры: переходы одного состояния в другое, воздействия, ведущие от одного ряда к другому, относятся к *области внутреннего опыта*. Структурная связь *переживается*. Потому что мы переживаем эти переходы, эти воздействия, потому что мы внутренне воспринимаем эту структурную связь, охватывающую все страсти, страдания и судьбы жизни человеческой, — потому мы и понимаем жизнь человеческую, историю, все глубины и все пучины человеческого. Кто по себе не знает, как осаждающие воображение образы внезапно вызывают

сильнейшие желания, или как желание, борясь с сознанием величайших затруднений, все же подвигает на волевые действия? На примере подобных или несколько иных конкретных связей мы убеждаемся в существовании отдельных переходов и воздействий — повторяется то одно, то другое соединение, повторяется внутренний опыт, в переживании повторяется то одно, то другое внутреннее соединение, покуда вся структурная связь в нашем внутреннем сознании не становится заверенным опытом. И не одни только крупные части этой структурной связи находятся между собой в переживаемых внутренних отношениях: такие отношения доходят до сознания и в пределах этих членов. Я сижу в зрительном зале, на сцене Гамлет стоит перед тенью своего отца. Как из живого участия, которое я в этом принимаю, путем последовательного перехода, вытекает напряжение внимания, этого я, как было изложено выше, воспринять непосредственно не могу, но в образе воспоминания я это могу схватить, и во всякий последующий момент могу вновь на себе испытать. Я связываю заключения в доказательство факта, сильно повлиявшего на мое жизненное чувство, и в этом объединении, заключающем от положения к положению, везде присутствует воздействие, как переход от предпосылок к заключительным положениям. Я подмечаю действующую силу в мотиве, подвигающем меня на какое-либо действие. Конечно, это подмечание, переживание, воспоминание не даст моему знанию этих связей того, что может дать научный анализ. Процессы или составные части могут войти в качестве факторов в связь, не вызывая отражения во внутреннем опыте. Но *переживаемая связь является основой*.

Эта душевная структурная связь есть в то же время связь телеологическая. Связь, клонящаяся к достижению полноты жизни, удовлетворения побуждений и счастья, есть связь целевая. Поскольку части в структуре связаны таким образом, что соединение их способно давать удовлетворение побуждениям и счастье или отклонять страдания, мы называем ее целесообразной. Больше того, характер целесообразности первоначально дан только в душевной структуре, и если мы и приписываем целесообразность организму или миру, то мы лишь переносим на них понятие, взятое из внутреннего переживания. Ибо всякое отношение частей к целому приобретает характер целесообразности лишь исходя от реализованной в нем ценности, ценность же эта познается только в жизни чувств и побуждений.

Биология во многом перешла от этой субъективной имманентной целесообразности к целесообразности объективной. Ее понятие возникает из отношения жизни побуждений и чувств к сохранению индивида и рода. Отношение это представляет собой гипотезу, и труд, затраченный на претворение ее в истину, не привел пока к достаточным результатам. Но изложение мое было бы не полным, если бы я не упомянул здесь о ней, так как обсуждение ее ведет к расширению кругозора предлагаемого исследования. Можно вообразить организмы, кратчайшим путем приспособляющиеся к окружающей действительности. При появлении их на свет им присуще было бы уже достаточное знание того, что для них полезно, т. е. того, что способствует их сохранению. Знание это увеличивалось бы сообразно надобности и, исходя из него, они совершали бы соответствующие движения, необходимые для приспособления к окружающей среде. Подобного рода существа должны были бы уметь отличать пищу полезную от вредной, начиная с молока матери. Они должны были бы быть в состоянии правильно оценивать пригодность воздуха, которым дышат, начиная с первого вдоха. Им необходимо было бы обладать знанием того, какая температура поддерживает в них жизненные процессы. Им необходимо было бы также знание того, какого рода отношения к подобным им особям для них всего выгоднее. Очевидно, подобные существа должны были бы быть некоторого рода всезнайками. Однако, природа разрешила эту задачу со значительно меньшей затратой средств. Живую особь она приспособила к окружающей ее обстановке, хотя и не прямым путем, но много бережливее. Знание о вреде и пользе внешних вещей, о том, что повышает и что понижает благосостояние живого организма, единообразно представлено во всем животном и человеческом мире чувствами радости и страдания. Наши восприятия составляют систему знаков для выражения неизвестных нам свойств внешнего мира: таким образом, и чувства наши являются знаками. Они также образуют систему знаков, а именно для рода и степеней жизненной ценности состояний Я и условий, воздействующих на Я.

Указанное соотношение легче всего проследить на физических радостях и страданиях живого существа. Это — внутренние знаки состояния тканей, связанных с мозгом посредством чувствительных нервов. Как недостаточное

питание, так и чрезмерная деятельность или разрушительные внешние влияния ведут к острым или хроническим страданиям. Приятные же телесные ощущения возникают вследствие нормального функционирования органов в живом теле, и притом тем сильнее, чем большее число нервных нитей участвуют в этом и чем реже их раздражение. Отсюда следует также, что физическое удовольствие в смысле интенсивности всегда остается далеко позади сильной физической боли, — ибо нормальная деятельность никогда не может подняться настолько выше среднего уровня, насколько ее нарушение и разрушение может опуститься ниже нормы, до тех пределов, за которыми прекращаются ощущения и жизнь. Таким образом, пессимистическое учение Шопенгауэра о преобладании страдания в органической жизни в известной мере подтверждается фактами. Однако, телесные чувства представляют собой язык знаков несколько грубого и несовершенного рода; прежде всего, они дают знать лишь о мгновенных воздействиях раздражения на ткань, а никак не о дальнейших последствиях. Непосредственное воздействие пищи на вкусовые органы не становится менее приятным от того, что в других частях тела она с течением времени вызывает вредные последствия и соответственно в известных частях нервной системы, как знаки этих последствий, подагрические боли.

Эта целесообразность телесных чувств находит продолжение в области духовных чувств, прежде всего постольку, поскольку с предвидением или неопределенным ожиданием телесных болей связывается тягостное духовное чувство, а с телесно приятным — духовное чувство удовольствия.

Значительно глубже идущую целесообразность выявляют могущественные побуждения, господствующие над животным, человеческим общественным и человеческим историческим миром. Среди них наиболее мощными являются три основных физических побуждения, основанных на рефлекторных механизмах. Можно утверждать, что крупнейшими силами мира являются голод, любовь и война; в них именно и проявляются сильнейшие побуждения: питания, полового влечения, заботы о потомстве и защиты. Таким образом, природа употребила сильнейшие средства для сохранения особи и рода. Рефлекторные механизмы дыхания, сердечной деятельности и кровообращения работают автоматически без всякого участия воли; наоборот, прием пищи, требующий выбора и овладения,

совершается при помощи сознательного побуждения, сопровождаемого типическими чувствами голода, наслаждения едой и сытости и способного производить отбор. Природа установила здесь горькое наказание, выражающееся в чувстве резкого неудовольствия, за вредное воздержание от еды; за правильный же прием пищи она выдает премию в виде чувства удовольствия. Таким образом, она принудила людей и животных выбирать полезную для них пищу и овладевать ею даже при труднейших обстоятельствах. Не менее бурно, нежели инстинкт питания, выражаются половое влечение и забота о потомстве. Если первый служит для сохранения особи, то последние направлены к сохранению рода; и тут побуждение, желание, настроение находятся в телеологическом соотношении с целями природы. Столь же стихийен и могуществен и третий круг побуждений: защитных, связанных с рефлекторным механизмом. Форма у них двоякая. На вредные вмешательства они либо отвечают движениями, отражающими нападение, либо реагируют путем движений спасательного бегства. В животном мире с этими инстинктами связаны самые причудливые рефлекторные механизмы. Встречаются животные, выделяющие отвратительного запаха жидкость; другие притворяются мертвыми или же стараются испугать врага резким изменением своей внешности.

Моральное воспитание человечества основывается прежде всего на том, что в общественном порядке его эти всемогущие инстинкты подвергаются регулированию. Они совершают регулярную работу и получают соответственное удовлетворение; таким образом, освобождается место для развития *деятельности духовных побуждений и стремлений*, возрастающих в рамках общества до чрезвычайной силы. Стремление к властвованию и развивающееся из него в истории культуры стремление к приобретению собственности основаны на природе самой воли. Ибо воля свободно развертывается лишь в сфере своей власти. Поэтому-то эти побуждения и все вытекающие из них отношения исчезнут, вопреки всяким мечтаниям, лишь вместе с самим человечеством. Они сдерживаются общественными чувствами, потребностью в общении, радостью от признания со стороны остальных людей, симпатией, удовольствием от деятельности и результатов ее. Во всей этой обширной области духовных

побуждений, стремлений и чувств, боль и радость всюду находятся в телеологическом соотношении на пользу особи и общества.

Такова гипотеза, благодаря которой биологическое рассмотрение расширяет субъективную имманентную целесообразность душевной и структурной связи, данной во внутреннем опыте, до объективной целесообразности. Вместе с тем она может служить примером того значения, какое имеет обсуждение гипотез для расширения горизонта описательной и расчленяющей психологии. Я вновь подбираю нить. Я показал, каким образом структура душевной жизни, связующая воедино раздражение и реагирующее на него движение, имеет свой центр в пучке побуждений и чувств, исходя из которых измеряется жизненная ценность изменений в нашей среде и производится обратное воздействие на него. Оказалось далее, что всякое понятие целесообразности и телеологии выражает лишь то, что содержится и испытывается в этой жизненной связи. Целесообразность вовсе не есть объективное природное понятие; оно лишь обозначает испытываемый в побуждении, удовольствии и боли род жизненной связи в животном или человеческом существе. Рассматриваемое изнутри биологическое единство жизни стремится воспользоваться условиями своей среды для достижения чувства удовольствия и удовлетворения побуждений. Рассматриваемое извне и с точки зрения вышеприведенной гипотезы, это единство со всеми его чувствами и побуждениями приурочено к самосохранению и к сохранению вида. Объединение столь различных процессов представления, чувствования и воления в такого рода связь составляет структуру душевной жизни. Притом это соединение воедино столь разнородных процессов устанавливается не на основании заключений, а является наиболее жизненным опытом, на какой мы вообще способны. Весь прочий внутренний опыт в нем уже заключен. Целесообразность есть переживаемое основное свойство этой связи, соответственно которому эта связь имеет тенденцию выявить **жизненные ценности** в удовлетворении и в радости.

Эту связь нашей душевной жизни, данную нам во внутреннем опыте, можно пояснить и подтвердить обзором ее нахождения и ее функций во всем животном царстве. Подобного рода обозрение имеет свою ценность, даже независимо от —

хотя и гипотетического, но почти неизбежного — допущения *развития*, совершающегося в органическом мире.

Вся система животного и человеческого мира представляется развитием этой простой основной структуры душевной жизни в возрастающей *дифференциации*, увеличении *самостоятельности* отдельных функций и частей, равно как и в усовершенствовании их *соединений* между собой. При трудности истолкования душевной жизни животных это проще всего, так сказать, вычитывается в их нервной системе. Комочек протоплазмы, не обладающий ни нервами, ни мускулами, уже реагирует, однако, на раздражение. Если я приведу амебу в соприкосновение с твердой крупинкой, она выпустит части, которые растянутся, захватят крупинку и возвратятся обратно к главной массе. У гидры те же клетки являются вместе с тем носителями чувствительных и двигательных функций. У прелестных медуз, стаями плавающих в морских волнах, орган ощущения уже отделен от органа движения. Таким образом, в животном мире развитие идет по направлению к двум кульминационным точкам: одну из них составляют членистоногие, к ним принадлежат четыре пятых всех видов животных, и над многообразием их форм воздымаются высокоразвитые пчелы и муравьи. Другой кульминационный пункт — позвоночные, телесная организация которых присуща и нам. Тут налицо высокоразвитая нервная система; центральные части ее устанавливают и поддерживают весьма совершенную связь между чувствительными и двигательными нервами, и система эта является носительницей высокоразвитой душевной структуры.

Попытаемся теперь резюмировать наиболее общие свойства этой внутренней структуры душевной жизни. Изначально и всюду, от элементарнейших до высших форм своих, психический жизненный процесс есть единство. Душевная жизнь не слагается из частей, не составляется из элементов; она не есть некоторая композиция, не есть результат взамен действующих атомов ощущений или чувств, — изначально и всегда она есть некоторое объемлющее единство. Из этого единства дифференцировались душевные функции, остающиеся, однако, связанными с их общей душевной связью. Факт этот, высшей степенью выражения которого является *единство сознания и единство личности*, решительно отличает душевную жизнь от всего телесного мира. Опыт этой жизненной

связи просто исключает учение, согласно которому психические процессы представляют собою отдельные несвязанные репрезентации физической связи процессов. Всякое учение, идущее в этом направлении, вступает в интересах гипотетической связи в противоречие с опытом.

Указанная психическая внутренняя связь обуславливается положением жизненной единицы в окружающей ее среде. Жизненная единица находится во взаимодействии с внешним миром; особый род этого взаимодействия может быть обозначен с помощью весьма общего выражения — как приспособление психофизической жизненной единицы и обстоятельств, при которых протекает ее жизнь. В этом взаимодействии совершается соединение ряда сенсорных процессов с рядом двигательных. Жизнь человеческая в наивысших ее формах также подчинена этому важному закону всей органической природы. Окружающая нас действительность вызывает ощущения. Последние представляют для нас различные свойства многообразных причин, лежащих вне нас. Таким образом, мы видим себя постоянно обусловленными, телесно и душевно, внешними причинами; согласно приведенной гипотезе, чувства выражают ценность воздействий, идущих извне, на наш организм и на нашу систему побуждений. В зависимости от этих чувств интерес и внимание производят отбор впечатлений. Они обращаются к определенным впечатлениям. Но усиленное возбуждение сознания, имеющее место во внимании, само по себе является процессом. Оно состоит только в процессах различения, отождествления, соединения, разделения, апперцепции. В этих процессах возникают восприятия, образы, а в дальнейшем течении сенсорных процессов — процессы мыслительные, благодаря которым данная жизненная единица получает возможность известного владычества над действительностью. Постепенно образуется прочная связь воспроизводимых представлений, оценок и волевых движений. С этого момента жизненная единица не предоставлена более игре раздражений. Она задерживает реакции и господствует над ними, она делает выбор там, где может добиться приспособления действительности к своим потребностям. И что важнее всего: там, где она эту действительность определить не может, она к ней приспособляет свои собственные жизненные процессы и

владычествует над неумными страстями и над игрой представлений, благодаря внутренней деятельности воли. Это и есть жизнь.

Третьим основным свойством этой жизненной связи является то, что члены в ней связаны между собою не так, что они могут быть выведены один из другого согласно господствующему во внешней природе закону причинности, т.е. закону о количественном и качественном равенстве причины и следствия. В представлениях не заключается достаточного основания для перехода их в чувства; можно вообразить существо, обладающее лишь способностью представления, которое в пылу битвы было бы равнодушным и безвольным зрителем собственного своего разрушения. В чувствах не заключается достаточного основания для перехода их в волевые процессы; можно вообразить то же существо, взирающим на происходящий вокруг него бой с чувством страха и ужаса, тогда как эти чувства не выливаются в защитные движения. Связь между этими разнородными, *не выводимыми одна из другой составными частями*, есть связь sui generis. Название целесообразности не разъясняет природы ее, а выражает лишь нечто, содержащееся в переживании душевной связи.

К. КОФФКА **ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ.**

Три рода наблюдения. Рассмотрим, что представляет собой психологическое наблюдение. Мы подходим здесь вплотную к проблеме психологической методики.

Описывая поведение человека, мы пользуемся *тремя различными классами понятий*. Поясним это простыми общеизвестными примерами: я наблюдаю дровокола и нахожу, что его движения ослабевают, хотя не производят впечатления ленивых.

Я могу проверить это наблюдение, установив, сколько поленьев он раскалывает в каждую минуту, и на самом деле оказывается, что это число становится все меньше и меньше. Я называю это явление ослабления движений – утомлением.

Или: я вижу, как чужой человек обронил что-то на улице, я поднимаю потерянную вещь и отдаю ему. На следующий день при встрече он кланяется мне; таким образом, он сегодня реагирует на встречу со мной иначе, чем вчера, очевидно, вследствие вчерашнего происшествия. Я говорю: он меня узнал, и отношу это к его памяти.

Оба явления – утомление и запоминание – может установить каждый, кто наблюдал соответствующие действия. Общий признак для одного класса понятий отвечает следующему: в каждом данном случае наблюдатель должен решить, можно или нельзя приложить определенное понятие этого класса к рассматриваемому случаю. Мы называем этот класс понятий *функциональными понятиями*. Таковы все понятия в естественных науках.

Для того, чтобы познакомиться с остальными классами, мы снова обратимся к приведенным двум примерам. Я или всякий другой наблюдатель констатируем утомление по ослабеванию движений, но сам дровокол может установить еще и другое. Он находит: сначала «идет легко», затем «становится трудно», или «вначале я чувствовал себя бодро», теперь к концу «я чувствую себя усталым». И во втором случае, человек, который встретил меня на улице, мог бы указать еще на что-нибудь кроме того, что могли установить я или другой на моем месте, и что мы назвали актом запоминания. Что-нибудь в таком духе: ваше лицо, бывшее вчера чужим для меня, сегодня показалось мне знакомым. Показания, которые

дает дровокол и поздоровавшийся человек, различны по содержанию, но по сравнению с положениями, полученными при помощи функциональных понятий, между ними есть общее: показания колющего дрова может дать только он сам; показания здоровающегося – сам поздоровавшийся; никто, кроме дровокола не может сказать, легка или трудна ему работа: никто не может установить, знакомо ли мое лицо (или кого-нибудь другого), кроме поздоровавшегося.

То, что может устанавливать каждый, мы называем действительными, вернее, реальными вещами или явлениями; утомление дровокола, приветствие вчера еще чуждого человека – это реальные факты. Мы должны ввести термин, обозначающий то, что может быть констатировано не всеми вообще, а только каждым человеком в отдельности. Мы называем их *переживаниями* или *феноменами*.

Чтобы избежать недоразумений, укажем, что мы, конечно, не придерживаемся взгляда, считающего наши переживания простыми иллюзиями, менее значительными, чем «реальные» явления. Напротив, мы считаем переживания в такой же мере действительными, как и те явления, которые мы называем реальными; оба рода процессов происходят в той же единой всеобъемлющей действительности. Для того, чтобы выделить реальные явления, мы пользовались функциональными понятиями; понятия, применяемые для установления переживаний, мы будем называть *описательными (дескриптивными) понятиями*. В наших примерах такими дескриптивными понятиями являются: «чувствовать себя бодрым», «чувствовать себя усталым», «казаться чужим», «казаться знакомым». Вместо этого мы можем сказать: переживание бодрости, усталости, знакомства, чуждости или, общеупотребительное слово: впечатление знакомости (и т.д.).

Мы еще немного задержимся на этом пункте, особенно важном для понимания *предмета психологии*. Сказанное многим покажется само собой разумеющимся: «Ну, да, скажут - никто, конечно, не может «влезть в чужую шкуру», и моя зубная боль не может перейти к тому, кому я ее от всей души желаю». Но, с другой стороны, могут сказать и так: «Нам приписывают неестественные вещи: если кто-то со мной здоровается, значит он меня знает, я кажусь ему знакомым, но это я могу установить и без пояснений поздоровавшегося. И разве в обычной жизни я

не обхожусь без такого объективного объяснения фактов? Если кто-нибудь смеется – значит он доволен; когда плачет – печален, это я знаю без всяких расспросов другого и без его пояснения».

Обе стороны на первый взгляд как будто правы, однако их позиции содержат в себе серьезные противоречия и нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Верно, конечно, то, что мы ведем себя в повседневной жизни так, как будто умеем определять переживания другого. Но мы не должны забывать, что нередко при этом впадаем в ошибку или умышленное заблуждение. Кто-нибудь может плакать и вызвать у нас сострадание, предварительно понюхавши солидную порцию лука для этой цели. Мы можем с уверенностью установить только то, что кто-нибудь плачет, но не то, что он при этом чувствует. Но ведь наше повседневное поведение не бессмысленно. Наоборот, быть хорошим психологом, в популярном смысле слова, значит обладать высоко ценимым качеством. Ведь существует еще один ряд реальных явлений, наблюдаемых, главным образом, на живых существах, которые мы обозначили как *наблюдение внешнего поведения* и которые также приводят к функциональным понятиям. Но эти понятия определенным образом отличаются от рассмотренных выше и по своему характеру помогут преодолеть трудность, занимающую нас в данный момент. Обсуждая один из наших примеров, мы говорили о «приветствии». Приветствие в этом случае принадлежит к *внешне - функциональным понятиям*. И мы видим, что такие понятия вводят глубже в сущность наблюдаемого процесса, чем простые функциональные понятия; последние содержат в себе меньше уверенности и должны *контролироваться другими формами наблюдения*. Ниже мы подробнее остановимся на этом. Итак, мы снова возвращаемся к нашим примерам: человек поздоровавшийся со мной сегодня на улице, меня, несомненно «узнал», если под «узнаванием» понимать функциональное понятие, обозначение акта его памяти. Тот факт, что он со мной «поздоровался», не может быть выведен из простого наблюдения явлений, потому что оно показывает нам только внешние телодвижения и тому подобные факты. То же, что я «показался» знакомым, я не могу установить, точно так же, как не могу заключить с абсолютной уверенностью из факта приветствия. Не исключена вероятность того, что поглощенный размышлениями или разговором, он поклонился мне

«автоматически». Было ли это так или не так, об этом может свидетельствовать только он сам. Именно это происходит в первом примере: исследование фактов утомления привело нас к тому, что «действительное» утомление и чувство (переживание) утомленности не должны обязательно идти параллельно, однако наблюдения внешнего поведения могут соответствовать установленным явлениям. Наблюдаемые внешние проявления могут даже полностью совпадать, в то время как во внутренних переживаниях не окажется соответствия. Тем не менее автоматический поклон человека, который при встрече с вами, не сознавая этого, снял шляпу, все же является приветствием.

Таким образом, для различения двух этих классов функциональных и описательных понятий мы берем критерием характер их применения. В одном случае каждый, в другом всегда только один может решить, правильно или неправильно они применены в данном случае.

Мы определяем *задачу психологии* как *изучение поведения* живого существа в его соприкосновении со средой. Мы уточним это определение, если скажем, что психология применяет *наблюдение процессов, внешнего поведения и переживаний*. «Поведение» не исчерпывается «процессами», оно включает также «внешнее поведение» и «переживания». Для психолога центр тяжести поведения - в последних двух определениях. Интерес к «переживаниям» специфичен для психолога; этому отвечают его описательные понятия. Мы называли тот род наблюдения, который позволяет их установить, наблюдением переживаний. В дальнейшем мы будем придерживаться этого термина или подобного ему – «восприятие переживаний», чтобы избежать обычных и неудачных терминов «внутреннее восприятие», «самовосприятие». Обсуждение в высшей степени важной для всей психологии и в настоящее время еще спорной проблемы завело бы нас слишком далеко в сторону. Но нужно отметить, что она требует более длительного и настойчивого изучения, чем всякий другой род научного наблюдения. Мы укажем только следующее: лучшими средствами для исследования действительности функциональными понятиями являются *мера и число*. Идеал физики, например, в том, чтобы перевести все качественные различия в количественные.

Но для объектов, выражаемых в описательных понятиях, для переживаний это неприемлемо. Измерение – это типично функциональный процесс; с масштабом в руках данные может получить каждый, но таким образом нельзя измерить переживания. Напротив того, они составляют противоположный объектам чистой физики полюс, они являются чистым качеством: количественное в том смысле, как это понимают в естествознании, им совершенно не присуще. Поэтому слово «качество» употребляется часто в психологии как синоним переживания.

Психология поведения. Критерий сознания. В последнее время раздавались сильные протесты против такого понимания психологии. В Америке образовалось направление, которое отвергает ту отличительную особенность психологии, которой она обладает согласно нашей теории. Оно говорит: психология – такая же естественная наука, как и другие; поэтому она не нуждается ни в своих особых методах, ни в использовании своеобразных фактов. Восприятия переживаний и вместе с этим описательные понятия упраздняются так же, как и «антропоморфное» наблюдение внешнего поведения; остается только доступное всеобщему контролю наблюдение фактов. «Поведение» следовательно, это только то, что каждый на индивидууме может объективно наблюдать и устанавливать. Только об этом, только об объективно обнаруживающихся реакциях индивидуума нужно заботиться; восприятие его переживания меня не касается; я не могу их контролировать. К этому присоединяются еще и следующие соображения.

Рассуждая биологически, мы не можем отделить человека от всего остального мира животных, и такое отделение является с этой позиции обычной ошибкой психологии, которая занимается взрослым человеком, ставя его в особое положение (человек является единственно возможным и важным объектом психологического исследования). В зоопсихологии нужно отказаться от описательных понятий, потому что здесь отсутствует последний критерий правильности их применения; животные не могут дать нам никаких показаний. Так же обстоит и с психологией раннего детства. Здесь нам приходится ограничиваться тем, что мы устанавливаем, как ведет себя живое существо в определенных условиях, в определенных ситуациях. Все остальное – это ненаучные фантазии, которые нельзя контролировать. Так как нельзя ставить

общую психологию в особое положение, мы не можем ограничиться подобными утверждениями и должны перевести данные психологии на новый язык. Место показаний о переживаниях должны занять показания о поведении в известных ситуациях, так как и поведение, и ситуации можно определить методом естественных наук.

Представители этого направления называют себя «бихевиористами», вместо психологии они говорят: наука об «animal behavior», о поведении животных.

В одном важном пункте «психологи поведения» безусловно правы. Как скоро мы оставляем обычную психологию человека, отпадает метод восприятия переживаний и вместе с ним, с нашей точки зрения, всякий критерий наличия переживаний и применение описательных понятий. Мать может безошибочно устанавливать, что ее смеющийся ребенок испытывает приятные ощущения, она в состоянии увидеть на его лице излучающуюся радость; для науки которая ищет простых фактов, эти определения не могут быть проверены, поскольку они распространяются на переживания ребенка. Теперь мы это можем формулировать таким образом: вне обычной психологии с ее методом самонаблюдения нет критерия для существования *сознания*. Только с точки зрения обычной психологии, если человек пережил потрясающее событие, в течение которого он не мог замечать своих переживаний, то ведь в конце этого переживания, или даже спустя более долгое время после этого он может оглянуться назад на это прошлое переживание, он может рассматривать его в отдельности. Таким образом только что или уже сравнительно давно минувшие переживания доступны еще в обширных размерах для нашего *знания*. Наши собственные психические переживания, даже если мы во время процесса переживания вполне уходим в них, могут, все же, затем противостоять нам в качестве прошлых фактов и могут становиться *предметом исследования*.

Э. ГУССЕРЛЬ

**АМСТЕРДАМСКИЕ ДОКЛАДЫ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ.**

**Двойственный смысл феноменологии как психологической и как
трансцендентальной**

На рубеже веков в борьбе философии и психологии за строго научный метод возникла новая наука и новый метод философского и психологического исследования. Новая наука называлась феноменологией, поскольку она и соответственно, ее новый метод появились, благодаря определенной радикализации уже и ранее ставшего потребностью и применявшегося отдельными естествоиспытателями и психологами *феноменологического метода*. Для таких людей, как Мах и Геринг, смысл этого метода был связан с реакцией на грозящую «точному» естествознанию беспочвенность

теоретизирования; это была реакция против теоретизирования в форме далеких от созерцания понятийных образований и математических спекуляций, теоретизирования, при котором не достигается ясное понимание смысла и результата теорий.

Параллельно с этим у некоторых психологов, прежде всего у Brentano, мы обнаруживаем стремление на почве чистого внутреннего опыта и строгой дескрипции его данностей разработать строго научную психологию.

Именно радикализация этих методических тенденций (нередко, впрочем, уже обозначавшихся как феноменологические) в сфере психологии вела к новой методике *чистого исследования психического* и одновременно к новому способу обсуждения специфически философских принципиальных вопросов; при этом, как уже говорилось, становилось все более заметным появление *научности нового типа*.

В дальнейшем развитии она раскрывается в примечательной двойственности: с одной стороны, как психологическая феноменология, которая как основная наука должна служить психологии вообще; с другой стороны, как трансцендентальная феноменология, которая в ряду философских дисциплин выполняет важнейшую функцию философской науки о первоначалах.

Чистое естествознание и чистая психология

Психология Нового времени есть наука о реальных, проявляющихся в конкретной взаимосвязи объективно-реального мира процессах, называемых психическими. Самый непосредственный пример раскрытия «психического» дан нам в бытии того, что я обозначаю как *Я*, а также и всего того, что обнаруживает себя как неотделимое от *Я*, как *Я -переживания* (такие, как опыт, мышление, чувствование, воление) или психические переживания, а также в качестве способностей или *Habitus*. Опыт дает психическое как некий несамостоятельный слой бытия людей и животных, которые в основном слое своего бытия суть физические реальности. Поэтому психология есть несамостоятельная ветвь конкретной антропологии, соответственно, зоологии, которая, таким образом, охватывает и физическое, и психофизическое.

Рассматривая мир опыта в его тотальности, мы замечаем, что к его сущности явно принадлежит возможность бесконечно расчленяться на конкретные

единичные реальности. Каждой из них необходимо принадлежит некая физическая телесность, по крайней мере, как относительно конкретный низший слой, на который могут наслаиваться и нефизические определения, например, те, благодаря которым определенное тело становится произведением искусства. Мы можем последовательно абстрагироваться от всех нефизических определений и, таким образом, рассматривать каждую реальность и весь мир в целом как чисто физическую природу. В этом состоит структурный закон мира опыта. Не только каждое конкретное мирское или реальное имеет свою единую природу, свое физическое тело, но и все тела мира составляют некое связанное единство, замкнутое в себе и простирающееся в бесконечность единство природы, имеющее универсальную пространственно-временную форму. Соответственно, с точки зрения метода, это выражается в том, что возможен последовательный опыт абстракции, имеющий своей постоянной темой только физическое, а на этой основе физического опыта возможна таким же образом замкнутая в себе теоретическая наука, физическое естествознание, физическое в самом широком смысле, включающее в себя и химию, и зоологию, и биологию.

Здесь напрашивается вопрос: в какой мере при односторонней направленности интереса к психическому у животных и в мире вообще, которое конечно никогда не выступает как нечто самостоятельное, — в какой мере в таком случае вообще возможны опыт и теоретическое исследование, переходящие от психического к физическому и, таким образом, совершенно не затрагивающие физического? Этот вопрос тотчас вызывает другой: в какой мере параллельно с чистым и последовательно развиваемым естествознанием возможна *чистая и последовательная психология*? На этот последний вопрос, очевидно, следует ответить отрицательно; психология в обычном смысле эмпирической науки не может быть чистой наукой о психических фактах, чистой от всего физического, подобно тому, как эмпирическое естествознание является чистым от всего психического.

Сколько бы мы не расширяли непрерывный и чистый психический опыт и не теоретизировали с его помощью, заранее ясно, что чистое психическое, которое в нем дано, имеет в реальном мире свои пространственно-временные определенности и что в своей реальной фактичности оно, как и все реальное

вообще, может быть определено лишь через пространственно-временные локальные характеристики. Система положений в пространстве и времени есть форма всякого бытия в мире фактов. И это значит, что всякое определение реальных *facta* надстраивается над пространственно-временными, локальными определениями. Однако исходно и непосредственно пространственность и временность относятся к природе как физической природе. Все внефизическое, в особенности все психическое, определяется через пространственно-временное положение только благодаря отнесению к физической телесности. Таким образом, легко видеть, что в эмпирической психологии чисто психологическое исследование никогда не сможет теоретически **обособиться от психофизического**. Здесь невозможно полностью избавиться от всех тематических отсылок к физическому.

С другой стороны, ясно, что чисто психологическое исследование в определенной мере все же должно быть возможным и должно играть некоторую роль во всякой эмпирической психологии, стремящейся к строгой научности. Иначе, как были бы достижимы строго научные понятия о психическом в его собственной сущности, несмотря на всю реальную переплетенность с физическим? И если теперь мы обдумаем то, что к этим понятиям необходимо должны принадлежать и такие, которые очерчивают всеобщую и необходимую **сущностную форму психического**, и, таким образом, касаются всего того, без чего психическое как таковое просто немислимо, — то нам откроется здесь перспектива некой возможной **априорной науки** о чисто психическом как таковом. Ее мы принимаем как идею-ориентир.

Метод чистой психологии: созерцание и рефлексия. Интенциональность как основная характеристика психического.

Априорные истины не так легко получить, как казалось в прежние времена. Как подлинные сущностные истины, они появляются только из изначальных источников созерцания. Эти источники, однако, могут быть раскрыты и стать плодотворными только благодаря правильному методическому подходу и всестороннему разворачиванию их горизонтов. Таким образом, для действительного обоснования идеи априорной и чистой психологии требуется возврат к **опытному созерцанию** — созерцанию, в котором психическое дается в

изначальной конкретности и где оно показывает себя в своей собственной сущности, в своей самости (Selbstheit). При этом единичное, которое находится сейчас перед глазами, служит как «экземпляр». Внимание с самого начала направлено на то, что в общем и целом *сохраняется* в свободной смене экземпляров, а не на то, что случайно в них изменяется. Своеобразие метода, которому необходимо следовать, раскроется нам постепенно. Первоосновным является здесь экземплярный, чисто психический, действительный и возможный опыт.

1) Всякая опытная или иная направленность на психическое осуществляется *рефлексивным способом*. Жить в качестве Я - субъекта означает проживать многообразное психическое. Однако, в основном, эта проживаемая нами жизнь «анонимна»; она протекает, но мы не направляем на нее внимания, она остается вне опыта, ибо иметь нечто в опыте — значит схватывать его в его самости. В бодрствующей жизни мы всегда заняты чем-то, — то этим, то тем, причем на низшей ступени — непсихическим: например, воспринимая, мы заняты воспринятой ветряной мельницей, направлены на нее и только на нее; в воспоминании мы заняты воспоминаемым; в мышлении — мыслимым, в чувственно -оценивающей жизни — соответственно, прекрасным или каким-либо иным образом ценным для нас; в волевом стремлении — целями или средствами. Действуя таким образом, мы ничего не знаем о разыгрывающейся при этом *внутренней жизни*, о ее различных свойствах, которые сущностно необходимы для того, чтобы мы могли иметь соответствующие темы наших занятий, чтобы, например, вещи, будь то в живом настоящем, будь то в воспоминании (как прошедшие) или в мысли, могли присутствовать в поле зрения как темы, и чтобы мы могли так или иначе заниматься ими. Только *рефлексия*, поворот взгляда от непосредственно тематического вводит как тему в поле зрения саму психическую жизнь, сами столь различные формы «занятости», «тематизации», «осознания» со всеми их свойствами и возможными задними планами. В рефлексивном восприятии и вообще опытном постижении она схватывается и сама становится *темой разнообразных занятий*. Это новое опытное постижение и вообще тематизация в рефлексии, конечно же, сами латентны, но в дальнейшем опять-таки могут быть раскрыты благодаря рефлексии более высокого уровня.

2) Все, что доступно нам благодаря рефлексии, имеет одно замечательно общее всем свойство — быть сознанием о чем-то, осознанием чего-либо, или, коррелятивно, быть осознанным — мы говорим об *интенциональности*. Это сущностная характеристика психической жизни в точном смысле слова и, таким образом, просто неотделима от нее. Например, от восприятия, которое раскрывает нам рефлексия, неотделимо то, что оно есть восприятие того-то и того-то, и точно так же переживание воспоминания в самом себе есть воспоминание о том-то и том-то, таковы же и мышление о таких-то и таких-то предметах, боязнь чего-то, любовь к чему-то и т.д.

Известным образом и с некоторым преувеличением о каждом психическом переживании можно сказать, что в нем соответствующему Я нечто «является» — поскольку оно им как-либо осознается. *Феноменальность* как свойство явления и являющегося как таковых, понятая в расширенном смысле, в соответствии с этим была бы основной характеристикой психического. Поэтому чистую психологию следовало бы обозначить как феноменологию, причем как *априорную феноменологию*. Она, конечно же, должна была бы иметь дело с Я - субъектами, по -отдельности и в сообществе, как с субъектами чистой феноменальности и исследовать их как априорная дисциплина.

После этих лишь терминологических разъяснений мы возвращаемся к вопросу о методической организации *чисто феноменологического опыта* и его раскрытия. «Феноменологический опыт» — это, естественно, не что иное, как та рефлексия, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности, причем рефлексия, которая мыслится в качестве осуществляемой в *теоретических интересах* и которая последовательно проводится так, что подвижно-текучая специфическая жизнь Я, жизнь сознания не только поверхностно осматривается, но эксплицируется в созерцании в соответствии со своими собственными существенными составными частями и, как мы уже говорили, во всех горизонтах.

Значение понятия чистоты.

Здесь, однако, возникает первый вопрос: как методически осуществить этот опыт, с тем, чтобы он как чистый опыт действительно открыл то, что можно усмотреть как относящееся к собственной сущности психического.

а) Чистота, о которой идет речь, прежде всего, как само собой разумеется, означает чистоту от всего психофизического. Психические переживания считаются в психологической установке реальными моментами живых существ, в конкретном опыте которых они всегда переплетены с телесным. Поэтому то, что присутствует в этом физическом и психофизическом опыте, должно оставаться вне игры, мы не должны заниматься им, мы должны осуществлять только чистый феноменологический опыт, и принимать в расчет только то, что он дает, раскрывает в себе. То, что дает психическому положение и связь в реальной природе, мы должны оставить без рассмотрения. Очевидно, что то же самое верно и для всех исследований любых мыслимых психологических возможностей, которые при всей несвязанности с фактической опытной действительностью, остаются все же реальными данностями возможного психологического опыта.

Здесь имеются некоторые трудности: в какой мере возможно действительно последовательно осуществлять чисто феноменологический опыт, чтобы переходя от одной психической данности к новой, достичь *единого и чисто психического поля* этого опыта, в котором в единстве созерцаемых взаимосвязей и в замкнутой области возможных созерцаний не встречалось бы ничего, кроме психического,

б) С другой стороны, чистый опыт означает, конечно, и свободу от всех предрассудков, которые берут свое происхождение в иных сферах опыта и которым обычно отдается предпочтение по научным соображениям; они могут сделать нас слепыми к тому, что действительно предлагает феноменологическая рефлексия и действительно готовит для экземплярной экспликации имплицитированных, чисто психических моментов.

Во всей психологии Нового времени *интенциональный анализ* так и не был никогда действительно осуществлен. И это несмотря на то, что уже столетиями существовало намерение построить психологию на основе внутреннего опыта, а иногда — сделать ее дескриптивной психологией чистых данностей сознания. Я не могу сделать здесь исключения даже для Ф. Brentano и его школы, хотя ему и принадлежит эпохальная заслуга введения интенциональности в качестве основной характеристики психического. Кроме того, он требовал построения эмпирической психологии на фундаменте систематического и прежде всего чисто

дескриптивного исследования сознания. Но своеобразный смысл и метод чистого анализа сознания остались для него скрытыми.

Что же касается тех постоянных предрассудков, которые делали нас невосприимчивыми к его требованиям, то они происходят из представления об образцовости естественных наук. Действительно, именно здесь берет свое начало вплоть до наших дней господствующая натурализация психического и утверждение тождества психологического и естественнонаучного методов. Исторически эти предрассудки проявляются уже у великих основателей психологии Нового времени — Декарта и Гоббса, а ярче всего — в интерпретации жизни сознания как *tabula rasa* у Локка и как связки психических данных у Д. Юма. Открытие интенционального, осуществленное Brentano, преодолело всеобщую слепоту в отношении него; однако оно еще не преодолело натурализм, который, так сказать, овладел интенциональными переживаниями и преградил путь к подлинным задачам интенционального исследования. Не иначе обстояло дело и в последующее время. Яростная борьба против «психического атомизма» еще далеко не означает действительной свободы от психического натурализма, да и модные ссылки на «гештальт - качества» и формы целостности лишь указывают на новый модус натурализма. Принципиальные основания психического натурализма только тогда становятся понятными и теряют свою искушающую силу, когда честно осуществляется чисто феноменологический опыт, в котором собственная сущность интенциональной жизни может быть раскрыта в последовательной всесторонности и очевидности.

Предваряя следующее далее *руководство к этому опыту*, я могу сказать, что глубинный источник всех заблуждений возникает из первоначально кажущегося само собой разумеющимся уравнивания *имманентной временности* и объективно *реальной временности*.

Объективное время есть форма протяжения объективных реальностей; оно первично в собственном смысле, проходя через реальный мир в качестве структурной подосновы физической природы. Душевные переживания, по отдельности и как связанное целое, не имеют в себе и для себя никакой единой формы сосуществования и последовательности, подобно реальной временно - пространственности (*Zeitraumlichkeit*). Сущностно принадлежащая им форма

протекания, или текучего бытия, в единстве потока сознания не есть действительная форма, параллельная этой временно - пространственности. Образ потока весьма коварен. Интенциональный анализ имманентной временности разрушает, собственно, этот образ, проясняя одновременно его подлинный смысл. Отпадает всякая содержательная аналогия между анализом сознания и естественным, будь то физическим или химическим, или даже биологическим анализом, как и вообще аналогия между бытием сознания и Я - сознания и, с другой стороны, бытием природы. Естественные-логические понятия вещи и свойства, целого и части, связи и отдельной вещи, причины и действия и т.п. целиком укоренены в реальности природы. При переходе к психическому они теряют основную суть своего смысла, и остается только пустая оболочка формально-логических понятий предмета, качества и т.д.

Чисто психическое в самопостижении и в постижении сообщества.

Универсальная дескрипция интенциональных переживаний.

Перейдем, однако, к другим трудностям, сопровождающим разработку последовательного и чисто феноменологического опыта в силу его переплетенности с физическим опытом. Будем держаться в стороне от всех предрассудков традиции, даже от самых общих положений традиционной логики, незамеченные смысловые оттенки которых, возможно, также слишком многое позаимствовали из сферы природного. Будем решительно придерживаться только того, что феноменологическая рефлексия предлагает нам как сознание и осознанное, придерживаться только того, что здесь приходит для нас в качестве действительно очевидной данности. Это значит мы задаем вопросы исключительно феноменологическому опыту, т.е. совершенно конкретно вникая в рефлексивное опытное постижение сознания и не интересуясь установлением фактически происходящих событий. Самой непосредственной, хотя и не единственной формой (Gestalt) такого опыта является *самопостижение в опыте* (Selbsterfahrung). Только в нем сознание и Я - сознание даны во всецело первичной самости, причем каждый раз, когда я, воспринимая, рефлектирую на мое восприятие, Я как феноменолог раскрываю таким образом мою собственную действительную жизнь и мою конкретно возможную жизнь. И поскольку, как легко видеть, на этой непосредственности опытного самопостижения

основывается всякий другой опыт психического, чистый опыт Другого, так же как и опыт сообщества, то естественно, что вначале разрабатывается метод чистого опытного самопостижения как метод последовательно продуманного **феноменологического самораскрытия**. Как нам позаботиться здесь об устранении всех содержаний внешнего, относящегося к физическому опыту, благодаря чему затем оставалось бы исключенным все психическое, связанное с другими? «Внешний» опыт (точнее, физический) сам есть некое психическое переживание, однако интенционально отнесенное к физическому. Конечно, само данное в опыте физическое, которое полагается в качестве физической действительности мира — вещная реальность со всеми ее реальными моментами — принципиально не принадлежит к собственному существенному составу переживания, данного в опыте. То же самое верно и для всякого сознания, в котором полагается и имеет свою значимость бытие того, что реально находится в мире (real Weltliches), как это происходит при любом действовании сознания в моей естественно практической жизни.

Феноменологическая редукция и подлинный внутренний опыт

Если я, таким образом, как **феноменолог** хочу осуществлять только чисто психический опыт, если я собираюсь мою жизнь сознания в ее чистой собственной сущности сделать моей универсальной и последовательной темой и, прежде всего, сделать полем чисто феноменологического опыта, — то весь реальный мир, который в моем естественном существовании (Dahinleben) обладал и обладает для меня постоянной бытийной значимостью, я должен сбросить со счетов, **тематически исключить** его как внепсихическое бытие. Это значит, как феноменолог, я в описании чисто психического опыта не могу естественным образом приводить в действие мою **веру в мир**, — в дальнейшем я должен освободиться от всех точек зрения, которые в моей естественно-практической жизни сознания играли свою естественную роль.

С другой стороны, ясно, что к каждому восприятию как интенциональному переживанию принадлежит, как нечто от него неотделимое, то, что оно есть восприятие своего воспринятого, и так же дело обстоит для любого модуса сознания в отношении осознанного в нем. Как могли бы мы описать какое-либо восприятие, какое-либо воспоминание и т. д. в отношении того, что собственно

присуще ему как этому конкретному переживанию, не говоря о том, что оно есть восприятие того-то и того-то, восприятие именно этого объекта? Очевидно, что оно так-то и так-то определено, независимо от вопроса, действительно ли существует, например, воспринятый ландшафт, или же, как обнаруживает дальнейший опыт, он оказывается иллюзией. И в иллюзии является иллюзорный ландшафт, с той лишь разницей, что, когда мы убеждаемся в его иллюзорности, он является уже в измененном модусе веры, и поэтому он, хотя и являясь для нас как тот же самый, имеет значимость не простой действительности, но недействительности.

Свяжем это положение с установленными прежде. В соответствии с ним простая рефлексия на сознание еще не дает нам психического в его собственной сущности и чистоте. Мы должны еще удержаться от бытийной веры (*Seins-Glauben*), благодаря которой в естественной жизни сознания и рефлексировании на нее мир обладал для нас значимостью; ее мы как феноменологи не можем принять. Как феноменологи мы должны быть, так сказать, *незаинтересованными наблюдателями* жизни сознания, которая только так может стать чистой темой нашего опыта. Вместо того, чтобы жить этой жизнью, имея мирские интересы, мы должны рассматривать ее как сознание в самом себе, сознание о том-то и том-то, в котором проявляются эти интересы. Ведь иначе темой нашей дескрипции постоянно был бы внепсихический мир, а не чистое сознание о нем.

С другой стороны, мы говорили уже, что это воздержание от мира, это «эпохе» ничего не меняет в том, что каждое сознание в себе и для себя имеет свою являющуюся и определенным образом осознанную предметность. Теперь лучше было бы сказать, что как раз благодаря этому феноменологическому «эпохе» являющееся как таковое, осознанное в соответствующем сознании выступает как нечто, принадлежащее к самому психическому составу этого сознания. В соответствии с этим понимается и обычное в феноменологии выражение о заключении в скобки. «Заключить в скобки» значит осуществить эпохе. Однако в скобках сохраняется то, что в них заключено.

Следует заметить, что вера как компонент опыта, осуществленная в соответствующем сознании, нетематическая, нераскрытая, принадлежит, конечно,

к феноменологическому содержанию переживания. Однако я как феноменолог только раскрываю ее как таковую, а не «участвую» в ней; как момент переживания она тематизируется благодаря тому, что я перехожу в феноменологическую установку, т.е. из Я, естественно - наивно принимающего бытийные точки зрения, становлюсь Я, которое воздерживается от них и рассматривает их только как наблюдатель.

Так может быть описан в основных чертах необходимый метод доступа к царству чистых феноменов сознания, — метод, который следует применять с полной сознательностью; он называется *феноменологической редукцией*. При этом наше внимание было направлено на главную сторону чистых феноменов сознания, называемую *ноэматической* (о которой традиционная психология совершенно ничего не могла сказать). Благодаря феноменологической редукции прежде всего нам были раскрыты интенциональные предметности как таковые, раскрыты как сущностный состав интенциональных переживаний и как бесконечно плодотворная тема феноменологических описаний.

Однако сразу же необходимо добавить, что универсальность осуществляемого феноменологом эпохе, универсальность, с которой он становится только незаинтересованным наблюдателем всей своей жизни сознания, проявляется не только в тематическом очищении отдельных переживаний сознания и не только раскрывает при этом их ноэматический состав. Скорее, универсальность эпохе оказывает свое воздействие и в направлении Я - сознания, которое благодаря ей лишается, так сказать, всего реально человеческого, всего животно реального. Если вся природа превратилась в чисто ноэматический феномен, поскольку ее реальная действительность выведена из игры, то и редуцированное теперь к чисто психическому бытию и жизни Я не есть больше реальное человеческое Я, фигурирующее в обычной речи и естественно-объективной установке опыта. Это последнее само теперь стало полагаемым ноэматическим феноменом. Все полагаемое как таковое, включая мое человеческое бытие в мире и мою мирскую жизнь, всегда входит в область феноменологической рефлексии.

Я - полюс как центр Я - актов. Синтетический характер сознания.

В осознании есть один самостоятельный момент - Я-центр, ego в cogito, т.е. Я, феноменологически тождественное в многообразных Я - актах, ухватываемое как

центр излучения, из которого как из тождественного Я - полюса исходят многообразные Я - действия, специфические акты. Например, я деятельно осматриваю некоторую вещь, я эксплицирую ее в опыте, я постигаю ее в понятии и сужу о ней и т.д.

Однако Я -полюс есть не только точка, из которой исходят мои Я – акты, но и точка, на которую воздействуют мои эмоции. В обоих отношениях феноменологически чистый Я - центр - большая и связанная со всеми прочими феноменологическая тема. Для меня очевидно, что всякое сознание есть сознание моего Я. Это означает также и то, что сознание во всех его формах, во всех модусах активного и пассивного Я - участия осуществляет нозматическую работу и при этом содержится в конечном итоге в единстве нозматической связи - в этом уже проявляется то, что всякий анализ сознания одновременно, пусть даже имплицитно, затрагивает также и центральное Я.

К специфическим Я -темам относятся, кроме того, способности и Habitus, причем, хотя это и невозможно здесь разъяснить подробнее, в качестве действительно феноменологических тем. Однако в феноменологическом исследовании в качестве ближайшей и первой темы выступает сама **чистая жизнь Я**, многообразная жизнь сознания как протекающие «я воспринимаю», «я вспоминаю», «я живу в свободном фантазировании», «я присутствую при этом», причем все это может быть осуществлено в модусах **оценивающего, стремящегося, деятельного сознания.**

Основополагающее отличие бытия сознания в его феноменологической чистоте от бытия данной в естественной установке природы проявляет себя прежде всего в **идеальности бытия нозматических содержаний** в соответствующем сознании. Мы можем сказать также, что она проявляет себя в своеобразии **синтеза**, который унифицирует каждое сознание в нем самом и затем снова унифицирует сознание вместе с другим сознанием в своем единстве. Все модусы синтеза отсылают в конечном итоге к синтезам идентификации. Каждое переживание сознания есть сознание о чем-то. Это, однако, означает, что в каждом таком переживании и вместе с ним намечено как действительное и возможное многое другое (в идеальном (ideell) плане — бесконечное многообразие других таких переживаний), намечено как то, что объединено, и

соответственно, могло бы быть объединено с ним в одно сознание как сознание об одном и том же «нечто».

Интенциональный анализ по методу и результатам отличен от анализа реальных данностей. Например, описать в феноменологическом аспекте воспринятое как таковое — это значит на данном экземпляре, например, воспринятом доме, проследить различные дескриптивные измерения, которые с необходимостью принадлежат к каждой нозме, хотя и с различными особенностями. Прежде всего следует обратить внимание на оптический состав нозмы. Рассматривая сам дом, мы прослеживаем признаки дома, причем, конечно же, только те, которые действительно проявляют себя в самом этом восприятии. Однако, если мы скажем, как о чем-то само собой разумеющемся, о том, что воспринятый дом, кроме действительно воспринятых моментов, имеет еще и многие другие, теперь только не схватываемые моменты, то вопрос об основаниях этого высказывания тотчас приведет к пониманию того, что к нозме «воспринятый дом» принадлежит *горизонтное сознание*, а именно, что в собственном смысле увиденное в себе самом, в соответствии со своим собственным смыслом, указывает на бесконечный избыток определений, на неуиденное, частично знакомое, частично неопределенно - незнакомое. Однако на этом анализ не может остановиться. Тотчас возникает вопрос о том, как становится очевидным, что принадлежащее к феномену сознания предуказание, т.е. это горизонтное сознание, действительно указывает на дальнейшие, находящиеся вне опыта в собственном смысле признаки дома. Это ведь уже некая *интерпретация*, которая выходит за пределы момента переживания, момента «горизонтное сознание», который, как легко установить, совершенно несозерцателен. Однако мы тотчас оказываемся вовлеченными в многообразие, которое указывает на возможные новые восприятия, многообразие, которое предстает перед нами, исходя из данного восприятия, и с очевидностью раскрывает и осуществляет себя в серии образов и представлений (*Vergegenwärtigung*). Это есть синтетически связанная цепь образов и представлений, в которой для нас становится очевидным, что слипающийся со смыслом восприятия пустой горизонт действительно несет в себе *смысл* восприятия, что он на деле есть антиципирующее предуказание все

новых и новых бытийно принадлежащих воспринятому моментов, еще неопределенных, но могущих быть определенными и т.д.

При экспликации *интенционального смысла* мы конструктивно производим цепь возможных восприятий, благодаря чему проявляется то, как выглядел бы и как должен был бы выглядеть предмет, если бы мы прослеживали его в восприятии все дальше и дальше. При этом, однако, становится очевидным, что всегда различается просто дом как один и тот же, одно и то же оптическое впечатление и «дом» в модусе «как» воплощения в созерцании.

Относящиеся к феноменологической психологии и поистине неисчерпаемые задачи интенционального анализа имеют абсолютно другой смысл, чем обычные анализы в объективной, например в природной сфере. Интенциональная экспликация имеет единственную в своем роде сущностную особенность как *интерпретирующее истолкование*. Интерпретирующее в определенном расширенном смысле, а не в смысле простого расчленения признаков созерцательной конкретности.

Следует, однако, прояснить еще один момент. Мы до сих пор имели дело с качественным анализом. Но обычно и в буквальном смысле анализ означает расчленение на части. Переживания сознания, взятые чисто в имманентной временности, в потоке сознания, также имеют некоторый вид реального (reeU) разделения и, соответственно, реальной (reell) связи. Однако безрассудным было бы пытаться рассматривать связи и разделения сознания исключительно как собрание и разъединение отдельных частей. Конкретное восприятие, например, есть единство имманентного протекания, в котором могут быть выделены части и фазы. Каждая такая часть, каждая такая фаза сама опять-таки есть сознание, сама есть восприятие чего-либо, имеет в качестве этого «чего-либо» свой смысл восприятия. Однако совсем не так, как если бы отдельные смыслы собирались как части в единый смысл целостного восприятия. В каждом частичном восприятии, протекающем как фаза целостного восприятия, воспринимается предмет, единый смысл которого протягивается через смыслы фаз, так сказать, питается ими, наполняясь и определяясь подробнее, но уж ни в коем случае не собираясь из отдельных частей и не соединяясь в целое с помощью гештальта чувственности.

Не каждый синтез сознания есть такого рода непрерывный синтез. Однако в общем остается верным то, что сознание как сознание не допускает никаких других способов связи кроме связи опять-таки в сознании, связи синтеза, так что любое разделение на части вновь дает смысл, а любая связь — синтетически обоснованный смысл. Смысловой синтез, синтез идеально сущего подчиняется в общем совершенно другим категориям, чем реальный синтез, реальная целостность.

Жизнь сознания всегда протекает как жизнь, конституирующая в себе смысл, и как жизнь, *конституирующая смысл из смысла*. На все новых и новых ступенях чисто психологической субъективности осуществляется творение и преобразование «предметностей», которые суть то, что является Я -сознанию, то, что определяется по отношению к нему как «близкое» или как-либо иначе, как то, что для него *значимо*, причем в самых разнообразных модусах значимости. Особой, всегда с необходимостью принадлежащей к сущности связанной жизни сознания, формой текучего синтеза является синтез всех опытов в единство опыта, а в нем — синтез согласованного опыта, хотя и разрушаемого несогласованностями, однако все снова и снова восстанавливающего через коррекции форму универсальной согласованности. Все виды и формы познающего разума суть формы синтеза, формы действий познающей субъективности, направленных на достижение единства и истины. Интенциональное прояснение этого есть гигантская задача феноменолого-психологического исследования.

Не только жизнь сознания отдельного Я есть замкнутое в себе поле опыта, которое следует пройти в последовательном феноменологическом опыте, но такова же и универсальная жизнь сознания, которая, выходя за пределы отдельного Я, *соединяет любое Я с другим Я* в действительной или возможной коммуникации. И вместо того, чтобы переходить от человека к человеку и к животным в тематическом осуществлении психофизического опыта и рассматривать таким образом опосредованные и связанные природой реальности в мире, можно исходить из собственной имманентной жизни и прослеживать ее интенциональность, воспроизводя и сохраняя в чистоте феноменологическую континуальность опыта, связывающую одного субъекта с другим.

Интенциональность в собственном Я, которая вводит нас в сферу чужого Я, есть так называемое *вчувствование*, и его можно ввести в игру в такой феноменологической чистоте, что природа постоянно остается исключенной.

В.ДЖЕМС ЧТО ТАКОЕ ПРАГМАТИЗМ?

Несколько лет тому назад мне пришлось быть с целой компанией в горах. Вернувшись раз с прогулки, я застал все общество ведущим ожесточенный философский спор. Объектом спора была белка, обыкновенная живая белка. Предполагалось, что она сидит на дереве, по ту сторону которого в прямо противоположном направлении находится человек. Этот человек желает увидеть белку, для чего и бежит быстро вокруг дерева, — но напрасно: как скоро ни бежит он, белка с той же скоростью движется в противоположную сторону, так что дерево все время закрывает ее от человека, и он никак не может ее увидеть. Отсюда возникала проблема: движется ли человек вокруг белки или нет?

Конечно, он движется вокруг дерева, на котором расположилась белка; но движется ли он вокруг белки? При неограниченном свободном времени, которое имелось в этом пустынном месте у спорящих, аргументация была под конец вся исчерпана. Всякий составил себе определенное мнение, на котором и стоял упорно. Так как голоса разделились пополам, то, когда я подошел, обе стороны обратились ко мне, чтобы с моей помощью получить большинство. Помня схоластическое правило, что там, где встречается противоречие, там надо установить различие, я стал искать таковое и сейчас же его нашел.

Вопрос о том, какая из сторон права, сказал я, зависит от того, какой практический смысл вы вкладываете в выражение «двигаться вокруг» белки. Если «двигаться вокруг белки» значит переходить от ее севера к востоку, затем к югу, западу, потом опять к северу, то, разумеется, человек движется вокруг белки, ибо он последовательно занимает все эти положения. Если же, наоборот, употребляя это выражение, вы имеете в виду, чтобы быть сперва *vis-a-vis* белки, затем по правую руку от нее, затем сзади, затем по левую руку и наконец сызнова *vis-a-vis*, то точно так же разумеется, что человек не движется вокруг белки, ибо, благодаря производимым ею компенсирующим движениям, она все время показывает человеку свое брюхо и прячет от него спину. Установите это различие, и тогда не будет никаких оснований для дальнейшего спора. Обе стороны правы или не правы, в зависимости от того, в каком **практическом смысле** они употребляют выражение «двигаться вокруг».

Лишь один или двое из более пылких спорщиков нашли в моем решении софистическую уловку, говоря, что им дела нет до разных схоластических тонкостей и что они имели в виду просто то, что обыкновенно понимается под словом «вокруг». Большинство же, по-видимому, признало, что сделанное мной **различение** устраняет предмет разногласия.

Я привел этот незначительный анекдот как особенно простой образчик применения прагматического метода, о котором собираюсь теперь говорить. Прагматический метод — это прежде всего метод улаживания споров «по общим вопросам», которые без него могли бы тянуться без конца. Представляет ли собою мир единое или многое? — царит ли в нем свобода или необходимость? — лежит ли в основе его материальный принцип или духовный? Все это одинаково

правомерные точки зрения на мир — и споры о них бесконечны. Прагматический метод пытается *истолковать каждое мнение, указывая на его практические следствия*. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения означают по существу одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен. Серьезный спор возникает только в том случае, когда мы можем указать на какую-нибудь практическую разницу, вытекающую из допущения, что права какая-нибудь одна из сторон.

Взгляд, брошенный на историю этого учения, выяснит нам еще лучше, что такое прагматизм. Название это произведено от того самого греческого слова πράγμα (значит «действие»), от которого происходят наши слова «практика» и «практический». Впервые оно было введено в философию Чарльсом Пирсом в 1878 г. В статье под заглавием «Как сделать наши идеи ясными», помещенной в январской книжке журнала «Popular Science Monthly» за 1878 г., Пирс указывает сперва, что наши убеждения суть фактические правила для действия; затем он говорит, что для того, чтоб выяснить смысл какого-нибудь утверждения, мы должны лишь определить тот *способ действия*, который оно способно вызвать: в этом способе действия и заключается для нас все значение данного утверждения. В основе всех находимых нами между нашими мыслями (утверждениями) различий — даже самого тонкого и subtilного свойства — лежит следующий конкретный факт: ни одно из них не настолько тонко, чтобы выражаться как-нибудь иначе, чем в виде некоторой возможной разницы в области практики. Поэтому, чтобы добиться полной ясности в наших мыслях о каком-нибудь предмете, мы должны только рассмотреть, какие *практические следствия содержатся в этом предмете*, т. е. каких мы можем ожидать от него ощущений и к какого рода реакциям с своей стороны мы должны подготовиться. Наше представление об этих следствиях — как ближайших, так и отдаленных — и есть все то, что мы можем представить себе об этом предмете, — поскольку вообще это представление имеет какое-нибудь положительное значение.

В этом состоит *принцип Пирса*, принцип *прагматизма*. В течение двадцати лет он оставался никем не замеченным, пока я в докладе, прочитанном в Калифорнийском университете, не воспользовался им и не применил его специально к религии. К этому времени (1898) почва была, по-видимому, подготовлена для восприятия нового учения. Слово «прагматизм» начинает широко распространяться, и в настоящее время оно пестрит на страницах философских журналов. Со всех сторон говорят о прагматическом движении, говорят иногда почтительно, иногда пренебрежительно, но редко с ясным пониманием сути дела.

Чтоб понять все значение принципа Пирса, надо научиться применять его в конкретных случаях. Несколько лет тому назад я заметил, что Оствальд, знаменитый лейпцигский химик, превосходно пользовался принципом прагматизма в своих лекциях по натурфилософии, хотя он и не называл его этим именем. «Все виды реального,—писал он мне,— влияют на нашу практику, и это влияние и есть их значение для нас. На своих лекциях я обыкновенно ставлю вопрос следующим образом: что изменилось бы в мире, если бы из конкурирующих точек зрения была верна та или другая? Если я не нахожу ничего, что могло бы измениться, то данная альтернатива не имеет никакого смысла». В одном напечатанном докладе Оствальд оценил один из подобных «бессмысленных» споров химиков как столь же нереальный и мнимый как препирательство каких-нибудь первобытных людей о том, благодаря кому подымается замешанное тесто, благодаря ли эльфам или гномам.

Любопытно видеть, как теряют все свое значение многие философские и научные споры, раз только вы подвергнете их этому простому методу испытания и спросите о вытекающих из них *практических следствиях*. Не может быть разницы в одном каком-нибудь пункте, которая бы не составила разницы в каком-нибудь другом,— не может быть разницы в абстрактной истине, которая бы не выразилась в конкретных фактах и в вытекающем отсюда для кого-нибудь, как-нибудь, где-нибудь и когда-нибудь способе действия. Вся задача философии должна была бы состоять, например, в том, чтоб указать, какая получится для меня и для вас определенная разница в определенные моменты нашей жизни, если бы была истинной та или иная формула мира.

В прагматическом методе нет ничего абсолютно нового. Сократ был приверженцем его. Аристотель методически пользовался им. С помощью его Локк, Беркли и Юм сделали многие ценные приобретения для истины. Но все эти предшественники прагматизма пользовались им лишь случайно, урывками: это была как бы прелюдия. Только в наше время метод прагматизма приобрел всеобщий характер, осознал лежащую на нем мировую миссию и заявил о своих завоевательных планах. Я верю в эту миссию и эти планы и надеюсь, что под конец воодушевлею вас своей верой.

Прагматизм представляет собой отлично знакомое ученым и философам эмпирическое направление, но он представляет его, как мне кажется, в более радикальной форме и притом в форме, менее доступной возражениям, чем те, в которых выступал до сих пор эмпиризм. Прагматист решительно отворачивается от абстракций и недоступных вещей, от словесных решений, от априорных аргументов, от твердых, неизменных принципов, от замкнутых систем, от мнимых абсолютов и начал. Он обращается к конкретному, к доступному, **к фактам, к действию, к власти.** Это означает и искренний отказ от рационалистического метода и признание господства метода эмпирического. Это означает открытый воздух, все многообразие живой природы, противопоставленные догматизму, искусственности, притязаниям на законченную истину.

Прагматизм в то же время не выступает в пользу каких-нибудь определенных специальных выводов. Он только **метод.** Но полное торжество этого метода повлечет за собой колоссальную перемену в положении философии. Наука и метафизика сблизятся между собой и сумеют на деле работать дружно, рука в руку.

Метафизика прибегала к довольно архаичному методу исследования. Вы знаете, что люди всегда имели склонность к запрещенной законом магии, и вы знаете также, какую роль в магии играли всегда слова. Дух, гений, демон, вообще всякая чистая и нечистая сила находятся в вашей власти, если вы только знаете ее имя или связывающую ее формулу заклинания. Соломон знал имена всех духов и благодаря этому держал их у себя в полном подчинении. Словом, мир всегда представлялся первобытному уму в виде своеобразной загадки, ключ к которой нужно искать в некотором всеозаряющем, приносящем власть имени

или слове. Это слово дает принцип мира, и владеть им значит, в некотором роде, владеть самим миром. «Бог», «Материя», «Разум», «Абсолютное», «Энергия» — все это подобные, решающие загадку мира имена. Раз вы их имеете, вы можете быть спокойны. Вы находитесь тогда у конца своего метафизического исследования.

Но если вы оперируете прагматическим методом, вы никогда не увидите в подобном слове завершения своего исследования. Из каждого слова вы должны извлечь его практическую наличную стоимость, должны заставить его работать в потоке вашего *опыта*. Оно рассматривается не столько как решение, сколько как программа для дальнейшей работы, в частности, как указание на те методы, с помощью которых может быть изменена данная нам действительность.

Таким образом, *теории* представляют собой не ответы на загадки — ответы, на которых мы можем успокоиться: теории становятся *орудиями*. Мы не успокаиваемся в сладкой бездеятельности на теориях, мы идем вперед и сверх того при случае изменяем с их помощью природу. Прагматизм делает все наши теории менее тугими, он придает им *гибкость* и каждую усаживает за работу.

Ему свойственны антиинтеллектуалистические тенденции. Против притязаний и метода рационализма прагматизм всегда выступает в полном вооружении. Но он никогда не защищает — по крайней мере, в исходном своем пункте — какие-нибудь определенные теории. Он не имеет никаких догматов, не выставляет никаких особых учений; он имеет только свой метод. Как хорошо выразился молодой итальянский прагматист Папини, он расположен посреди наших теорий, подобно коридору в гостинице. Бесчисленное множество номеров выходит в этот коридор. В одной комнате вы найдете человека, пишущего атеистический трактат; в ближайшей какой-нибудь другой - человек молится на коленях о придании веры и силы; в третьей — химик исследует свойства тел; в четвертой — обдумывается какая-нибудь система идеалистической метафизики. Но коридор принадлежит всем; все должны пользоваться им, если желают иметь удобный путь, чтобы выходить и заходить в свои комнаты.

Таким образом, прагматический метод отнюдь не означает каких-нибудь определенных результатов — он представляет собой только известное *отношение к вещам*, известную точку зрения. И именно такую точку зрения,

которая побуждает нас отвращать свой взор от разных принципов, первых вещей, «категорий», мнимых необходимостей и заставляет нас смотреть по направлению к последним вещам, результатам, плодам, фактам.

Сказанного довольно о прагматическом методе. Вы, может быть, найдете, что я скорее расхваливал его вам, чем разъяснял, но вскоре я покажу применение его на примере некоторых хорошо знакомых проблем, так что вы получите достаточно полное представление о нем. Но надо заметить, что слово «прагматизм» стали употреблять и в более широком смысле, имея в виду также некоторую *теорию истины*.

Одна из наиболее успешно разрабатываемых в наше время отраслей философии - это так называемая индуктивная логика, т. е. изучение условий, при которых развивались науки. С некоторого времени все пишущие по этому вопросу стали обнаруживать замечательное единодушие в своем понимании того, что представляют собой законы природы и элементарные феномены, поскольку они выражаются в математических, физических и химических формулах. Когда были найдены первые математические, логические и физические единообразия — первые законы, — то исследователи были так поражены получившейся красотой, простотой и ясностью результатов, что поверили, будто они раскрыли подлинные мысли Всемогущего. Оказалось, что его дух также проявляет себя в грандиозных силлогизмах. Оказалось, что и он мыслит в конических сечениях, квадратах, корнях и пропорциях. Он занимается геометрией, подобно Эвклиду. Он сделал то, что планеты в своем движении подчиняются Кеплеровым законам; он сделал то, что скорость падающих тел растет пропорционально времени; он сделал то, что лучи света при преломлении подчиняются закону синусов; он создал классы, порядки, семейства и роды животных и растений и установил между ними неизменные различия. Он мыслил архетипы всех вещей и предначертал их изменения. И когда мы теперь сызнова открываем какое-нибудь из этих удивительных его предначертаний, мы улавливаем подлинные намерения его духа.

Но вместе с дальнейшим развитием науки стала укрепляться мысль, что большинство — а может быть, и все — наших законов природы имеют только приблизительный характер. Кроме того, сами законы стали так многочисленны,

что их даже невозможно сосчитать. Во всех областях науки имеются, кроме того, многочисленные конкурирующие формулировки законов, и исследователи мало-помалу привыкли к мысли, что ни одна теория не есть абсолютно точная копия действительности и что каждая из них может быть *полезной с какой-нибудь определенной точки зрения*. Огромное значение теорий заключается в том, что они суммируют старые факты и ведут к новым. Они представляют собой своеобразный *искусственный язык*, своего рода логическую стенографию, как кто-то назвал их, служащую нам для записи наших отчетов о природе и жизни. А все языки, как известно, допускают некоторую свободу в способе выражения, и к тому же в них имеются различные наречия.

Таким образом, человеческий произвол изгнал из научной логики божественную необходимость. Если я назову имена Зигварта, Маха, Оствальда, Пирсона, Пуанкаре то специалисты из вас легко поймут, какое направление я имею в виду, и сумеют присоединить сюда еще другие имена.

На гребне этой научной волны появляются затем Шиллер и Дьюи со своим прагматическим объяснением того, что повсюду означает «истина». «Истина», учат они, означает в наших мыслях и убеждениях то же самое, что она значит в науке. Это слово означает только то, что мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, поскольку они помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта, суммировать их и резюмировать с помощью *логических сокращений* вместо того, чтобы следовать за нескончаемой сменой отдельных явлений. Мысль, которая может, так сказать, везти нас на себе; мысль, которая успешно ведет нас от какой-нибудь одной части опыта к любой другой, которая целесообразно связывает между собой вещи, работает надежно, упрощает, экономизирует труд, — такая мысль истинна ровно постольку, поскольку она все это делает. Она истинна как орудие логической работы, *инструментально*. В этом заключается «инструментальная» точка зрения на истину, с таким успехом развиваемая Дьюи, та точка зрения, что истина наших мыслей означает их способность «работать» на нас, с таким блеском возвещенная Шиллером.

Дьюи, Шиллер и их сторонники дошли до этой общей теории истины, следуя просто примеру геологов, биологов и филологов. Решительный шаг в развитии и установлении этих наук был сделан плодотворной мыслью исходить из каких-нибудь простых, наблюдаемых в настоящее время в действии процессов — как, например, уклонение от родительского типа, изменение языка благодаря обогащению его новыми словами и новыми способами произношения — и затем обобщить их, применить их ко всем временам, получая таким образом огромные результаты от суммирования на протяжении многих веков мелких действий.

Тот доступный для наблюдения момент, который Дьюи и Шиллер выделили специально для своего обобщения, заключается в известном всем процессе, с помощью которого всякий отдельный человек приспособляется к новым знаниям и мнениям. Этот процесс повсюду и всегда один и тот же. У индивида имеется уже запас старых знаний, но случайно он наталкивается на новый опыт, вносящий в их среду элемент брожения. Например, *кто-нибудь противоречит* им или сам он в минуту размышления находит, что они *противоречат друг другу*, или же он узнает о фактах, с которыми они *не согласуются*, или в нем поднимаются *новые желания*, которых они уже не могут удовлетворить. В результате получается внутренняя тревога, чуждая до сих пор духу индивида, тревога, от которой он пытается освободиться, изменяя свои прежние знания и мнения. Он спасает из них столько, сколько только может, так как в вопросах понимания, верований и убеждений все мы крайне консервативны. Он пробует изменить сперва одно какое-нибудь из них, потом другое (они ведь неодинаково поддаются изменению), пока, наконец, у него не блеснет какая-нибудь *новая мысль*, которую можно присоединить к старому запасу, произведя в нем минимальное нарушение, мысль, которая является как бы посредником между старым и новым опытом, весьма успешно и удачно соединяя их между собой.

Эта новая мысль *признается тогда за истинную*. Она сохраняет старый запас истин с минимумом изменений в нем — модифицируя его лишь настолько, насколько это требуется для возможности вмещения новой истины. Этот процесс модификации совершается по наиболее привычным, наиболее проторенным путям мышления. Гипотеза, слишком резко разрывающая с прошлым и нарушающая все наши предвзятые мнения, никогда не будет признана за

истинное объяснение нового явления. Мы будем упорно искать до тех пор, пока не найдем чего-нибудь менее эксцентричного. Даже сильнейший переворот в убеждениях и верованиях человека оставляет незатронутыми значительнейшую часть его прежних взглядов. Время и пространство, причина и следствие, природа и история, весь ход собственной жизни человека остаются не подверженными действию подобных переворотов. Новая истина — всегда посредник, всегда миротворец. Она сочетает старые мнения с новым фактом при минимуме пертурбаций и при максимуме непрерывности. В наших глазах всякая теория — истинна прямо пропорционально ее успеху в разрешении этой «задачи на максимум и минимум». Но, разумеется, успех при решении этой задачи — вещь весьма *относительная*. Мы говорим, например, что такая-то теория в целом разрешает эту задачу удовлетворительнее такой-то другой; но слово «удовлетворительнее» относится здесь лишь к нам самим; различные люди будут и различно понимать эту удовлетворительность. Таким образом, здесь все, до известной степени, пластично, неопределенно.

Теперь я вас попрошу обратить особенное внимание на роль, которую играют *старые истины*. Источником многих несправедливых обвинений, направленных против прагматизма, является то, что с этим обстоятельством не считаются. Значение этих старых истин — вещь первостепенной важности. Верность и уважение к ним — это первый принцип, а в большинстве случаев — даже единственный принцип; ибо весьма часто, когда приходится иметь дело с явлениями настолько новыми, что они требуют серьезного изменения в наших прежних мнениях, люди игнорируют эти последние целиком или же дурно обращаются с теми, кто стоит за них. Вы, конечно, хотите услышать примеры, поясняющие этот процесс *роста истины*. Единственная трудность здесь — это изобилие материала. Простейший случай новой истины мы имеем, разумеется, тогда, когда к нашему опыту присоединяются новые виды фактов или новые отдельные факты старых видов. Это чисто количественное нарастание нашего опыта не ведет за собой никаких изменений в старых воззрениях. Дни следуют один за другим, и вносимое каждым из них новое содержание просто прикладывается к прежнему запасу. Само по себе это новое содержание не истинно: оно просто приходит, оно есть. Истина же — это то, что мы говорим о

нем, и когда мы говорим, что оно пришло, то истина и заключается просто в этой формуле прибавления.

Но часто приносимое новым днем содержание принуждает нас к модификациям. Если бы я начал вдруг издавать пронзительные крики и вести себя, как сумасшедший, на этой кафедре, это побудило бы многих из вас изменить свое мнение о ценности моих воззрений. В один прекрасный день появился «радий» как новое жизненное содержание, и одно время, казалось, вступил в противоречие с нашими основными воззрениями на закономерность явлений природы, закономерность, сформулированную в так называемом законе сохранения энергии. Когда увидели, что радий выделяет тепло в неограниченном количестве и словно выкладывает его из собственного своего кармана, то это показалось нарушением закона сохранения энергии. Что оставалось думать? Если бы допустить, что путем лучеиспускания радий высвобождает особую внутриатомную «потенциальную» энергию, о существовании которой до сих пор и не подозревали, то принцип сохранения был бы спасен. Сделанное Рэмсеем наблюдение, что в результате лучеиспускания радия получается гелий, открывало дорогу для этой гипотезы. В настоящее время точка зрения Рэмсея всеми признается истинной: хотя она и расширяет наши старые понятия об энергии, но благодаря ей в прежних наших воззрениях произведены минимальные изменения.

Я не буду умножать примеров. Всякое новое знание признается «истинным» ровно постольку, поскольку оно удовлетворяет желание индивида *согласовать и ассимилировать свой новый опыт с запасом старых убеждений*. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тесно примыкать к старым истинам, и успех его (как я только что сказал) зависит от моментов чисто личного, индивидуального свойства. При росте старых истин путем обогащения их новыми большую роль играют *субъективные основания*. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этим субъективным основаниям. Та новая идея будет наиболее истинной, которая сумеет наиудачнейшим образом удовлетворить оба эти наши требования. Новая идея делает себя истинной, заставляет признать себя истинной в процессе своего действия, своей «работы». Она словно прививает сама себя к прежнему запасу истин, который таким

образом увеличивается, подобно дереву, растущему благодаря действию нового отлагающегося слоя камбия.

Дьюи и Шиллер, идя дальше, обобщают это наблюдение и применяют его к самым старым слоям истины. И они тоже некогда были гибкими, пластичными. И они тоже были признаны истинными по субъективным основаниям. И они тоже являлись посредниками между еще более древними истинами и такими, которые в то время представляли собой новые наблюдения. Чисто объективной истины—истины, при установлении которой не играло бы никакой роли *субъективное удовлетворение от сочетания старых элементов опыта с новыми элементами*,— такой истины нигде нельзя найти. Те основания, в силу которых мы называем вещи истинными, представляют собой также те основания, в силу которых они суть истинные, ибо «быть истинным» и значит только совершить этот акт сочетания.

Субъективное, человеческое оставляет таким образом на всем свой след. Истина независимая; истина, которую мы только находим; истина, которую нельзя приспособить к человеческим потребностям; истина, одним словом, неисправимая, неизменная—такая истина существует, разумеется, в изобилии — или же принимается существующей мыслителями-рационалистами. Но в этом случае она обозначает лишь мертвую сердцевину живого дерева; ее существование означает лишь, что и истина имеет свою палеонтологию, свой срок давности, что она с годами службы окостеневает, окаменевают в глазах людей от одной только старости. Но как гибки еще, тем не менее, и древнейшие истины — это было наглядно показано в наши дни переворотом, происшедшим в логических и математических понятиях, переворотом, который, по-видимому, захватывает уже и физику. Старые формулы истолковываются теперь как частные случаи гораздо более объемлющих принципов, о современной форме и формулировке которых наши предки не имели ни малейшего представления.

Этой теории истины Шиллер дал название «Гуманизм», но так как для нас начинает входить во всеобщее употребление слово «прагматизм», то я говорю о ней под этим именем.

Итак, прагматизм представляется: во-первых — известным методом; во-вторых — известной генетической теорией истины.

Прагматизм чувствует себя неудобно, неуютно вдали от фактов. Рационализм чувствует себя отлично лишь посреди абстракций. Все эти прагматические речи об истинах во множественном числе, об их пользе и приносимом ими удовлетворении, об успехе, с которым они «работают», и пр.— все это наводит человека интеллектуалистической складки на мысль о каких-то грубых, низкопробных подделках и суррогатах истины. Такие истины для него - не реальные истины, они чисто субъективны. Объективная истина, напротив того, должна быть чем-то неутилитарным, высоким, утонченным, отдаленным, возвышенным, витающим над землею. Объективная истина должна быть абсолютным соответствием между нашими мыслями и столь же абсолютной действительностью. Она должна быть тем, что мы обязаны мыслить безусловно. Условный характер того, как мы фактически мыслим, не имеет здесь никакого значения: это касается психологии. Долой во всех этих вопросах психологию, и да здравствует логика!

Взгляните, как велик контраст между обоими этими духовными типами! Прагматизм применяется к конкретному, к фактическому, наблюдает истину за ее работой в отдельных случаях и затем обобщает. Истина для него — это родовое название для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте. Для рационалиста она остается чистой абстракцией, перед голым именем которой мы должны почтительно преклоняться. В то время как прагматизм пытается показать обстоятельно, почему именно мы должны оказывать истине такое почтение, рационалист не в состоянии узнать тех конкретных фактов, из которых извлечена его собственная абстракция. Он обвиняет нас в том, что мы отрицаем истину. На самом же деле мы стараемся лишь точно объяснить, почему люди ищут истину и всегда обязаны искать ее. Человек абстрактного склада мысли буквально шарахается при виде конкретных фактов: *ceteris paribus* он решительно предпочитает все бледное, призрачное, схематичное. Если бы ему предложили на выбор два мира, он непременно взял бы себе мир бесплотных схем, а не богатый и разнообразный мир конкретной действительности. Схема чище, яснее, благороднее.

В своей приверженности к фактическому прагматизм только следует примеру других наук, объясняя неизвестное через известное, уже наблюденное.

Прагматизм гармонически объединяет старое и новое. Он превращает абсолютно пустое понятие статического отношения «соответствия» между нашим духом и действительностью в доступное и ясное для всякого понятие о деятельном и многообразном взаимодействии между нашими частными мыслями и великим миром чужих опытов, в котором эти мысли играют свою роль и имеют свое значение.

Прагматизм, как он ни привержен к фактам, отличается, однако, тем от обычного эмпиризма, что не тяготеет, подобно ему, к материализму. Больше того, он ничего не имеет против употребления абстракций, если ими пользуются лишь с той целью, чтоб лучше разбираться в конкретных фактах, и если они действительно ведут к чему-нибудь. Так как он принимает лишь такие выводы, которые вырабатываются совместно нашим духом и нашим опытом, то он не имеет априорных предубеждений против религии. Если окажется, что религиозные идеи имеют ценность для действительной жизни, то, с точки зрения прагматизма, они будут истинны в меру своей пригодности для этого. Что же касается вопроса о том, можно ли им приписывать большую меру истинности, то решение его будет целиком зависеть от их отношений к другим истинам, которые тоже должны быть признаны.

Это положение можно применить к теории Абсолютного, выдвигаемой трансцендентальным идеализмом. Я считаю это учение величественным и доставляющим религиозное утешение целой категории лиц, но в то же время его можно упрекнуть в отчужденности от всего мирского и в бесплодности. Но, поскольку Абсолютное доставляет это утешение, оно, конечно, не бесплодно; оно имеет эту меру ценности; оно исполняет реальную, конкретную функцию.

Я хорошо понимаю, каким диким должно казаться многим утверждение, что какая-нибудь мысль «истинна» постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни. Вы легко, конечно, согласитесь, что, поскольку мысль полезна, она хороша. Если то, что мы делаем с помощью какой-нибудь мысли, хорошо, то вы готовы будете признать, что и мысль сама хороша в той же мере, ибо, обладая ею, мы чувствуем себя лучше. Но не значит ли это злоупотреблять смыслом слова «истина», если на основании этого называть мысли также и «истинными»?

Ответить исчерпывающим образом на этот трудный вопрос для меня невозможно. Здесь затрагивается самый центральный пункт нашего учения об истине. Могу лишь сказать, что *истина — это разновидность благого*, а не как это обыкновенно думают, отличная от благого и соподчиненная с ним категория. Истинным называется все то, что оказывается благим в области убеждений, и благим вдобавок в силу определенных наглядных оснований. В нашем действительном мире мы видим, что подобно тому, как некоторые питательные вещества бывают не только приятны на вкус, но и хороши для наших зубов, нашего желудка, наших тканей, так и некоторые идеи не только приятны, как объекты мышления или как опоры для других, дорогих нам идей, но и полезны также в практической борьбе жизни. Если бы перед нами был какой-нибудь иной, лучший, образ жизни и если бы вера в какую-нибудь идею помогала нам вести этот образ жизни, тогда действительно было бы для нас лучше верить в эту идею — исключая, разумеется, тот случай, когда вера в нее пришла бы в столкновение с другими, более важными, жизненными интересами.

Прагматизм не имеет никаких предубеждений, никаких стесняющих свободное исследование догматов, никаких неизменных канонов и критериев. Прагматизм вполне свободен, открыт всему. Он считается со всякой гипотезой, прислушивается ко всяким аргументам. Отсюда следует, что в религиозной области он имеет огромное преимущество, как перед позитивистическим эмпиризмом с его антирелигиозной тенденцией, так и перед религиозным рационализмом с его исключительным тяготением к отчужденному от мира, высшему, абстрактному. Словом, прагматизм расширяет поприще для искания Бога. Рационализм прилепляется и к логике, и к небесам. Эмпиризм прилепляется к внешним чувствам. Прагматизм же готов остановиться на чем угодно, готов следовать за логикой или за чувствами и считаться с самыми скромными, самыми личными переживаниями.

Заметно, какой *демократический характер* имеет прагматизм. Его способы действия так же разнообразны и гибки, его ресурсы так же богаты и безмерны, и его выводы так же любвеобильны, как у самой матери-природы.

**А. ПФЕНДЕР. ПСИХОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ
ОПЫТНАЯ НАУКА. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧА ПСИХОЛОГИИ.**

Если нет психической действительности, то отсутствует сам предмет психологии. Если такая действительность хотя и существует, но не может быть научно познана человеком, то психология как наука невозможна. Поэтому задача психологии как науки состоит в познании качества и закономерности *психической действительности*, в определении всех различных в психической действительности элементов и сторон в их отношениях и переплетениях. Только *индивидуальные душевные жизни* могут образовать *предмет психологии*. Вообще такая душевная жизнь, которая не была бы индивидуальной, не может даже служить для нас предметом опытного

исследования, так как опыт не представляет нам таковой. Именно *субъективный метод* в его научном понимании должен быть положен в основу всех других психологических методов (эксперимента, генетического метода, метода изучения продуктов духовной деятельности и др.) Все другие методы психологии решительно не могут заменить этот метод; наоборот, они повсюду базируются на его результатах и могут служить для него лишь восполнением.

Опытная наука. Как ни изменялась психология в своем развитии, как ни различны еще и в настоящее время мнения относительно ее задачи и методов, всегда, однако, господствовал тот взгляд, что психология есть наука или должна быть таковой...

В настоящее время нам представляется само собою понятным, что познания относительно действительного мира не могут быть получены с помощью одного лишь мышления, т. е. чисто рациональным путем, а только путем внимательного изучения действительности. Наука о действительном может надеяться достигнуть своей цели путем внимательного наблюдения, путем сравнивающего и различающего исследования самого действительного мира, т. е. *путем опыта*. Науки о действительности могут быть только опытными науками, а не чисто рациональными науками. И психология, как наука о чем-то действительном, не хочет в настоящее время быть *рациональной психологией*, а только *опытной наукой*.

Господствующие в повседневной жизни взгляды предшествуют собственно науке и образуют ее исходный пункт. Всякая опытная наука может начинать лишь с того, что она прежде всего собирает господствующие в повседневной жизни взгляды относительно данной области действительности и принимает их за исходную точку. Она не может начинать совершенно сначала, ибо ведь взрослый человек создает науку, и человек не в состоянии вернуться назад к состоянию новорожденного. Разумеется, было бы нелепостью требовать, чтобы опытная наука без всякой критики и проверки принимала за незыблемую основу всей своей дальнейшей работы указанные выше взгляды повседневной жизни. Напротив, задача ее, помимо распространения познания на всю область опыта, будет состоять также в объективной проверке и логическом очищении найденных популярных познаний.

Итак, опытная наука возникает из господствующих в повседневной жизни познаний относительно определенной области действительности. Но в своей работе она не пользуется какими-либо совершенно новыми законами и методами мышления, которые были бы изобретены для ее целей. Напротив, она пользуется той же самой мыслительной деятельностью, какую каждый применяет в повседневной жизни. Только деятельность эту она развивает насколько возможно планомерно и систематически, и ближайшей целью для нее ставит исключительно *познание истины*. Таким образом она стремится выйти за пределы ограниченного и частичного познания действительности, свойственного индивидуальной повседневной жизни, и хочет достигнуть возможно полного, систематизированного и единого познания данной области действительности. Опытные науки в своей совокупности хотят, в конце концов, охватить вообще всю действительность; все единичное, все отдельные вещи, индивидуумов, процессы и события действительности они хотят познать, как особенные примеры определенного, ограниченного числа *типов и законов*.

Материальная действительность. Итак, опытные науки имеют своим предметом действительность. Характерно, что при слове «действительность» мы прежде всего думаем всегда о той действительности, часть которой дана непосредственно в чувственном восприятии. Именно этот находящийся передо мною, пространственно протяженный и длящийся во времени мир вещей, пространственно расположенных, окрашенных, твердых или мягких, обладающих запахом и вкусом, производящих шумы, – именно этот пространственный, материальный мир и придает прежде всего слову «действительность» его содержание.

Этот материальный мир, действительно, прежде всего пробуждает интерес и внимание отдельного человека, от него зависит в разнообразной форме его благосостояние и испытываемые им бедствия. Поэтому он является первым предметом исследования для мыслящего человека. Культурное человечество давно занялось научным исследованием этой материальной действительности. Благодаря непрерывным усилиям бесчисленных отдельных выдающихся людей, усилиям, длящимся уже целые столетия вплоть до наших дней, человечеству

удалось познать в обширных размерах качества и закономерности материального мира.

Познание материальной действительности распределяется между целым рядом отдельных опытных наук, между, так называемыми, *естественными науками*. О качествах и закономерности небесных тел повествует вообще астрономия и астрофизика. Геология обращается от неба к тому небесному телу, которое образует арену человеческой истории, к земле, и исследует ее качества, как неорганического тела. Покрывающий землю растительный покров и населяющих ее животных изучают ботаника и зоология. Физика и химия показывают нам, какие общие закономерности господствуют над изменениями земных тел, а биология стремится выяснить законы органической жизни. Опытные науки стремятся также исследовать насколько возможно и прошлое, историю этой материальной действительности, исторический ход ее изменений.

Духовное завоевание материального мира достигло значительных успехов и непрестанно движется вперед. Если цель и бесконечна, то победное шествие человеческого духа не может быть остановлено человеческим ослеплением и своекорыстием.

Психическая действительность. Если бы эта материальная действительность являлась единственной действительностью, то для остальных опытных наук, следовательно, и для психологии, не было бы уже места. Но разве действительность на самом деле исчерпывается материальным миром? Разве помимо того, что исследуют естественные науки, нет уже ничего действительного? Ясно, что утвердительный или отрицательный ответ на этот вопрос решает вопрос о самом существовании психологии. Ибо раз вопрос этот решается в отрицательном смысле, то исчезает вообще самый предмет психологии, который она могла бы наследовать в качестве особенной науки. Итак, ближайшая, главная задача заключается в том, чтобы выяснить вполне, что помимо материальной действительности имеется еще другая действительность, психическая действительность, и психология возможна, следовательно, как *особенная эмпирическая наука*.

Исключительная привычка к научному рассмотрению материального мира легко приводит, на самом деле, к тому, что мы не замечаем существования

нематериальной действительности. Лица, получившие естественнонаучное образование, выражают неудовольствие, когда утверждается существование чего-то такого, чего нельзя схватить вспомогательными средствами естественнонаучного наблюдения. Они считают себя обязанными бороться против таких утверждений, как против мистических фантазий. Необходимо, следовательно, доказать, что психическая действительность существует.

Уже в обыкновенной жизни для нас в пределах материального, чувственно воспринимаемого мира или в связи с ним существует другая действительность, в факте которой мы никогда не сомневаемся. Даже тот, кто в научном споре отрицает это существование, непроизвольно признает его в повседневной жизни.

Всякий допускает, что в течение жизни с чувственно воспринимаемыми человеческими телами интимно связан другой мир, хотя и невидимый, но, все же действительный. И со всяким отдельным живым телом мы связываем индивидуально замкнутую в себе, чувственно не воспринимаемую сферу действительности. Собственно серьезно оспаривается не существование этих сфер действительности: предметом глубоких разногласий служит их отличное от материальной действительности своеобразие и их обособленное значение в связях общей действительности.

Несомненно, если угодно, то и человеческие тела можно рассматривать как просто материальные, хотя и несколько сложные, машины, т. е. можно игнорировать, что они имеют еще и другую сторону. Фактически анатомия и физиология человека стоят на этой точке зрения. И можно признавать задачей этих обеих наук, что они должны раскрыть нам закономерности строения и деятельности того вида машин, который мы называем человеческим телом. Но ведь в сущности всякий сознает, что он в этом случае игнорирует нечто такое, что фактически существует. Пусть даже он обозначает это, имеющееся налицо, как излишний туман. Однако, ведь и такой туман есть нечто действительное. Будет ли он излишним, или нет — это безразлично. Важно то, что он существует.

Представим себе ясно те результаты, к каким мы пришли бы, если бы мы действительно захотели рассматривать людей в повседневной жизни как простые материальные машины, так, как мы рассматриваем, например, карманные часы или вагон трамвая. Мы должны были бы в таком случае допустить, что человек, с

которым мы говорим, существует лишь в качестве материального тела, что он не видит нас, не слышит того, что мы говорим, что в теле его происходят лишь известные материальные процессы, что он решительно ничего не представляет, абсолютно ничего не думает, и что он вообще не знает никаких чувств. А, с другой стороны, когда он отвечает нам, он ничего не хочет и ни к чему не стремится, а в его теле происходят лишь телесные процессы; он абсолютно ничего не мыслит, не представляет, не чувствует, и, следовательно, движения речи происходят в его теле помимо каких бы то ни было мыслей, чувств и воли. Пусть даже нечто подобное наблюдается у людей чаще, нежели это думают. Однако, было бы преувеличением утверждать, что так оно есть у всех людей и всегда. Напротив, мы с полным правом можем допустить, что со всяким видимым, живым человеческим телом связана *индивидуально замкнутая в себе душевная жизнь*. Ибо очевидно, что люди не только просто существуют, подобно другим материальным объектам, но они воспринимают также и окружающую их обстановку и свое собственное тело, они представляют и многое такое, чего они не воспринимают. Они знают о прошлом и будущем, они высказывают суждения и делают выводы, они испытывают удовольствие или неудовольствие, они исполнены чувств по отношению к материалному миру, по отношению к другим людям или к себе самим. В них теснятся и бушуют стремления и страсти. Они ставят сознательные цели своей деятельности, они выбирают соответствующие средства для их осуществления и осуществляют желаемое с сознанием своей деятельности.

Невозможно отрицать существование собственного психического бытия и собственных психических процессов. Невозможно серьезно считать себя самого за простую материальную машину. Ибо кто может отрицать, что он сам ощущает, представляет, воспринимает, мыслит, верит, чувствует и хочет! Но этот процесс ощущения, это представление, восприятие, мышление, вера, чувство, хотение сами по себе не суть какой-либо материальный процесс, а нечто психическое. Всякий необходимо вынужден признавать свое собственное психическое бытие и свои собственные психические процессы, должен признать, что он является более, чем чистой телесной машиной.

Психология, как эмпирическая наука, хочет познать известную область действительности в ее качествах и закономерности. Помимо материальной действительности мы констатировали здесь еще нечто другое действительное, что может служить предметом особенной эмпирической науки. То, что отличает машину от человека, то, что имеется помимо материального живого тела человека и мыслится нами в повседневной жизни как существующее, – может образовать предмет особенной науки. И эта наука и есть именно психология. Мы называем это «психической действительностью» и в дальнейшем хотим придать ей и ее своеобразию отчетливый облик.

Практическое знание людей и психология. Уже в обыкновенной жизни мы не ограничиваемся простым признанием существования индивидуальной душевной жизни. Напротив, практические отношения и теоретический интерес вынуждают нас ознакомиться детально с психической действительностью. Мы стремимся на основании чувственно воспринимаемых выражений людей, на основании выражения их лица, жестов, слов и поступков познать их мгновенные или постоянные качества, разгадать их мгновенные или постоянно преобладающие мысли, чувства, настроения, намерения и решения воли. Благодаря этому всякий человек приобретает в течение своей жизни более или менее обширный запас знаний о действительной психической жизни и ее закономерностях. Таким путем у всякого человека возникает *ряд образов различных личностей*, он знакомится с качеством и строением наблюдающихся в них психических процессов, он познает различные способы, как можно было бы воздействовать на эти психические процессы и вызвать в них определенное изменение. И это, как бы само собою возникающее, практическое знание людей – уже здесь следует обратить на это внимание – не есть знание о материальном бытии или о материальных процессах; оно не представляет собой знания материальных процессов в мозгу. О таких мозговых процессах знаток людей может не иметь ни малейшего представления. Напротив, оно есть знание о чем-то воспринимаемом не чувственным путем, о чем-то, принадлежащем к психической действительности. В конце концов, то, что собственно интересует нас в повседневной жизни в человеке и пробуждает наши непосредственные чувствования, – это не столько его внешние чувственно воспринимаемые

проявления, как таковые, сколько *психическое бытие и жизнь, связанные с этим телом*. Именно это возбуждает наше внимание в человеческом теле, именно оно образует предмет нашего удовольствия или неудовольствия, нашей радости или печали, нашей надежды или опасения, нашего расположения или нерасположения, нашего одобрения или неодобрения. И притом это психическое бытие и жизнь возбуждают наше чувство не потому только, что отсюда могут проистекать для нас благоприятные или вредные последствия: но сила или слабость, богатство или бедность, отчетливое единство или хаотический разброд душевной жизни других лиц уже сами по себе суть предмет живых чувств, безразлично, эстетических, или этических. Но и в этом случае нужно заметить, что то, что нравится или не нравится нам, – это не процессы в мозгу или материальное бытие, или явление какого-либо другого рода, а именно психическое бытие или психические процессы.

Имеется еще одно особенное основание, благодаря которому психические процессы в других людях становятся в высшей степени интересными явлениями для человека. В других людях он усматривает *зеркальное отражение себя самого*. Он хотел бы встречать с их стороны внимание к себе и высокую оценку. В сообществе с другими людьми он не довольствуется тем, что просто присутствует здесь. Слепое влечение почти неодолимо побуждает его производить на них впечатление, он стремится вызвать в них самый благоприятный образ себя самого. Поэтому, он с напряженным вниманием следит за психической жизнью других людей, имея в виду характер производимого им впечатления. У большинства людей соображение о том впечатлении, какое их собственная личность производит на других людей, играет всегда большую роль. В данном случае важно не то, что это соображение оказывает необычайное воспитательное влияние и не то, что оно порождает также различные пороки и заблуждения. Тут важно то, что уже в повседневной жизни оно очень часто заставляет человека делать предметом своего представления, мышления и чувствования психические процессы.

В рассмотренных случаях психическое бытие и процессы составляют предмет нашего знания и чувствования. Так же и в искусстве, возьмем ли мы сценическое представление или чтение романов, новелл, стихотворений, станем

ли мы рассматривать пластические или художественные произведения искусства, изображающие людей, – повсюду собственным предметом нашего наслаждения являются чувствования, переживание, стремление и деятельность. Разумеется, собственным представлением психическая жизнь становится в этом случае для нас не во время эстетического наслаждения, а лишь тогда, когда мы начинаем размышлять по этому поводу и относимся ко всему критически.

В виду того многообразного значения, какое психическое бытие и психические процессы имеют для нас в повседневной жизни, мы не ограничиваемся тем, что делаем психическое лишь предметом нашего *представления, мышления и чувствования*: в то же время мы делаем его непрестанно также и предметом нашего *хотения и нехотения*. В какой разнообразной форме и как часто человек пользуется своим практическим знанием людей, с целью вызвать в других людях определенные психические переживания, воспрепятствовать их появлению, усилить или заглушить их! Мы повсюду видим, как люди стараются *оказать влияние* на психическую жизнь других людей, пробудить в них определенное восприятие, представление, мышление, веру, чувствование, хотение и деятельность. Здесь один говорит, там другой пишет, а тут печатаются газеты, книги, плакаты; там изготавливаются витрины, где-либо в другом месте ставят статуи и выставляют картины, играет музыка; на улицах, в театрах, концертах, на балах и в обществах люди стараются вести себя определенным образом, стараются одеваться в известную одежду, стараются придать себе определенное выражение лица, делать известные жесты и совершать известные поступки. И ради чего все это? Что служит здесь ближайшей целью? Быть может, желание вызвать в других людях какие-либо мозговые процессы? Об этом никто не думает. Если отвлечься от всех более далеких целей, то всем этим поведением люди хотят оказать влияние на психическую жизнь других людей. Не только воспитатель и учитель, которые руководят юными личностями и содействуют их развитию; не только законодатель и уголовный судья, которые вторгаются в определенном направлении в психическую жизнь взрослых; не только врач, психически ухаживающий за больными; не только художник и поэт, которые хотят создать для человека высшие наслаждения; не только купец и фабрикант, который с

помощью витрин и реклам хотел бы пробудить в людях определенную веру и определенное стремление, – но и всякий человек, который вообще разговаривает с другим человеком или хочет поразить другого человека одним лишь своим внешним видом и поведением, стремится оказать воздействие на психическую жизнь других людей. Пока мы живем среди людей и находимся в общении с ними, до тех пор никто из нас не может не влиять на их психическую жизнь. Когда мы проходим по улицам города, то на каждом шагу мы без конца наталкиваемся на стремления других людей воздействовать известным образом на нашу душевную жизнь. Несомненно, люди часто ошибаются на счет своих средств и не достигают того действия, какое они имеют в виду. Но довольно часто им удается повлиять своим поведением на большую массу людей и достигнуть таким образом своих целей.

Таким образом многократно переплетающаяся система бесчисленных стремлений, имеющих в виду оказать влияние на психическую жизнь, связывает друг с другом отдельных психических индивидуумов. И каждый из этих взаимосвязанных индивидуумов уже в обыкновенной жизни обладает более или менее обширным и точным знанием психического бытия и психических процессов.

Предпосылки практического знания о психической действительности. Наука о психической действительности требует планомерно и систематически расширить, исправить и очистить практическое знание повседневной жизни. Что же касается необходимых для этого предпосылок, то это те же самые предпосылки, что логически лежат в основе практического знания людей и его применения.

Предпосылки практического знания людей носят тройкий характер. В повседневной жизни при познании психической жизни других людей мы необходимо исходим от чувственно воспринимаемых материальных тел и их чувственно воспринимаемых жизненных проявлений, т. е. от определенных слов, определенного поведения, положений, жестов, выражений лица и поступков. Отсюда мы стремимся констатировать существование определенных, чувственно не воспринимаемых мыслей, чувств, намерений и волевых решений. Предполагается, что между определенными телесными состояниями и

процессами и определенным духовным бытием и процессами существует закономерная связь. Так что определенное духовное бытие и процессы всегда **выражаются** в определенных телесных положениях и движениях. Разумеется, даже в случае существования закономерной связи между душевными процессами и телесными жизненными проявлениями, всякому отдельному телесному проявлению не необходимо должен соответствовать один единственный определенный душевный процесс. Напротив, жизненное проявление может носить **психически многозначный характер**.

Второй предпосылкой, лежащей в основании практического знания людей, служит та предпосылка, что психическое бытие и процессы носят закономерный характер, и что у различных индивидуумов они, в сущности, **однородны**. Так, например, в своем практическом отношении к другим людям мы допускаем, что они должны вновь узнать нас, если незадолго до этого они несколько раз видали нас. При прочих одинаковых обстоятельствах в психической жизни наступает одинаковое состояние; различные люди обнаруживают однородные черты психического бытия и процессов, несмотря на всё свои индивидуальные различия. Ясно, что это как раз и составляет жизненное условие психологии, как науки. Результаты психологии претендуют на значимость не только в применении к какому-либо единственному индивидууму, но и в применении ко всем людям.

На чужое психическое бытие и на чужие психические процессы мы можем влиять только путем внешних воздействий на соответствующие тела. Наше общение с другими индивидуумами опосредствуется телом. И в основе этого общения лежит предпосылка, что определенные **внешние воздействия** имеют всегда при определенных обстоятельствах определенные **психические последствия**. Когда мы, например, говорим с кем-либо, то мы допускаем, что он слышит и должен слышать наши слова, раз его орган слуха в порядке и его внимание не поглощено полностью чем-либо другим. Мы предполагаем далее, что где бы он ни изучал свой родной язык – он правильно связывает с услышанными словами определенный смысл; что услышанные слова вызывают в нем представление о том, что обозначается этими словами.

Те предпосылки, из которых исходит психология как наука не есть что-либо новое и неслыханное. Напротив, всякий делает их уже *implicite* в повседневной жизни и находит здесь их подтверждение. Если еще затем самый результат доказывает возможность приобретения психологического познания, то предпосылки тем самым оказываются подтвержденными. И сама психология является подтверждением этих предпосылок.

Характер практического знания. Из сказанного выше может, пожалуй, получиться впечатление, словно мы уже в практической жизни обладаем обширным психологическим знанием, обладаем психологией в собственном смысле, хотя без должной полноты. Так что в этом случае для научной психологии оставалось бы немного дела. Однако, более точное рассмотрение характера всякого практического знания людей показывает, что последнему еще очень далеко до психологии как науки.

Практическое знание людей носит характер *интуитивного познания*, которое возникает путем «*сочувственного переживания*». Это интуитивное познание путем сочувственного переживания не представляет собой таинственного, сверхъестественного проникновения в чужие душевные жизни. По отношению к другим индивидуумам мы можем при определенных обстоятельствах перенестись мысленно в воспринятые или мыслимые другие тела и затем переживать непосредственно то, что мы могли бы переживать, мыслить, чувствовать, к чему мы могли бы стремиться и что мы могли бы делать, если бы находились в таких телах и при таких обстоятельствах. А когда мы затем бросаем ретроспективный взгляд непосредственно на это наше воображаемое переживание, то мы получаем таким образом картину чужого психического бытия и чужих психических процессов. Верность этой картины, естественно, зависит от того, насколько правильно мы схватываем внешний облик чужих людей и особенные обстоятельства, в которых они находятся; насколько мы в состоянии вполне перенестись в них, и насколько богаты наши собственные опыты и переживания.

Однако, одним лишь таким путем мы не можем получить еще психологию в смысле науки. Даже в том случае, когда наше знание людей возвышается в повседневной жизни до общих правил; когда от других людей и благодаря языку

мы получаем путем традиции отдельные общие представления о психической действительности, – даже в этом случае возникает лишь неполное, отрывочное знание, которое в большинстве случаев является односторонним и лишь наполовину истинным. Оно оперирует с очень сложными фактами, нисколько не заботясь о более точном их качестве и различении.

Но хотя практическое знание людей и не есть еще наука, оно образует, все же, исходный пункт и всегда плодотворную основу научной психологии. Интуитивное познание путем сочувственного переживания доставляет психологу прежде всего материал его исследования. Сочувственное переживание представляет собой собственный эксперимент психолога. От доброкачественности и надежности этого эксперимента во многом зависит ценность его работы. Сочувственное переживание предохраняет его от ошибок и позволяет ему сразу же распознавать правильность и ошибочность чужого или собственного психологического утверждения. Разумеется, он должен кроме того обладать *способностью к рефлексии, анализу и научной индукции*, обладать склонностью производить все это. И лишь таким образом он может возвысить практическое знание людей до научной психологии.

К отмеченной ценности, какую практическое знание людей имеет для деятельности психолога, присоединяется еще одна его особенная и необычайная польза для психологии. Действительно, у психологии имеется то большое преимущество перед другими науками, что она может предполагать у всякого надежное знакомство с ее предметами, что ей не приходится еще отыскивать и устанавливать совершенно неизвестные факты: она может, напротив, указать всегда на уже известное. Для взрослого человека, когда он приступает к занятию психологией, фактически материал этой науки, по крайней мере, в целом является уже *известным*.

Но практическое знание людей заключает в себе ту вредную сторону, что психические факты, которые мы часто переживали и представляли себе в качестве переживаний других людей, мы начинаем рассматривать как очень простые, и нам трудно бывает понять, что некоторые более сложные психические процессы должны подвергаться детальному анализу. Кроме того, привычный психический процесс легко представляется нам, как сам собою понятный и как не

требующий никакого дальнейшего объяснения. Ясно, что прогресс психологии благодаря этому может сильно задерживаться.

Знакомое, повседневное, привычное утратив свою привлекательность, не производит уже никакого особенного впечатления, оно интересует уже мало. Поэтому, если в повседневной жизни мы в целом вполне освоились с психической областью, то мы непроизвольно начинаем обращать свое внимание не на привычные факты этой области, а, напротив, на **необыкновенное, уродливое и патологическое**. Это приводит некоторых к убеждению, что эти факты будто бы и являются для психологии самым важным и исключительно достойным внимания. Однако, в действительности, научное исследование необыкновенного и патологического не может быть успешным, пока мы не выяснили и не познали в достаточной мере повседневное и **нормальное**.

Часто именно обладание практическим знанием людей сильно затрудняет ясное и беспристрастное уразумение психических фактов. Так что требуются особенные задатки и продолжительная практика, чтобы разрешить удовлетворительно эту задачу психологии.

Задача и определение психологии. Итак, практическое знание людей имеет тот же предмет, что и психология; оно касается отличной от материального мира, чувственно не воспринимаемой, другой действительности, именно, психического бытия и психических процессов. В то же время оно образует основу для деятельности психолога. Психология есть опытная наука о психической действительности. Задача психологии, как науки: **познание качества и закономерностей психической действительности**. Чтобы выполнить эту задачу, она должна прежде всего проанализировать те сложные факты, которые во всякий момент образуют психическую действительность. Т.е. она должна выделить или указать все различимые в психической действительности **элементы или стороны**. Но элементы или стороны в фактически данном психическом комплексе какого-либо мгновения не только существуют одновременно, но вместе с тем они своеобразно переплетены друг с другом и стоят друг к другу в разнородных отношениях. Если, следовательно, психология хочет дать верную картину качества психической действительности, то она должна установить и выяснить также и эти сплетения и **отношения** элементов

или сторон. Если проследить затем течение психической жизни за более долгий промежуток времени и сравнить факты из различных времен, то оказывается, что через все это время проходит одна какая-либо абстрактная **основная форма**, и что известные более конкретные факты появляются всегда вновь в большей или меньшей однородности. Психология должна затем определить в точности, как качество этой основной формы, так и закономерную форму этих однородных фактов. Но психическая жизнь, несмотря на постоянную основную форму и несмотря на однородность всегда вновь повторяющихся фактов, непрерывно **изменяется** в каждый момент времени. Какой характер носят эти изменения, от каких условий зависят они, по каким **общим законам** следуют они? Ответ на эти вопросы составляет затем вторую главную задачу психологии.

Насколько мы знаем, психическая действительность существует только в **индивидуальных формах**. По крайней мере, нам прежде всего даны только отдельные индивидуальные душевные жизни. Только индивидуальные душевные жизни могут образовать, следовательно, предмет психологии. Вообще такая душевная жизнь, которая не была бы индивидуальной, не может служить для нас предметом опытного исследования, так как опыт не представляет нам таковой. Таким образом, получается впечатление, словно психология не может и не должна была бы давать ничего иного, кроме истории индивидуальной жизни, т. е. ничего, кроме описания качеств и течения конкретной единичной душевной жизни со всеми ее особенностями; следовательно, ничего иного, кроме одной или нескольких психических биографий. Несомненно, такая задача представляла бы интерес, хотя в действительности она невыполнима полностью. Но это была бы уже не психология, а история одного или нескольких определенных индивидуумов. Психология, в отличие от истории имеет в виду общее и общую закономерность, т. е. она стремится по возможности изобразить **однородное во всех нормальных индивидуумах психическое бытие и процессы**. Правда, в качестве опытного материала ей всегда дано только конкретно индивидуальное, как и для физики исходным пунктом ее исследования служат всегда лишь конкретные, единичные тела. Но она не останавливается на этом, а смотрит, нельзя ли в том, что она находит здесь, распознать такие закономерности, которые наблюдаются также и у всех других индивидуумов. Лишь отыскав эти

общие закономерности, она может классифицировать индивидуальные различия и пытаться объяснить их соответственно условиям. Можно даже сказать, что индивидуальная душевная жизнь служит и исходной точкой для психологии, и ее последней целью. Ибо нужно раз навсегда уяснить себе, что собственной и последней целью психологии не является и не может явиться обладание общими закономерностями: она не может на этом успокоиться. Напротив, собственная ценность этих общих закономерностей заключается ведь только в том, что они дают нам возможность ознакомиться и сделать понятным действительное бытие и процессы, т. е. индивидуальную душевную жизнь. Только психология не повествует нам о тех различных конкретных комбинациях, какие фактически следуют друг за другом во времени. Она научает нас, напротив, познавать постоянные элементы и постоянные закономерные связи и последовательности элементов. Она предоставляет нам применять эти познания к отдельным конкретным переживаниям индивидуумов. Эти переживания она должна, конечно, сама описать наперед в достаточной мере, чтобы проверить таким образом значимость своих познаний. И при этой проверке она встретит индивидуальные различия, видоизменения тех результатов, которых можно было бы ожидать согласно общей закономерности. Это дает ей затем возможность различать *типы индивидуумов* и обосновать так называемую «индивидуальную» («differentielle») психологию.

Указанная выше постановка задач для психологии исключает, однако, такие вопросы, ответов на которые иногда ожидали от нее. Можно хотеть исследовать существование психической действительности относительно ее условий, ее начала и ее продолжительности. Можно хотеть знать, возникают ли души и прекращаются ли они снова, и при каких условиях имеет место это возникновение и это прекращение. В особенности же люди сильно интересовались всегда вопросом о бессмертии души. Но в собственную задачу психологии не может входить разрешение таких вопросов. Ибо, во-первых, наши опыты недостаточны для разрешения таких вопросов. А затем главная задача психологии как опытной науки заключается в том, чтобы познать это фактически преднаходимое нами действительное, которое мы называем *психическим миром*,

в его качествах и закономерности. Во всяком случае, эта задача образует завершённый в себе предмет психологии.

Мы знаем уже, что знание людей и в жизни, и в искусстве, и в других областях является необходимым средством для её успешной деятельности. Психология должна иметь большое значение для всех тех областей, которые обыкновенно ещё довольствуются приобретенным в повседневной жизни практическим знанием людей. Более того, мыслимая в завершённой форме психология будет служить неизбежным и необходимым вспомогательным средством для воспитателя, учителя, юриста, врача, историка, а также для таких специально-философских дисциплин, как логика, этика, эстетика, и для вопроса об отношении психологии к этим наукам, которые точно также исследуют психическую жизнь.

Выше мы выделили предмет психологии из общей действительности, мы специализировали общую цель опытных наук для этой психической действительности, определили психологию как *науку о качествах и закономерностях психической действительности или психического мира.*

Данная дефиниция психологии, как мне кажется, в большей мере удовлетворяет законным требованиям, предъявляемым к такой дефиниции, нежели обыкновенно устанавливаемых. Если определить, например, психологию, как «учение о душе», или как «науку о сознательных явлениях», то эти дефиниции не являются более ясными и в то же время не дают более правильной картины психологии. Напротив, из них тотчас же вытекает целая масса вопросов, на которые нельзя дать ответа без дальнейших рассуждений. Так понятие души носит метафизический характер и потому не должно стоять в самом же начале психологии. Что касается второй дефиниции, то тут возникают вопросы о том, что именно следует понимать под сознательными явлениями: имеется ли здесь в виду то, что «является данному сознанию»; или то, что «происходит в сознании» и т. п.

Субъективный метод. Самонаблюдение и внутреннее восприятие.

Пока мы устремляем свой взор «во вне», т. е. на чувственно воспринимаемый мир, – до тех пор мы не встречаем ничего психического. Правда, мы убеждены в том, что с отдельными человеческими телами, которые мы чувственно воспринимаем, связаны определенные индивидуальные психические

действительности. Но мы не можем ни видеть, ни слышать, ни осязать этой чужой психической жизни, мы не в состоянии и воспринимать ее непосредственно каким-либо иным образом. Нашему взору представляются непосредственно лишь тела. Однако, вспомним также, что каждый из нас является не только чувственно воспринимаемым телом, но вместе с тем и психическим индивидуумом с психическими переживаниями. Каждый из нас ощущает, воспринимает, представляет, мыслит, чувствует удовольствие и неудовольствие, стремится, хочет и исполнен внутренней деятельности. Каждый из нас представляет собой индивидуальную психическую действительность, в которой в течение бодрствующей жизни неустанно несетя поток психических процессов. В каждом из нас, следовательно, имеется то бытие и те процессы, более точное познание которых как раз и образует задачу психологии.

Но теперь следует обратить внимание на то, что хотя каждый и является психическим индивидуумом с психическими переживаниями, но с этим не связано еще знание об этих психических переживаниях. Вполне мыслимо, напротив, что в индивидууме имеются фактически разного рода ощущения, представления, мысли, чувства, стремления и деятельности, – и, однако, индивидуум этот может не иметь знания о своих теперешних и прошлых переживаниях, о своих ощущениях, представлениях, мыслях, чувствах, стремлениях и деятельности. Такой индивидуум попросту весь растворялся бы во всех этих переживаниях и имел бы знание лишь о предметах и процессах материального мира, а не о своих собственных переживаниях. Он видел бы, слышал бы и осязал бы многое, ничего не зная об этом видении, слышании и осязании. Он чувствовал бы удовольствие и неудовольствие и стремился бы теперь к одному, другой раз к другому предмету, – и все же, само это чувствование и стремление не становились бы предметом его знания. Душевная жизнь животных протекает, вероятно, в значительной степени таким образом. Их знание, по-видимому, касается преимущественно материального мира, а не их собственных переживаний. Очень важно уяснить себе и всегда помнить об этой возможности. Часто встречающееся в прежней психологии утверждение: все психические переживания по своей природе сопровождаются всегда знанием о них, в такой всеобщности неверно.

Но мы говорили здесь, правда, лишь о мыслимом случае: мыслимо, что психические переживания происходили бы совершенно безо всякого знания о них. Но фактически всякий взрослый человек обладает известным знанием о своих собственных психических переживаниях. Мы должны даже признать, что собственная психическая действительность является для всякого вообще единственной психической действительностью, которая **непосредственно доступна для его знания**. Как «выглядит» вообще психическая действительность, что представляют собой в реальной жизненности ощущения, представления, что такое внимание, воспоминание, процесс суждения, чувствование, стремление, хотение, и т. д., – все это всякий может узнать лишь исключительно в том случае, когда обращает свой взор на свои собственные переживания.

По образцу своей собственной психической действительности он может затем **создавать образы чужих психических переживаний**. Если вообще возможно знание о психической действительности, если оно наблюдается фактически, то свой первоначальный источник оно может иметь только в знании о собственной психической действительности. Тот путь, который ведет к **собственной психической жизни**, есть, по – видимому, единственный путь, которым вообще можно прийти к непосредственному познанию психической действительности. Он необходимо образует **главный путь для психологии**. Но как пролегает этот путь? Действительно ли он так прям и короток, как это изображает утверждение, гласящее: что у человека со всяким психическим переживанием всегда связано знание об этом психическом переживании? Фактически этот путь к собственной психической действительности не так прост и короток, чтобы он мог исключать ошибки.

Прежде всего и у взрослого человека отнюдь не всегда и не со всеми психическими переживаниями бывает связано знание о них. Ни один человек, видя или слыша нечто или как-либо иначе чувственно воспринимая это, никогда не думает одновременно об этом своем видении, слышании или восприятии. Тот, кто не мог бы вполне отдаваться ни одному делу, а должен был бы всегда одновременно с тем думать о себе самом и о своем восприятии вещи, – такой человек был бы в высшей степени несчастен. Если такое поведение угрожает

стать обычным явлением, то оно дает себя знать, как неприятное расстройство нормального поведения. Наивный человек в большинстве случаев будет воспринимать, представлять, мыслить, чувствовать, страстно возбуждаться, стремиться и т. д. отнюдь не имея одновременно с этими переживаниями знания об этих переживаниях. Его внутренний взор обращен на предметы этих переживаний, а не на эти его собственные переживания. Психические переживания не только возможны без знания о них, но фактически они наблюдаются в основном без такого одновременного о них знания.

Опыт показывает даже, что некоторые переживания просто невозможны при одновременном знании о них. Прежде всего само это знание о психических переживаниях есть психическое переживание. В этом знании о психических переживаниях мы имеем, следовательно, перед собой, несомненно, те психические факты, которые имеются налицо, не являясь одновременно с тем снова предметом знания. Если бы это было не так, то всякое знание, как психическое переживание, снова должно было бы одновременно с тем осознаваться. Следовательно, в таком случае должны были бы иметь место **одновременно бесконечно много актов знания**. Но это невозможно. Такое бесконечное сооружение из включающихся друг в друга актов знания, в конце концов, рушится и превращается в ничто. Итак, решительно невозможно, чтобы всякое психическое переживание, пока оно длится, являлось вместе с тем предметом знания для того, кто переживает его. Но имеются еще другие психические переживания, которые не могут даже, пока они длятся, сопровождаться знанием о них. Это все те переживания, когда мы действительно вполне отдаемся какой-либо вещи. Человек, вполне погружившийся в рассматривание какого-либо предмета или события во внешнем мире, или вполне сосредоточивший свои мысли на какой-либо трудной проблеме, не может в то же самое время направлять свой внутренний взор на это рассматривание или на само это мышление. Ибо в таком случае полное погружение в проблему и концентрация необходимо исчезли бы. Точно также и сильный аффект, например, гнев или ярость, в большинстве случаев не уживается с одновременным знанием о нем. Но при всех психических переживаниях, сопутствующее знание о которых кажется возможным, остается всегда сомнение,

не относится ли это знание, скорее, лишь к только что минувшей стадии этого переживания.

Итак, психические переживания без одновременного знания о них не только возможны, они не только наблюдаются фактически, но они и необходимо существуют. Но если бы даже всякое психическое переживание сопровождалось знанием о нем, то ведь благодаря этому, одновременно протекающему знанию мы могли бы лишь бегло ознакомиться с переживаниями. Правда, качество психической действительности не оставалось бы для нас совершенно неизвестным, но тут не могло бы еще быть речи о научном ее познании.

Психология хочет исследовать психические переживания научно, она хочет приобрести возможно точное и полное знание об их качествах и закономерности. Ради этой цели она должна сделать психические переживания предметом сосредоточенного внимания, она должна сравнивать их друг с другом, различать друг от друга, разлагать на их элементы и выяснить их взаимные отношения. Но эти мыслительные процессы совершенно невозможны в то время, пока длятся самые эти переживания. Кто внимательно наблюдает или исследует предметы или процессы во внешнем мире, не может одновременно с тем наблюдать и исследовать самый акт своего внимательного наблюдения и исследования.

В большинстве случаев процесс непосредственного переживания предполагает, что внимание направлено на что-либо иное, а не на самый этот процесс переживания. Психологическое исследование требует, напротив, чтобы внимание направлялось как раз на самый процесс переживания. Отсюда проистекает всегда опасность, что это внимание к самому процессу переживания может явиться помехой для примечания предметов процесса переживания. А это может помешать и самому процессу переживания. Не подлежит сомнению, что возможно своего рода расщепление внимания, т. е. *внимание может в виде обособленных лучей одновременно направляться на многое*. Само по себе не невозможно, что замечаются одновременно как предметы переживания, так и само переживание. И в известной степени способности опытного психолога заключаются как раз в том, что он может выполнять это расщепление внимания таким образом, что процесс переживания в своей непосредственности встречает себе в этом наименьшую помеху. Но если даже в некоторых случаях действи-

тельно возможен этот *интроспективный метод*, т. е. метод прямого наблюдения психических переживаний, то ведь он не может применяться как единственный. А именно, он не может применяться во всех тех случаях, когда и самый опытный психолог не может, благодаря такому расщеплению внимания, не внести расстройства или не уничтожить самих переживаний. Переживания в большинстве случаев длятся лишь такое короткое время, что хотя мы и замечаем их, но мы не можем сравнить их всесторонне с другими, не можем различить их от других, расчленить и поставить в отношение к другим. то есть провести психологическое исследование.

Эти затруднения так называемого интроспективного метода были бы непреодолимыми, и психология была бы невозможна, если бы психические переживания, отойдя в прошлое, совершенно исчезали для нашего знания. Существует своеобразный и для психологии счастливый факт, что от имевших место переживаний остаются *образы воспоминания*. Раз человек наблюдал внимательно какой-либо материальный предмет или событие, то в тот момент, когда он перестает делать это, или даже спустя более долгое время после этого он может оглянуться назад на этот процесс своего внимательного наблюдения и рассматривать его в своем воспоминании. Живость воспоминания о психическом может не зависеть от степени того внимания, какое уделялось психическому переживанию за то время, как оно переживалось нами. Часто именно недоступные для нашего внимания переживания живее всего остаются в памяти, как, например, сильные аффекты страха, гнева, ярости и т. д., когда мы действительно «совершенно вне себя» и «не знаем, что делаем». Благодаря факту воспоминания возможно научное исследование психической действительности. Все те переживания, которые не могут наблюдаться нами, пока мы переживаем их, становятся доступными для знания благодаря *ретроспективному взгляду на прошлое*. Таким образом, интроспекция находит свое необходимое восполнение в ретроспекции. Более того, ретроспекция оказывается, в конце концов, главным делом. Более продолжительное исследование, сравнение, различение и анализ психических переживаний невозможны без ретроспективного взгляда на только что или давно минувшие переживания. Тем самым определяется основной метод

психологии. Все другие психологические методы должны основываться на этом последнем, дающем ключ к психическому миру.

Этот метод *рефлексии* над своими собственными психическими переживаниями получил название *субъективного метода психологии*. Он действительно субъективен, поскольку относится к самому субъекту и его субъективным переживаниям. Его предметом является, следовательно, нечто субъективное. Но этот метод не является субъективным в дурном значении этого слова, как благоприятствующий лишь развитию субъективных, не притязающих на истинность мнений. Напротив, в *рефлексии* к своим собственным переживаниям можно относиться так же *объективно*, как и к материальным вещам и процессам.

Поскольку субъективный метод направляется на процесс собственного психического переживания, на собственное «само», постольку этот метод можно обозначить также, как *метод самонаблюдения*. Разумеется, при этом необходимо иметь в виду сказанное выше, чтобы правильно понять смысл этого самонаблюдения, т. е. понять, что «наблюдаются» здесь в обширных размерах минувшие переживания, т. е. в известном смысле наше прошлое «само». Оно со своими переживаниями есть нечто само по себе реальное, которое так, как оно есть, действительно существует или существовало.

Для новичка в психологии применение субъективного метода отнюдь не представляется легким. Он чувствует себя первоначально довольно беспомощным, когда ему нужно бывает указать, например, более точно природу тех переживаний, которые мы обозначаем, как акт суждения, или как эстетическое наслаждение или как волевое решение. Правда, он имеет нечто перед собою, что он стремится схватить; но это нечто не носит устойчивого характера и не поддается расчленению и разложению. Верно было сказано, что новичок в психологии, начинающий применять психологический метод, чувствует себя так, словно он из яркого дневного света вошел в полутемное помещение. Некоторые люди от природы обладают уже большими способностями к психологическому наблюдению, нежели другие. Но и для них помимо первоначальных задатков требуется долгое упражнение и школа, чтобы овладеть субъективным методом. Различие в результатах, к которым, приходят

различные психологи, очень часто имеет свой источник в различном совершенстве, с каким они умеют применять субъективный метод.

Умение обращать свой взор ретроспективно на свои собственные психические переживания является первоначально для большинства людей делом необычайно утомительным, оно требует такого напряжения духа, которое редко удается им, и вносит нарушение в их психические процессы. Но настойчивое усилие в состоянии превратить редкое, трудное движение в легкую работу, которая может выполняться всегда и безо всякого шума. То, что вначале мы были в состоянии схватывать лишь неясно, неполно и только на короткое время, становится все более ясным, полным и устойчивым. Лучшим психологом будет всегда тот, кто менее всего подвержен ошибкам памяти и текущих самонаблюдений.

Там, где возможно, только что прошедшие переживания следует предпочитать сравнительно давно минувшим, чтобы по возможности исключить ошибки памяти. Во многих случаях имеется простое вспомогательное средство для избежания ошибок памяти. Некоторые переживания, которые мы хотели бы исследовать, но которые или были пережиты нами слишком давно, или даже совсем еще не были пережиты, можно вызвать просто с помощью определенного поведения, а затем уже исследовать их в непосредственной ретроспекции. Там же, где иначе невозможно, нам приходится «мысленно» перенестись в такое положение, в котором обыкновенно наступает подлежащее исследованию переживание. Некоторым людям таким путем удается действительно часто пережить то, что они хотят подвергнуть психологическому рассмотрению. Это «мысленное» вторичное переживание не есть простое воспоминание или представление переживания, оно есть действительное переживание. И в деятельности психолога это играет гораздо большую роль, чем это обыкновенно думают.

От этого искусства «мысленного» претворения, которое представляет собой лишь особенный случай симпатического переживания существенно зависит богатство или бедность психолога. При этом, как всегда, предполагается достаточная самокритика. Это «мысленное» вторичное переживание можно рассматривать как психологический эксперимент, ибо таким путем мы

произвольно порождает переживания в целях психологического исследования. Такие эксперименты издавна производились психологами, и они всегда снова производятся каждым психологом, даже теми, кто категорически отвергает такой метод, как ненаучный.

В других случаях мы обращаемся к *действительному эксперименту*, осуществляя, например, те внешние обстоятельства, от которых зависит психическое переживание; или же мы выполняем ту психическую деятельность, которую хотим исследовать. Такие эксперименты точно также издавна производились психологами. Экспериментальный метод нисколько не противоречит субъективному методу: напротив, он представляет собой вспомогательное средство для субъективного метода.

Сделаем еще несколько замечаний относительно применения субъективного метода. Субъективный метод всегда должен будет получать главный свой материал из той сферы, которая ближе всего стоит к собственному «я», так как он заключается в рефлексии над только что пережитыми собственными переживаниями. Но как во всякой науке тот, кто всецело положился бы только на себя самого, никогда не может пойти дальше первых примитивных зачатков науки, – так и здесь изолированный индивидуум, который исключительно своими усилиями захотел бы приобрести психологическое познание с помощью субъективного метода, хотя бы и соединенного с экспериментами, никогда не пошел бы дальше таких зачатков. Психолог, который пользуется субъективным методом, приобретает чрезвычайно много от изучения своих предшественников, *научной традиции*, а также извлекает существенную пользу из *духовного общения с другими психологами*.

Сообщение своих собственных результатов другим побуждает его к возможно более точному определению понятий и к критическому словоупотреблению, чтобы другой мог правильно понять и проверить сообщаемое им. С этим необходимо связано уяснение своих собственных мыслей. Если же сообщаемые им результаты вызывают у других возражение, то это произвольно побуждает его вновь проверить свои результаты, и часто он обращает при этом внимание на ранее незамеченное или на недостаточно замеченное. С другой стороны, сообщения других относительно своих

психологических результатов в такой же мере способствуют успеху его собственных исследований, как и труды его предшественников. Благодаря всему этому облегчается, следовательно, пользование субъективным методом и повышается его продуктивность.

Данные, полученные субъективным методом, могут дополняться и проверяться «объективными психологическими методами», под которыми понимаются все методы исследования, которые хотят получить психологические познания путем наблюдения над другими индивидуумами. Но само собой разумеется, что эти методы не могут ни заменить субъективный метод, ни самостоятельно существовать наряду с ним; напротив, они всегда и повсюду нуждаются в субъективном методе, как в своем жизненном нерве.

ДЖ. УОТСОН. ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ ПСИХОЛОГИИ

Средневековые традиции не позволили психологии стать наукой. До последнего времени психология находилась под столь могущественным влиянием традиционной религии и философии, что она никак не могла освободиться от их господства и сделаться *естественной наукой*. Химия и физика давно эмансипировались. Зоология и физиология в настоящее время находятся в процессе освобождения. Показателем тех затруднений, которые эти науки встречают на своем пути, служат до сих пор не прекращающиеся нападки на доктрину эволюции.

За последние шестьдесят лет была сделана попытка создать из психологии экспериментальную науку. При этом высказывалось смелое предположение, что психология, созданная таким путем, станет наукой без души, т. е. естественной наукой. Однако, несмотря на существование многочисленных лабораторий как в Америке, так и в других странах, вышеуказанное предположение долгое время не находило себе подтверждения.

Предмет психологии не объективен. Причиной этого обстоятельства послужила, главным образом, узость в определении предмета исследования, равно как и в выборе метода. Психология ограничила свой предмет одними лишь так называемыми «состояниями сознания» — анализом их и синтезом. Состояния сознания, подобно так называемым явлениям спиритизма, не носят объективно доказуемого характера, а потому они никогда не смогут стать предметом истинно научного исследования..

Во всех других областях науки подлежащие наблюдению факты объективны, доказуемы и могут быть воспроизведены и проверены каждым опытным исследователем. Физиолог, например, может заметить усиление дыхания, наступающее у животного в известных условиях; химик может установить, что ускорение дыхания наступает вследствие наличия в крови известных химических веществ и после соответствующего исследования может определить состав этого вещества, его вес, структуру. Другими словами, научные данные (проверенное наблюдение) являются всеобщим достоянием, и методы научного исследования,

как бы сильно они ни различались по виду, в принципе одни и те же. Однако в области истинных естественных наук существует разделение труда и потребностей. Поясним это на примере. Тироксин (гормон щитовидной железы), с одной стороны, является предметом исследования физиологов, с другой стороны — медиков и, наконец, — физиков и химиков. Психология же, как наука о сознании, лишена подобной общности своих данных. Она не может делить их с другими науками, точно также и другие науки не могут ими воспользоваться. Психолог А не может поделиться своими данными не только с физиком А, но и со своим же коллегой, психологом В. Даже если бы эти данные существовали, то они являлись бы изолированными, необычными «психическими» курьезами.

Интроспекция как основной метод психологии служила другим весьма важным препятствием для ее развития. Этот интроспективный метод — созерцание того, что происходит в собственном «я» исследователя — являлся главным методом анализирующих психологов. Считалось необходимым для начинающего потратить несколько лет обучения в психологической лаборатории в наблюдениях над калейдоскопической сменой состояний сознания, наступающих в каждый данный момент; лишь после этого интроспекция приобретала научный характер. При этом предполагалось, что подобная тренировка в значительной мере повышает способность схватывать и анализировать свои собственные состояния сознания. Интроспективист утверждает, что таким путем ему удастся свести сложные состояния ко все более и более простым, пока он, наконец, не достигнет элементарных, неразложимых далее состояний, которые называются ощущениями и чувствами.

До сих пор психологи не были в состоянии дать ничего кроме *анализа* — и притом лишь своих только прошлых состояний!

Синтез, этот *sine qua* поп метод современной науки, считался неосуществимым в психологии. Все, что интроспективной психологии удалось сделать, это выставить утверждение, что психические состояния образуются из нескольких тысяч элементарных единиц; существуют, например, тысячи единиц ощущений — красный цвет, зеленый цвет, холод, тепло и т. п., а также их следы, называемые образами, и элементарные единицы чувств - удовольствие и неудовольствие (число последних, пожалуй, можно было бы довести до шести,

если бы мы включили сюда напряжение и расслабление, а также возбуждение и покой).

Однако истинность или ошибочность вышеуказанного утверждения несущественны, так как ни одно человеческое существо не в состоянии произвести интроспективное наблюдение ни над кем другим, кроме самого себя. Существует ли десять элементарных ощущений, или их сотня тысяч (если вообще допустить их существование), существует ли только два аффективных тона или пятьдесят, — все это не имеет ровно никакого значения для той совокупности мировых знаний, которую мы называем наукой.

Интроспективная психология более не нужна. Психология, основанная Вундтом, не сумела, таким образом, возвыситься до степени науки и потерпела крах в своей попытке сделать какой бы то ни было научный вклад в ту область науки, которая изучает природу человека; она не создала ничего, что могло бы облегчить *понимание того или иного поведения человека* или что дало бы возможность *видоизменять это поведение*.

Психология нуждается в пересмотре своих предпосылок. Одной из причин, по которой психология, направляемая Вундтом, вступила на этот ложный путь, было то, что она не решалась расстаться со своим прошлым. Она пыталась, с одной стороны, сохранить свои традиции, с другой — подвигаться вперед в своем развитии как наука. До того, как в астрономии стал возможен какой бы то ни было прогресс, необходимо было расстаться с астрологией; неврология должна была отрешиться от френологии, химия — от алхимии. Однако общественные науки, психология, социология, политика и экономика, не желают расстаться со своими «знахарями». По мнению многих современных ученых, психология для того, чтобы только продлить свое существование, не говоря уже о том, чтобы стать истинной естественной наукой, должна отказаться от *субъективного предмета* исследования, от *интроспективного метода* и от принятой сейчас *терминологии*. Сознание с его структурными единицами, элементарные ощущения (и их следы — образы), чувственные тоны, внимание, восприятие, представление — все это одни лишь неопределенные выражения. Какова бы ни была научная ценность бесчисленных томов, написанных в терминах сознания, она может быть гораздо лучше определена и выражена только тогда, когда

психологические проблемы, давшие толчок этим исследованиям, будут разрешены путем истинно объективных научных методов.

Психология поведения — естественнонаучный подход к психологии.

Допуская правильность вышеизложенных аргументов против господствующих в психологии предпосылок, психология поведения, впервые заявившая о себе в 1912 г., попыталась взять новый ясный курс и порвать окончательно как с ходовыми теориями, так и с традиционными представлениями и терминологией. Для сторонника психологии поведения психология является отделом естествознания, который исследует человеческое *поведение: поступки и слова людей — как заученные, так и незаученные*. Это учение о деятельности человеческих существ, начинающейся даже еще до рождения и кончающейся смертью.

Каждое человеческое существо проявляет некоторую деятельность в продолжение своей жизни. Последняя начинается с момента начала эмбрионального развития и длится без перерыва до самой смерти. Человеческая деятельность в течение этого периода обнаруживает как подъемы, так и понижения. Во время сна, коматозного состояния, паралича эта деятельность кажется сведенной до абсолютного минимума как в смысле своего объема, так и по самому своему качеству. Величина и характер активности варьируют от младенчества к детству, отрочеству, зрелому возрасту и старости.

Поведению свойственна непрерывная организация и реорганизация. В течение первых лет жизни человека мы встречаем некоторые, сравнительно немногие, высоко организованные незаученные акты - *«инстинкты»*. Мы находим многочисленную группу слабо связанных рефлексов, заключающихся в ударных движениях рук и ног, в изгибании всего тела и в движениях голосовых связок. Два-три года спустя мы находим, что некоторые из этих незаученных актов остались неизменными, тогда как другие модифицировались или вовсе исчезли. Мы замечаем некоторый прогресс и в координации или сочетании отдельных слабо связанных друг с другом актов в нечто единое, что мы называем «выучками» или *навыками*. Теперь индивид реагирует четко и связанно руками, ногами, туловищем на целый ряд ситуаций. Он четко реагирует путем отдельных слов или целых словесных групп на многие словесные ситуации. Исследуя его

несколько позже, мы замечаем, что он приобрел еще более сложную систему навыков, резко отличающихся от тех, которые он обнаруживал ко времени предшествующего наблюдения. Он умеет сам одеваться, говорит условным языком, развил в себе социальные навыки, ходит в школу, читает, пишет.

Если исследовать его в зрелом возрасте, то сложность организации его навыков покажется нам невероятно большой и не поддающейся никакому измерению. Он выполняет целый ряд актов (деятельностей), требующих сноровки, развил в себе сложную систему речи, женился, обзавелся семьей, интересуется политикой, школой и т. п.

Психология поведения пытается найти принципы, лежащие в основе изменений поведения. Психология поведения пытается путем систематических наблюдений и экспериментов дать формулировку тех обобщений, законов и принципов, которые лежат в основе поведения человека. Когда человеческое существо совершает ряд актов — производит движение руками, ногами или напрягает свои голосовые связки — то непременно должна существовать группа предшествующих факторов, являющихся *«причиной»* акта. Удобным обозначением этой последней группы можно считать термин «ситуация» или *«стимул»*. Если поставить индивидуума лицом к лицу с какой-нибудь ситуацией — будь то огонь, угрожающее животное, человеческое существо или перемена судьбы — он будет обнаруживать какую-нибудь деятельность, даже если и не сдвинется с места или если упадет в обморок. Таким образом, психология сталкивается непосредственно с двумя проблемами: 1) определить вероятные причинные ситуации, или стимулы, давшие начало реакции, и 2) по данной ситуации предсказывать вероятную реакцию.

1. По наблюдаемой реакции определить вероятную ситуацию. Первая проблема требует изучения человека в действии от момента его рождения до самой смерти с тем, чтобы психолог поведения, наблюдая поведение человека, сумел бы с достаточной достоверностью определить ситуацию или стимул, вызвавший акт, другими словами, мог бы дать научное определение стимула. .

Возьмем обыденный пример. Сосед наблюдает своего друга. Он видит, как тот выходит из дому в 7.54 утра, как раз вовремя, чтобы поспеть на поезд к 8.15. Пройдя некоторое расстояние, он останавливается, шарит в карманах и вдруг

бежит обратно по направлению к дому. Сосед говорит: «Ах, Джордж снова забыл захватить из дому проездной билет. Это всегда с ним случается». Наблюдатель устанавливает стимул или ситуацию, вызвавшую акт, отчасти пользуясь настоящим поведением своего друга, отчасти руководствуясь данными из прошлого поведения того же друга. Этот пример настолько тривиален, что похож на пародию, если приводить его как иллюстрацию научного практического метода. И все же подобного рода проблемы, только требующие для правильного решения больших знаний, постоянно представляются психологам. — Почему люди отправляются на войну? Почему некоторые люди отрицают эволюцию? Почему Джордж Смит покинул свою жену? Почему служащие оставляют меня после одного - двух месяцев службы? Почему Генри Д. живет бедно, несмотря на то, что он силен и обладает большой технической сноровкой? Почему демократическая нация столь часто избирает ничтожество в президенты? Всякое подобного рода поведение имеет за собой целый ряд определенных «причин» не в меньшей мере, чем извержение вулкана, разрушающее сотню городов. Эта сторона психологии изучалась и подвергалась многочисленным исследованиям со стороны социологов, экономистов, журналистов и т. п., которые ориентировались в этих проблемах лишь ощупью. Указанные исследователи считают себя в праве (не в меньшей мере, если не в большей, конечно, чем современные психологи) писать об этой стороне поведения. К несчастью, результаты этих попыток очень редко представляли что-нибудь действительно ценное. Объяснения даются в рамках некоторых сторон основной природы человека, относительно которых у нас нет почти никаких данных. Для того, чтобы дать правильный ответ, нам необходимы определенные, доступные воспроизведению данные, касающиеся незаученного поведения человека; необходимы сведения о том, чему данный субъект обучался, какие традиционные факторы оказывают влияние на его группу, каким социальным обычаям он следует в настоящее время, какое влияние оказали на его развитие школа и церковь. Для того, чтобы дать точный ответ на любое «почему», заданное по отношению к той или иной человеческой деятельности, необходимо изучить человека аналогично тому, как химик изучает новые органические соединения.

2. По данной ситуации предсказать вероятную реакцию.. Другой не менее важной задачей психологии является экспериментальное изучение поведения человека от раннего детства до глубокой старости, которое дало бы возможность по данному стимулу или ситуации предсказывать вероятную ответную реакцию.

В области социальных отношений мы часто сталкиваемся с практическими проблемами подобного рода. Россия, например, в настоящее время управляется Советами, которые явились непосредственно вслед за падением монархического правительства, после нескольких сотен лет самодержавия. Какие изменения в поведении индивидов, населяющих Россию, принесет эта ситуация? Или какое влияние окажут на индивидов недавно введенные в Норвегии и Швеции законы о разводе, предоставляющие гораздо больше свободы, чем прежде?

Со стороны отдельных индивидов точно также часто возникают вопросы. Если у А есть жена, которая постоянно хворает, — что будет, если она умрет внезапно — внесет ли это дезорганизацию в его жизнь? Как скажется неожиданное богатство на В? Индивид плохо справляется со своей работой. Как отразилось бы на его поведении, если бы его заставили работать усерднее? Исправился ли бы он, или же качество его работы понизилось бы еще больше?

Тысячи подобных вопросов возникают не только у психологов, но и у всех вообще людей. Человеческая жизнь идет вперед. Необходимо сделать некоторые предсказания насчет результатов известных ситуаций. Однако до тех пор, пока психология не станет наукой и не соберет целый ряд данных, характеризующих поведение, которое появляется в результате экспериментально вызванных ситуаций, до тех пор предсказания того поведения, которое возникает в результате ситуаций повседневной жизни, будут носить тот же характер движения ощупью в темноте, который свойственен им со времени появления человечества.

Управление человеческим поведением. Каждый ученый знает, что его успехи в своей области определяются тем, насколько он в состоянии приложить результаты своего исследования к управлению подопытным материалом, например, к регулированию приливов, защите от молнии при помощи громоотводов, экспериментальному воспроизведению молнии и дождя, рассеянию тумана.

Точно также и психолог, избравший предметом своего исследования человеческое поведение, понимает, что успех его исследования определяется тем, в какой мере он в состоянии *управлять* этим поведением. Какие возможности заложены в репертуаре актов, приобретенном индивидом в результате общего школьного обучения: может ли он развиться в художника, певца, администратора? Можно ли сделать из него превосходного игрока в гольф? Если так, то какие необходимо предпринять шаги, как технически нужно провести обучение, чтобы быстро установились необходимые навыки, которые должны закрепиться в нем навсегда?

Или наш индивидуум полон страхов, необычайно застенчив, стыдлив, заикается. Можем ли мы изменить его поведение? Если да, то как это выполнить технически? С другой стороны, можем ли мы вселить здоровый страх в ребенка, который бесстрашно играет со змеями, хватая каждую собаку, которую видит, и подбирает чужих котиков?

Такого рода задание требует не только умения устанавливать ситуацию по ответной реакции или предсказывать возможную реакцию, исходя из данной ситуации; оно требует большего, а именно — умения экспериментально управлять стимулом и создавать ответную реакцию; стимул должен быть прибавлен или вычтен, чтобы наступила соответствующая реакция; если же требуемая или ожидаемая реакция не входит в репертуар действий данного индивидуума, то она должна быть в нем установлена, если только в нем содержится годный сырой материал.

Итак, здесь мы находим истинное и законное поле для экспериментального изучения человеческого материала. До тех пор, пока в нашем распоряжении не будет достаточных данных, необходимых для управления поведением человека в нежные годы его раннего детства, нам кажется прямо - таки опасным приступить к воспитанию ребенка. Старый довод, сводившийся к тому, что миллионы детей в течение минувших тысячелетий вполне успешно воспитывались своими родными, недавно потерял всю свою силу в свете получившего теперь общее признание факта, что большая часть человечества терпит неудачу в своей попытке удовлетворительного приспособления к обществу.

Сторонник психологии поведения считает, что только систематическое длительное генетическое изучение человеческих существ, начатое в раннем детстве и продолженное вплоть до перехода через отрочество, только такое изучение даст нам в руки *экспериментальный контроль* над человеческим поведением, который в такой мере необходим как для управления целым обществом, так и для личного благополучия.

Эта короткая сводка наиболее общих сторон психологического исследования должна убедить нас в двух вещах. Во-первых, что каждый человеческий индивидуум нуждается в законах и данных психологии поведения для организации своей собственной повседневной жизни. Во-вторых, ввиду того, что общество, которое действовало до сих пор, основываясь на одних лишь средневековых традициях или, в лучшем случае, на слепом методе проб и ошибок, столь мало продвинулось вперед на пути к пониманию и к управлению явлениями человеческого поведения, необходимо сделать последнее предметом интенсивного научного исследования.

Главной целью становятся *методы*, которые в данное время могут быть использованы для обстоятельного объективно-научного изучения человеческого поведения.

О предмете научной психологии. Психология как наука ставит перед собой задачу определить сложные *факторы*, участвующие в *развитии поведения* человека от его детства до старости и найти законы для направления этого поведения. Для разрешения таких задач нам необходимо изучить простые и сложные обстоятельства, вызывающие действия человека: с какого времени своей жизни он может реагировать на различные простые и сложные чувственные стимулы; в каком возрасте он обычно приобретает различные инстинкты, и каковы те условия, которые их вызывают? Каков шаблон его инстинктивных действий, т. е. производит ли человеческое существо независимо от обучения какие-либо сложные действия инстинктивно, как это делают низшие животные? Если это так, каков полный запас инстинктов человека? Когда проявляется эмоциональная деятельность, какие положения ее вызывают и какие особые действия наблюдаются при эмоциональном поведении? Как рано можем мы наблюдать у детей образование навыков? Какие особые методы можем мы

развить, чтобы быстро и прочно внедрить и сохранить телесные и разговорные навыки, требуемые обществом?

Стимул и ответная реакция. Это общее описание предмета психологии очень мало помогает нам при анализе частных задач, которые ставятся поступками и поведением. Для того, чтобы составить план экспериментального разрешения какой-либо проблемы в психологии, мы сначала должны ограничить ее самыми простыми рамками. Если мы просмотрим приведенный в предыдущем параграфе список задач, представляемых поведением человека, а также наши практические примеры, то увидим, что имеются общие факторы, проникающие через все виды действий человека. В каждом приспособлении всегда имеются как ответная реакция, или действие, так и стимул или ситуация, вызывающие ответ. Не углубляясь далее в факты, можно, по-видимому, сказать, что стимул всегда подготовлен средой, внешней по отношению к телу, или движениями собственных мускулов человека и выделениями его желез; наконец, что реакции всегда следуют непосредственно после появления и вмешательства стимула. Это, на самом деле, допущения, но, по-видимому, это основные допущения для психологии. Прежде чем мы, в конце концов, примем или отвергнем их, мы должны будем изучить природу как стимула или ситуации, так и ответной реакции. Если мы предварительно примем их, то мы можем сказать, что *целью психологического изучения* является установление таких данных и законов, чтобы при данном стимуле психология могла предсказать, какова будет реакция, или, с другой стороны, если дана ответная реакция, она могла бы определить природу действующего стимула.

О применении термина «стимул». Этот термин мы применяем в психологии так же, как он применяется в физиологии. Только в психологии область применения этого термина приходится несколько расширить. Когда мы в психологической лаборатории имеем дело со сравнительно простыми факторами, вроде действия световых волн различной длины, действия звуковых волн и т. д., и пытаемся выделить их влияние на приспособление человека, то мы говорим о *стимулах*. С другой стороны, когда факторы, ведущие к реакциям, более сложны, как, например, в общественной жизни, мы говорим о *ситуациях*. Ситуацию, несомненно, в конечном анализе можно разложить на сложную

группу стимулов. В качестве примеров для стимулов мы могли бы назвать: лучи света различной длины волны; звуковые волны различной амплитуды, длины, фазы и их сочетание; газообразные частицы столь малого диаметра, что они воздействуют на оболочку носа; растворы, содержащие частицы вещества такого размера, что приводят в действие вкусовые сосочки; твердые предметы, действующие на кожу и слизистую оболочку; излучающие стимулы, вызывающие температурную реакцию; вредящие стимулы, как порезы, уколы и вообще повреждения тканей. Наконец, движения мускулов и деятельность желез служат стимулами путем воздействия на приводящие нервные окончания в мышцах.

Здесь необходимо подчеркнуть, что только в самых редких экспериментальных условиях мы можем стимулировать организм одним единственным стимулом. Жизнь представляет стимулы в смешанных сочетаниях. Когда вы пишете, на вас воздействует сложная система: пот струится с вашего лба, перо стремится выскользнуть из ваших пальцев; слова, которые вы пишете, устанавливаются в фокусе вашей сетчатки; стул доставляет стимуляции и, наконец, уличные шумы все время действуют на вашу барабанную перепонку. Но гораздо важнее, и это могло бы быть обнаружено при помощи чувствительных инструментов, что хотя вы вслух не говорите, но ваш голосовой механизм — мускулы языка, глотки и гортани — находятся в постоянном движении, двигаясь привычным образом. Тот факт, что вы находитесь в аудитории, смотрите на своего инструктора и окружены своими сотоварищами, является другим весьма значительным элементом. Итак мы видим, что мир стимулов чрезвычайно сложен. Удобно говорить об общей массе стимулирующих факторов, вызывающих действия человека, как о каком-то целом, как о ситуации. Ситуации могут быть самого простого рода или же высокой сложности. Наконец, здесь следует отметить, что существует много видов физической энергии, не действующих непосредственно на наши органы чувств. В качестве примера мы можем привести факты, что многие волнообразные движения воздуха имеют такую длину или амплитуду, что не производят слуховых стимуляций.

Общий характер реакций. Подобным же образом мы в психологии пользуемся физиологическим термином «реакция», опять-таки несколько расширяя его применение. Движения, получаемые в результате удара по

коленному сочленению или по подошвам ступни, являются «простыми» реакциями, которые изучаются как в физиологии, так и в медицине. В психологии наше изучение также иногда направлено на простые реакции такого рода, но чаще на некоторые сложные реакции, возникающие одновременно. В последнем случае мы иногда пользуемся популярным термином «поступок» или «приспособление», подразумевая под этим, что вся группа реакций объединена таким образом (в инстинкт или навык), что индивидуум делает нечто такое, для чего мы имеем особые обозначения, как то: «принимает пищу», «строит дом», «плавает», «пишет письмо», «разговаривает».

Но психология не занимается хорошими или дурными *качествами* поступков или *успешностью*, оцениваемой по практическим или нравственным правилам. На основании того, что человек в своих отдельных поступках делает ошибки при добывании пищи, при постройке своего дома, при разработке математической задачи или не живет в согласии со своей женой, мы не можем отвергнуть его как психологический материал. Мы изучаем без предвзятости его возможности в смысле реакций; открытие того факта, что он будет производить только несовершенные попытки на овладение и управление определенными типами его среды, явится важной частью нашей задачи, такой же важной, как возможность установить, что он способен произвести некоторые другие приспособления. «Успешные» приспособления, «хорошие» поступки, «дурные» поступки — это все термины, которыми пользуется общество. Каждая социальная эпоха устанавливает свои критерии действий, но эти критерии меняются от одной культурной эпохи до другой. Следовательно, это не психологические мерилы. Наоборот, способности к реакциям остаются неизменными в течение веков. В пределах вероятности мы можем предположить, что если бы мы могли достать новорожденного младенца, принадлежащего к династии фараонов, и воспитали его с другими ребятами в Бостоне, то из него вышел бы такой же представитель школьной молодежи, каких мы находим среди других гарвардских студентов. Его шансы на жизненный успех, вероятно, совсем не отличались бы от шансов его одноклассников. Результаты, полученные из научного анализа реакций человеческого существа, будут пригодны в любую культурную эпоху. В функции психолога входит обязанность указать, обладает ли данный индивидуум такими

способностями и реакциями, чтобы соответствовать правилам этой культурной эпохи, а также указать наиболее быстрые способы, которыми можно привести его к тому, чтобы он действовал согласно данным правилам. Тот факт, что общественные величины меняются, возлагает новые тяготы на психолога, так как каждое новое такое изменение означает измененную ситуацию, на которую человек должен реагировать измененными сочетаниями поступков, а каждый новый ряд поступков должен быть внедрен и объединен со всеми прочими системами действий индивида. Перед психологией поставлены задачи решить, может ли индивид соответствовать новым правилам, и определить и развить методы его обучения.

Двигательные и железистые показатели реакций. Что может наблюдать психолог? Конечно, поведение. Но, на основании анализа. поведение — это отдельные системы реакций, которые производит индивидуум по отношению к своей среде. Когда нам приходится изучать механизм таких приспособлений, мы находим, то они зависят от интеграции рефлексов, соединяющих рецепторы с мускулами и железами. Здесь надо подчеркнуть, что объективная психология не анализирует такие интеграции до конца за исключением случаев, где этого требует задача. На самом деле действия в совокупности также важны для изучающего поведение, как и для других психологов.

Одноклеточные организмы не обладают обособленной мышечной и нервной системами. Все же части их единой клетки должны быть специализированы в двигательном или сенсорном смысле, так как такие организмы движутся в ответ на стимул — на свет, тяготение, тепло, холод, электричество и т. п. Если подниматься по ступеням животного мира, то мы находим, что развиваются особые ткани органов чувств (рецепторов) и наряду с ними как двигательные или эффекторные органы, так и нейроны, соединяющие рецепторы с эффекторами. Действие в таких случаях становится более точным, более локализованным, более быстрым и в то же время более постоянным. Если мы будем подвигаться все выше по ступеням, мы встретимся с развитием желез. Железы так же, как и мускулы, участвуют в ответных реакциях, и особые действия желез возникают всегда, когда имеются двигательные действия. И обратно, железы действуют на мускульную систему и влияют на ее отправления. Далее имеется два рода

мускулов — поперечно-полосатые и гладкие. Первые приводят в движение руки, ноги, туловище, язык и гортань. Гладкие мышцы управляют, главным образом, кровеносными сосудами, кишечником, органами выделения и половыми. Обычно, когда мы говорим о реакциях, мы подразумеваем, что организм подвигается направо или налево, или сокращается в целом, что он ест, пьет, сражается, строит дома или занимается торговлей. Но эти наглядные и легко наблюдаемые изменения не исчерпывают термина «реакции», как мы отмечали выше. Мы должны понимать под реакцией сумму изменений в гладкой и поперечно-полосатой мускулатуре и железах, следующую за данным стимулом. Нашей ближайшей задачей является определение того, какие движения нужно изучать в относительной изоляции, хотя для человека интерес сосредоточивается, главным образом, на интеграции отдельных реакций, на усвоении им некоторых навыков, т. е. на употреблении рук, ног или голосовых связок. Важно с самого начала освоиться с содержанием представления о реакции. Животное или человек могут оставаться совершенно неподвижными под действием стимула, но мы не можем сказать, что здесь не было реакции. Тщательное наблюдение покажет, что имеются изменения в напряжении мускулов, в дыхании, кровообращении и в секреции.

Общая классификация реакций. Мы видим, таким образом, что различные возможности для реакций очень обширны, настолько обширны, что с первого взгляда кажется, что невозможна никакая их классификация. В лучшем случае удастся установить группировки, удобные как для рассмотрения, так и для постановки экспериментальных задач. Большинство реакций можно считать входящими в один из четырех следующих крупных классов:

1. Видимые (*explicit*) привычные реакции: в качестве примеров мы приведем отпирание двери, игру в теннис или на скрипке, постройку домов, свободный разговор с другими людьми, хорошие отношения с представителями того и другого пола.

2. Скрытые (*implicit*) привычные реакции: «мышление», которое мы считаем беззвучным разговором; общие органические навыки, связанные с речью; черты строения или особенности тела, которые нельзя свободно наблюдать без помощи

инструментов или эксперимента; систему условных рефлексов различных желез и механизма гладких мускулов — например, условные слюнные рефлексы.

3. Видимые наследственные реакции, включающие наблюдаемые у человека инстинктивные и эмоциональные реакции, которые мы наблюдаем, например, при хватании, чихании, моргании и вилянии, а также при страхе, ярости или любви.

4. Скрытые наследственные реакции, куда, конечно, входит вся система внутренней секреции эндокринных или не имеющих протока желез, изменения кровообращения и т. д., столь подробно изучаемые в физиологии. Здесь также для производства наблюдений необходима помощь инструментов или экспериментов.

Эта классификация в общем, должна быть понятной, за исключением, может быть, п. 2 (скрытые привычные реакции). Эта группа так важна, и обычно ею так пренебрегают при обсуждениях, что мы выделим ее специально.

Как действует человек, когда он не действует открыто? В организме, так высоко специализированном, как организм человека, даже тщательное наблюдение часто не способно обнаружить скрытую реакцию. Человек может неподвижно сидеть у письменного стола с пером в руке и листом бумаги перед ним. Попросту можно сказать, что он бездеятелен или же «думает», но, по нашему предположению, его мускулы на самом деле также активны, а может быть и более активны, чем при игре в теннис. Но какие мускулы? Те мускулы, которые тренированы для действия, когда человек находится в подобном положении, т. е. мускулы гортани, языка и вообще связанные с речью.

Эти мускулы активны и производят систему движений с такой же правильностью, как если бы индивид исполнял сонату на рояле. Они действуют хорошо или плохо в зависимости от тренировки, которую он имел в том особом направлении, в котором он сейчас работает. Хотя мы в настоящее время не можем видеть работы этого скрытого потока слов, все же нет причины создавать о нем мистические гипотезы. Если бы мы могли достигнуть возможности наблюдать «мышление» так просто, как игру в теннис или греблю, то исчезла бы надобность в его объяснении. Мы позже увидим, что делались попытки взять такие реакции под экспериментальный контроль. Но, отвлекаясь совершенно от нашей современной неподготовленности к наблюдениям за скрытыми состояниями, мы

находим известный путь к косвенному достижению той же цели: скрытые состояния, связанные с речью, переходят, в конце концов, в открытые действия при посредстве методов, которые нам предстоит изучить. Тщательно подмечая в течение достаточного периода времени легко наблюдаемые видимые состояния и инстинкты индивида при достаточно изменяющихся условиях, мы можем собрать необходимые данные для многих потребностей психологии.

Научные методы, противопоставленные практическим. После того, как мы несколько ознакомились с общим характером стимула и реакции, мы будем подготовлены к пониманию предмета психологического эксперимента и к различению между научным методом и теми житейскими или практическими методами, которые мы излагали в начале главы. Мы приведем почти наобум несколько отдельных наглядных психологических задач и методы их разрешения. Первой нашей задачей будет: установить, каковы реакции шестимесячного младенца по отношению к живому мехнатому животному. Мы сначала организуем ситуацию (сложную группу). Младенца держит мать в хорошо освещенной комнате. Мы наблюдаем, во-первых, что младенец улыбается и расположен с удобством. Потом мы показываем ему последовательно белую крысу, собаку, кошку, белого кролика, жуков и змею. Мы сначала замечаем подробно и каждую в отдельности реакцию и эти предметы. Младенец, который лишь незадолго перед тем научился хватать предметы, медленно протягивает сперва одну руку потом другую. Улыбка сходит с его лица, но ни плача, ни отдергивания руки, ни внешних выделений не происходит. Это только наиболее легко наблюдаемые реакции. Другие изменения, несомненно, происходят во внутренних железах, кровообращении, дыхании и т. д. В зависимости от нашей непосредственной задачи, мы при обзоре изменений в реакциях будем обращать особое внимание на то или другое изменение. В действительности же сотрудничают все системы желез и мускулов.

В этом случае нашей задачей было определить, имеются ли у ребенка какие-нибудь открытые инстинктивные склонности реагировать на живых животных отдергиванием руки или всего тела. Наша задача легко могла привести нас к наблюдению изменений в глазах, дыхании, давлении крови, выделении слюны, или же в эндокринных железах, или нескольких из этих систем одновременно.

Вновь приходится отметить, что наша задача не так проста, как это кажется с первого взгляда. Допустим, мы установили, что ребенок отстранился от предметов, начал плакать, выделять мочу или прятаться за платье матери — могли бы мы заключить, что здесь имела место инстинктивная реакция на живое мохнатое животное? Никак не могли бы без обследования прошлого ребенка. Если ребенок находится под нашим постоянным наблюдением, и мы не нашли никаких указаний на прежнее знакомство с живыми животными, то мы сказали бы, что наблюдаемые реакции, вероятно инстинктивны. Но если бы мы, наоборот, узнали, что за два дня до опыта ребенка жестоко укусила кошка, то мы должны были бы отсрочить наши выводы до более обширных наблюдений. Не можем мы также на основании поведения одного этого ребенка делать выводы о том, как вели бы себя другие дети того же возраста или что сделал бы этот ребенок в несколько отличающемся возрасте или при испытании его в других условиях. До того, как можно было бы сделать обобщения, пришлось бы провести систематические наблюдения над многими детьми. В качестве другого примера несколько более ограниченного типа возьмем случай человека, привычное поведение которого заставляет нас заподозрить аномальность его реакций на монохроматическое (цветное) освещение. Здравому смыслу здесь сказать нечего; он не может дать о нем исчерпывающего отчета. Ошибки индивида могут зависеть от многих обстоятельств. Мы ведем его в лабораторию, где монохроматический цвет находится под нашим управлением, и ставим человека в такие положения, при которых он должен реагировать на два одновременных освещения, причем энергия каждого света может быть широко изменяема. Исследование показывает нам, что при известном соотношении энергий красного и зеленого освещений индивид не может больше реагировать на них различным образом (иначе говоря, они не представляют различных стимулирующих величин). Мы замечаем далее, что удается найти определенную интенсивность белого света, на которую он реагирует также, как на любой монохроматический свет. Но ни при каких других взаимоотношениях энергий каких-либо других цветов мы не можем уничтожить различность его реакций. После этого тщательного изучения мы заключаем, что человек не различает красного от

зеленого, т. е. что он реагирует на красный и зеленый цвета также, как на известные интенсивности белого.

Возьмем другой пример, на этот раз из профессиональной психологии. Предположим, что телефонный указатель большого города стал слишком объемистым и сложным для того, чтобы можно было легко им пользоваться. Каков лучший метод для избежания этого? Служащие при телефоне и психолог работают совместно. Психолог может предложить печатание более мелким шрифтом и в четыре столбца вместо трех. Такое и многие другие возможные предположения приведут к разрешению задачи. Но предмет должен быть подвергнут строгому испытанию как на лицах, тренированных на нахождении имен в указателе, так и на таких, которые не более тренированы, чем широкая публика. Это *метод систематических проб и ошибок* со статистической обработкой результатов. В результате найдено, что страница в четыре столбца с известным размером промежутка между печатными строками не только делает указатель на 20 процентов менее объемистым, но и таким, в котором подписчики могут находить имена на 10 процентов быстрее.

Различные отделы психологии. Провести резкую черту между различными отделами психологии так же трудно, как и между отделами биологии и физики. Практический и теоретический интерес определяют те пункты, на которые человек направит, главным образом, свои наблюдения. Всякая научная психология экспериментальна или, по крайней мере, разрабатывается в таких условиях, где возможно *строгое и контролирующее наблюдение*. Всякая психология «генетична» в том смысле, что нам приходится восходить до ребенка и противопоставлять его животным с целью определить, какие врожденные системы интеграции свойственны специально человеку. С целью специализации мы говорим о психологии человека, как состоящей из индивидуальной, профессиональной, детской, народной, педагогической, законодательной, патологической и социальной психологии. Мы можем говорить о каждой из этих особых отраслей как о «прикладной».

Отношение психологии к физике. Как физиология, так и психология зависят (как, в сущности, и все другие науки) от физики в отношении овладения аппаратами и стимулами. Для производящего психологические изыскания

необходимо не только знать общие факты о волнообразном движении, как, например, тепло, звук и свет. Важно знать, как установить и как пользоваться простыми электроаппаратами, гальванометрами, тепловыми установками и фотометрами.

Отношение к неврологии. Можно было бы предположить, что психология наиболее тесно примыкает к неврологии. Действительно, в прошлом это было общепринятой предпосылкой. Постепенно мы приходим к воззрению, что психология больше связана с такими предметами, как физиология и некоторые отрасли медицины, вроде гигиены, эндокринологии, химии обмена, педиатрии и психиатрии, чем с анатомией нервов. В прошлом мы бывали слишком удовлетворены составлением изображений мозга и схем нервного механизма, чтобы с достаточной тщательностью рассматривать факты, относящиеся к поведению. В психологии нам нужны все применимые факты, которые невролог может нам дать, но мы спокойно можем оставить без рассмотрения все остроумные загадочные картины, которые сравнивают действие центральной нервной системы с серией трубок и клапанов, губок, электрических переключателей и т. п. Понятие об основных руководящих принципах неврологии, конечно, необходимо начинающему психологу, как, например, о способе соединения органов чувств с центральной нервной системой и центральной нервной системы с системами мускулов и желез.

Отношение психологии к физиологии. Некоторыми лицами было высказано утверждение, что психология поведения есть в действительности физиология. Что это не так становится ясным даже из случайного рассмотрения относительных целей обеих областей; физиология знакомит нас с функциями особых органов, для целей экспериментальных и показательных сердце, печень, легкие, кровообращение, дыхание и другие органы выделяются, как если бы они функционировали в изолированном состоянии. Извлекаются мускульно-нервные препараты и изучаются их свойства; также производятся эксперименты над железами и их функциями. Все отправления органов тела исследуются с этой точки зрения. Мы не утверждаем, конечно, что физиология имеет дело только с изолированными органами. Изучаются и некоторые изолированные процессы, как обмен, пищеварение, действие ядов и т.д., но нигде в физиологии мы не рисуем

себе организм таким, каким он представился бы нам, будучи вновь собранным и испытанным в его отношениях к окружающему как некое целое.

Наше обсуждение целей психологии подготовило нас к заключению, что когда физиолог изучил все, что возможно, относительно функций отдельных органов человеческого тела, то этим самым он задел нашу область только в очень небольшой степени. Наша задача начинается только с того момента, как физиолог вновь соберет вместе все отдельные органы и представит нам целое человека. Физиолог, покуда он физиолог, ничего не знает об общих положениях обыденной жизни индивида, слагающих его действия и поведение. Он может научить нас всему, что доступно исследованию, о механизме ходьбы, но не его задача определить, ходит ли человек раньше, чем ползает; его не интересует возраст, в котором начинается ходьба, или начинается ли она раньше у мальчиков, чем у девочек, а также начинают ли дефективные дети ходить в более позднем возрасте, чем нормальные. Точно также он может многому научить нас о функциях почек, пузыря и управлении последним посредством сфинктера, но об особых положениях, независимо от общего заболевания, которые могут привести к недержанию у детей, его наука не говорит ему ничего, также как и о методах устранения этой неправильности. При изучении психологических функций — например, эмоций — нам мало помогает попытка изобразить, какие химические и нервные процессы происходят в мозгу. Мы получим очень неполное, но все же лучшее представление, если рассмотрим, каковы действия желез во время эмоциональных состояний. Но даже и действия желез не легко наблюдать при помощи известных в настоящее время методов. Мы можем, однако, изучить состояния, сопровождающие реакции, которые обычно называются печалью, надменностью, ворчливостью, бешенством, страхом и любовью, с точки зрения того, что организм может делать в подобных состояниях, а также облегчается ли или же нарушается спокойное течение общей системы органических навыков наличием эмоциональной деятельности. Мы далее можем определить путем изучения истории жизни индивида, как часто происходят такие нарушения, и можем выяснить причины или факторы, приводящие к их возникновению. Физиология ничего не может нам сказать о характере и личности различных индивидов, ни об их эмоциональной устойчивости или отсутствии

эмоционального контроля, ни о том, насколько от выработки последних зависит настоящее положение этих индивидов в жизни. Физиология ничего не говорит нам о способности человека приобретать и сохранять навыки, ни о сложности организации привычек человека. Поэтому, если мы хотим предсказать, способен ли индивидум подойти или подняться до среды, к которой он в настоящее время плохо приспособлен, то за ответом нам придется обратиться к психологу, а не к физиологу. Подчеркивая, таким образом, практическую независимость обеих областей, мы не хотим создать ложное впечатление антагонизма. Физиология между биологическими науками — ближайший друг психологии. Мы с трудом можем сделать в психологии шаг, не пользуясь при этом данными физиологии. Но в этом отношении психология ничем не отличается ни от других биологических наук, ни даже от медицины.

Переход между обеими областями. Иногда мы встречаем физиологов, которые занимались функциями, переходящими в область поведения человека. В качестве примера мы можем привести работы Кеннона (Cannon) о телесных эффектах сильных эмоциональных нарушений, а также Карлсона (Carlson) и других по вопросам о реакциях, происходящих в желудке при отсутствии пищи. Лучше всего, однако, переход между обеими областями выражен, по вероятности, в изучении условных двигательных и секреторных рефлексов и в области физиологии чувств. Этот предмет, по-видимому, не вызывает более серьезного интереса со стороны физиологов; в тех же случаях, когда последние выказывали к нему интерес — по крайней мере, в Соединенных Штатах, — они преследовали, главным образом, педагогические цели. Большинство работ по физиологии чувств было выполнено психологами. До последних трудов Павлова, Бехтерева и их учеников физиологи проявляли мало интереса к изучению образования навыков, между тем как для нас это является одним из центральных вопросов. В общем, можно сказать, что существует некий переход между обеими областями, что не мешает им, однако, быть отдельными науками. В тех случаях, где имеется переход, методы и точки зрения обеих наук отнюдь не различаются.

Отношение психологии к медицине. Вплоть до настоящего времени психология мало служила на пользу психиатрии и медицине вообще. Она должна бы составлять фон для всей области медицины. Но до сих пор она так много

занималась спекуляциями и философскими умозрениями, что полезность ее для этой цели была сильно урезана.

Врач, будь то ученый специалист или практический лекарь, хотел бы знать что-нибудь о методе подхода и обращения с пациентом. Он встретится — и должен быть готов встретиться — с такими явлениями, как упрямство и неподатливость человеческих индивидов, и он должен научиться изучать своих пациентов, написав об их отношениях к настоящей окружающей их среде и углубляться в историю их жизни для понимания и объяснения их характера. Он должен научиться оценивать своих пациентов и добиваться подробностей относительно их личности и характеристики. Он должен быть в состоянии сказать, может ли пациент выполнить то, что ему велено сделать, есть ли у последнего достаточно данных для того, чтобы слиться с той средой, в которой ему приходится жить, или для того, чтобы выйти из той среды, которая ему не подходит. Эти факты приспособления характера не могут быть выражены иначе, как в терминах поведения. Конечно, существуют факторы, которые относятся к каждому человеку, сталкивающемуся в своей деятельности с другими; но, если принять во внимание те близкие отношения, которые существуют между пациентом и врачом, эти факторы особенно важны именно для последнего. Психиатры далеко не пренебрегали ими; действительно, психиатрам мы обязаны тем, что факторы эти вообще подчеркивались, и благодаря, главным образом, их усилиям, мы имеем хорошо разработанную и систематическую технику изоляции факторов, важных для истории жизни пациента. Поскольку это касается психиатрии, я думаю, мы вправе сказать, что психология, которой пользуется психиатр, не отличается от психологии, которую мы пытаемся изучить. Психиатру приходится быть с одной стороны, врачом со специально разработанной терапевтической техникой, а с другой — психологом, с особым интересом к определенным отделам психологии. Психиатрия не особенно нуждается в подробном изучении реакций на известные стимулы. Многие в подробных работах об образовании навыков и об отдельном анализе инстинктов не может быть ею специально использовано. С другой стороны, всякий материал, который может доставить психолог по вопросам о сочетании или разделении эмоций, о развитии инстинктов и навыков и их взаимоотношениях, о влиянии

возраста, лекарств и т. п. на образование навыков и их прочность, на ложные реакции и на ошибки в реакциях, о действии повреждений центральной нервной системы на тренированных животных и успехе, получающемся при новой их тренировке, сейчас же может быть использован психиатром двояко, во-первых, специфическим образом и, во-вторых, при оценке своего пациента. Большинство психиатров признает, что, когда получает развитие какой-нибудь особый вид психологии, они могут сейчас же использовать в широкой степени как его методы, так и материалы. Иллюстрацией могут служить различные способы испытания (тесты), которые были разработаны психологами для оценки общего уровня жизнедеятельности индивидов. Такие тесты в той или иной форме обычно применяются в каждой психиатрической клинике. Такие вопросы, как «общее поведение», «течение разговора», «установка» (attitude), «ориентация», «закрепление новых и прошлых происшествий», «общая информация», «эмоциональный уровень, при котором производятся действия», обсуждаются в отношении каждого пациента, допущенного в психиатрическую клинику.

Подготовка к психологии. Для занятия природными данными человека изучающий психологию найдет полезный фон в науке о поведении животных. В качестве дальнейшей подготовки к этой части его труда он найдет, что необходима некоторая помощь из областей физиологии и экспериментальной зоологии. Его работа над образованием навыков приведет его опять-таки к физиологии и фармакологии для таких факторов, как действие возраста, лекарств, химикалий и экстрактов желез на человеческий организм. Рассмотрение столкновений между навыками и инстинктами, неудачных реакций и ошибок в приспособлении вообще, которые особенно ясно выражены в тиках, симпатических подергиваниях (виттовой пляске), истерии, навязчивых состояниях и т. д., приводит психолога в психиатрическую клинику, если он хочет подготовиться с наибольшей полнотой. Торговля и законодательство также предъявляют к нему все более и более широкие запросы и некоторое знакомство с ними очень существенно. Наконец, чтобы исчерпывающе воспользоваться экспериментальными данными, необходимо некоторое обучение в применении статистического метода. Если студент, который хочет подготовиться к психологии, начинает достаточно рано, то он может обучаться по всем

вышеназванным отраслям, прежде чем приступит к специальному изучению психологии. Хотя теперь время специалистов, оно все-таки не должно бы быть временем узких специалистов

3. ФРЕЙД Я И ОНО

Сознание и бессознательное. Я не собираюсь сказать здесь что-либо новое и не могу избежать повторения того, что неоднократно высказывалось раньше.

Деление психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа, и только оно даёт ему возможность понять и подвергнуть научному исследованию часто наблюдающиеся и очень важные *патологические процессы в душевной жизни*. Иначе говоря, психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может присоединяться или не присоединяться к другим его качествам.

Если бы я мог рассчитывать, что эта работа будет прочтена всеми интересующимися психологией, то я был бы готов и к тому, что уже на этом месте часть читателей остановится и не последует далее, ибо здесь первая специфическая особенность психоанализа. Для большинства философски образованных людей идея психического, которое одновременно не было бы сознательным, до такой степени непонятна, что представляется им абсурдной и

несовместимой с простой логикой. Это происходит, полагаю я, оттого, что они никогда не изучали относящихся сюда феноменов гипноза и сновидений, которые — не говоря уже о всей области патологических явлений — требуют такого понимания. Однако их психология сознания не способна разрешить проблемы сновидения и гипноза.

Быть сознательным — это прежде всего чисто описательный термин, который опирается на самое непосредственное и надежное восприятие. Опыт показывает нам далее, что психический элемент, например представление, обыкновенно не бывает длительно сознательным. Наоборот, характерным для него является то, что состояние осознанности быстро проходит; представление, в данный момент сознательное, в следующее мгновение перестает быть таковым, однако может вновь стать сознательным при известных, легко достижимых условиях. Каким оно было в промежуточный период — мы не знаем; можно сказать, что оно было *латентным*, подразумевая под этим то, что оно в любой момент способно было стать сознательным. Если мы скажем, что оно было бессознательным, мы также дадим правильное описание. Это бессознательное в таком случае совпадает с латентным или потенциально сознательным. Правда, философы возразили бы нам: нет, термин «бессознательное» не может здесь использоваться; пока представление находилось в латентном состоянии, оно вообще не было психическим. Но если бы уже в этом месте мы стали возражать им, то затеяли бы совершенно бесплодный спор о словах.

К термину или понятию бессознательного мы пришли другим путем, путем переработки опыта, в котором большую роль играет *душевная динамика*. Мы узнали, т. е. вынуждены были признать, что существуют весьма сильные душевные процессы или представления,— здесь прежде всего приходится иметь дело с некоторым количественным моментом,— которые могут иметь такие же последствия для душевной жизни, как и все другие представления, между прочим, и такие последствия, которые могут быть осознаны опять-таки как представления, хотя сами в действительности не являются сознательными. Нет необходимости подробно повторять то, о чём уже часто говорилось. Достаточно сказать: здесь начинается психоаналитическая теория, которая утверждает, что такие представления не становятся сознательными потому, что им противодействует

известная сила, что без этого они могли бы стать сознательными, и тогда мы увидели бы, как мало они отличаются от остальных общепризнанных психических элементов. Эта теория оказывается неопровержимой благодаря тому, что в психоаналитической технике нашлись средства, с помощью которых можно **устранить противодействующую силу** и довести соответствующие представления до сознания. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем **«вытеснением»**, а сила, приведшая к вытеснению и поддерживающая его, ощущается нами во время нашей психоаналитической работы как **«сопротивление»**.

Понятие бессознательного мы, таким образом, получаем из учения о вытеснении. Вытесненное мы рассматриваем как типичный пример бессознательного. Мы видим, однако, что есть **два вида бессознательного**: латентное, но способное стать сознательным, и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего усилия не может стать сознательным. Наше знакомство с психической динамикой не может не оказать влияния на номенклатуру и описание бессознательного. Латентное бессознательное, являющееся бессознательным только в описательном, но не в динамическом смысле, называется нами предсознательным; термин «бессознательное» мы применяем только к вытесненному динамическому бессознательному; таким образом, мы имеем теперь три термина: **«сознательное»** (bw), **«предсознательное»** (vbw) и **«бессознательное»** (ubw), смысл которых уже не только чисто описательный. Предсознательное (Vbw) предполагается нами стоящим гораздо ближе к сознательному (Bw), чем бессознательное, а так как бессознательное (Ubw) мы назвали психическим, мы тем более назовем так и латентное предсознательное (Vbw).

Таким образом, мы с большим удобством можем обходиться нашими тремя терминами: bw, vbw и ubw, если только не станем упускать из виду, что в описательном смысле существуют два вида бессознательного, в динамическом же только один. В некоторых случаях, когда изложение преследует особые цели, этим различием можно пренебречь, в других же случаях оно, конечно, совершенно необходимо.

Однако, в ходе психоаналитической работы выясняется, что и эти различия оказываются недостаточными, практически неудовлетворительными. Из ряда положений, служащих тому доказательством, приведем решающее. Мы создали себе представление о связной организации душевных процессов в одной личности и обозначаем его как **Я** этой личности. Это Я связано с сознанием, оно господствует над побуждениями к движению, т. е. к разрядке возбуждений во внешний мир. Это та душевная инстанция, которая контролирует все частные процессы, которая ночью отходит ко сну и все же руководит цензурой сновидений. Из этого Я исходит также вытеснение, благодаря которому известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но также из других областей влияний и действий. Это устранение путем вытеснения в анализе противопоставляет себя Я, и анализ стоит перед задачей, устранить сопротивление, которое Я оказывает попыткам приблизиться к вытесненному. Во время анализа мы наблюдаем, как больной, если ему ставятся известные задачи, испытывает затруднения; его *ассоциации прекращаются*, как только они должны приблизиться к вытесненному. Тогда, мы говорим ему, что он находится во власти сопротивления, но сам он ничего о нем не знает, и даже в том случае, когда, на основании чувства неудовольствия, он должен догадываться, что в нем действует какое-то сопротивление, он все же не умеет ни назвать, ни указать его. Но так как сопротивление, несомненно, исходит из его Я и принадлежит последнему, то мы оказываемся в неожиданном положении. Мы нашли в *самом Я* нечто такое, что тоже бессознательно и проявляется подобно вытесненному, т. е. оказывает сильное действие, не переходя в сознание, и для осознания чего требуется особая работа. Следствием такого наблюдения для психоаналитической практики является то, что мы попадаем в бесконечное множество затруднений и неясностей, если только хотим придерживаться привычных способов выражения, например если хотим свести явление невроза к конфликту между сознанием и бессознательным. Исходя из нашей теории структурных отношений душевной жизни, мы должны такое противопоставление заменить другим, а именно *связному Я противопоставить отколовшееся от него вытесненное*.

Однако следствия из нашего понимания бессознательного еще более значительны. Знакомство с динамикой внесло первую поправку, структурная теория вносит вторую. Мы приходим к выводу, что Ubw не совпадает с вытесненным; остается верным, что все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное. Даже часть Я (один бог ведает, насколько важная часть) может быть бессознательной и без всякого сомнения и является таковой. И это бессознательное в Я не есть латентное в смысле предсознательного, иначе его нельзя было бы сделать активным без осознания и само осознание не представляло бы столько трудностей. Когда мы, таким образом, стоим перед необходимостью признания третьего, не вытесненного Ubw , то нам приходится признать, что свойство бессознательности теряет для нас свое значение. Оно становится многозначным качеством, не позволяющим широких и непререкаемых выводов, для которых нам хотелось бы его использовать. Тем не менее нужно остерегаться пренебрегать им, так как в конце концов свойство бессознательности или сознательности является единственным лучом света во тьме глубинной психологии.

Я и Оно. Патологические изыскания отвлекли наш интерес исключительно в сторону вытесненного. После того как нам стало известно, что и Я в собственном смысле слова может быть бессознательным, нам хотелось бы больше узнать о Я. Руководящей нитью в наших исследованиях до сих пор служил только признак сознательности или бессознательности; под конец мы убедились, сколь многозначным может быть этот признак.

Все наше знание постоянно связано с сознанием. Даже бессознательное мы можем узнать только путем превращения его в сознательное. Но каким же образом это возможно? Что значит сделать нечто сознательным? Как это может произойти?

Мы уже знаем, откуда нам следует исходить. Мы сказали, что сознание представляет собой *поверхностный слой* душевного аппарата, т. е. мы сделали его функцией некоей системы, которая пространственно ближе всего к внешнему миру. Пространственно, впрочем, не только в смысле функции, но на этот раз и в смысле анатомического расчленения. Наше исследование также должно исходить от этой воспринимающей поверхности.

Само собой разумеется, что сознательны все восприятия, приходящие извне (чувственные восприятия), а также изнутри, которые мы называем ощущениями и чувствами. Как, однако, обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы — несколько грубо и недостаточно — можем назвать мыслительными процессами? Доходят ли эти процессы, совершающиеся где-то внутри аппарата, как движения душевной энергии на пути к действию, до поверхности, на которой возникает сознание? Или, наоборот, сознание доходит до них? Мы замечаем, что здесь кроется одна из трудностей, встающих перед нами, если мы хотим всерьез оперировать с пространственным, топическим представлением о душевной жизни. Обе возможности одинаково невысказанны, и нам следует искать третьей.

В другом месте я уже указывал, что действительное различие между бессознательным и предсознательным представлениями заключается в том, что первое совершается при помощи материала, остающегося неизвестным (непознанным), в то время как второе (*vbw*) связывается с представлениями слов. Здесь впервые сделана попытка дать для системы *Vbw* и *Ubw* такие признаки, которые существенно отличны от признака отношения их к сознанию. Вопрос: «Каким образом что-либо становится сознательным?» — целесообразнее было бы облечь в такую форму: «Каким образом что-нибудь становится предсознательным?» Тогда ответ был бы таким: «Посредством соединения с соответствующими *представлениями слов*».

Если таков именно путь превращения чего-либо бессознательного в предсознательное, то на вопрос: «Каким образом мы делаем вытесненное предсознательным?» — следует ответить: «Создавая при помощи аналитической работы упомянутые подсознательные опосредствующие звенья». Сознание остается на своём месте, но и бессознательное; не поднимается до степени сознательного.

В то время как отношение внешнего восприятия к Я совершенно очевидно, отношение внутреннего восприятия к Я требует особого исследования. Отсюда еще раз возникает сомнение в правильности допущения, что все сознательное связано с поверхностной системой восприятия — сознание (*W* — *Bw*).

Внутреннее восприятие дает ощущения процессов, происходящих в различных, несомненно также в глубочайших слоях душевного аппарата. Они мало известны, и лучшим их образцом может служить ряд удовольствия — неудовольствия. Они первичнее, элементарнее, чем ощущения, возникающие извне, и могут появляться и в состоянии смутного сознания. Эти ощущения локализованы в различных местах, как и внешние восприятия; они могут притекать с разных сторон одновременно и иметь при этом различные, даже противоположные качества.

Ощущения и чувства также становятся сознательными лишь благодаря соприкосновению с системой W ; если же путь к ней прегражден, они не осуществляются в виде ощущений. Сокращенно, но не совсем правильно, мы говорим тогда о бессознательных ощущениях, придерживаясь аналогии с бессознательными представлениями, хотя эта аналогия и недостаточно оправдана. Разница заключается в том, что для доведения до сознания необходимо создать сперва посредствующие звенья, в то время как для ощущений, притекающих в сознание непосредственно, такая необходимость отпадает. Другими словами, разница между bw и vw для ощущений не имеет смысла, так как vw здесь исключается: ощущения либо сознательны, либо бессознательны. Даже в том случае, когда ощущения связываются с представлениями слов, их осознание не обусловлено последними: они становятся сознательными непосредственно.

Роль слов становится теперь совершенно ясной. Через их посредство внутренние процессы мысли становятся восприятиями. Таким образом, как бы подтверждается положение: всякое знание происходит из внешнего восприятия. При «перенаполнении» (*Überbesetzung*) мышления мысли действительно воспринимаются как бы извне и потому считаются истинными.

Разъяснив взаимоотношение внешних и внутренних восприятий и поверхностной системы ($W — Bw$), мы можем приступить к построению нашего представления о Я. Мы видим его исходящим из системы восприятия W , как из своего ядра-центра, и в первую очередь охватывающим Vbw , которое соприкасается со следами воспоминаний. Но, как мы уже видели, Я тоже бывает бессознательным.

Я полагаю, что здесь было бы очень целесообразно последовать предложению одного автора, который из личных соображений напрасно старается уверить, что ничего общего с высокой и строгой наукой не имеет. Я говорю о Г. Гроддеке, неустанно повторяющем, что то, что мы называем своим Я, в жизни проявляется преимущественно пассивно, что нас, по его выражению, «изживают» неизвестные и неподвластные нам силы. Все мы испытывали такие впечатления, хотя бы они и не овладевали нами настолько, чтобы исключить все остальное, и я открыто заявляю, что взглядам Гроддека следует отвести надлежащее место в науке. Я предлагаю считаться с этими взглядами и назвать сущность, исходящую из системы W и пребывающую вначале предсознательной, именем Я, а те другие области психического, в которые эта сущность проникает и которые являются бессознательными, обозначить, по примеру Гроддека, словом Оно.

Мы скоро увидим, можно ли извлечь из такого понимания какую-либо пользу для описания и уяснения. Согласно предлагаемой теории, индивидуум представляется нам как непознанное и бессознательное Оно, на поверхности которого покоится Я, возникшее из системы W. При желании дать графическое изображение можно прибавить, что Я не целиком охватывает Оно, а покрывает его лишь постольку, поскольку система W образует его поверхность, т. е. расположено по отношению к нему примерно так, как зародышевый диск расположен в яйце. Я и Оно не разделены резкой границей, и с последним Я сливается внизу.

Однако вытесненное также сливается с Оно и есть только часть его. Вытесненное, благодаря сопротивлениям, резко обособлено только от Я; с помощью Оно ему открывается возможность соединиться с Я. Ясно, следовательно, что почти все разграничения, которые мы старались описать на основании данных патологии, относятся только к единственно известным нам поверхностным слоям душевного аппарата.

Нетрудно убедиться в том, что Я есть только измененная под прямым влиянием внешнего мира и при посредстве W-Ww часть Оно, своего рода продолжение дифференциации поверхностного слоя. Я старается также содействовать влиянию внешнего мира на Оно и осуществлению тенденций этого

мира, оно стремится заменить *принцип удовольствия*, который безраздельно властвует в Оно, *принципом реальности*.

Восприятие имеет для Я такое же значение, как влечение для Оно. Я олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность к Оно, содержащему страсти. Все это соответствует общеизвестным и популярным разграничениям, однако может считаться верным только для некоторого среднего – или в идеале правильного – случая.

Большое функциональное значение Я выражается в том, что в нормальных условиях ему предоставлена власть над побуждением к движению. По отношению к Оно Я, подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, Я же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошастью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю Оно в *действие*, как будто бы это было его собственной волей.

Я складывается и обособляется от Оно, по-видимому, не только под влиянием системы W, но под действием также другого момента. Собственное тело, и прежде всего поверхность его, представляет собой место, от которого могут исходить одновременно как внешние, так и внутренние восприятия. Путем зрения тело воспринимается как другой объект, но осязанию оно дает двоякого рода ощущения, одни из которых могут быть очень похожими на внутреннее восприятие. В психофизиологии подробно описывалось, каким образом собственное тело обособляется из мира восприятий. Чувство боли, по-видимому, также играет при этом некоторую роль, а способ, каким при мучительных болезнях человек получает новое знание о своих органах, является, может быть, типичным способом того, как вообще складывается представление о своем теле.

Я прежде всего телесно, оно не только поверхностное существо, но даже является проекцией некоторой поверхности. Если искать анатомическую аналогию, его скорее всего можно уподобить «мозговому человечку» анатомов, который находится в мозговой коре как бы вниз головой, простирает пятки вверх, глядит назад, а на левой стороне, как известно, находится речевая зона.

Отношение Я к сознанию обсуждалось часто, однако здесь необходимо вновь описать некоторые важные факты. Мы привыкли всюду привносить социальную или этическую оценку, и поэтому нас не удивляет, что игра низших страстей происходит в бессознательном, но мы заранее уверены в том, что душевные функции тем легче доходят до сознания, чем выше указанная их оценка. Психоаналитический опыт не оправдывает, однако, наших ожиданий. С одной стороны, мы имеем доказательства тому, что даже тонкая и трудная интеллектуальная работа, которая обычно требует напряженного размышления, может быть совершена бессознательно, не доходя до сознания. Такие случаи совершенно бесспорны, они происходят, например, в состоянии сна и выражаются в том, что человек непосредственно после пробуждения находит разрешение трудной математической или иной задачи, над которой он бился безрезультатно накануне.

Однако гораздо большее недоумение вызывает знакомство с другим фактом. Из наших анализов мы узнаем, что существуют люди, у которых самокритика и совесть, т.е. бесспорно высокоценные душевные проявления, оказываются бессознательными и, оставаясь таковыми, обуславливают важнейшие поступки; то обстоятельство, что сопротивление в анализе остается бессознательным, не является, следовательно, единственной ситуацией такого рода. Еще более смущает нас новое наблюдение, приводящее к необходимости, несмотря на самую тщательную критику, считаться с бессознательным чувством вины,— факт, который задает новые загадки, в особенности если мы все больше и больше приходим к убеждению, что, *бессознательное чувство вины* играет в большинстве невротических экономически решающую роль и создает сильнейшее препятствие выздоровлению. Возвращаясь к нашей оценочной шкале, мы должны сказать: не только наиболее глубокое, но и наиболее высокое в Я может быть бессознательным. Таким образом, нам как бы демонстрируется то, что раньше было сказано о сознательном Я, а именно — что оно прежде всего «телесное Я»

Я и сверх – Я (Я – идеал) Если бы Я было только частью Оно, определяемой влиянием системы восприятия, только представителем реального внешнего мира в душевной области, все было бы просто. Однако сюда присоединяется еще нечто.

В других местах уже были разъяснены мотивы, побудившие нас предположить существование некоторой инстанции в Я, дифференциацию внутри Я, которую можно назвать Я - идеалом или сверх - Я. Эти мотивы вполне правомерны. То, что эта часть Я не так прочно связана с сознанием, является неожиданностью, требующей разъяснения.

Нам придется начать несколько издалека. Нам удалось осветить мучительное страдание меланхолика благодаря предположению, что в Я восстановлен утерянный объект, т. е. что произошла замена привязанности к объекту (Objektbesetzung) *идентификацией*. В то же время, однако, мы еще не уяснили себе всего значения этого процесса и не знали, насколько он прочен и часто повторяется. С тех пор мы говорим: такая замена играет большую роль в образовании Я, а также имеет существенное значение в выработке того, что мы называем своим *характером*.

Первоначально в примитивной оральной фазе индивида трудно отличить обладание объектом от идентификации. Позднее можно предположить, что желание обладать объектом исходит из Оно, которое ощущает эротическое стремление как потребность. Вначале еще хилое Я получает от привязанности к объекту знание, удовлетворяется им или старается устранить его путем вытеснения.

Если мы нуждаемся в сексуальном объекте или нам приходится отказаться от него, наступает нередко изменение Я, которое, как и в случае меланхолии, следует описать как внедрение объекта в Я; ближайшие подробности этого замещения нам еще неизвестны. Может быть, с помощью такой *интроекции* (вкладывания), которая является как бы регрессией к механизму оральной фазы, Я облегчает или делает возможным отказ от объекта. Может быть, это отождествление есть вообще условие, при котором Оно отказывается от своих объектов. Во всяком случае процесс этот, особенно в ранних стадиях развития, наблюдается очень часто; он дает нам возможность предположить, что характер Я является осадком отвергнутых привязанностей к объекту, что он содержит *историю этих выборов объекта*.

Поскольку характер личности отвергает или приемлет эти влияния из истории эротических выборов объекта, естественно наперед допустить целую

шкалу сопротивляемости. Мы думаем, что в чертах характера женщин, имевших большой любовный опыт, легко найти отзвук их привязанностей к объекту. Необходимо также принять в соображение случаи одновременной привязанности к объекту и идентификации, т. е. изменения характера прежде, чем произошел отказ от объекта. При этом условии изменение характера может оказаться более длительным, чем отношение к объекту, и даже, в известном смысле, консервировать это отношение.

Другой подход к явлению показывает, что такое превращение эротического выбора объекта в изменение Я является также путем, каким Я получает возможность овладеть Оно и углубить свои отношения к нему, правда, ценой значительной уступчивости к его переживаниям. Принимая черты объекта, Я как бы навязывает Оно самого себя в качестве любовного объекта, старается возместить ему его утрату, обращаясь к нему с такими словами: «Смотри, ты ведь можешь любить и меня — я так похоже на объект».

Происходящее в этом случае превращение объект-либидо в нарцисстическое либидо, очевидно, влечет за собой отказ от сексуальных целей, известную десексуализацию, а стало быть, своего рода *сублимацию*. Более того, тут возникает вопрос, заслуживающий внимательного рассмотрения, а именно: не есть ли это обычный путь к сублимации, не происходит ли всякая сублимация посредством вмешательства Я, которое сперва превращает сексуальное объект-либидо в нарцисстическое либидо с тем, чтобы в дальнейшем поставить, может быть, ему совсем иную цель? Не может ли это превращение влечь за собой в качестве следствия также и другие изменения судеб влечения, не может ли оно приводить, например, к расслоению различных слившихся друг с другом влечений? К этому вопросу мы еще вернемся впоследствии.

Хотя мы и отклоняемся от нашей цели, однако необходимо остановить на некоторое время наше внимание на объектных идентификациях Я. Если таковые умножаются, становятся слишком многочисленными, чрезмерно сильными и несовместимыми друг с другом, то они легко могут привести к патологическому результату. Дело может дойти до расщепления Я, поскольку отдельные идентификации благодаря противоборству изолируются друг от друга и загадка случаев так называемой «множественной личности», может быть, заключается как раз в том,

что отдельные идентификации попеременно овладевают сознанием. Даже если дело не заходит так далеко, создается все же почва для конфликтов между различными идентификациями, на которые раскладывается Я, конфликтов, которые в конечном итоге не всегда могут быть названы патологическими.

Как бы ни окрепла в дальнейшем сопротивляемость характера в отношении влияния отвергнутых привязанностей к объекту, все же действие первых, имевших место в самом раннем возрасте идентификаций будет широким и устойчивым. Это обстоятельство заставляет нас вернуться назад к моменту возникновения Я - идеала, ибо за последним скрывается первая и самая важная идентификация индивидуума, именно — идентификация с родителями в самый ранний период истории развития личности. Такая идентификация, по-видимому, не есть следствие или результат привязанности к объекту; она прямая, непосредственная и более ранняя, чем какая бы то ни было привязанность к объекту. Однако выборы объекта, относящиеся к первому сексуальному периоду и касающиеся отца и матери, при нормальных условиях в заключение приводят, по-видимому, к такой идентификации и тем самым усиливают первичную идентификацию.

Все же отношения эти так сложны, что возникает необходимость описать их подробнее. Существуют два момента, обуславливающие эту сложность: треугольное расположение Эдипова отношения и изначальная бисексуальность индивида.

Упрощенный случай для ребенка мужского пола складывается следующим образом: очень рано ребенок обнаруживает по отношению к матери объектную привязанность, которая берет свое начало от материнской груди и служит образцовым примером выбора объекта по типу опоры (*Anlehnungstypus*); с отцом же мальчик идентифицируется. Оба отношения существуют некоторое время параллельно, пока усиление сексуальных влечений к матери и осознание того, что отец является помехой для таких влечений, не вызывает *Эдипова комплекса*.

Идентификация с отцом отныне принимает враждебную окраску и превращается в желание устранить отца и заменить его собой у матери. С этих пор отношение к отцу амбивалентно, создается впечатление, будто содержащаяся с самого начала в идентификации амбивалентность стала явной. «Амбивалентная

установка» по отношению к отцу и лишь нежное объектное влечение к матери составляют для мальчика содержание простого, положительного Эдипова комплекса.

При разрушении Эдипова комплекса необходимо отказаться от объектной привязанности к матери. Вместо нее могут появиться две вещи: либо идентификация с матерью, либо усиление идентификации с отцом. Последнее мы обыкновенно рассматриваем как более нормальный случай, он позволяет сохранить в известной мере нежное отношение к матери. Благодаря исчезновению Эдипова комплекса мужественность характера мальчика, таким образом, укрепились бы. Совершенно аналогичным образом Эдипова установка маленькой девочки может вылиться в усиление ее идентификации с матерью (или в появлении таковой), упрочивающей женственный характер ребенка.

Эти идентификации не соответствуют нашему ожиданию, так как они не вводят оставленный объект в Я; однако и такой исход возможен, причем у девочек его наблюдать легче, чем у мальчиков. В анализе очень часто приходится сталкиваться с тем, что маленькая девочка, после того как ей пришлось отказаться от отца как любовного объекта, проявляет мужественность и идентифицирует себя не с матерью, а с отцом, т.е. с потерянным объектом. Ясно, что при этом все зависит от того, достаточно ли сильны ее мужские задатки, в чем бы они ни состояли.

Таким образом, переход Эдиповой ситуации в идентификацию с отцом или матерью зависит у обоих полов, по-видимому, от относительной силы задатков того или другого пола. Это один способ, каким бисексуальность вмешивается в судьбу Эдипова комплекса. Другой способ еще более важен. В самом деле, возникает впечатление, что простой Эдипов комплекс вообще не есть наиболее частый случай, а соответствует некоторому упрощению или схематизации, которая практически осуществляется, правда, достаточно часто. Более подробное исследование вскрывает в большинстве случаев более полный Эдипов комплекс, который бывает двояким, позитивным и негативным, в зависимости от первоначальной бисексуальности ребенка, т. е. мальчик находится не только в амбивалентном отношении к отцу и останавливает свой нежный объектный выбор на матери, но он одновременно ведет себя как девочка, проявляет нежное женское

отношение к отцу и соответствующее ревниво-враждебное к матери. Это вторжение бисексуальности очень осложняет анализ отношений между первичными выборами объекта и идентификациями и делает чрезвычайно затруднительным понятное их описание. Возможно, что установленная в отношении к родителям амбивалентность должна быть целиком отнесена на счет бисексуальности, а не возникает, как я утверждал это выше, из идентификации вследствие соперничества.

Я полагаю, что мы не ошибемся, если допустим существование полного Эдипова комплекса у всех вообще людей, а у невротиков в особенности. Аналитический опыт обнаруживает затем, что в известных случаях та или другая составная часть этого комплекса исчезает, оставляя лишь едва заметный след, так что создается ряд, на одном конце которого стоит позитивный комплекс, на другом конце — обратный, негативный комплекс, в то время как средние звенья изображают полную форму с неодинаковым участием обоих компонентов. При исчезновении Эдипова комплекса четыре содержащихся в нем влечения сочетаются таким образом, что из них получается одна идентификация с отцом и одна с матерью, причем идентификация с отцом удерживает объект-мать позитивного комплекса и одновременно заменяет объект-отца обратного комплекса; аналогичные явления имеют место при идентификации с матерью. В различной силе выражения обеих идентификаций отразится неравенство обоих половых задатков.

Таким образом, можно сделать грубое допущение, что в результате сексуальной фазы, характеризуемой господством Эдипова комплекса, в Я отлагается осадок, состоящий в образовании обеих названных, как-то согласованных друг с другом идентификаций. Это изменение Я сохраняет особое положение: оно противостоит прочему содержанию Я в качестве ***Я - идеала или сверх - Я.***

Сверх - Я не является, однако, простым осадком от первых выборов объекта, совершаемых Оно; ему присуще также значение энергичного реактивного образования по отношению к ним. Его отношение к Я не исчерпывается требованием «ты должен быть таким же (как отец)», оно выражает также запрет: «Таким (как отец) ты не смеешь быть, т.е. не смеешь делать все то, что делает

отец; некоторые поступки остаются его исключительным правом». Это двойное лицо Я - идеала обусловлено тем фактом, что сверх - Я стремилось вытеснить Эдипов комплекс, более того — могло возникнуть лишь благодаря этому резкому изменению. Вытеснение Эдипова комплекса было, очевидно, нелегкой задачей. Так как родители, особенно отец, осознаются как помеха к осуществлению Эдиповых влечений, то инфантильное Я накапливало силы для осуществления этого вытеснения путем создания в себе самом того же самого препятствия. Эти силы заимствовались им в известной мере у отца, и такое заимствование является актом, в высшей степени чреватым последствиями. Сверх - Я сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем стремительнее было его вытеснение (под влиянием авторитета, религии, образования и чтения), тем строже впоследствии сверх - Я будет властвовать над Я как совесть, а может быть, и как бессознательное чувство вины. Откуда берется сила для такого властвования, откуда принудительный характер, принимающий форму категорического императива,— по этому поводу я еще выскажу в дальнейшем свои соображения.

Сосредоточив еще раз внимание на только что описанном возникновении сверх - Я, мы увидим в нем результат двух чрезвычайно важных биологических факторов: продолжительной детской беспомощности и зависимости человека и наличия у него Эдипова комплекса, который был сведен нами даже к перерыву развития либидо, производимому латентным периодом, т.е. к двукратному началу половой жизни. Это последнее обстоятельство является, по-видимому, специфически человеческой особенностью и составляет, согласно психоаналитической гипотезе, наследие того толчка к культурному развитию, который был насильственно вызван ледниковым периодом.

Таким образом, отделение сверх - Я от Я не случайно, оно отражает важнейшие черты как индивидуального, так и родового развития, и даже больше: сообщая родительскому влиянию длительное выражение, оно увековечивает существование факторов, которым обязано своим происхождением.

Несчетное число раз психоанализ упрекали в том, что он не интересуется высшим, моральным, сверхличным в человеке. Этот упрек несправедлив вдвойне — исторически и методологически. Исторически — потому что психоанализ с

самого начала приписывал моральным и эстетическим тенденциям в Я побуждение к вытеснению, методологически — вследствие нежелания понять, что психоаналитическое исследование не могло выступить, подобно философской системе, с законченным сводом своих положений, но должно было шаг за шагом добираться до понимания сложной душевной жизни путем аналитического расчленения как нормальных, так и аномальных явлений. Нам не было надобности дрожать за сохранение высшего в человеке, коль скоро мы поставили себе задачей заниматься изучением вытесненного в душевной жизни. Теперь, когда мы отваживаемся подойти, наконец, к анализу Я, мы так можем ответить всем, кто, будучи потрясен в своем нравственном сознании, твердил, что должно же быть высшее в человеке: «Оно несомненно должно быть, но Я - идеал или сверх - Я, выражение нашего отношения к родителям, как раз и является высшим существом. Будучи маленькими детьми, мы знали этих высших существ, удивлялись им и испытывали страх перед ними, впоследствии мы приняли их в себя самих».

Я - идеал является, таким образом, наследником Эдипова комплекса и, следовательно, выражением самых мощных движений Оно и самых важных судеб его либидо. Выставив этот идеал, Я сумело *овладеть Эдиповым комплексом* и одновременно *подчиниться Оно*. В то время как Я является преимущественно представителем внешнего мира, реальности, сверх - Я выступает навстречу ему как поверенный внутреннего мира, или Оно. И мы теперь подготовлены к тому, что конфликты между Я и Я - идеалом в конечном счете отразят противоречия реального и психического, внешнего и внутреннего миров.

Все, что биология и судьбы человеческого рода создали в Оно и закрепили в нем,— все это приемлется в Я в форме образования идеала и снова *индивидуально переживается* им. Вследствие истории своего образования Я - идеал имеет теснейшую связь с филогенетическим достоянием, *архаическим наследием* индивидуума. То, что в индивидуальной душевной жизни принадлежало глубочайшим слоям, становится благодаря образованию Я - идеала, самым высоким в смысле наших оценок достоянием человеческой души. Однако тщетной была бы попытка локализовать Я - идеал, хотя бы только по примеру Я,

или подогнать его под одно из тех сравнений, при помощи которых мы пытались наглядно изобразить отношение Я и Оно.

Легко показать, что Я - идеал соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. В качестве заместителя страстного влечения к отцу оно содержит в себе зерно, из которого выросли все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении Я со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое опирается страстно верующий. В дальнейшем ходе развития роль отца переходит к учителям и авторитетам; их заповеди и запреты сохраняют свою силу в Я -идеале, *осуществляя в качестве совести моральную цензуру*. Несогласие между требованиями совести и действиями Я ощущается как чувство вины. Социальные чувства покоятся на идентификации с другими людьми на основе одинакового Я - идеала.

К.Г. ЮНГ.

СТРУКТУРА ДУШИ.

Душа как отражение мира и человека настолько многообразна, что существует бесконечное множество аспектов ее рассмотрения. С психикой дело обстоит точно так же, как с миром: систематика мира лежит вне пределов досягаемости человека, и поэтому все, чем мы в этом смысле обладаем, есть лишь кустарные правила да аспекты интересов. Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не объемлет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа

является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта.

Единственными непосредственно познаваемыми вещами мира являются *содержания сознания*. Это не значит, что я хочу свести мир к представлению о мире, но я хочу этим выделить нечто подобное тому, как если бы я сказал, что жизнь есть функция атома углерода. Эта аналогия демонстрирует ограниченность профессиональной точки зрения, которой я придерживаюсь, как только собираюсь дать вообще хоть какое-нибудь объяснение миру или даже только одной из его частей.

Разумеется, моя точка зрения является психологической, причем точкой зрения тех *психологов-практиков*, задача которых заключается в том, чтобы быстро разобраться в хаотической путанице самых сложных душевных состояний. Она обязательно должна отличаться от точки зрения психолога, который в тиши лаборатории может спокойно исследовать какой-нибудь отдельный психический процесс. Это то же различие, что существует между хирургом и гистологом. Не являюсь я также и метафизиком, от которого требуется что-либо сказать о бытии вещей, как таковом, — существуют ли они абсолютно или еще что-нибудь в этом роде. Мои предметы лежат в пределах познаваемости.

Прежде всего мне необходимо уметь схватывать комплексные условия и уметь говорить о них. Я должен уметь доступным образом характеризовать сложное и различать *группы душевных фактов*. Эти различия в свою очередь не должны быть произвольными, если я хочу добиться взаимопонимания с моим объектом, то есть с моим пациентом. Значит, я вынужден использовать простые схемы, которые, с одной стороны, удовлетворительно отображают эмпирические факты, а с другой — включают в себя общеизвестное и тем самым находят понимание.

Если же теперь мы собираемся сгруппировать содержания сознания, то начнем, согласно старому правилу, с положения: *Nihil est in intellect, quod non antea fuerit in sensu* (Нет ничего в разуме, чего бы не было раньше в чувствах.)

Сознательное как бы устремляется извне вовнутрь, в нас, в виде *восприятий*. Мы видим, слышим, осязаем и обоняем мир и тем самым его осознаем.

Восприятие говорит нам, что есть нечто. Но оно не говорит нам, что это. Об этом говорит нам не процесс перцепции, а процесс *апперцепции*. Этот последний процесс является комплексным образованием. Это не значит, что восприятие является чем-то простым, но его комплексная природа скорее физиологическая, нежели психическая. Сложность апперцепции, напротив, психологическая. Мы можем обнаружить в ней взаимодействие различных психических процессов. Допустим, что мы слышим шум, природа которого кажется нам неизвестной. Спустя некоторое время нам становится ясно, что этот своеобразный шум происходит от газового пузыря, образовавшегося в водопроводной трубе центрального отопления. Таким образом, мы поняли, что это за шум. Этим знанием мы обязаны процессу, который называется *мышлением*. Мышление говорит нам, чем является что-либо,

Перед этим я назвал шум «своеобразным». Называя что-либо «своеобразным», я тем самым подразумеваю некоторый особый чувственный тон, которым обладает вещь. Чувственный тон означает *оценку*.

Процесс распознавания можно, в сущности, понимать как сравнение и различение с помощью припоминания: если, например, я вижу огонь, то световое раздражение опосредует мне представление об огне. Содержащееся в моей памяти бесчисленное множество *образов воспоминаний* об огне вступает в связь с только что полученным образом огня; в результате сравнения и различения с этими образами памяти возникает мысль, то есть окончательная констатация особенностей только что приобретенного образа.

Иначе обстоит дело с процессом оценки: огонь, который я вижу, вызывает эмоциональные реакции приятного или неприятного характера, кроме того, вызванные образы памяти также привносят с собой сопутствующие эмоциональные проявления, которые называют чувственным тоном. В результате предмет кажется нам приятным, желанным, красивым или отвратительным, плохим, негодным и т.д. В обыденном языке этот процесс называется *чувствованием*.

Процесс *предвосхищения* не является ни восприятием, ни мышлением, ни чувствованием, хотя язык обнаруживает здесь подозрительно малую способность различения. Можно воскликнуть: «О, я вижу, как горит уже весь дом». Или:

«Ясно как дважды два — четыре, что если здесь возникнет огонь, то будет беда». Или: «У меня такое чувство, что из-за этого огня может случиться катастрофа». Соответственно своему темпераменту один будет называть свое предчувствие ясным видением, то есть уподоблять его восприятию. Другой будет называть его мышлением. «Стоит только подумать, и сразу станет ясно, какие будут последствия», — скажет он. Третий, наконец, под впечатлением своего эмоционального состояния будет называть предвосхищение чувствованием. Предвосхищение, или *интуиция*, является, однако, на мой взгляд, одной из основных функций души, а именно *восприятием заключенных в ситуации возможностей*. То, что в немецком языке понятия «чувство», «ощущение» и «интуиция» все еще смешаны, объясняется, пожалуй, недостаточным развитием языка, тогда как во французском и английском языках *sentiment* и *sensation*, *feeling* и *sensation* уже абсолютно разделены, более того, *sentiment* и *feeling* отчасти являются вспомогательными словами для обозначения интуиции. В последнее же время слово «интуиция» стало все чаще употребляться и в обиходном английском языке.

Далее, в качестве содержаний сознания можно выделить также *процессы воли и процессы влечения*. Первые характеризуются как направленные, вытекающие из процессов апперцепции импульсы, природа которых позволяет человеку действовать, так сказать, по своему усмотрению. Последние представляют собой импульсы, проистекающие из бессознательного или непосредственно из тела и имеющие характер зависимости и принуждения.

Процессы апперцепции могут быть направленными и ненаправленными. В первом случае мы говорим о *внимании*, во втором — о *фантазировании*, или «мечтании». Первые — рациональны. К последним же в качестве седьмой категории содержаний сознания относятся также и *сновидения*. В некотором смысле они подобны осозанным фантазиям, поскольку имеют ненаправленный иррациональный характер. Однако сновидения отличаются от фантазий тем, что их причины, пути и намерения непонятны нашему разуму. Тем не менее я признаю за ними звание категории содержаний сознания, поскольку они являются наиболее важной и очевидной равнодействующей бессознательных процессов души, которая едва вдается вовнутрь сознания. Этими семью

классами, подробное описание которых не входило в нашу задачу, исчерпываются, пожалуй, все содержания сознания.

Как известно, существуют воззрения, согласно которым душевное ограничивается сознанием через отождествление одного с другим. Я не думаю, что мы можем с этим согласиться. Раз мы считаем, что есть некоторые вещи, лежащие по ту сторону нашего восприятия, значит, мы можем говорить также и о душевном, в существовании которого мы можем убедиться лишь косвенно. Каждый, кто знаком с психологией гипнотизма и сомнамбулизма, знает об известном факте, когда искусственно или болезненно ограниченное сознание не содержит определенных представлений, но ведет себя так, как если бы оно их содержало. Одна женщина с истерической глухотой имела привычку напевать. Врач незаметно садился за пианино и сопровождал очередной куплет в другой тональности, на что больная тут же реагировала продолжением пения уже в новой тональности. У другого пациента была следующая особенность: при виде открытого огня у него возникал «истеро-эпилептический» приступ. При этом его поле зрения было сильно ограничено, то есть он не видел периферией сетчатки (это называют «трубчатым» полем зрения). Но даже если свет попадал в слепую зону, все равно следовал приступ, как если бы пациент этот огонь видел. В симптоматологии таких состояний имеется бесчисленное множество случаев подобного рода, где при всем желании нельзя сказать ничего другого, кроме того, что человек бессознательно воспринимает, думает, чувствует, вспоминает, решает и совершает поступки, то есть делает бессознательно то, что другие делают сознательно. Эти процессы происходят независимо от того, замечает их сознание или нет.

К этим *бессознательным душевным процессам* относится имеющая немалое значение композиционная работа, которая лежит в основе сновидений. Сон является состоянием, в котором сознание в значительной степени ограничено, однако это отнюдь не значит, что душевное перестает существовать и действовать. Сознание всего лишь отдалилось от него и вследствие беспредметности превратилось в относительную бессознательность. Но, разумеется, душевная жизнь при этом идет своим чередом, равно как и бессознательная душевная жизнь не прекращается во время бодрствования.

Доказательства этому найти нетрудно. Эта особая область опыта представляет собой то, что Фрейд назвал «психопатологией обыденной жизни». Наши сознательные намерения и действия часто перечеркиваются бессознательными процессами, само существование которых нас просто ошеломляет. Мы допускаем оговорки, совершаем опiski, бессознательно делаем такие вещи, которые прямо-таки с головой выдают то, что мы хотели бы скрыть, или то, о чем мы сами никогда не знали. «Lingua lapsa verum elicit» — говорит одна старая пословица. (Оговорка выдает правду). Факт частой встречаемости таких явлений лежит в основании и *диагностического ассоциативного эксперимента*, который всегда с пользой применяется там, где отсутствует либо желание, либо возможность что-то высказать.

Однако классические примеры бессознательной душевной деятельности поставляются патологическими состояниями. Вся симптоматика истерии, неврозов навязчивых состояний, фобий, а также большая часть симптоматики Dementia praecox, или шизофрении, — самого распространенного душевного заболевания — основывается на бессознательной душевной деятельности. Поэтому мы можем, пожалуй, говорить о существовании бессознательной души. Она, конечно же, недоступна нашему непосредственному наблюдению — ведь иначе она и не была бы бессознательной, — а может быть только выведена. А наш вывод будет таков: «Это так, как если бы...» — и не более.

Итак, бессознательное также относится к душе. Можем ли мы теперь по аналогии с различными содержаниями сознания говорить также и о содержаниях бессознательного? Ведь тем самым мы постулировали бы наличие в бессознательном другого сознания. Я не хочу останавливаться здесь на этом деликатном вопросе, который обсуждался мною в другой связи, а ограничусь вопросом иным: однородно ли бессознательное по своей природе. На этот вопрос можно ответить только эмпирически, а именно с помощью встречного вопроса: имеются ли веские основания для проведения таких различий?

Я абсолютно не сомневаюсь в том, что любая работа, обычно совершающаяся в сознании, может точно так же протекать и в бессознательном. Существует множество примеров, когда интеллектуальная проблема, оставшаяся не решенной в часы бодрствования, была разрешена во сне. Например, я знаю

одного эксперта, который на протяжении многих дней тщетно пытался изобличить одного мошенника-банкрота. В один из этих дней он безуспешно бился над этим до полуночи, а затем отправился спать. В три часа утра его жена услышала, как он встал и прошел в свой кабинет. Она последовала за ним и увидела, как тот за своим рабочим столом усердно делает записи. Примерно через четверть часа он вернулся в постель. Утром он ничего не помнил. Он снова принялся за работу и обнаружил сделанный его собственной рукой ряд записей, которые целиком и полностью объясняли запутанный случай.

В рамках своей практической работы мне уже более двадцати лет приходилось заниматься сновидениями. Бесчисленное множество раз я наблюдал, как мысли и чувства, которых не было днем, впоследствии проявлялись в сновидении и таким образом косвенно достигали сознания. Сновидение как таковое, несомненно, является содержанием сознания, ведь иначе оно бы вовсе не могло быть объектом непосредственного опыта. Но раз оно выносит материалы, которые прежде не были представлены в сознании, то мы, наверное, должны согласиться с тем, что эти содержания уже и ранее каким-то образом *существовали психически в бессознательном состоянии*, а в сновидении лишь впервые предстали перед ограниченным сознанием, или, если можно так выразиться, перед «остатками сознания». Сновидение относится к совершенно обычным явлениям. Его можно рассматривать как вторгшуюся в сознание равнодействующую бессознательных процессов.

Будучи вынужденными на основании опыта признать, что все категории сознания могут быть бессознательными и в качестве бессознательных процессов могут воздействовать на сознание, мы тем самым подходим к вопросу, который, вероятно, может показаться неожиданным: имеет ли сновидения само бессознательное? Другими словами: проникают ли также и в эту скрытую мраком область души равнодействующие еще более глубоких и — если это возможно — *еще более бессознательных процессов*? На этот парадоксальный вопрос пришлось бы ответить, пожалуй, отрицательно как на чересчур авантюрный, если бы не имелось фактических оснований, делающих все же такую гипотезу вполне вероятной.

Прежде всего нам нужно представить себе, каким должен быть пример, который сумел бы убедить нас в том, что и бессознательное тоже имеет сновидения. Если от нас требуется доказать, что сновидения являются содержаниями сознания, то нам надо просто показать, что оно включает содержания, по своим свойствам и характеру полностью противостоящие прочим, рационально объяснимым и понятным содержаниям. Если же теперь мы захотим доказать, что и у бессознательного есть свои сновидения, то нам нужно аналогично поступить и с его содержаниями. Пожалуй, будет проще всего, если я проиллюстрирую это одним практическим примером.

Речь идет об одном двадцатисемилетнем мужчине, офицере, Он жаловался на сильные приступы боли в области сердца, словно там застряла пуля, и на колющие боли в левой пятке. Симптомов, указывающих на органику, не было. Приступы продолжались уже около двух месяцев, и пациент, поскольку порой он не мог даже ходить, был уволен с военной службы. Различные курсы лечения несколько не помогли. Непосредственный опрос по поводу предыстории его заболевания не выявил никаких отправных точек. У самого пациента тоже не было никаких догадок относительно причин его заболевания. Он производил впечатление бодрого, несколько легкомысленного человека, слегка по-театральному «ухарского», типа «эх, где наша не пропадала!». Поскольку анамнез ничего не дал, то я задал вопрос о его сновидениях. И здесь сразу же выявилась причина болезни. Непосредственно перед возникновением невроза девушка, в которую он был влюблен, отказала ему и обручилась с другим человеком. Он скрывал от меня всю эту историю как несущественную: «Глупая женщина, найдется другая, если не хочет эта; такого парня, как я, это несколько не беспокоит». Подобным способом он обходился со своим разочарованием и со своей подлинной болью. Теперь же его аффекты вышли на поверхность. Одновременно исчезли боли в сердце, а после нескольких слезных излияний прошел также и ком в горле. «Боль в сердце», поэтический оборот, здесь стала фактом, потому что гордость не позволяла ему переносить эту боль в форме душевного страдания. Ком в горле, так называемый *globus hystericus*, образуется, как всем известно, от проглоченных слез. Его сознание просто-напросто отстранилось от неприятных для себя содержаний. Поэтому, предоставленные самим себе, они смогли достичь

сознания только косвенным путем — в виде симптомов. Такие рационально вполне объяснимые и потому непосредственно очевидные процессы могли бы столь же успешно протекать и в сознании, если бы этому не мешала его мужская гордость.

Что же касается третьего симптома — боли в пятке, — то он так и не исчез. Он (симптом) не имеет ничего общего с только что изображенной картиной. Сердце не связано с пяткой, и оно, естественно, не выражает при помощи пятки свою боль. Рациональным путем вообще невозможно понять, почему дело здесь не ограничилось двумя другими симптомокомплексами. Разумеется, было бы вполне достаточно, и в теоретическом отношении тоже, если бы в результате осознания вытесненной душевной боли появилась нормальная печаль, а вместе с тем наступило бы и выздоровление.

Поскольку сознание пациента не смогло дать мне в данном случае никакой отправной точки относительно пяточного симптома, я снова обратился к прежнему методу, к сновидениям. Пациенту приснилось, что его укусила в пятку змея и он сразу же оказался парализован. Это сновидение внесло ясность в отношении пяточного симптома. У пациента болит пятка, потому что туда его ужалила змея. С таким странным содержанием рациональное сознание ничего поделать не может. Нам удалось непосредственно понять, почему у него болит сердце, но то, что у него должна болеть также и пятка, выходит за рамки рационального понимания. Пациент растерянно стоит перед этим фактом.

Следовательно, здесь мы имеем дело с содержанием, странным образом проникшим в зону бессознательного и возникшим, пожалуй, в другом, более глубоком слое; рациональным путем разгадать его уже невозможно. Следующая аналогия с этим сновидением выражает, очевидно, суть его невроза. Девушка своим отказом нанесла ему укол, который парализовал его и сделал больным. Из дальнейшего анализа сновидения была получена еще одна, новая часть предыстории, которая стала понятной пациенту только теперь: он был любимцем своей несколько истеричной матери. Она чрезмерно жалела его, восхищалась им, нежила, отчего он стал слегка похож на девушку. Спустя некоторое время он неожиданно взял мужской разбег и пошел в армию, где с помощью «ухарства»

ему удалось скрыть внутреннюю женственность. Даже мать в известной степени была им шокирована.

Очевидно, речь здесь идет о той самой древней змее, которая издавна была особой подружкой Евы. «Он наступит тебе (змее) на голову, а ты схватишь его за пятку». — говорится в «Генезисе» молодым поколениям, пришедшим на смену Еве, руководствуясь гораздо более древним египетским гимном, который нужно было прочесть вслух или спеть каждому, кто был ужален змеей, чтобы выздороветь:

Старость Бога раздвинула его уста,
И на почву стекла слюна.
Своими руками Исис смешала ее с землей
И сделала червя,
Похожего на копье.
Его, неживого, обвила вокруг лица
И бросила свернутого в клубок на дорогу,
По которой любил бродить
Великий Бог по двум своим странам.
Досточтимый Бог, сияя, шел впереди,
В сопровождении богов, служивших фараону,
Как всегда, он вышел на прогулку.
И тут ужалил его почтенный червь.
Он застучал зубами,
Задрожал всем телом,
А яд достиг плоти,
Как Нил достигает своих краев.

Осознанное знание Библии пациентом составляет жалкий минимум. Вероятно, однажды он в рассеянности слышал об укусе змеей в пятку, а потом об этом забыл. Но нечто глубоко бессознательное в нем слышало об этом и не забыло, а в удобном случае снова напомнило — та часть бессознательного, которая, очевидно, любит выражаться мифологически, потому что такой способ выражения наиболее ей соответствует.

Однако какому виду духа соответствует *символический или метафорический способ выражения*? Он соответствует первобытному духу, язык которого владеет не абстракцией, а простыми естественными и «неестественными» аналогиями. Этот дух почтенной древности столь же далек от той психики, которая вызывает боли в сердце и globus, как бронтозавр от скаковой лошади. Сон о змее раскрывает нам фрагмент психической деятельности, не имеющей уже ничего общего с современной индивидуальностью сновидца. Она совершается, если можно так выразиться, как бы в некоем более *глубоком слое*, и только равнодействующая ее прорывается в более высокий слой, где лежат вытесненные аффекты, оставаясь одновременно столь же чуждой этому слою, как сон сознанию. И если для того, чтобы понять сон, мы должны применить определенную аналитическую технику, то здесь для того, чтобы суметь постичь смысл детали, возникшей в более глубоком слое, нам необходимы знания мифологии.

Разумеется, мотив змеи не является индивидуальным приобретением сновидца, ибо сны про змею очень часты, даже у жителей больших городов, которые настоящей змеи вообще, наверное, никогда не видели.

Однако можно было бы возразить: змея в сновидении является не чем иным, как наглядно представленной языковой фигурой. Ведь говорят же об определенных женщинах, что они лживы как змеи, говорят о змее-искусителе и т.д. Мне кажется, что в данном случае это возражение вряд ли обоснованно, однако привести строгое доказательство этому было бы, пожалуй, нелегко, потому что змея и в самом деле является распространенной языковой фигурой. Надежное доказательство может быть приведено лишь тогда, когда удастся отыскать случай, в котором мифологическая символика не будет ни распространенной языковой фигурой, ни криптомнезией, — то есть должна быть исключена возможность того, что сновидец читал, видел или слышал где-либо или когда-то был знаком с мотивом сновидения, забыл его, а потом вновь бессознательно вспомнил. Такое доказательство, будь оно найдено, имело бы огромное значение. Оно означало бы, что рационально объяснимое бессознательное, состоящее из, так сказать, искусственных бессознательных материалов, является лишь поверхностным слоем, что под ним лежит

абсолютное бессознательное, которое никак не связано с нашим личным опытом. Оно, следовательно, было бы психической деятельностью, независимой от сознательной души и даже верхних слоев бессознательного, не тронутой личным опытом и, наверное, ему недоступной. Это была бы своего рода надындивидуальная душевная деятельность, *коллективное бессознательное*, как я его назвал, в противоположность поверхностному, относительному или личному бессознательному.

Прежде чем мы будем искать такое доказательство, я хотел бы ради точности изложения сделать еще несколько замечаний относительно сновидения о змее. Складывается впечатление, что эти гипотетические, более глубокие слои бессознательного, коллективного бессознательного, как бы перевели опыт познания женщин в образ укуса змеей и тем самым возвысили его, по сути, до мифологического мотива. Причина и еще более цель этого поначалу непонятны. Если, однако, мы примем во внимание принцип, согласно которому симптоматика болезни одновременно представляет собой естественную попытку лечения — боли в сердце, например, являются попыткой извержения эмоций, — то, пожалуй, и пяточный симптом мы должны рассматривать как попытку своего рода лечения. Как показывает сновидение, благодаря этому симптому на ступень мифологического события поднимаются не только недавние разочарования в любви, но вместе с тем вообще все прочие разочарования, например в школе и т.д., — как будто в результате этого пациенту каким-то образом была оказана помощь.

Наверное, это покажется нам совершенно невероятным, однако древние египетские жрецы — врачеватели, воспевавшие укус змеи в гимне о змее Исис, верили в эту теорию; и не только они, но и весь древний первобытный мир всегда верил в волшебство аналогий — здесь речь идет именно о психологическом феномене, лежащем в основе *волшебства аналогий*. Мы не можем считать это лишь древним, лежащим далеко в прошлом суеверием. При внимательном чтении текстов месс постоянно наталкиваешься на тот знаменитый «sicut» («как»), которым в зависимости от обстоятельств начинается аналогия, с помощью которой должно произойти изменение.

Существует ли на самом деле *надындивидуальная душевная деятельность* — на этот счет я до сих пор не привел доказательства, которое удовлетворяло бы всем требованиям. Мне бы хотелось сделать это теперь и опять в форме примера: речь идет об одном душевнобольном в возрасте около тридцати лет, страдающем параноидной формой *Dementia praecox*. Он заболел рано, сразу по достижении двадцатилетнего возраста. С детских лет он являл собою редкую смесь интеллекта, упрямства и фантазерства. Он был обычным приказчиком и служил писарем в одном консульстве. Видимо, в качестве компенсации его крайне скромного существования у него развилась мания величия, и он стал считать себя Спасителем. Он страдал галлюцинациями и временами приходил в состояние сильного возбуждения. Когда же он был спокоен, ему позволяли свободно прогуливаться по коридору. Однажды я застал его там за следующим занятием: он смотрел из окна на солнце, жмурился и при этом как-то странно двигал головой в разные стороны. Он тут же взял меня под руку и сказал, что хочет мне кое-что показать: я должен, глядя на солнце, моргать и тогда я смогу увидеть солнечный penis. Если я буду производить движения головой, то буду одновременно двигать и солнечный penis, а это в свою очередь порождает ветер.

Это наблюдение было сделано мною в 1906 году. В 1910 году, когда я занимался изучением мифологии, мне попала в руки книга Дитериха — обработка одной части так называемого «Парижского волшебного папируса». По мнению Дитериха, данный отрывок представляет собою литургию культа Митры. Он состоит из ряда предписаний, обращений и видений. Одно из этих видений описывается так: «Подобным образом будет видимой и так называемая труба, источник обыкновенного ветра. Ибо ты увидишь нечто похожее на трубу, свисающую с солнечного диска, бесконечную в направлении запада, как восточный ветер; для того чтобы увидеть ее в области востока, нужно сделать все то же самое, только повернув лицо в другую сторону». Подходящее для обозначения трубы греческое слово *αυλόξ* означает духовой инструмент, а словосочетание *αυλόξ παχύς* у Гомера — «густой поток крови». Очевидно, поток ветра устремляется из солнца через трубу.

Видение моего пациента в 1906 г. и изданный только в 1910г. греческий текст, пожалуй, совершенно независимы друг от друга, так что даже

предположение о криптомнезии с его стороны и о передаче мыслей с моей стороны полностью исключается. Нельзя отрицать явного параллелизма обоих видений, однако можно было бы утверждать, что это чисто случайное сходство. В таком случае мы не могли бы ожидать, следовательно, ни связи с аналогичными представлениями, ни внутреннего смысла видения. Но на самом деле все обстоит иначе, ведь эта труба изображена даже на некоторых картинах средневекового искусства в виде своеобразного шланга, спускающегося с небес под юбку Марии. Через него в образе голубя прилетел Святой Дух для оплодотворения девы. Святой Дух, как мы знаем из троицыного чуда, в древнем представлении является могучим ветром— «ветер веет где хочет». Дух спускается с помощью солнечного круга — это воззрение является достоянием всей поздней классической и средневековой философии.

Поэтому я не могу обнаружить в этих видениях ничего случайного, напротив, я усматриваю в них оживление существующих испокон веков представлений, которые могут вновь и вновь обнаруживаться в самых разных головах и в самые разные времена, то есть это не унаследованные представления!

Я так подробно остановился на этом случае умышленно, с целью дать конкретное представление о той глубинной душевной деятельности, то есть о коллективном бессознательном. Обобщая сказанное, мне хотелось бы отметить, что мы должны некоторым образом различать *три ступени души*: 1) сознание; 2) личное бессознательное, состоящее прежде всего из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и поэтому оказались забытыми, либо же потому, что от них отстранилось сознание (так называемое вытеснение); кроме того, сюда можно включить те содержания, отчасти перцепции, которые из-за слишком малой интенсивности никогда не достигали сознания и все же каким-то образом проникли в психику; 3) коллективное бессознательное, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой, и даже общеживотной, и представляющее собой фундамент индивидуальной психики.

Весь этот душевный организм в точности соответствует телу, которое хотя и имеет всегда индивидуальные вариации, однако в главных своих чертах является общим для всех людей и структура которого по-прежнему сохраняет полные

жизни элементы, связывающие его с беспозвоночными, а в конечном счете даже и с простейшими. Теоретически вполне возможно, что из коллективного бессознательного заново рождается не только психология червя, но и психология одноклеточных.

Все мы убеждены, что было бы совершенно невозможно понять живой организм вне его связи с условиями внешней среды. Существует бесчисленное множество биологических фактов — слепота живущей в гроте саламандры, своеобразие кишечных паразитов, особая анатомия приспособленных к жизни в воде позвоночных животных, — объяснить которые можно только реакцией на внешние условия.

То же самое относится и к душе. Ее своеобразная организация также должна быть самым тесным образом связана с условиями внешней среды. От сознания мы можем ожидать приспособительных реакций и проявлений, ибо сознание в известной степени является частью души, ограничивающейся в основном непосредственно происходящими событиями; и наоборот, от коллективного бессознательного, как от общей души, не имеющей временных пределов, мы можем ожидать реакции на самые общие и всегда имеющиеся условия психологической, физиологической и физической природы.

Коллективное бессознательное, видимо, состоит — насколько мы вообще вправе судить об этом — из чего-то вроде **мифологических мотивов или образов**; поэтому мифы народов являются непосредственными проявлениями коллективного бессознательного. Вся мифология — это как бы своего рода проекция коллективного бессознательного. Наиболее ярко это выявляется в восприятии звездного неба, хаотические формы которого были организованы благодаря образной проекции. Этим же объясняются утверждения астрологии о влиянии звезд: они являются не чем иным, как бессознательным интроспективным восприятием деятельности коллективного бессознательного. Подобно тому как на небо спроецировались образы расположения звезд, в легендах и сказках или же на исторические персонажи также в свою очередь спроецировались им подобные и прочие фигуры. Поэтому мы можем исследовать коллективное бессознательное двумя способами: **либо через мифологию, либо путем анализа индивида**. Но поскольку последний материал

мне трудно изложить здесь доступным образом, я вынужден буду ограничиться первым. Однако просторы мифологии настолько необъятны, что даже в этом случае нам придется ограничиться лишь несколькими типами. Столь же бесконечно и число внешних условий, поэтому и тут тоже мы имеем возможность остановиться только на некоторых типах.

Как живое тело с присущими ему особыми качествами является системой приспособляющих к условиям внешней среды функций, так и душа должна обнаруживать подобные же органы или функциональные системы, соответствующие закономерным физическим событиям. Под этим я подразумеваю не функцию восприятия, связанную с органами чувств, а скорее особого рода психические явления, параллельные физическим закономерностям. Так, например, ежедневный путь солнца и смена дня и ночи должны, наверное, психически отображаться в форме запечатленного с давних времен образа. Удостовериться в существовании такого образа теперь невозможно, но то, что мы находим вместо него, являет собой более или менее фантастические аналогии физического процесса: каждое утро из моря рождается Герой-бог, он садится в солнечную колесницу. На западе его поджидает Великая мать, которая вечером его проглатывает. Он странствует в животе дракона по дну полуночного моря. После ужасной борьбы с ночным змеем он вновь рождается утром.

Этот мифологический конгломерат, несомненно, содержит отображение физического процесса, причем это настолько очевидно, что многие исследователи, как известно, считают подобные мифы изобретением первобытных людей для объяснения физических процессов. И здесь верно по крайней мере то, что именно на этой материнской почве произросли естественная наука и натурфилософия. Однако я считаю маловероятным, чтобы первобытный человек придумывал вещи, подобные некоторой физической или астрономической теории исключительно из потребности в объяснении.

Итак, первое, что мы можем сказать о мифическом образе, состоит в следующем: очевидно, что в таком фантастическом искаженном виде физический процесс проник в психику и там закрепился, вследствие чего даже сегодня бессознательное по-прежнему репродуцирует подобные образы. Теперь,

естественно, встает вопрос: почему психика регистрирует не реальный процесс, а лишь вызванную им фантазию по его поводу?

Почему это происходит, сразу же становится ясным, если перенестись в душу первобытного человека. Ибо он живет в такой «*participation mystique*» с миром, как назвал этот психологический феномен Леви-Брюль, что между субъектом и объектом существует далеко не такое абсолютное различие, как в нашем рациональном мышлении. Что происходит вовне, то происходит и в нем самом, а то, что происходит в нем, то происходит и вовне. В связи с этим приведу один очень красивый случай, который я наблюдал, когда останавливался у элгонов — первобытного племени на Маунт-Элгон в Восточной Африке. У них есть такой обычай: во время солнечного восхода они плюют на руки и подставляют их солнцу, как только оно поднимется из-за горизонта. Поскольку слово «*athista*» одновременно значит и бог, и солнце, я спросил: «Солнце — это бог?» Они ответили «нет» с таким хохотом, будто я произнес несусветную глупость. Так как солнце в этот момент находилось как раз в зените, я указал на него и спросил: «Если солнце находится здесь, вы говорите, что оно не бог, но когда оно там, на востоке, то вы говорите, что оно бог». В ответ на это наступило растерянное молчание, пока один старый вождь не взял слово и не сказал: «Да, это так. Верно, там вверху солнце не бог, но когда оно восходит, это бог (или тогда оно бог)». Какая из этих двух версий является правильной — первобытному духу безразлично. Восход солнца и связанное с ним чувство избавления являются для него (духа) тем же единым божественным событием, как едины ночь и связанное с ней чувство страха. Естественно, его аффект ближе ему, чем физика, поэтому он регистрирует свои аффективные фантазии; так, ночь означает для него змея и холодное дыхание духа, утро же, напротив, — рождение прекрасного бога. Наряду с мифологическими теориями, выводящими все из солнца, существуют также и лунные теории, которые пытаются представить в той же роли луну. Это результат бесчисленного множества мифов о луне, среди которых немало таких, где Луна является женой Солнца. Луна — это изменчивое переживание ночи. Поэтому она совмещается с сексуальным переживанием первобытного человека, с женщиной, которая является для него тоже событием ночи. Но Луна (Месяц) может быть также и обделенным братом Солнца, ибо

аффективные и злые мысли о власти и мести часто нарушают ночной сон. Луна — это то, что нарушает сон, она также и *reserptaculum* (хранилище) усопших душ, ибо во сне возвращаются мертвые, а в тревожной бессоннице являются призраки прошлого. Поэтому Луна означает также и безумие (*lunacy*). Переживания подобного рода и есть то, что закрепилось в душе вместо изменчивого образа Луны.

Не бури, не гром и молния и не дождь и тучи запечатлеваются в душе в виде образов, а вызванные аффектом фантазии. Однажды я пережил очень сильное землетрясение, и мое первое непосредственное ощущение было таково, как будто я стоял не на хорошо знакомой твердой почве, а на шкуре гигантского животного, которое дрожало. Запечатлелось не физическое явление, а этот образ. Проклятия человека опустошительным грозным бурям, его страх перед разбушевавшейся стихией очеловечивают страсти природы, и чисто физическая стихия превращается в разгневанного бога.

Подобно тому как внешние физические условия вызывают аффективные фантазии, их вызывают также и физиологические условия, физиологические влечения. Сексуальность представляется в виде бога плодородия, в виде поживотному сладострастной женщины-демона, в виде самого черта с дионисскими козлиными ногами и непристойным жестом или же, наконец, в виде вызывающей страх, извивающейся змеи.

Голод превращает пищевые продукты в богов, которым мексиканские индейцы ежегодно предоставляли даже каникулы для отдыха, во время которых не употреблялись в пищу привычные продукты. Древние фараоны превозносились как едоки богов. Осирис — это пшеница, сын земли, бог, которого съедают; Бык Митры — это съедобные плоды земли.

Внешние психологические условия оставляют, естественно, такие же мифологические следы. Опасные ситуации, будь то физическая опасность или угроза душе, вызывают аффективные фантазии, а поскольку такие ситуации типичны, то в результате этого образуются и одинаковые *архетипы*, как я назвал все мифологические мотивы.

Драконы обитают в реках, чаще всего возле бродов или других опасных переправ, джинны и прочая нечисть — в безводных пустынях или в опасных

ущельях, духи мертвых поселяются в зловещих зарослях бамбукового леса, коварные русалки и водяные змеи — в морских глубинах и водяных пучинах. Могучие духи предков или боги живут в выдающихся людях, пагубная сила фетиша сидит в чуждом и необычном. Болезнь и смерть не бывают естественными, а всегда вызываются духами или колдовством. Само оружие, которое убило, — это мана, то есть оно наделено необыкновенной силой.

А как же, спросят меня, обстоит дело с самыми обычными и непосредственными явлениями: с мужем, женой, отцом, матерью, ребенком? Эти самые обычные и вечно повторяющиеся реальности создают мощнейшие архетипы, постоянную деятельность которых можно по-прежнему непосредственно распознать повсюду даже в наше полное рационализма время. Возьмем, например, христианскую догму: Троицу составляют Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух, который изображается в виде птицы Астарты, голубя, называвшегося во времена раннего христианства Софией и имевшего женскую природу. Почитание Марии в новой церкви является очевидной заменой этого. Здесь мы имеем дело с архетипом семьи «на небесах» как «последней тайной».

Осадок всего сверхсильного, аффективного и богатого образами опыта предков, связанного с отцом, матерью, ребенком, мужчиной и женщиной, с магической личностью, опасностями душе и телу, возвысил эту группу архетипов бессознательным признанием их огромных психических сил до высших формирующих и регулирующих принципов религиозной и даже политической жизни.

Я обнаружил, что рациональное осмысление этих вещей ничуть не снижает их ценности, даже наоборот, помогает не только почувствовать, но и увидеть их огромное значение. Эта мощная проекция позволяет католику пережить в осязаемой действительности значительную часть своего коллективного бессознательного. Ему не нужно стремиться к авторитету, превосходству, откровению, слиянию с вечным и непреходящим; это есть уже сейчас, и оно ему доступно: в святынях любого алтаря для него живет Бог. И напротив, протестанту и еврею такое стремление присуще, ибо первый некоторым образом разрушил земную плоть божества, другой же ее никогда и не создавал. У обоих архетипы, которые стали для католического христианства видимой и живой

действительностью, лежат в бессознательном. К сожалению, я не могу здесь более глубоко вдаваться в достойные внимания различия установки нашего культурного сознания по отношению к бессознательному. Я бы только хотел указать, что вопрос об установке является спорным и относится, пожалуй, к самым большим проблемам человечества.

Это сразу же становится понятным, если уяснить себе, что бессознательное как совокупность архетипов является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал. Но не мертвым осадком, не брошенным полем развалин, а *живой системой реакций и диспозиций*, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь. Однако это не просто какой-то гигантский исторический предрассудок, но источник инстинктов, поскольку архетипы ведь не что иное, как *формы проявления инстинктов*. А из жизненного источника инстинкта вытекает в свою очередь все творческое, а потому бессознательное — это не только историческая обусловленность; оно порождает также и *творческий импульс* — подобно природе, которая крайне консервативна, но своими актами творения уничтожает собственную же историческую обусловленность. Поэтому неудивительно, что перед людьми всех времен и народов всегда остро стоял вопрос: как лучше всего обходиться с этим невидимым условием? Если бы сознание никогда не было отделено от бессознательного — событие, символизированное и вечно повторяющееся в образах падения ангела и непослушания прародителей,— то эта проблема просто не возникла бы, так же как не возник бы и вопрос о приспособлении к внешним условиям.

Благодаря наличию индивидуального сознания осознаются трудности не только внешней, но и внутренней жизни. Первобытному же человеку влияния бессознательного представляются такой же противоборствующей силой, с которой он должен каким-то образом обходиться, как и противостоящий ему осязаемый внешний мир. Этой цели служат его бесчисленные магические обряды. На более высокой ступени цивилизации этой же цели служат религия и философия, и если такая система приспособления начинает опровергаться и ставиться под сомнение, то появляется общее беспокойство и возникают попытки найти новые, более адекватные формы обхождения с бессознательным.

Однако мы со своими современными представлениями далеки от всего этого. Когда я говорю о силах задних планов души, о бессознательном, и сравниваю их реальность с осязаемым миром, то часто встречаю недоверчивый смех. В ответ на это я должен спросить, сколько в наш образованный век существует людей, которые по-прежнему преклоняются перед теорией маны и призраков, то есть, другими словами, сколько у нас существует миллионов Christian Scientists и спиритов? Я мог бы задать еще ряд подобных вопросов. Они могут наглядно проиллюстрировать тот факт, что проблема невидимой душевной обусловленности по-прежнему столь же жизненна, как и прежде.

Коллективное бессознательное является огромным *духовным наследием*, возрожденным в каждой индивидуальной структуре мозга. Сознание же, наоборот, является эфемерным явлением, осуществляющим все сиюминутные приспособления и ориентации, отчего его работу, скорее всего, можно сравнить с ориентировкой в пространстве. Бессознательное содержит *источник сил*, приводящих душу в движение, а *формы* или *категории*, которые все это регулируют, — архетипы. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются здесь исключениями. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму в результате использования сознания, ибо функция сознания заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешнего, но и в том, чтобы *творчески переводить мир внутреннего во внешнее*.

Ж-П. САРТР. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ - ЭТО ГУМАНИЗМ.

Я хотел бы выступить здесь в защиту экзистенциализма от ряда упреков, высказанных в адрес этого учения.

Прежде всего, экзистенциализм обвиняют в том, будто он призывает погрузиться в квиетизм отчаяния: раз никакая проблема вообще не разрешима, то не может быть и никакой возможности действия в мире; в конечном итоге это созерцательное учение. С другой стороны, нас обвиняют в том, что мы подчеркиваем человеческую низость, показываем всюду гнусное, темное, липкое и пренебрегаем многим приятным и красивым, отворачиваемся от светлой стороны человеческой природы. Например, нас обвиняют в том, что мы забыли об улыбке ребенка. Нас упрекают также в том, что мы забыли о солидарности людей, смотрим на человека как на изолированное существо; и это следствие того, что мы исходим из чистой субъективности, из картезианского «я мыслю», то есть опять-таки из такого момента, когда человек постигает себя в одиночестве, и это будто бы отрезает нам путь к солидарности с людьми, которые находятся вовне и которых нельзя постичь посредством *cogito*.

Нас упрекают еще и в том, что мы отрицаем реальность и значение человеческих поступков, так как, уничтожая божественные заповеди и вечные ценности, не оставляем ничего, кроме произвола: всякому позволено поступать, как ему вздумается, и никто не может судить о взглядах и поступках других людей.

На все эти обвинения я постараюсь здесь ответить; именно поэтому я и озаглавил эту небольшую работу «Экзистенциализм — это гуманизм». Многих вероятно, удивит, что здесь говорится о гуманизме. Разберем, какой смысл мы в него вкладываем. В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое *делает возможной человеческую жизнь*, и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность.

Основное обвинение, нам предъявляемое, состоит, как известно, в том, что мы обращаем особое внимание на дурную сторону человеческой жизни. Мне рассказывали недавно об одной даме, которая, обмолвившись грубым выражением, заявила в виде извинения: «Кажется, я становлюсь экзистенциалисткой». Следовательно, экзистенциализм уподобляют непристойности, а экзистенциалистов объявляют «натуралистами». Но, если мы действительно натуралисты, вызывает крайнее удивление, что мы можем пугать и шокировать в гораздо большей степени, чем натурализм в собственном смысле. Человек, относящийся терпимо к такому роману Золя, как «Земля», испытывает отвращение, читая экзистенциалистский роман; человек, ссылающийся на народную мудрость,— которая весьма пессимистична,— находит нас законченными пессимистами. И в то же время трезво рассуждают по поводу того, что «своя рубашка ближе к телу» или что «собака любит палку». Есть множество других общих мест, говорящих о том же самом: не следует бороться с установленной властью; против силы не пойдешь; выше головы не прыгнешь; любое не подкрепленное традицией действие — романтика; всякая попытка, не опирающаяся на опыт, обречена на неудачу, а опыт показывает, что люди всегда скатываются вниз и что для того, чтобы их удержать, нужно нечто твердое, иначе воцарится анархия. И, однако, те самые люди, которые пережевывают эти пессимистические поговорки, которые заявляют всякий раз, когда они видят какой-нибудь более или менее отвратительный поступок: «Да, таков человек!», и которые кормятся этими «реалистическими напевами»,— эти же люди упрекают экзистенциализм в излишней мрачности, и притом так упрекают, что иногда спрашиваешь себя: не за то ли они им недовольны, что он, наоборот, слишком оптимистичен? Что, в сущности, пугает в этом учении? Не тот ли факт, что оно

дает человеку возможность выбора? Чтобы это выяснить, надо рассмотреть вопрос в строгом плане. Итак, что такое экзистенциализм?

Большинству людей, употребляющих это слово, было бы очень трудно его разъяснить, ибо ныне, когда оно стало модным, экзистенциалистами стали объявлять и музыкантов, и художников. Слово приобрело такой широкий и пространственный смысл, что, в сущности, уже ничего равным счетом не означает. Похоже на то, что в отсутствие авангардного учения, вроде сюрреализма, люди, падкие на сенсации и жаждущие скандала, обращаются к экзистенциализму, который, между тем, в этом отношении ничем не может им помочь. Ведь это исключительно строгое учение, меньше всего претендующее на скандальную известность и предназначенное прежде всего для специалистов и философов. Тем не менее легко дать ему определение.

Дело, впрочем, несколько осложняется тем, что существуют две разновидности экзистенциалистов; во-первых - это христианские экзистенциалисты, к которым я отношу Ясперса и исповедующего католицизм Габриэля Марселя, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты, к которым относятся Хайдеггер и французские экзистенциалисты, в том числе я сам. Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что *существование предшествует сущности* или, если хотите, что нужно *исходить из субъекта*. Как это, собственно, следует понимать?

Возьмем изготовленный человеческими руками предмет, например книгу или нож для разрезания бумаги. Он был сделан ремесленником, который руководствовался при его изготовлении определенным понятием, а именно понятием ножа, а также заранее известной техникой, которая предполагается этим понятием и есть, в сущности, рецепт изготовления. Таким образом, нож является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой — приносит определенную пользу. Невозможно представить себе человека, который бы изготавливал этот нож, не зная, зачем он нужен. Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию. И это обуславливает наличие здесь, передо мной, данного ножа или данной книги. В этом случае мы имеем дело с

техническим взглядом на мир, согласно которому изготовление предшествует существованию.

Когда мы представляем себе бога-творца, то этот бог по большей части уподобляется своего рода ремесленнику высшего порядка. Какое бы учение мы ни взяли — будь то учение Декарта или Лейбница,— везде предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумом или, по крайней мере, ему сопутствует и что бог, когда творит, отлично себе представляет, что именно он творит. Таким образом, понятие «человек» в божественном разуме аналогично понятию «нож» в разуме ремесленника. И бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как ремесленник изготавливает нож в соответствии с его определением и техникой производства. Так же и индивид реализует какое-то понятие, содержащееся в божественном разуме.

В XVIII веке атеизм философов ликвидировал понятие бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Эту идею мы встречаем повсюду: у Дидро, Вольтера и даже у Канта. Человек обладает некой человеческой природой. Эта человеческая природа, являющаяся «человеческим» понятием, имеется у всех людей. А это означает, что каждый отдельный человек — лишь частный случай общего понятия «человек». У Канта из этой всеобщности вытекает, что и житель лесов — естественный человек, и буржуа подводятся под одно определение, обладают одними и теми же основными качествами. Следовательно, и здесь сущность человека предшествует его историческому существованию.

Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что есть одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или по Хайдеггеру, *человеческая реальность*. Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он *сделает себя сам*. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал.

Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким *он хочет стать*. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется *субъективностью*, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. *Человек — это прежде всего проект*, который переживается субъективно. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного *выбора*, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек *ответствен за то, что он есть*. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. *Он отвечает за всех людей*. Слово «субъективизм» имеет два смысла, и наши оппоненты пользуются этой двусмысленностью. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны — что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ

человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать *ценность* того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, - всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество. Если я, например, рабочий и решаю вступить в христианский профсоюз, а не в коммунистическую партию, если я этим вступлением хочу показать, что покорность судьбе — наиболее подходящее для человека решение, что царство человека не на земле,— то это не только мое личное дело: я хочу быть покорным ради всех, и, следовательно, мой поступок затрагивает все человечество. Возьмем более индивидуальный случай. Я хочу, например, жениться и иметь детей. Даже если эта женитьба зависит единственно от моего положения, или моей страсти, или моего желания, то тем самым я вовлекаю на путь моногамии не только себя самого, но и все человечество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; *выбирая себя, я выбираю человека вообще.*

Это позволяет нам понять, что скрывается за столь громкими словами, как «тревога», «заброшенность», «отчаяние». Как вы увидите, в них заложен чрезвычайно простой смысл. Во-первых, что понимается под *тревогой*? Экзистенциалист охотно заявит, что человек — это тревога. А это означает, что человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него. Несомненно, многие люди полагают, что их действия касаются лишь их самих, а когда им говоришь: а что, если бы все так поступали? — они пожимают плечами и отвечают: но ведь все так не поступают.

Однако на самом деле всегда следует спрашивать: а что бы произошло, если бы все так поступали? От этой беспокоящей мысли можно уйти, лишь проявив некоторую нечестность (*mauvaise foi*). Тот, кто лжет, оправдываясь тем, что все так поступают, — не в ладах с совестью, так как факт лжи означает, что лжи придается значение универсальной ценности. Тревога есть, даже если ее скрывают. Это та тревога, которую Кьеркегор называл тревогой Авраама. Вы знаете эту историю. Ангел приказал Аврааму принести в жертву сына. Хорошо, если это на самом деле был ангел, который пришел и сказал: ты — Авраам и ты пожертвуешь своим сыном. Но каждый вправе спросить: действительно ли это ангел и действительно ли я Авраам? Где доказательства? У одной сумасшедшей были галлюцинации: с ней говорили по телефону и отдавали приказания. На вопрос врача: «Кто же с вами разговаривает?» — она ответила: «Он говорит, что он бог». Но что же служило ей доказательством, что это был бог? Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния? Что докажет, что они обращены именно ко мне? Действительно ли я предназначен для того, чтобы навязать человечеству мою концепцию человека и мой выбор? У меня никогда не будет никакого доказательства, мне не будет дано никакого знамения, чтобы в этом убедиться. Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела. Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. Мне вовсе не обязательно быть Авраамом, и тем не менее на каждом шагу я вынужден совершать поступки, служащие примером для других. Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу. Речь идет здесь не о том чувстве, которое ведет к квиетизму, к бездействию. Это — тревога, известная всем, кто брал на себя какую-либо ответственность. Когда, например, военачальник берет на себя ответственность, отдавая приказ об атаке и посылая людей на смерть, то, значит, он решает это

сделать и, в сущности, принимает решение один. Конечно, имеются приказы свыше, но они слишком общи и требуют конкретного истолкования. Это истолкование исходит от него, и от этого истолкования зависит жизнь десяти, четырнадцати или двадцати человек. Принимая решение, он не может не испытывать какого-то чувства тревоги. Такая тревога знакома всем руководителям. Однако она не мешает им действовать, наоборот, составляет условие действия, так как предполагает, что рассматривается множество различных возможностей. И когда они выбирают одну, то понимают, что она имеет ценность именно потому, что она выбрана. Эта тревога, о которой толкует экзистенциализм, объясняется, кроме того, прямой **ответственностью за других людей**. Это не барьер, отделяющий нас от действия, но часть самого действия.

Достоевский как-то писал, что «если бога нет, то все дозволено». Это — исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому **человек заброшен**, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода. С другой стороны, если бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой — в светлом царстве ценностей — у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: **человек осужден быть свободным**. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциалист не верит во всемогущество страсти. Он никогда не станет утверждать, что благородная страсть — это всепоглощающий поток, который неумолимо толкает человека на совершение определенных поступков и поэтому может служить извинением. Он полагает, что человек ответствен за свои страсти. Экзистенциалист не считает также, что человек сможет получить на Земле помощь в виде какого-то знака, данного ему как ориентир. По его мнению, человек сам расшифровывает знамения, причем так, как ему вздумается. Он

считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз *изобретать человека*.

Чтобы пояснить на примере, что такое заброшенность, я сошлюсь на историю с одним из моих учеников, который пришел ко мне при следующих обстоятельствах. Его отец поссорился с его матерью; кроме того, отец склонялся к сотрудничеству с оккупантами. Старший брат был убит во время наступления немцев в 1940 году. И этот юноша с несколько примитивными, но благородными чувствами хотел за него отомстить. Мать, очень опечаленная полуизменой мужа и смертью старшего сына, видела в нем единственное утешение. Перед этим юношей стоял выбор: или уехать в Англию и поступить в вооруженные силы «Сражающейся Франции», что значило покинуть мать, или же остаться и помогать ей. Он хорошо понимал, что мать живет им одним и что его уход, а возможно и смерть, ввергнет ее в полное отчаяние. Вместе с тем он сознавал, что в отношении матери каждое его действие имеет положительный, конкретный результат в том смысле, что помогает ей жить, тогда как каждое его действие, предпринятое для того, чтобы отправиться сражаться, неопределенно, двусмысленно, может не оставить никакого следа и не принести ни малейшей пользы: например, по пути в Англию, проезжая через Испанию, он может на бесконечно долгое время застрять в каком-нибудь испанском лагере; может, приехав в Англию или в Алжир, попасть в штаб писарем. Следовательно, перед ним были два совершенно различных типа действия: либо конкретные и немедленные действия, но обращенные только к одному человеку, либо действия, направленные на несравненно более широкое общественное целое, на всю нацию, но именно по этой причине имеющие неопределенный, двусмысленный характер и, возможно, безрезультатные.

Одновременно он колебался между двумя типами морали. С одной стороны, мораль симпатии, личной преданности; с другой стороны, мораль более широкая, но, может быть, менее действенная. Нужно было выбрать одну из двух. Кто мог помочь ему сделать этот выбор? Христианское учение? Нет. Христианское учение говорит: будьте милосердны, любите ближнего, жертвуйте собою ради других, выбирайте самый трудный путь и т. д. и т. п. Но какой из этих путей самый трудный? Кого нужно возлюбить, как ближнего своего: война или мать?

Как принести больше пользы: сражаясь вместе с другими — польза не вполне определенная, или же — вполне определенная польза — помогая жить конкретному существу? Кто может решать здесь а priori? Никто. Никакая писаная мораль не может дать ответ. Кантианская мораль гласит: никогда не рассматривайте других людей как средство, но лишь как цель. Прекрасно. Если я останусь с матерью, я буду видеть в ней цель, а не средство. Но тем самым я рискую видеть средство в тех людях, которые сражаются. И наоборот, если я присоединюсь к сражающимся, то буду рассматривать их как цель, но тем самым рискую видеть средство в собственной матери.

Если ценности неопределенны и если все они слишком широки для того конкретного случая, который мы рассматриваем, нам остается довериться инстинктам. Это и попытался сделать молодой человек. Когда я встретился с ним, он сказал: «В сущности, главное — чувство. Мне следует выбрать то, что меня действительно толкает в определенном направлении. Если я почувствую, что достаточно люблю свою мать, чтобы пожертвовать ради нее всем остальным— жаждой мести, жаждой действия, приключений, то я останусь с ней. Если же, наоборот, я почувствую, что моя любовь к матери недостаточна, тогда мне надо будет уехать». Но как определить значимость чувства? В чем значимость его чувства к матери? Именно в том, что он остается ради нее. Я могу сказать: «Я люблю своего приятеля достаточно сильно, чтобы пожертвовать ради него некоторой суммой денег». Но я могу сказать это лишь в том случае, если это уже сделано мною. Я могу сказать: «Я достаточно люблю свою мать, чтобы остаться с ней», в том случае, если я с ней остался. Я могу установить значимость данного чувства лишь тогда, когда уже совершил поступок, который утверждает и определяет значимость чувства. Если же мне хочется, чтобы чувство оправдало мой поступок, я попадаю в порочный круг. С другой стороны, как хорошо сказал Андре Жид, чувство, которое изображают, и чувство, которое испытывают, почти неразличимы. Решить, что я люблю свою мать, и остаться с ней или же разыграть комедию, будто я остаюсь ради матери,— почти одно и то же. Иначе говоря, чувство создается поступками, которые мы совершаем. Я не могу, следовательно, обратиться к чувству, чтобы им руководствоваться. А это значит, что я не могу ни искать в самом себе такое истинное состояние, которое побудило бы меня к

действию, ни требовать от какой-либо морали, чтобы она предписала, как мне действовать. Однако, возразите вы, ведь он же обратился за советом к преподавателю. Дело в том, что, когда вы идете за советом, например, к священнику, значит, вы выбрали этого священника и, в сущности, вы уже более или менее представляли себе, что он вам посоветует. Иными словами, выбрать советчика — это опять-таки решиться на что-то самому. Вот вам доказательство: если вы христианин, вы скажете: «Посоветуйтесь со священником». Но есть священники-коллорабационисты, священники - выжидатели, священники - участники движения Сопротивления. Так кого же выбрать? И если юноша останавливает свой выбор на священнике — участнике Сопротивления или священнике-коллорабационисте, то он уже решил, каким будет совет. Обращаясь ко мне, он знал мой ответ, а я могу сказать только одно: ***вы свободны, выбирайте, то есть изобретайте.***

Никакая всеобщая мораль вам не укажет, что нужно делать; в мире нет знамений. Католики возразят, что знаменья есть. Допустим, что так, но и в этом случае я сам решаю, каков их смысл. В плену я познакомился с одним примечательным человеком, иезуитом, вступившим в орден следующим образом. Он немало натерпелся в жизни: его отец умер, оставив семью в бедности; он жил на стипендию, получаемую в церковном учебном заведении, и ему постоянно давали понять, что он принят туда из милости; он не получал многих почетных наград, которые так любят дети. Позже, примерно в 18 лет, он потерпел неудачу в любви и, наконец, в 22 года провалился с военной подготовкой — факт сам по себе пустяковый, но явившийся именно той каплей, которая переполнила чашу. Этот юноша мог, следовательно, считать себя полным неудачником. Это было знамение, но в чем заключался его смысл? Мой знакомый мог погрузиться в скорбь или отчаяние, но достаточно здраво рассудил, что это - знак, указывающий на то, что он не создан для успехов на мирском поприще, что ему назначены успехи в делах религии, святости, веры. Он увидел, следовательно, в этом перст божий и вступил в орден. Разве решение относительно смысла знаменья не было принято им самим, совершенно самостоятельно? Из этого ряда неудач можно было сделать совсем другой вывод: например, что лучше стать плотником или революционером. Следовательно, он несет полную

ответственность за истолкование знамения. Зброшенность предполагает, что мы сами выбираем наше бытие. Зброшенность приходит вместе с тревогой.

Что касается *отчаяния*, то этот термин имеет чрезвычайно простой смысл. Он означает, что мы будем принимать во внимание лишь то, что зависит от нашей воли, или ту сумму вероятностей, которые делают возможным наше действие. Когда чего-нибудь хотят, всегда присутствует элемент вероятности. Я могу рассчитывать на то, что ко мне приедет друг. Этот друг приедет на поезде или на трамвае. И это предполагает, что поезд прибывает в назначенное время, а трамвай не сойдет с рельсов. Я остаюсь в области возможного; но полагаться на возможность следует лишь настолько, насколько наше действие допускает всю совокупность возможностей. Как только рассматриваемые мною возможности перестают строго соответствовать моим действиям, я должен перестать ими интересоваться, потому что никакой бог и никакое провидение не могут приспособить мир и его возможности к моей воле. В сущности, когда Декарт писал: «Побеждать скорее самого себя, чем мир», то этим он хотел сказать то же самое: действовать без надежды. Марксисты, с которыми я разговаривал, возражали: «В ваших действиях, которые, очевидно, будут ограничены вашей смертью, вы можете рассчитывать на поддержку со стороны других людей. Это значит рассчитывать, во-первых, на то, что другие люди сделают для помощи вам в другом месте — в Китае, в России - и в то же время на то, что они сделают позже, после вашей смерти, для того, чтобы продолжить ваши действия и довести их до завершения, то есть до революции. Вы даже должны на это рассчитывать, иначе вам нет морального оправдания.» Я же на это отвечаю, что я всегда буду рассчитывать на товарищей по борьбе в той мере, в какой они участвуют вместе со мной в общей конкретной борьбе, связаны единством партии, или группировки, действие которой я более или менее могу контролировать,— я состою в ней, и мне известно все, что в ней делается. И вот при таких условиях рассчитывать на единство и на волю этой партии — это все равно что рассчитывать на то, что трамвай придет вовремя или что поезд не сойдет с рельсов. Но я не могу рассчитывать на людей, которых не знаю, основываясь на вере в человеческую доброту или заинтересованность человека в общественном благе. Ведь человек свободен, и нет никакой человеческой природы, на которой я

мог бы основывать свои расчеты. Я не знаю, какая судьба ожидает русскую революцию. Я могу лишь восхищаться ею и взять ее за образец в той мере, в какой я сегодня вижу, что пролетариат играет в России роль, какой он не играет ни в какой другой стране. Но я не могу утверждать, что революция обязательно приведет к победе пролетариата. Я должен ограничиваться тем, что вижу. Я не могу быть уверен, что товарищи по борьбе продолжат мою работу после моей смерти, чтобы довести ее до максимального совершенства, поскольку эти люди свободны и завтра будут сами решать, чем должен быть человек.

Значит ли это, что я должен предаться бездействию? Нет. Сначала я должен решить, а затем действовать, руководствуясь старой формулой: «Нет нужды надеяться, чтобы что-то предпринимать». Это не означает, что мне не следует вступать в ту или иную партию. Просто я, не питая иллюзий, буду делать то, что смогу. Например, я задаюсь вопросом: осуществится ли обобществление как таковое? Я об этом ничего не знаю, знаю только, что сделаю все, что будет в моих силах, для того, чтобы оно осуществилось. Сверх этого я не могу ни на что рассчитывать.

Квиетизм — позиция людей, которые говорят: другие могут сделать то, чего не могу сделать я. Учение, которое я излагаю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность — в действии. Оно даже идет дальше и заявляет, что человек есть не что иное, как его проект самого себя. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как *собственную жизнь*. Отсюда понятно, почему наше учение внушает ужас некоторым людям. Ведь у них зачастую нет иного способа переносить собственную несостоятельность, как с помощью рассуждения: «Обстоятельства были против меня, я стою гораздо большего. Правда, у меня не было большей любви или большой дружбы, но это только потому, что я не встретил мужчину или женщину, которые были бы их достойны. Я не написал хороших книг, но это потому, что у меня не было досуга. У меня не было детей, которым я мог бы себя посвятить, но это потому, что я не нашел человека, с которым мог бы пройти по жизни. Во мне, стало быть, остаются в целости и сохранности множество неиспользованных способностей, склонностей и возможностей, которые придают

мне значительно большую значимость, чем можно было бы судить только по моим поступкам». Однако в действительности, как считают экзистенциалисты, нет никакой любви, кроме той, что создает саму себя; нет никакой «возможной» любви, кроме той, которая в любви проявляется. Нет никакого гения, кроме того, который выражает себя в произведениях искусства. Гений Пруста — это произведения Пруста. Гений Расина — это ряд его трагедий, и кроме них ничего нет. Зачем говорить, что Расин мог бы написать еще одну трагедию, если он ее не написал? Человек живет своей жизнью, он создает свой облик, а вне этого облика ничего нет. Конечно, это может показаться жестоким для тех, кто не преуспел в жизни. Но, с другой стороны, надо, чтобы люди поняли, что в счет идет только реальность, что мечты, ожидания и надежды позволяют определить человека лишь как обманчивый сон, как рухнувшие надежды, как напрасные ожидания, то есть определить его отрицательно, а не положительно. Тем не менее, когда говорят: «Ты есть не что иное, как твоя жизнь», это не значит, что, например, о художнике будут судить исключительно по его произведениям; есть тысячи других вещей, которые его определяют. Мы хотим лишь сказать, что человек есть не что иное, как ряд его *поступков*, что он есть сумма, организация, совокупность *отношений*, из которых составляются эти поступки.

И в таком случае нас упрекают, по существу, не за пессимизм, а за упрямый оптимизм. Если нам ставят в упрёк наши литературные произведения, в которых мы описываем вялых, слабых, трусливых, а иногда даже явно дурных людей, так это не только потому, что эти существа вялые, слабые, трусливые или дурные. Если бы мы заявили, как Золя, что они таковы по причине своей наследственности, в результате воздействия среды, общества, в силу определенной органической или психической обусловленности, люди бы успокоились и сказали: «Да, мы таковы, и с этим ничего не поделаешь». Но экзистенциалист, описывая труса, полагает, что этот трус ответствен за собственную трусость. Он таков не потому, что у него трусливое сердце, легкие или мозг. Он таков не вследствие своей физиологической организации, но потому, что сам сделал себя трусом своими поступками. Не бывает трусливого темперамента. Темпераменты бывают нервическими, слабыми, как говорится, худосочными или полнокровными. Но слабый человек вовсе не обязательно трус,

так как трусость возникает вследствие отречения или уступки. Темперамент — еще не действие. Трус определяется по совершенному поступку. То, что люди смутно чувствуют и что вызывает у них ужас,— это виновность самого труса в том, что он трус. Люди хотели бы, чтобы трусами или героями рождались.

Один из главных упреков в адрес моей книги «Дороги свободы» формулируется следующим образом: как можно делать героями столь дряблых людей? Это возражение несерьезно, оно предполагает, что люди рождаются героями. Собственно говоря, люди именно так и хотели бы думать: если вы родились трусом, то можете быть совершенно спокойны — вы не в силах ничего изменить и останетесь трусом на всю жизнь, что бы вы ни делали. Если вы родились героем, то также можете быть совершенно спокойны — вы останетесь героем всю жизнь, будете пить как герой; есть как герой. Экзистенциалист же говорит: трус делает себя трусом и герой делает себя героем. Для труса всегда есть возможность больше не быть трусом, а для героя — перестать быть героем. Но в счет идет лишь полная решимость, а не частные случаи или отдельные действия — они не захватывают нас полностью.

Итак, мы, кажется, ответили на ряд обвинений. Как видите, экзистенциализм нельзя рассматривать ни как философию квиетизма, ибо экзистенциализм определяет человека по его делам, ни как пессимистическое описание человека: на деле нет более оптимистического учения, поскольку судьба человека полагается в нем самом. Экзистенциализм— это не попытка отбить у человека охоту к действиям, ибо он говорит человеку, что надежда лишь в его действиях, и единственное, что позволяет человеку жить,— это действие. Следовательно, в этом плане мы имеем дело с моралью действия и решимости. Однако на этом основании нас упрекают также и в том, что мы замуровываем человека в индивидуальной субъективности. Но и здесь нас понимают превратно.

Действительно, наш исходный пункт — это субъективность индивида, он обусловлен и причинами чисто философского порядка. В исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме: «Я мыслю, следовательно, существую». Это абсолютная истина сознания, постигающего самое себя. Любая теория, берущая человека вне этого момента, в котором он постигает себя, есть теория, упраздняющая истину, поскольку вне картезианского *cogito* все предметы

лишь вероятны, а учение о вероятностях, не опирающееся на истину, низвергается в пропасть небытия. Чтобы определять вероятное, нужно обладать истинным. Следовательно, для того чтобы существовала хоть какая-нибудь истина, нужна *истина абсолютная*. Абсолютная истина проста, легко достижима и доступна всем, она схватывается *непосредственно*.

Далее, наша теория — единственная теория, придающая человеку достоинство, единственная теория, которая не делает из него объект. Всякий материализм ведет к рассмотрению людей, в том числе и себя самого, как предметов, то есть как совокупности определенных реакций, ничем не отличающейся от совокупности тех качеств и явлений, которые образуют стол, стул или камень. Что же касается нас, то мы именно и хотим создать царство человека как совокупность ценностей, отличную от материального царства. Но субъективность, постигаемая как истина, не является строго индивидуальной субъективностью, поскольку, как мы показали, в *cogito* человек открывает не только самого себя, но и других людей. В противоположность философии Декарта, в противоположность философии Канта, через «я мыслю» мы постигаем себя перед лицом другого, и другой так же достоверен для нас, как мы сами. Таким образом, человек, постигающий себя через *cogito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом — как *условие своего собственного существования*. Он отдает себе отчет в том, что не может быть каким-нибудь (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего *самопознания*. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает «за» или «против» меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем *интерсубъективностью*. В этом мире человек и решает, чем является он и чем являются другие.

Кроме того, если невозможно найти универсальную сущность, которая была бы человеческой природой, то все же существует некая общность условий человеческого существования. Не случайно современные мыслители чаще

говорят об условиях человеческого существования, чем о человеческой природе. Под ними они понимают, с большей или меньшей степенью ясности, совокупность априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме. Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Не изменяется лишь необходимость для него быть в мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным. Пределы не субъективны и не объективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны они потому, что встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны. Субъективны потому, что переживаемы; они ничего не представляют собой, если не пережиты человеком, который свободно определяет себя в своем существовании по отношению к ним. И хотя проекты могут быть различными, ни один мне не чужд, потому что все они представляют собой попытку преодолеть пределы, или раздвинуть их, или не признать их, или приспособиться к ним. Следовательно, всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, обладает универсальной значимостью. Любой проект, будь то проект китайца, индейца или негра, может быть понят европейцем... Любой проект универсален в том смысле, что понятен каждому. Это не означает, что данный проект определяет человека раз навсегда, а только то, что он может быть воспроизведен. Всегда можно понять идиота, ребенка, дикаря или иностранца, достаточно иметь необходимые сведения. В этом смысле мы можем говорить о всеобщности человека, которая, однако, не дана заранее, но постоянно создается. Выбирая себя, я создаю всеобщее. Я создаю его, понимая проект любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал. Эта абсолютность выбора не ликвидирует относительности каждой отдельной эпохи. Экзистенциализм и хочет показать эту связь между абсолютным характером свободного действия, посредством которого каждый человек реализует себя, реализуя в то же время определенный тип человечества,— действия, понятного любой эпохе и любому человеку, и относительностью культуры, которая может явиться следствием такого выбора. Необходимо отметить вместе с тем относительность картезианства и абсолютность картезианской позиции. Если хотите, в этом смысле каждый из нас существо абсолютное, когда он дышит, ест,

спит или действует тем или иным образом. Нет никакой разницы между свободным бытием, бытием-проектом, существованием, выбирающим свою сущность, и абсолютным бытием. И нет никакой разницы между локализованным во времени абсолютным бытием, то есть расположенным в истории, и универсально постижимым бытием.

Это, однако, не снимает полностью обвинения в субъективизме, которое выступает еще в нескольких формах. Во-первых, нам говорят: «Значит, вы можете делать что угодно». Это обвинение формулируют по-разному. Сначала нас записывают в анархисты, а потом заявляют: «Вы не можете судить других, так как не имеете оснований, чтобы предпочесть один проект другому». И, наконец, нам могут сказать: «Все произвольно в вашем выборе, вы отдаете одной рукой то, что вы якобы получили другой». Эти три возражения не слишком серьезны. Прежде всего, первое возражение — «вы можете выбирать что угодно» — неточно. Выбор возможен в одном направлении, но невозможно не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если ничего не выбираю, тем самым я все-таки выбираю. Хотя это обстоятельство и кажется сугубо формальным, однако оно чрезвычайно важно для ограничения фантазии и каприза. Если верно, что, находясь в какой-то ситуации, например в ситуации, определяющей меня как существо, наделенное полом, способное находиться в отношениях с существом другого пола и иметь детей, я вынужден выбрать какую-то позицию, то, во всяком случае, я несу ответственность за выбор, который, обязывая меня, обязывает в то же время все человечество. Даже если никакая априорная ценность не определяет моего выбора, он все же не имеет ничего общего с капризом... Человек находится в организованной ситуации, которою живет, и своим выбором он заставляет жить ею все человечество, и он не может не выбирать: он или останется целомудренным, или женится, но не будет иметь детей, или женится и будет иметь детей. В любом случае, что бы он ни делал, он несет полную ответственность за решение этой проблемы. Конечно, он не ссылается, осуществляя выбор, на предустановленные ценности, но было бы несправедливо обвинять его в капризе. Моральный выбор можно сравнить скорее с созданием произведения искусства. Однако здесь надо сразу же оговориться: речь идет отнюдь не об эстетской морали; наши противники упрекают нас даже в

этом. Пример взят мною лишь для сравнения. Итак, разве когда-нибудь упрекали художника, рисующего картину, за то, что он не руководствуется априорно установленными правилами? Разве когда-нибудь говорили, какую он должен нарисовать картину? Ясно, что нет картины, которая была бы определена до ее написания, что художник живет созданием своего произведения и что картина, которая должна быть нарисована,— это та картина, которую он нарисует. Ясно, что нет априорных эстетических ценностей, но есть ценности, которые проявятся потом — в связи отдельных элементов картины, в отношениях между волей к творчеству и результатом. Никто не может сказать, какой будет живопись завтра. О картинах можно судить, лишь когда они уже написаны. Какое отношение имеет это к морали? Здесь мы тоже оказываемся в *ситуации творчества*. Мы никогда не говорим о произвольности произведения искусства. Обсуждая полотно Пикассо, мы не говорим, что оно произвольно. Мы хорошо понимаем, что, рисуя, он созидает себя таким, каков он есть, что совокупность его произведений включается в его жизнь. Так же обстоит дело и в морали. Общим между искусством и моралью является то, что в обоих случаях мы имеем творчество и изобретение. Мы не можем решить a priori, что надо делать. Мне кажется, я достаточно показал это на примере того молодого человека, который приходил ко мне за советом и который мог взывать к любой морали, кантианской или какой-либо еще, не находя там для себя никаких указаний. Он был вынужден изобрести для себя свой собственный закон. Мы никогда не скажем, что этот человек — решит ли он остаться со своей матерью, беря за основу морали чувства, индивидуальное действие и конкретное милосердие, или решит поехать в Англию, предпочитая жертвенность,— сделал произвольный выбор. Человек создает себя сам. Он не сотворен изначально, он *творит себя*, выбирая мораль; а давление обстоятельств таково, что он не может не выбрать какой-нибудь определенной морали. Мы определяем человека лишь в связи с его решением занять позицию. Поэтому бессмысленно упрекать нас в произвольности выбора.

Во-вторых, нам говорят, что мы не можем судить других. Это отчасти верно, а отчасти нет. Это верно в том смысле, что всякий раз, когда человек выбирает свою позицию и свой проект со всей искренностью и полной ясностью, каким бы ни был этот проект, ему невозможно предпочесть другой. Это верно в том

смысле, что мы не верим в прогресс. Прогресс — это улучшение. Человек же всегда находится лицом к лицу с меняющейся ситуацией, и выбор всегда остается выбором в ситуации.

Но тем не менее судить можно, поскольку, как я уже говорил, человек выбирает, в том числе выбирает и самого себя перед лицом других людей. Прежде всего можно судить, какой выбор основан на заблуждении, а какой на истине (это может быть не оценочное, а логическое суждение). Можно судить о человеке, если он нечестен. Если мы определили ситуацию человека как свободный выбор, без оправданий и без опоры, то всякий человек, пытающийся оправдаться своими страстями или придумывающий детерминизм, нечестен. Могут возразить: «Но почему бы ему не выбрать себя нечестно?» Я отвечу, что не собираюсь судить с моральной точки зрения, а просто определяю нечестность как заблуждение. Здесь нельзя избежать суждения об истине. Нечестность — это, очевидно, ложь, ибо утаивает полную свободу действия. В том же смысле можно сказать, что выбор нечестен, если заявляется, будто ему предшествуют некие предсуществующие ценности. Я противоречу сам себе, если одновременно хочу их установить и заявляю, что они меня обязывают. Если мне скажут: «А если я хочу быть нечестным?» — я отвечу: «Нет никаких оснований, чтобы вы им не были; но я заявляю, что вы именно таковы, тогда как строгая последовательность характерна лишь для честности». Кроме того, можно высказать моральное суждение. В каждом конкретном случае свобода не может иметь другой цели, кроме самой себя, и если человек однажды признал, что, пребывая в заброшенности, сам устанавливает ценности, он может желать теперь только одного — свободы как основания всех ценностей. Это не означает, что он желает ее абстрактно. Это попросту означает, что действия честных людей имеют своей конечной целью поиски свободы как таковой. Но, стремясь к свободе, мы обнаруживаем, что она целиком зависит от свободы других людей и что свобода других зависит от нашей свободы.

Конечно, свобода, как определение человека, не зависит от другого, но, как только начинается действие, я обязан желать вместе с моей свободой свободы других; я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь в том случае, если поставлю своей целью также и свободу других. Следовательно, если с точки

зрения полной аутентичности я признал, что человек — это существо, у которого *существование предшествует сущности*, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы, я одновременно признал, что я могу желать и другим только свободы. Таким образом, во имя этой воли к свободе, предполагаемой самой свободой, я могу формулировать оценочное суждение о тех, кто стремится скрыть от себя полную беспричинность своего существования и свою полную свободу.

Кант заявляет, что свобода желает самой себя и свободы других. Согласен. Но он полагает, что формальное и всеобщее достаточны для конституирования морали. Мы же, напротив, думаем, что слишком отвлеченные принципы терпят крах при определении действия. Во имя чего, во имя какой великой максимы морали мог упомянутый юноша с полным спокойствием духа решиться покинуть мать или же остаться с ней? Об этом никак нельзя судить. Содержание всегда конкретно и, следовательно, непредсказуемо. Всегда имеет место изобретение. Важно только знать, делается ли данное изобретение во имя свободы.

Рассмотрим два конкретных примера. Вы увидите, в какой степени они согласуются друг с другом и в то же время различны. Возьмем «Мельницу на Флоссе». В этом произведении мы встречаем некую девушку по имени Мэгги, которая является воплощением страсти и сознает это. Она влюблена в молодого человека — Стефана, который обручен с другой, ничем не примечательной девушкой. Эта Мэгги, вместо того чтобы легкомысленно предпочесть свое собственное счастье, решает во имя человеческой солидарности пожертвовать собой и отказаться от любимого человека. Наоборот, Сансеверина в «Пармской обители», считая, что страсть составляет истинную ценность человека, заявила бы, что большая любовь стоит всех жертв, что ее нужно предпочесть банальной супружеской любви, которая соединила бы Стефана и ту дурочку, на которой он собрался жениться. Она решила бы пожертвовать последней и добиться своего счастья. И, как показывает Стендаль, ради страсти она пожертвовала бы и собой, если того требует жизнь. Здесь перед нами две прямо противоположные морали. Но я полагаю, что они равноценны, ибо в обоих случаях целью является именно свобода. Вы можете представить себе две совершенно аналогичные по своим следствиям картины. Одна девушка предпочитает покорно отказаться от любви,

другая — под влиянием полового влечения — предпочитает игнорировать прежние связи мужчины, которого любит. Выбирать можно все, что угодно, если речь идет о свободе решать.

Третье возражение сводится к следующему: «Вы получаете одной рукой то, что даете другой», то есть ваши ценности, в сущности, несерьезны, поскольку вы их сами выбираете.... Но сказать, что мы изобретаем ценности, — значит утверждать лишь то, что жизнь не имеет априорного смысла. Пока вы не живете своей жизнью, она ничего собой не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл. Тем самым вы обнаруживаете, что есть возможность создать человеческое сообщество.

Меня упрекали за сам вопрос: является ли экзистенциализм гуманизмом. Мне говорили: «Ведь вы же писали в «Тошноте», что гуманисты не правы, вы надсмеялись над определенным типом гуманизма, зачем теперь к нему возвращаться?» Действительно, слово «гуманизм» имеет два совершенно различных смысла. Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность. Подобного рода гуманизм имеется у Кокто, например, в его рассказе «В 80 часов вокруг света», где один из героев, пролетая на самолете над горами, восклицает: «Человек паразителен!» Это означает, что лично я, не принимавший участия в создании самолетов, могу воспользоваться плодами этих изобретений и что лично я — как человек — могу относить на свой счет и ответственность, и почести за действия, совершенные другими людьми. Это означало бы, что мы можем оценивать человека по наиболее выдающимся действиям некоторых людей. Такой гуманизм абсурден, ибо только собака или лошадь могла бы дать общую характеристику человеку и заявить, что человек паразителен, чего они, кстати, вовсе не собираются делать. Но нельзя признать, чтобы о человеке мог судить человек. Экзистенциализм освобождает его от всех суждений подобного рода. Экзистенциалист никогда не рассматривает человека как цель, так как *человек всегда незавершен*. И мы не обязаны думать, что есть какое-то человечество, которому можно поклоняться на манер Огюста Конта.

Но гуманизм можно понимать и в другом смысле. Человек находится постоянно вне самого себя. Именно проектируя себя и теряя себя вовне, он

существует как человек. С другой стороны, он может существовать, только преследуя трансцендентные цели. Будучи этим выходом за пределы, улавливая объекты лишь в связи с этим преодолением самого себя, он находится в сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет никакого другого мира, помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности. Эта связь конституирующей человека трансцендентности (не в том смысле, в каком трансцендентен бог, а в смысле выхода за свои пределы) и субъективности — в том смысле, что человек не замкнут в себе, а всегда присутствует в человеческом мире, — и есть то, что мы называем *экзистенциалистским гуманизмом*. Это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, и в заброшенности он будет решать свою судьбу, поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление.

Из этих рассуждений видно, что нет ничего несправедливее выдвинутых против нас возражений. Экзистенциализм — это не что иное, как попытка сделать все выводы из последовательного атеизма. Он вовсе не пытается ввергнуть человека в отчаяние. Но если отчаянием называть, как это делают христиане, всякое неверие, тогда именно первородное отчаяние - его исходный пункт. Экзистенциализм — не такой атеизм, который растрчивает себя на доказательства того, что бог не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы бог существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм — это оптимизм, *учение о действии*.

**А. МАСЛОУ. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ:
ОСНОВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ.**

Когда меняется философия человека (его природы, его целей, его потенциала, его реализации), тогда меняется все. Меняется и теория образования, психотерапии и личностного развития, теоретические представления о том, как помочь человеку стать тем, чем он может и чем ему следует стать.

Сейчас мы находимся в процессе такого изменения **концепции способностей, потенциала и целей человека**. Рождается новое видение возможностей и судьбы человечества. Этот процесс чреват многими последствиями, и не только для наших концепций образования, но также и для нашей науки, политики, литературы, экономики, религии и даже нашей концепции мира как отнюдь не предназначенного для человеческого рода.

Я думаю, что сейчас у нас есть возможность приступить к формированию нового взгляда на человеческую природу как **целостную, единую, сложную психическую систему** (несмотря на то, что в значительной мере этот взгляд представляет собой реакцию на ограниченность двух наиболее полных психологических теорий настоящего времени — бихевиоризма и классического психоанализа Фрейда). Дать этому взгляду какое-то одно определение по-прежнему является трудной и, возможно, преждевременной задачей. В прошлом я называл его «холистски - динамической психологией», чтобы выразить свою убежденность на счет ее оснований. Некоторые, вслед за Голдстайном, назвали ее «организмической», другие называют ее «психологией самости» или **гуманистической психологией**.

Я полагаю, что принесу наибольшую пользу, если буду говорить, прежде всего, от своего имени и основываясь на результатах своей работы, вместо того, чтобы быть официальным представителем большой группы мыслителей, несмотря на мою уверенность в том, что по очень многим вопросам эти люди пришли между собой к полному согласию как представители «третьей силы». Поскольку я ограничен объемом книги, то я выдвигаю здесь только несколько основных допущений. Некоторые из них в большей мере основаны на моей убежденности, чем на наблюдаемых фактах. Тем не менее, все они, в принципе, поддаются проверке.

1. Каждый из нас обладает исконной внутренней природой, которая является инстинктообразной, изначальной, данной, «естественной», то есть наследственно детерминированной, отличающейся высокой мерой сопротивляемости.

Здесь имеет смысл говорить о наследственных, конститутивных и весьма рано складывающихся предпосылках индивидуальной самости, даже если такое биологическое определение самости является неполным, поскольку это слишком уж сложная вещь, чтобы ее можно было определить так просто. В любом случае, это скорее «сырой материал», чем конечный продукт, объект реакций самого индивида и индивидов, имеющих значение для данной личности, ее окружения и т. п. В эту *сущностную внутреннюю природу* я включаю инстинктоидные основные потребности, способности, таланты, анатомию, физиологическое равновесие или уравновешенность темперамента, предродовые и натальные травмы и травмы, получаемые новорожденным. Эта внутренняя сердцевина проявляется в форме естественных склонностей, пристрастий или внутренних убеждений. По-прежнему остается открытым вопрос, стоит ли включать сюда защитные механизмы и механизмы адаптации, «стиль жизни» и прочие черты характера, которые формируются в первые годы жизни. Этот сырой материал очень быстро начинает превращаться в «я», когда он сталкивается с внешним миром и начинает с ним взаимодействовать.

2. Все это потенциальные возможности, а не реальные окончательные состояния. Поэтому у них есть своя история и они должны наблюдаться в развитии. Они реализуются, формируются или подавляются по большей части (хотя и не полностью) экстрапсихическими детерминантами (цивилизацией, семьей, окружением, образованием и т.п.). В самом начале жизни устанавливаются связи этих «бесцельных» стремлений и тенденций с определенными объектами посредством канализирования, но также и посредством произвольных ассоциаций. Эта сердцевина, несмотря на свою биологическую основу и инстинктообразность, в определенном смысле скорее слаба, чем сильна. Она легко преодолевается, подавляется или загоняется вглубь. Ее даже можно убить раз и навсегда. У людей больше не осталось инстинктов в животном смысле этого слова, — мощных, исключительно внутренних голосов, которые недвусмысленно говорят им, что, когда, где, как и с кем делать. Мы обладаем

лишь остатками инстинктов. Они очень слабы, нежны и хрупки и очень легко гибнут под воздействием образования, требований культуры, страха, неодобрения и т. п. Их очень трудно познать. Аутентичная самость отчасти определяется как *способность услышать эти внутренние голоса-импульсы*, то есть способность знать, чего ты на самом деле хочешь, а чего — нет, на что способен, а на что — нет и т. п. Похоже, что в разных индивидах эти голоса-импульсы звучат с разной силой.

Внутренняя природа каждой личности обладает как характеристиками, которые свойственны всему виду, так и характеристиками, свойственными только данной конкретной личности. Потребность в любви изначально характерна для каждого человеческого существа (хотя при определенных обстоятельствах она может и исчезнуть). А вот стать гением в музыке дано очень немногим, да и те отличаются друг от друга, например, Моцарт и Дебюсси.

3/ Внутреннюю природу человека можно изучать *научно и объективно* (если, конечно, применить ту «науку», что нужно) и открыть, что она из себя представляет (открыть — не значит изобрести или сконструировать). Ее можно изучать и *субъективно, посредством самонаблюдения и психотерапии*. Эти два подхода дополняют и усиливают друг друга. Расширенная гуманистическая психология должна включить в себя экспериментальные методы.

4. Многие аспекты этой внутренней, глубинной природы либо, (а) как писал Фрейд, активно подавляются, потому что вызывают страх, неодобрение или являются чуждыми эго, либо, (б) как писал Шахтель, «забываются» (не используются, выпадают из внимания, не артикулируются). Поэтому большая часть внутренней, глубинной природы является *бессознательной*. Это может относиться не только к упоминаемым Фрейдом импульсам (стремлениям, инстинктам, потребностям), но также и к способностям, эмоциям, суждениям, установкам, мнениям, восприятиям и т. п. Активное подавление требует больших усилий, что приводит к большим затратам энергии. Существует, однако, немало способов поддержки таких форм активного бессознательного, как отрицание, проекция, формирование реакции и т. п. Но подавление не убивает того, что подавляется. Подавляемое остается действенной детерминантой мышления и поведения.

Как активная, так и пассивная формы подавления, скорее всего, возникают в самом начале жизни, в основном, как реакция на неодобрительное отношение родителей и культурной среды.

Однако, имеется ряд клинических свидетельств того, что подавление может иметь и интрапсихические, внекультурные основания. Это может наблюдаться у маленьких детей и у подростков в период полового созревания, то есть тогда, когда имеет место страх быть захлестнутым своими же импульсами, утратить внутреннее единство, «развалиться на куски», «взорваться» и т. п. Существует теоретическая возможность того, что у ребенка могут спонтанно сформироваться *боязливое и неодобрительное отношение к своим собственным импульсам* и готовность защищаться от них самыми разными способами. Не одно только общество может быть подавляющей силой, если, конечно, наше предположение верно. Контролировать и подавлять может также и интрапсихическое начало. Эти силы мы можем назвать «внутренним противодействием». Лучше всего отличать бессознательные стремления и потребности от бессознательных механизмов познания, поскольку последние зачастую гораздо легче перенести в сознание и, стало быть, внести в них изменения. Первичные механизмы познания (Фрейд) или архаическое мышление (Юнг) больше поддаются восстановлению, например, посредством обучения искусствам, танцу и другим невербальным навыкам.

5. Но несмотря на свою «слабость», внутренняя природа человека очень редко исчезает или умирает в обычном человеке (хотя такое исчезновение или смерть возможны на раннем этапе жизни). Несмотря на то, что ее подавляют, или даже отрицают ее существование, она продолжает существовать в «подполье», в бессознательном. Подобно голосу разума (который является ее частью), она говорит негромко, но этот голос так или иначе будет услышан, пусть даже в искаженной форме. То есть наша внутренняя природа обладает своей динамической силой, жаждущей вырваться наружу. Для того, чтобы подавить ее или загнать вглубь, требуются большие усилия, что приводит к усталости. Эта сила является одним из основных аспектов *«воли к здоровью», стремления к развитию, жажды самоактуализации, поисков своей истинной самости*. Это благодаря ей в принципе возможны психотерапия, образование и самосовершенствование.

Однако, эта «сердцевина», или самость, проявляется во взрослом человеке только отчасти посредством ее раскрытия (объективного или субъективного) и принятия того, что есть в человеке изначально. Отчасти же она является творением самой личности. Для индивида жизнь представляет собой постоянную необходимость *делать выбор*, а выбор определяется, в первую очередь, тем, что представляет собой на данный момент этот индивид (включая его цели, отвагу или страх, чувство ответственности, силу эго или силу воли и т. п.). Мы больше не можем думать об индивиде, как о «всецело предопределенном», поскольку эта формулировка означает «детерминацию исключительно внешними для личности силами». Личность, если это подлинная личность, сама есть своя основная детерминанта. Каждая личность есть, отчасти, *свой собственный проект и создает сама себя*.

6. Если эта сердцевина (внутренняя природа) личности прошла через разочарования, отвержение и подавление, это приводит к болезни, — иногда в явных формах, иногда в скрытых и более коварных. Иногда это происходит сразу же, иногда — со временем. Психических недугов гораздо больше, чем числится в списке, составленном Американской ассоциацией психиатров. Например, проблемы характера сейчас считаются куда более важными для судеб мира, чем классический невроз или даже психоз. С этой новой точки зрения, именно новые виды заболеваний являются наиболее опасными. В качестве примера можно привести *«упадок личности»*, то есть утрату любой из определяющих характеристик человека, утрату самобытности, неспособность дорасти до своего собственного потенциала и т. п.

Итак, общая болезнь личности предстает как форма недоразвитости, неспособность к самоактуализации или неспособность стать полноценным человеком. Основным же источником болезни (хотя и не единственным) можно считать неудовлетворение основных потребностей, неумение обрести бытийные ценности, неспособность реализовать присущий данной личности потенциал, неспособность выразить себя и развиваться в своем стиле и своем алгоритме, особенно в начальный период жизни. Стало быть, неудовлетворенность основных потребностей не является единственным источником психических заболеваний или упадка личности.

7. Исходя из того, что мы знаем о внутренней природе человека, можно сказать, что она изначально представляет собой не зло, а то, что мы, взрослые представители нашей цивилизации, считаем добром. В крайнем случае, она — нейтральна. Наиболее точным было бы определение «старше и добра и зла». В этом вряд ли можно усомниться, когда речь идет о внутренней природе младенца или ребенка: Дело усложняется, когда мы говорим о ребенке, по-прежнему живущем во взрослом человеке. И все становится еще сложнее, когда индивид воспринимается с точки зрения бытийно обусловленной психологии, а не обусловленной дефицитом.

Этот вывод опирается на опыт применения всех *«обнажающих» методов*, имеющих отношение к человеческой природе: психотерапии, объективных и субъективных подходов в науке, образовании и искусстве. Например, «обнажающая» терапия рано или поздно ослабляет злобу, страх, жадность и т. п. и усиливает любовь, отвагу, творческое начало, доброту, альтруизм и т. п., приводя нас к заключению, что последние качества — более глубокие, более естественные и изначально более человеческие, чем первые; то есть то, что мы называем «плохим» поведением, ослабляется или устраняется благодаря раскрытию внутренней природы, а то, что мы называем «хорошим» поведением, — усиливается.

8. Мы должны отличать фрейдистский тип суперэго от *врожденной совести и внутреннего чувства вины*. Первое означает, в принципе, усвоение самостью одобрения и неодобрения других людей: отца, матери, учителей и т. п. А вина есть признание правильности неодобрения со стороны других людей.

Внутреннее чувство вины возникает как следствие предательства индивидом своей внутренней природы или своей самости, уклонения от пути, ведущего к самоактуализации; это, по сути, обоснованное недовольство самим собой. Стало быть, оно не так связано с цивилизацией, как вина по Фрейду. Оно истинное, заслуженное, справедливое или «праведное», потому что оно порождено расхождением человека с чем-то глубоко истинным (а не случайным, произвольным или частным), что находится в нем самом. С этой точки зрения, человеку полезно, даже необходимо, для саморазвития ощущать внутреннюю вину, когда он того заслуживает. Это не просто симптом, появления которого

следует избегать любой ценой, а внутренний «поводырь», указывающий дорогу к реализации истинной самости и ее потенциала.

9. Под «злом» в поведении по большей части понимается беспричинная враждебность, жестокость, деструктивность, отрицательная агрессивность. О нем мы знаем еще слишком мало. Если качество враждебности инстинктивное, то у человечества одно будущее. Если же оно реактивное (реакция на плохое отношение), то у человечества должно быть совсем другое будущее. По-моему, имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении данные указывают на реактивность неразборчивой деструктивной враждебности, потому что «обнажающая» терапия ослабляет это качество и превращает его в здоровое самоутверждение, силу воли, избирательную враждебность, самозащиту, справедливое возмущение и т. п. В любом случае, способность к агрессии и гневу присутствует у всех самореализующихся людей, которые легко дают им выход, когда того требует внешняя ситуация.

Поведение, которое наша цивилизация определяет как зло, может также быть порождением невежества или детских заблуждений и убеждений (как у ребенка, так и «ребенка» во взрослом). Например, ссоры между братьями и сестрами проистекают из стремления ребенка сосредоточить всю любовь родителей только на себе одном. Так детская версия любви, сама по себе не являющаяся чем-то достойным порицания, может превратиться в недопустимое поведение.

В любом случае, многое из того, что наша цивилизация называет злом, в сущности не должно считаться таковым, если смотреть на него с более общей, учитывающей особенности всего вида точки зрения. Если человеческую природу принимать и любить такой, какая она есть, то многие этноцентрические проблемы просто исчезают. Еще один пример: с гуманистической точки зрения представление о сексе как о чем-то изначально «плохом» является чистейшим абсурдом.

Столь широко распространенные ненависть или ревность ко всему доброму, истинному, красивому, здоровому или разумному («контрценности») в значительной мере (хотя и не полностью) обусловлены угрозой утраты самоуважения, поскольку лжец видит для себя угрозу в честном человеке,

невзрачная девушка — в красивой, а трус — в герое. Любой выдающийся индивид самим своим существованием указывает нам на наши недостатки.

Однако, гораздо более глубоким является экзистенциальный, по сути, вопрос о справедливости судьбы. Человек, страдающий какой-либо болезнью, может неприязненно относиться к здоровому человеку, который заслуживает здоровья не больше, чем он.

Большинство психологов считает злое поведение *реактивным*, а не *инстинктивным*. Из этого следует, что хотя зло и пустило глубокие корни в человеческой природе и никогда не будет полностью устранено, можно надеяться на то, что по мере улучшения общества и развития личности его будет становиться все меньше.

10. Многие люди по-прежнему воспринимают бессознательное, регресс и первичные механизмы познания как нечто обязательно нездоровое, опасное или плохое. Опыт психотерапии постепенно вынуждает нас занять иную точку зрения. Глубины нашей природы тоже могут быть *хорошими, красивыми или желанными*. На это ясно указывают открытия, сделанные в результате исследования предпосылок любви, творчества, игры, юмора, искусства и т. п. Их корни глубоко уходят во внутреннюю глубинную самость, то есть в бессознательное. Чтобы отыскать их, суметь ими воспользоваться и получить от них наслаждение, мы должны быть способны к «регрессу».

11. Ни о каком психическом здоровье не может быть и речи, если эту сердцевину индивида не принимают такой, какая она есть, не любят и не уважают и сам индивид, и другие люди (обратное же имеет место далеко не всегда, то есть уважение, любовь и т.п. не всегда выливаются в психическое здоровье, поскольку должны быть удовлетворены и другие предварительные условия).

Психическое здоровье хронологически незрелой личности понимают как здоровое развитие. Психическое здоровье взрослого человека — по-разному: как самоактуализацию, эмоциональную зрелость, индивидуацию, продуктивность, подлинность, полноценность и т.п.

Здоровое развитие является концептуально подчиненным, потому что его обычно определяют как *«развитие в направлении самоактуализации»* и т.п. Некоторые психологи просто говорят об одной высшей цели или о тенденции

человеческого развития, считая все феномены развития незрелого существа только ступенями лестницы, ведущей к самоактуализации (Голдстейн, Роджерс).

Самоактуализацию определяют по-разному, но в главном все ученые явно согласны друг с другом. Все определения говорят: (а) о примирении с внутренней самостью как сердцевинной личности и о ее самовыражении, то есть о реализации скрытых способностей и потенциальных возможностей, об «идеальном функционировании», развитии индивидом всех своих индивидуальных и общевидовых характеристик; (б) о минимизации заболеваний, неврозов, психозов, снижения основных индивидуальных и общевидовых способностей человека.

12. В силу всех этих причин в наше время следует способствовать выходу нашей внутренней природы на поверхность, оказав ей поддержку или, по крайней мере, признав ее существование, вместо того, чтобы подавлять ее или загонять ее вглубь. Чистая спонтанность заключается в **свободном, неконтролируемом, открытом, незапланированном самовыражении**, то есть в проявлении психических сил при минимальном участии сознания. Контроль, воля, осторожность, самокритика, умеренность, расчет — все это тормоза, неизбежность которых изначально определена законами природы и общества, то есть миров, находящихся вне психики. Их неизбежность также определена нашим страхом перед своей *psyche* (врожденным противодействием). Если говорить шире, то контроль над *psyche*, порожденный страхом перед ней, по большей части носит невротический или психотический характер, то есть не является изначально или теоретически необходимым. (Здоровая *psyche* не представляет собой ничего ужасного, и потому ее не надо бояться, как ее боялись на протяжении тысячелетий. Нездоровая *psyche*, разумеется, — совсем другое дело.) Контроль такого типа обычно слабее при условии психического здоровья, глубинной психотерапии или глубокого самопознания и примирения с самим собой. Однако существует такой тип контроля за *psyche*, который порожден не страхом, а необходимостью сохранить ее интегрированность, организацию и единство (врожденное противодействие). Есть и еще один тип контроля, вероятно уже в другом смысле, который необходим для реализации способностей и поиска высших форм самовыражения, например, упорный труд, благодаря которому

художник, мыслитель, атлет овладевают мастерством. Но такого рода контроль постепенно остается «внизу» и становится чем-то *спонтанным как часть самости*. Я бы предложил назвать эти желательные и необходимые формы контроля «аполлонизирующим контролем», поскольку они не ставят под сомнение желательность удовлетворения, а усиливают получаемое от него удовольствие посредством организации, эстетизации удовлетворения, привнесения в него ритма, стиля и вкуса, например, в сексе, еде, питии и т.п. Противоположностью этому является подавляющий контроль.

Баланс между спонтанностью и контролем меняется по мере изменений в здоровье *psyche* и здоровье мира. Чистая спонтанность уже невозможна, поскольку мы живем в мире, который подчиняется своим, не психическим, законам. Но она возможна в сновидениях, фантазиях, любви, воображении, сексе, на первых стадиях творчества, в работе художника, в игре ума, в свободных ассоциациях и т.п. Чистый контроль не может существовать постоянно, потому что тогда *psyche* умрет. Образование должно быть направлено на *культивирование как контроля, так и спонтанности и экспрессивности*. В условиях нашей цивилизации и в данный исторический момент необходимо склонить чаши весов в сторону спонтанности, способности к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверия, непредзаданности, творчества и т.п. Но следует помнить, что существовали, существуют и будут существовать цивилизации и регионы, где чаши весов склонялись или будут склоняться в другую сторону.

13. В настоящее время считается, что при нормальном развитии здорового ребенка он, если ему будет предоставлена реальная возможность свободного выбора, как правило, будет выбирать то, что полезно для его развития. Делать он это будет потому, что его выбор хорош для него на вкус и наощупь и доставляет ему удовольствие или наслаждение. Стало быть, подразумевается, что ребенок лучше, чем кто-либо другой, «знает», что для него хорошо. Нестрогий режим означает, что взрослые не просто сами непосредственно удовлетворяют потребности ребенка, а создают ему возможности самостоятельно удовлетворять свои потребности и самому сделать свой выбор, то есть «дают ему жить». Для нормального развития ребенка необходимо, чтобы взрослые *доверяли ему и ес-*

тественным процессам развития, то есть чтобы они не слишком часто вмешивались, не «заставляли» ребенка развиваться или идти по обозначенному ими пути, а позволяли и помогали ему развиваться в духе даосизма, а не в авторитарном режиме.

Хотя эта мысль выглядит довольно простой, на деле ее толкуют совершенно неверно. Даосский нестрогий и уважительный подход к ребенку в реальности неприемлем для многих людей, которые склонны понимать его как полную вседозволенность, чрезмерное покровительство и баловство. Люди считают, что этот подход заключается в том, чтобы давать ребенку все, что он ни попросит, устраивать для него (и за него) приятные события, защищать его от всех опасностей, запрещать ему рисковать. Любовь без уважения — это совсем не то же самое, что любовь в сочетании с уважительным отношением к сигналам, исходящим от самого ребенка.

14. Примирившись с самим собой, со своей судьбой и со своим призванием, человек делает вывод, что основная дорога к здоровью и самоактуализации лежит через *удовлетворение основных потребностей*, а не через их подавление. Этот подход противоречит режиму подавления, недоверия, контроля, управления, вера в необходимость которых проистекает из веры в изначальное, инстинктивное зло человеческой природы. Внутриутробная жизнь характеризуется абсолютной удовлетворенностью и полным отсутствием разочарований, и в настоящее время общепринято мнение, что первый год жизни человека тоже должен характеризоваться абсолютной удовлетворенностью и полным отсутствием разочарований. Аскетизм, самоистязание, осозанный отказ удовлетворить потребности организма ведут, по крайней мере в рамках западной культуры, к чахлости и уродству организма, да и для восточных культур характерно сочетание самоактуализации и аскетизма только у очень немногих, исключительно сильных индивидов.

Эта мысль тоже зачастую толкуется неверно. Удовлетворение основных потребностей воспринимают как приобретение предметов, вещей, имущества, денег, одежды, автомобилей и т.п. Но сами по себе эти вещи не удовлетворяют основные потребности, которые заключаются не только в удовлетворении запросов тела, но и в стремлении (1) к безопасности, надежности, защите, (2) к

сопричастности, то есть принадлежности к семье, общине, клану, кругу друзей, любимых, (3) к уважению, одобрению, достоинству, самоуважению и (4) к свободе, необходимой для полнейшего развития своих способностей и талантов, для реализации своей самости. Это звучит довольно просто, но очень немногие люди в мире правильно понимают эту мысль. В силу того, что низшие и самые неотложные потребности — материальные, например, потребность в пище, крове, одежде и т.п. - люди склонны выводить отсюда материалистическую психологию мотивации, забывая о существовании **высших, нематериальных потребностей**, которые являются не менее основными.

15. Но мы знаем и то, что полнейшее отсутствие разочарований, боли или страданий также таит в себе опасность. Чтобы стать сильным, человек должен выработать в себе умение выносить разочарования, способность воспринимать физическую реальность как нечто совершенно индифферентное относительно человеческих желаний, способность любить других людей и получать такое же удовольствие от удовлетворения их потребностей, как от удовлетворения своих собственных желаний (не использовать других людей просто в качестве средств). Ребенок, имеющий солидную опору в любви, безопасности и уважении к удовлетворению его потребностей, способен извлечь пользу из **умеренной дозы разочарований** и, в результате, стать более сильным. Если же разочарований накапливается больше, чем он может вынести, если они захлестывают его, то мы называем их травматическими и считаем скорее опасными, чем полезными.

Именно посредством раздражающей неуступчивости физического мира, животных и других людей мы **познаем природу этой реальности** и, стало быть, учимся отличать желаемое от действительного (что происходит в результате нашего желания и что происходит совершенно невзирая на наши желания), благодаря чему мы можем жить в мире и адаптироваться к нему по мере необходимости.

Мы также **познаем наши способности** и их пределы и учимся расширять эти пределы, благодаря преодолению трудностей, напряжению всех сил, умению выносить тяготы и испытания, даже посредством поражений. Ожесточенная борьба может доставлять большое удовольствие, которое может занять место страха. Более того, это наилучший путь к здоровому самоуважению, которое

основано не только на одобрении других людей, но также на реальных достижениях, успехах и, отсюда, **реалистичной уверенности в себе**.

Чрезмерная опека означает, что потребности ребенка удовлетворяются (за него) его родителями, а он не прилагает к этому никаких усилий. Результатом может быть инфантильность, прекращение развития его силы воли и самоутверждения. Одним из последствий может быть желание использовать других людей, а не уважение к ним. Такой подход может принять и форму недоверия и неуважения к способностям ребенка и его умению сделать правильный выбор, то есть превратиться в снисходительное и пренебрежительное отношение, которое может привести к возникновению у ребенка чувства собственной бесполезности.

16. Чтобы создать условия для развития и самоактуализации, необходимо понять, что способности, органы, организм в целом **жаждут функционирования и самовыражения**, они требуют, чтобы их использовали и применяли «по назначению». Использование приносит им удовлетворение, бездействие раздражает. Мускулистому человеку хочется использовать свои мускулы, более того, он должен использовать их, чтобы чувствовать себя хорошо и обрести субъективное чувство гармоничного, успешного, свободного функционирования (спонтанности), которое представляет собой важнейший аспект хорошего развития и психологического здоровья. То же самое можно сказать об умственных способностях, о матке, о глазах, о способности любить. Способности требуют, чтобы их использовали, и прекращают требовать только тогда, когда их используют достаточно хорошо. То есть **способности являются также и потребностями**. Использовать свои способности не только интересно, но и необходимо для развития. Простаивающая без дела способность и незадействованный орган могут стать источником болезни или атрофироваться, тем самым обедняя личность.

17. Психолог действует, исходя из **предположения о существовании двух миров, двух типов реальности**: естественного мира и мира психического; мира упрямых фактов и мира желаний, надежд, страхов, эмоций; мира, который живет по не психическим законам, и мира, который живет по психическим законам. Граница между этими двумя типами реальности не очень четкая, разве что в их

крайних проявлениях, когда нет сомнений, что иллюзии, сновидения и свободные ассоциации вполне реальны, но, в то же время, совершенно отличаются от реальности логики и от реальности мира, который будет продолжать существовать даже в случае вымирания всего рода человеческого. Психолог не отрицает, что эти два мира связаны друг с другом и могут даже сливаться воедино.

Я могу сказать, что этим допущением руководствуются многие психологи или даже большинство, несмотря на то, что они готовы признать, что здесь имеет место неразрешимая философская проблема. Любой терапевт должен либо принять это допущение, либо прекратить свою деятельность. Это типичный пример того, как психологи обходят философские трудности и действуют так, словно определенные положения верны, хотя и недоказуемы. К таким положениям можно отнести универсальный принцип «ответственности», «свободы воли» и т.п. Одним из аспектов психического здоровья является способность жить в обоих этих мирах.

18. Незрелость можно противопоставить зрелости, с мотивационной точки зрения, как адекватному удовлетворению основных потребностей. С этой точки зрения, зрелость означает уход вверх от потребности в ликвидации дефицита. Это состояние можно определить как *метамотивированное* или немотивированное (если считать дефицит единственной мотивацией). Его можно также определить как самоактуализацию, Бытие, самовыражение, а не приспособляемость. Это состояние Бытия, в отличие от жгучего стремления, можно считать синонимом обретения своей самости, обретения подлинности, полноценности, превращения в «личность». Процесс развития есть процесс становления личности. *«Быть» личностью* — это совсем другое дело.

19. Незрелость от зрелости можно также отличить на основании познавательных и эмоциональных свойств личности. Незрелая и зрелая формы познания были описаны Вернером и Пиаже. Мы можем провести другую черту, а именно, между *Д - познанием* и *Б - познанием* (Д = Дефицит, Б = Бытие). Д - познание можно определить как цепочку познавательного опыта, организованного в соответствии с основными потребностями (потребностями в ликвидации дефицита), их удовлетворением или неудовлетворением. То есть Д - познание можно назвать эгоистичным познанием, согласно которому мир состоит

исключительно из того, что удовлетворяет наши потребности, и того, что разочаровывает нас. Остальные характеристики игнорируются или воспринимаются нечетко. Познание объекта таким, каков он есть в своем Бытии, вне его способности удовлетворять наши потребности или разочаровывать нас, то есть вне его ценности для наблюдающего или его воздействия на наблюдающего, может быть названо Б - познанием (способным подняться над самостью бескорыстным или объективным познанием). Отождествление такого познания со зрелостью никак нельзя признать точным (дети тоже способны на бескорыстное познание), но в целом верно то, что по мере обретения своей самости или укрепления самобытности индивида (или примирения его со своей внутренней природой) Б -познание становится все более легким и более частым. (Это верно, несмотря на то, что Д -познание для всех человеческих существ, включая и вполне зрелых, является основным средством выживания в этом мире.)

В той мере, в какой восприятие не обременено желаниями и страхами, оно приближается к точности, в смысле восприятия истинной, или сущей, или изначальной природы объекта (без расчленения его посредством абстрагирования). Таким образом, объективное и истинное описание любой реальности опирается на психологическое здоровье. Невроз, психоз, замедление развития — все это, с данной точки зрения, нарушения и познавательной функции тоже — восприятия, обучения, запоминания, внимания и мышления.

20. Побочным продуктом этого аспекта познания является лучшее понимание *высших и низших уровней любви*. Различия между Д- любовью и Б- любовью могут определяться по тому же самому принципу, что и различия между Д -познанием и Б - познанием или между Д - мотивацией и Б - мотивацией. Идеальные отношения с другим человеческим существом, особенно с ребенком, невозможны без Б - любви. Особенно она необходима при обучении, как и предполагаемое ею доверие в духе даосизма. То же самое можно сказать и о нашем отношении к миру природы, то есть мы можем воспринимать его таким, каков он есть, или же только как средство достижения наших целей. Следует заметить, что между интрапсихическим и интерличностным имеются существенные различия. До сих пор мы говорили, в основном, о самости, а не об отношениях между отдельными людьми и отношениях между людьми в группах,

больших и малых. То, что я называю общечеловеческой **потребностью в сопричастности**, включает в себя потребность в общности, во взаимозависимости, в семье, в дружбе, в братстве. На примере «Общества анонимных алкоголиков», групп по обсуждению общих проблем и множества подобных им организаций братской помощи мы вновь и вновь убеждаемся, что в основе своей являемся общественными животными. Разумеется, конечной задачей сильной личности все равно является обретение способности подняться над коллективом, если будет такая необходимость. И все же следует понимать, что эту способность он развивает именно благодаря пребыванию в коллективе.

21. Хотя самоактуализация, в принципе, не представляет собой ничего сложного, на практике **она встречается очень редко** (по моим оценкам достигшим самоактуализации можно считать менее 1 процента взрослого населения). Тому есть великое множество причин на самых разных уровнях, включая все известные нам на сегодняшний день детерминанты психопатологии. Мы уже говорили об основном культурно обусловленном факторе, а именно об убеждении, что глубинная природа человека несет в себе зло или опасность. Упоминали мы и одну из биологических помех на пути к зрелости человеческой самости, а именно утрату людьми сильных инстинктов, которые недвусмысленно говорили бы им, что, когда, где и как делать.

Существует трудно различимая, но чрезвычайно важная разница между представлением о психопатологии как о блокировании самоактуализации или страхе перед ней либо уклонении от нее, с одной стороны, а с другой — «медицинским» подходом к ней как чему-то схожему с вторжением извне ядовитых веществ или бактерий, не имеющих никакого отношения к подвергшейся вторжению личности. (С теоретической точки зрения, вместо концепта «болезни» более уместно употреблять понятие «упадок» человеческих способностей и потенциала).

22. Развитие несет с собой не только достижения и удовольствия, но и всегда было и будет связано со многими изначально predeterminedенными **страданиями**. Каждый шаг вперед — это шаг в неведомое, и возможно опасное неведомое. Кроме того, он связан с необходимостью расставаться с чем-то близким, хорошим, приносящим удовлетворение. Зачастую это означает расставание,

разрыв, Даже, нечто вроде смерти, предшествующей новому рождению., следствием чего являются ностальгия, страх, одиночество и печаль. Зачастую это также означает отказ от более простой, более легкой и менее напряженной жизни и начало более трудной жизни, связанной с большей ответственностью и большими испытаниями. Движение вперед совершается вопреки всем этим потерям и потому требует от индивида отваги, воли, умения делать выбор, силы, а также защиты, поддержки и ободрения со стороны окружения, особенно если речь идет о ребенке.

23. Стало быть, имеет смысл думать о развитии или его отсутствии как о результате *противоборства* между силами, способствующими развитию, и силами, ему препятствующими (регресс, страх, причиняемые развитием страдания, невежество и т.п.). У развития есть свои преимущества и свои недостатки. И не - развитие имеет не только свои недостатки, но и преимущества. Будущее влечет, но влечет и прошлое. Существует не только отвага, но и страх. Абсолютно *идеальный способ здорового развития* заключается, в принципе, в том, чтобы усилить все преимущества развития и все недостатки не - развития, ослабив все недостатки развития и преимущества не - развития.

Гомеостатические тенденции, тенденции к сокращению потребностей и защитные механизмы, рассматриваемые Фрейдом, есть проявления не тенденции роста, а, чаще всего, защитные, обезболивающие меры организма. Они совершенно необходимы и не всегда патологичны. Как правило, они оказываются сильнее тенденций к развитию

24. Все это говорит о необходимости натуралистической системы ценностей, производной от эмпирического описания глубочайших тенденций рода человеческого в целом и отдельных индивидов. Изучение человеческого существа наукой и его самопознание позволяют обнаружить его направленность, цель его жизни, понять, что для него хорошо, а что — плохо, что придает ему чувство собственного достоинства, а что вызывает чувство вины, почему ему так часто трудно выбрать добро и почему его так привлекает зло. (Замечу, что здесь не следует говорить о «долге». Кроме того, такое знание касается самого человека и не претендует на абсолютность.) Невроз не принадлежит к сердцевине человеческой природы, будучи, скорее, защитой от нее или ее вторжения, а также

результатом искаженного ее восприятия, управляемого страхом. Как правило, это компромисс между стремлением удовлетворить основные ценности тайно или унижительным для самого индивида образом, с одной стороны, а с другой — страхом перед этими потребностями, их удовлетворением и соответственно мотивированным ими поведением. Выражение невротических потребностей, эмоций, установок, проявлений и т.п. означает **отрицание полного выражения сердцевинной или истинной самости**. Если садист, извращенец или эксплуататор говорит: «Почему я не должен самовыражаться?» (например в убийствах) или «Почему я не должен самореализовываться?», то им следует ответить, что подобное самовыражение есть отрицание, а не выражение его же инстинктивных (или сердцевинных) тенденций.

Каждая невротическая потребность, эмоция или действие — это утрата индивидом какой-то части своего потенциала. Появляется нечто, чего он отныне не сможет или не осмелится сделать, а если и сделает, то исподтишка и плохо. Вдобавок, он, как правило, утрачивает свое субъективно хорошее самочувствие, волю и чувство самоконтроля, свою способность получать удовольствие, свое самоуважение и т. п. Он становится «ущербным человеческим существом».

25. Мы начинаем понимать, что состояние бытия вне **системы ценностей** является психопатогенным. Человеческому существу, чтобы жить и постигать жизнь, необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь. Это я называю «когнитивной потребностью в понимании». Болезни, источником которых является отсутствие ценностей, определяются по-разному — утрата радостей жизни, моральное разложение, апатия, аморальность, безнадежность, цинизм и т.п. — и вполне могут превратиться в болезни физические. В историческом плане, мы в настоящий момент живем в период «междоцарствия», когда внешне заданные системы ценностей (политических, экономических, религиозных и т. п.) оказались ложными и нет ничего «святого». Человек без устали ищет то, что ему нужно и чего у него нет, и обнаруживает опасную готовность ухватиться за любую надежду, будь то хорошую или плохую. У нас нет никаких сомнений насчет того, что является лекарством от этой болезни. Нам нужна обоснованная, практически

применимая система истинно человеческих ценностей, в которые мы можем верить и служению которым мы можем себя посвятить, потому что они истинны, а не потому, что нас заставляют в них верить. Мне кажется, что в настоящее время существует реальная, по крайней мере теоретическая, возможность появления такого эмпирически обоснованного мировоззрения.

Вызывающее поведение детей и подростков можно в значительной мере считать следствием неуверенности взрослых в собственной системе ценностей. В результате, многие американские подростки исповедуют не взрослые, а подростковые ценности, которые, естественно, являются продуктом незрелости, невежества и смутных потребностей подростка. Великолепной проекцией этих подростковых ценностей являются ковбои, вестерны или уличные банды.

26. На уровне самоактуализации *разрешаются многие дихотомии и противоречия*. У самореализующихся людей наблюдается сильная тенденция к слиянию эгоизма и бескорыстия в единство более высокого, превосходящего обыденность порядка. Работа начинает быть игрой; призвание и профессия становятся одним и тем же. Когда долг превращается в удовольствие, а удовольствие — в выполнение долга, тогда эти два понятия перестают быть противоположностями. Высшая зрелость включает в себя «детские» качества, и вместе с тем, мы обнаруживаем у здоровых детей определенные качества, присущие зрелому самореализовавшемуся человеку. Граница между внешним и внутренним, между «я» и «все остальные» в значительной мере стирается, и на высшем уровне развития личности наблюдается их взаимопроникновение. Сейчас *дихотомизация* представляется нам характерной чертой *низкого уровня развития* личности и психологического функционирования; она является как причиной, так и следствием психопатологии.

27. Одна очень важная особенность самореализующихся людей заключается в том, что они склонны *интегрировать* фрейдовские дихотомии и трихотомии, то есть сознание, предсознание и бессознательное (как и подсознание, эго и суперэго). Менее острым становится конфликт между фрейдовскими «инстинктами» и защитными механизмами. Импульсы становятся более экспрессивными и менее контролируемыми; контроль — менее жестким, более гибким, в меньшей степени порождается чувством тревоги. Суперэго становится

менее строгим и агрессивным по отношению к эго. Первичные и вторичные познавательные процессы им одинаково доступны, и они примерно одинаково ценят и те, и другие (вместо того, чтобы клеймить первичные процессы как патологические). Действительно, во время *пиковых переживаний* стены между ними рушатся.

Это полностью опровергает ранний Фрейдов подход, согласно которому эти разные силы составляют дихотомию как (а) взаимоисключающие, (б) антагонистические, а не дополняющие друг друга или сотрудничающие друг с другом силы, и (в) разные по качеству (одна лучше, другая хуже).

Здесь мы снова говорим о здоровом бессознательном и желательном регрессе. Более того, мы говорим об интеграции рационального и иррационального, из чего следует, что иррациональное также можно считать чем-то здоровым, желательным и даже необходимым.

28. Здоровые люди более интегрированы и в другом смысле. У них воля, познание, эмоции и моторные функции менее отделены друг от друга и более *синергичны*, то есть сотрудничают, а не конфликтуют. Рациональные, взвешенные мысли могут привести к тем же самым выводам, что и мысли, порожденные слепыми желаниями. Такой человек хочет и получает удовольствие от того, что для него хорошо. Его спонтанные реакции так эффективны и точны, как если бы они были продуманы заранее. Его чувственные и моторные реакции в большой степени соответствуют друг другу. Органы чувств у него более тесно взаимодействуют друг с другом (физиогномическое восприятие). Более того, он понимает проблемность и опасность тех вековых рационалистических систем, которые располагают способности в дихотомически - иерархическом порядке, во главе которого стоит рациональность, а не интеграция.

29. Это движение в направлении концепции здорового бессознательного и здоровой рациональности обостряет наше осознание ограниченности чисто абстрактного мышления, вербального и аналитического мышления. Если мы надеемся дать миру полное описание, то нам необходимо освободить место для довербальных, невыразимых, метафорических, первичных процессов, для *конкретно-чувственного, интуитивного и эстетического познания*, потому что у реальности есть аспекты, которые можно познать только таким образом.

Это относится даже к науке, поскольку теперь мы знаем, что (1) корни творчества уходят в нерациональное, (2) язык неадекватен и не может быть адекватен полному описанию реальности, (3) за пределами любой абстрактной концепции остается значительная часть реальности, (4) то, что мы называем «знанием» (которое, как правило, чрезвычайно абстрактно, вербально и четко определено), зачастую не дает нам увидеть те части реальности, которые остались за пределами абстракции. То есть оно дает нам возможность лучше увидеть одни вещи, не позволяя разглядеть другие. У абстрактного знания есть свои плюсы и свои минусы.

Наука и образование, которые являются слишком абстрактными, вербальными и книжными, не оставляют достаточно места для непосредственного, конкретного, эстетического переживания, в особенности — *субъективных событий внутри индивида*. Например, сторонники организмизма в психологии наверняка согласятся с необходимостью большего внимания к обучению искусствам, танцу, спорту (в греческом духе) и с важностью феноменологических наблюдений.

Главной целью абстрактного, аналитического мышления является максимально возможное упрощение — формула, диаграмма, карта, чертеж, схема, рисунок, определенные виды абстрактной живописи. В результате растет наше господство над миром, но за это мы должны расплачиваться неспособностью воспринимать все его богатство, если мы не научимся ценить бытийное познание, «любовное и заботливое восприятие», свободно дрейфующее внимание, которые только обогащают переживания, а не обедняют их. У науки нет никаких оснований не включить в себя оба вида познания.

30. Способность более здоровых людей погружаться в бессознательное и предсознание, ценить и использовать первичные процессы, вместо того, чтобы бояться их, мириться с их импульсами, вместо того, чтобы всегда контролировать их, умение добровольно и бесстрашно отдаться регрессу, оказывается одним из основных условий творчества. Психологическое здоровье тесно связано с определенными *универсальными формами творчества*.

Та же самая связь между здоровьем и интеграцией рациональных и иррациональных сил (сознания и бессознательного, первичных и вторичных

процессов) позволяет нам понять, почему психически здоровые люди лучше умеют веселиться, любить, смеяться, радоваться, отдавая должное юмору, дурачествам, капризам, и отличаются большой фантазией и способностью совершать приятные безумства, умея ценить эмоциональные переживания вообще и пиковые в частности, которые и посещают их гораздо чаще. Это дает нам все основания для предположения, что обязательное обучение ребенка всем этим премудростям может способствовать укреплению его здоровья.

31. Эстетическое восприятие и творчество, а также *эстетические пиковые переживания*, представляются центральным, а не второстепенным аспектом человеческой жизни, психологии и образования. Тому есть целый ряд доказательств. (1) Все пиковые переживания (помимо других своих функций) способствуют устранению внутреннего раскола личности, разобщенности между индивидами, конфликта между индивидом и миром, ведущего к утрате единства мира. Поскольку одним из аспектов психического здоровья является интеграция, то каждое пиковое переживание является шагом к здоровью и само по себе есть момент полного здоровья. (2) Эти ощущения — обоснование жизни, ее значимости. Они, вне всякого сомнения, являются важной частью ответа на вопрос: «Почему мы все не совершаем самоубийства?» (3) Они — самоценны.

32 Самоактуализация не означает, что человек становится выше всех человеческих проблем. Конфликт, беспокойство, разочарование, печаль, обида, вина — все это можно обнаружить и у здоровых людей. В принципе, движение к зрелости — это постепенный уход от невротических псевдопроблем к *реальным, неизбежным, экзистенциальным проблемам*, изначально присущим природе людей (даже лучших из них), живущих в конкретном мире. Не будучи невротиком, человек, тем не менее, может испытывать реальное, здоровое и необходимое чувство вины (в отличие от невротического чувства вины, которое не является ни здоровым, ни необходимым), порожденное его глубокой совестью (а не Фрейдovým суперэго). Даже если человек поднялся над проблемами Становления, еще остаются проблемы Бытия. Отсутствие беспокойства в тот момент, когда человек просто обязан его испытывать, есть признак болезни. Есть такое выражение «обезуметь от страха». Так вот,

некоторых самодовольных людей надо бы испугать как раз для того, чтобы они «поумнели от страха».

33. Самоактуализация не является абсолютно общим понятием. Дорога к ней лежит *через реализацию мужских и женских качеств*, которые сильнее качеств общечеловеческих. То есть человеческое существо должно сначала стать настоящей женщиной или настоящим мужчиной, тем самым создав возможность для самоактуализации в общечеловеческом смысле.

Есть также доказательства того, что люди с разной конституцией реализуют себя по-разному.

34. Другим решающим аспектом здорового развития личности и человеческой полноценности является отказ от уловок, которыми пользуется ребенок, в силу своей слабости вынужденный приспособляться к сильным, большим, всемогущим, богоподобным взрослым. Человек должен сам стать сильным и независимым, должен стать родителем. Прежде всего, ему нужно отказаться от отчаянной потребности ребенка в абсолютной, сосредоточенной только на нем одном, любви родителей, и он должен научиться любить других людей. Он должен научиться удовлетворять свои потребности и желания, а не потребности своих родителей, и удовлетворять их самостоятельно, а не ожидать, что его родители сделают это за него. Он должен отказаться от привычки быть хорошим из страха перед родителями и из желания сохранить их любовь. Он должен быть хорошим, потому что он сам того хочет. Он должен обрести свою собственную совесть и перестать считать родителей единственным авторитетом в вопросах морали. Он должен перестать быть зависимым и стать ответственным. В идеале он должен получать *удовольствие от того, что является ответственным*. Методы, с помощью которых слабость приспособляется к силе, ребенку необходимы, но для взрослого человека становятся тормозом. Он должен заменить страх отвагой.

35. С этой точки зрения, общество или цивилизация могут как способствовать развитию личности, так и мешать ему. Источники развития и человеческой полноценности находятся исключительно *внутри самого индивида* и не сотворены или изобретены обществом, которое может только помогать или мешать развитию личности, подобно тому, как садовник может помочь или

помешать росту розового куста, но не может превратить его в дуб. Это так, несмотря на то, что цивилизация является обязательным фактором реализации человеческого потенциала, ибо с ней связаны, скажем, язык, абстрактное мышление, способность любить; но мы знаем, что они существуют в качестве потенциальных возможностей в плазме человеческого зародыша, которая старше любой цивилизации.

36. Как это ни парадоксально, но самоактуализация (в смысле обретения автономности) предоставляет человеку большую возможность подняться над своей самостью, самоуверенностью и эгоизмом. Самореализующемуся человеку легче стать *частью чего-то большего, чем он сам*. Условием этого является полная автономность и, в определенной мере, наоборот, поскольку человек может обрести автономность только благодаря успешному опыту общения (детская зависимость, бытийная любовь, забота о других и т. п.).

37. Перед очень важной экзистенциальной проблемой ставит нас тот факт, что самореализующиеся люди (и все люди во время пиковых переживаний) периодически выходят за пределы времени и пространства, хотя большую часть своей жизни они вынуждены пребывать во внешнем мире. *Жизнь во внутреннем психическом мире* (в котором господствуют психические законы, а не законы внешней реальности), то есть в мире ощущений, эмоций, желаний, страхов, надежд, любви, поэзии, искусства и фантазии, отличается от жизни в непсихической реальности (и адаптации к ней), в которой господствуют законы, в создании которых человек не принимал никакого участия и которые не соответствуют его природе, хотя он и вынужден им подчиняться. (В конце концов, он мог бы жить в других мирах, о чем знают поклонники научной фантастики.) Человек, который не боится этого внутреннего, психического мира, может получать от него такое наслаждение, что этот мир можно назвать Раем — в противоположность утомляющему, требующему больше усилий и ответственности внешнему миру «реалий», устремлений и приспособленчества, правильных и неправильных поступков, истины и лжи. Это верно, несмотря на то, что более здоровый человек может более легко приспособливаться и к реальному миру, получать от него больше удовольствия, то есть он не путает этот мир со своим внутренним психическим миром.

Сейчас представляется ясным, что смешение внутренней и внешней реальностей или стремление оградить себя от ощущений - чрезвычайно патологические явления. Здоровый человек способен интегрировать в свою жизнь обе эти реальности, и потому ему не надо отказываться от какой-то одной из них. Он способен по своей воле погружаться то в одну, то в другую реальность. Разница между ним и средним человеком такая же, как между человеком, который может поселиться на время в трущобах, и человеком, который вынужден жить там постоянно. (Любой из этих двух миров является трущобой, если человек не может его покинуть.) Образование должно помочь человеку научиться жить в обоих мирах.

38. Вышеприведенные мысли предполагают иное понимание роли *действия* в психологии. Целенаправленное, мотивированное, порожденное стремлением приспособиться и удовлетворить потребности действие является аспектом или побочным продуктом необходимого взаимодействия между *psyche* и не - психическим миром.

(а) Удовлетворение обусловленных дефицитом потребностей происходит во внешнем по отношению к индивиду мире, а не внутри человека. Стало быть, адаптация к этому миру необходима, то есть необходимо чувствовать реальность, знать природу этого мира, уметь отличать этот мир от мира внутреннего, знать природу людей и общества, уметь откладывать удовлетворение потребности, уметь скрывать слабые места, знать, что в этом мире способствует удовлетворению потребностей, а что представляет собой опасность или совершенно бесполезно для удовлетворения потребностей, знать одобренные и дозволенные цивилизацией пути и способы удовлетворения потребностей.

(б) Мир сам по себе интересен и завораживающе красив. Изучение его, манипулирование им, игра с ним, созерцание его, получение от него удовольствия — все это мотивированные потребностями (познавательными, двигательными, эстетическими) виды действия.

Но есть также действие, которое очень мало связано с миром или вообще не имеет с ним ничего общего, по крайней мере, поначалу. Чистое выражение природы, состояния, или сил (*Funktionlust*) организма есть выражение Бытия, а не стремления. А созерцание и наслаждение внутренней жизнью — это и своего

рода «действие», и антитеза действию в мире, то есть они приводят к покою и прекращению мускульной деятельности. Умение ждать — это особый случай способности прерывать действие.

39. От Фрейда мы узнали, что прошлое существует в человеке в настоящий момент. Теперь, с помощью теории развития и самоактуализации, мы должны понять, что *будущее тоже существует в человеке в настоящий момент*: в форме идеалов, надежд, обязанностей, задач, планов, целей, нереализованного потенциала, миссии, судьбы, рока и т. п. Тот, для кого будущего не существует, обречен на обыденность, безнадежность, пустоту. Он вынужден постоянно жить «свершившимся». Когда утрачивается стремление, — обычный организатор большинства видов деятельности, — человек оказывается неорганизованным и расколотым.

Разумеется, тот, кто пребывает в состоянии Бытия, не нуждается в будущем, потому что оно уже присутствует в нем. Тогда Становление на какое-то время прекращается и по его вексям можно получить самое большое богатство, то есть пиковые переживания, в ходе которых исчезает время и исполняются мечты.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Г. И. ЧЕЛПАНОВ О МЕТОДАХ ПСИХОЛОГИИ

Между тем, что называется миром психическим, и тем, что называется миром физическим, между миром внутренним и миром внешним существует огромное различие. Познание того и другого мира получается различными путями. Для познания мира психического существует метод самонаблюдения, для познания мира физического существует метод внешнего наблюдения. Метод самонаблюдения иначе называется *методом субъективным*. Метод наблюдения над физическим миром называется *методом объективным*. А если способ познания совершенно иной, то это значит, что между миром физическим и миром психическим есть непроходимое различие, и говорить, будто мысль, нечто психическое, есть движение вещества, которое представляет из себя нечто физическое, совершенно неправильно. Неправильность этого положения становится понятной только в том случае, если различие между «физическим» и «психическим» представляется вполне ясно; между тем вести беседу о различии между физическим и психическим на почве критики материализма оказывается весьма трудным, и я решаюсь взять другую тему, на почве которой рассмотрю вопрос о различии между психическим и физическим. Только при таких условиях мир психический и мир физический будут представляться, как два совершенно различных мира, до такой степени различных, что сказать, будто «мысль», нечто психическое, есть движение «вещества», чего-то материального, будет все равно что сказать «квадрат круга» или «деревянное железо», одним словом, все равно что связать два таких понятия, которые никоим образом связаны быть не могут. Та тема, о которой я намерен говорить, есть вопрос о *предмете психологии*.

На первый взгляд вопрос о предмете психологии кажется чрезвычайно ясным и простым. Разумеется, всякий скажет, что предмет психологии составляют те состояния, которые мы называем психическими: наши «чувства», «мысли», «желания», «сомнения», «волевые решения» и т. п. Между тем именно по поводу этого вопроса возникают различные сомнения. Если бы мы взяли, например, две отрасли естествознания: ботанику и минералогию, и спросили о предмете этих наук, то едва ли по этому поводу могли бы возникнуть какие-нибудь сомнения. Никто, например, не скажет, что растительный мир есть предмет минералогии, а что минералы составляют предмет исследования ботаники. Между тем нечто подобное по отношению к предмету психологии и, например, физиологии постоянно имеет место. Обыкновенно говорят, что психология, как отдельная наука, не существует, что она есть только часть той науки, которая называется физиологией; она есть отрасль физиологии, науки о физическом существе человека, а потому и предмет ее тот же, что и предмет физиологии.

Весьма часто можно слышать мнение, что в прежние времена, когда психология разрабатывалась исключительно философами, она не была собственно наукой; что тогда психологию разрабатывали исключительно философы-метафизики и только абстрактно-умозрительными, ненаучными методами; что только в последнее время, когда к разработке психологии приступил физиолог, она сделалась истинной наукой, что она сделалась наукой только тогда, когда она стала отраслью физиологии. Между прежней и новой психологией нет ничего общего. Только современная психология, собственно, и есть психология, и именно потому, что она физиологическая, что она пользуется услугами физиологии. Да и в самом деле, какую науку могла представлять собой психология, которая, по собственному же признанию психологов, пользовалась методом, называющимся методом «самонаблюдения», методом, ни в одной науке не применяемым? Физиология же, занимаясь исследованием психических явлений, пользуется тем самым методом, которым она пользуется и при изучении физиологических явлений и который ничего общего не имеет с методом самонаблюдения.

В действительности нет взгляда более ложного, чем этот. Можно прямо сказать, что собственно психология всегда была физиологической, что со времени

Аристотеля, основателя эмпирической психологии, эта последняя всегда была физиологической, так что положение, что современная психология свои построения основывает на физиологических данных, нужно понимать только в том смысле, что современная психология в больших размерах пользуется физиологией, чем это ей было возможно делать прежде, но что принципиально она и прежде пользовалась физиологией.

Например, рассматривая, что такое память, Аристотель говорит, что в органе души происходит определенное движение частиц вещества, которое оставляет известные следы, способные возобновляться, и вместе с этим возобновляются и соответствующие им представления. С такой же точки зрения он рассматривал и другие психические процессы: ощущение, воображение, представление, иллюзии, галлюцинации; и вообще для всех возможных психических процессов он искал соответствующие им физиологические процессы. Известно, каким влиянием пользовалась философия Аристотеля в средние века вплоть до самого Декарта; а из этого легко понять, что и его физиологическая психология непрерывно существовала вплоть до начала новейшей философии, что в средние века психология писалась по тому образцу, который завещал Аристотель.

О Декарте многие думают, что он был только философ и что его система построена на таких основах, которые никакого значения не имеют. Правда, он получил образование в иезуитской школе, где, по собственному признанию, не многому научился, но зато, когда он занимался философскими построениями, он очень усердно изучал анатомию и физиологию. О нем существует рассказ, что, когда один из его посетителей обратился к нему с вопросом: «а где же ваша библиотека?», то Декарт повел его в ту комнату, где находились анатомические препараты и сказал: «вот моя библиотека», желая этим сказать, что истинный метод исследования лежит не в изучении сочинений старых схоластиков, а в непосредственном изучении природы. Декарт при изучении психических явлений постоянно старался дать им физиологическое толкование.

Чтобы показать, каким образом Декарт пользовался физиологией для психологических целей, можно привести только один пример из его сочинений. В своих «Principes de la philosophie» он говорит: «мы должны заметить, что, хотя душа соединена со всем телом, но свои главные функции она совершает в мозгу, и

здесь она не только понимает, воображает, но и ощущает, и это происходит через посредство нервов, которые распространяются в виде тонких нитей от мозга ко всем частям других органов, с которыми они так связаны, что к органам нельзя прикоснуться без того, чтобы не привести в движение оконечности какого-либо нерва, и это движение через посредство нервов доходит до мозга, с которым душа связана теснейшим образом, и вследствие своего различного характера, движения заставляют ее иметь различные мысли. Это суть те различные мысли, которые исходят непосредственно от движений, возбужденных через посредство нервов в мозгу, и которые мы называем нашими ощущениями.»

Итак, тот взгляд, будто психология только в недавнее время сделалась физиологической, может поддерживаться только теми, кто совсем не знаком с историей этой науки. Нужно помнить, что современная психология отличается от прежней не тем, что будто бы прежняя призывала рассматривать все только умозрительно, а в настоящее время психология потому и сделалась наукой, что стала рассматривать психические явления в связи с физиологическими. В действительности современная психология отличается от прежней вовсе не этим, а тем, что она сделалась *экспериментальной*, каковой прежняя психология не могла быть вследствие недостаточного развития именно экспериментальных методов. Физиологическая и экспериментальная психология — два понятия, отличные друг от друга. Можно сказать, что экспериментальный метод исследования в прежней психологии не применялся, между тем как физиологическое исследование психических процессов далеко не новость.

Взгляд, по которому метод самонаблюдения является непригодным в психологии, в новейшее время был высказан основателем позитивной системы философии Огюстом Контom. Он по своему образованию был математик и натуралист. Когда он познакомился с психологией, где употребляется метод самонаблюдения, то очень удивился тому, что метод самонаблюдения можно вообще считать научным методом. Он не мог признать внутреннего опыта, который использовался, как он думал, по преимуществу метафизиками; отождествляя психологию с метафизикой, он совершенно отвергал внутренний опыт. По его мнению, самонаблюдение просто невозможно. Он не мог понять, как сознание может наблюдать самое себя в процессе собственной деятельности; он

никак не мог понять, что такое «сознание сознания». С первого взгляда такой процесс напоминает собой невозможную механическую задачу — поднять самого себя на стуле, на котором сидишь. Самонаблюдение есть вещь невысказанная. По мнению Огюста Конта, ум не может наблюдать умственных актов в то время, когда он мыслит; для этого ему нужно прекратить свою деятельность, а тогда нечего наблюдать. Чтобы процесс самонаблюдения мог осуществляться, нужно, чтобы ум разделился на две части, из которых одна часть будет мыслить, а другая будет наблюдать то, как эта первая часть будет мыслить; а так как такое разделение ума на две части невозможно, то, следовательно, и самонаблюдение невозможно. Построить психологию на основе самонаблюдения — несбыточная мечта. Для построения психологии нужно обратиться к физиологии мозга, а так как строение мозга во времена Огюста Конта было плохо известно, то он думал, что можно построить психологию посредством изучения строения черепа, по примеру Галля, основателя френологии, который доказывал, что существуют способы определения умственных способностей по очертаниям черепа.

Для нас, русских, вопрос о построении психологии представляет особый интерес потому, что он в одно время был предметом журнальной полемики между Кавелиным и Сеченовым. Кавелин, представитель гуманитарных наук, Сеченов, известный физиолог, спорили о задачах психологии и между многими другими вопросами затронули также и вопрос о *методе психологии*. Кавелин говорил, что основной прием, при помощи которого можно строить психологию, есть «внутреннее зрение», «психическое зрение». Сеченов, физиолог, утверждал, что такого «внутреннего, психического зрения» вовсе нет и быть не может. Общественное мнение стало на сторону Сеченова, и в настоящее время у нас господствует взгляд, по которому метод самонаблюдения должен быть признан методом ненаучным. Но если бы этот спор предложить на решение современной науки, то представители ее высказались бы за Кавелина, а не за Сеченова.

Очень многие, желая понять, что такое самонаблюдение, обращаются к слову «самонаблюдение» и из слова хотят разгадать смысл самого понятия. Они думают, что самонаблюдение — это значит «наблюдение самого себя». В английском языке термину «самонаблюдение» соответствует термин «интроспекция», что означает «глядение внутрь самого себя». По этому поводу

обыкновенно говорят: «я понимаю, что значит глядеть вне себя: это значит рассматривать предмет, лежащий вне меня, но что значит «глядеть внутрь самого себя», я не понимаю». Основываясь на этом, многие тотчас же отвергают и самый прием, как ненаучный. Но если посмотреть, как понимают своеобразный термин «самонаблюдение» философы, мы увидим, что смысл его в высшей степени простой.

Положим, что я смотрю на какой-нибудь предмет, находящийся предо мной, например, на дерево, имеющее определенную величину, форму, цвет; предмет моего наблюдения находится вне меня, на известном расстоянии от меня, и я воспринимаю его при помощи зрительного органа. Положим, далее, я слышу звук пушки; я воспринимаю этот звук при помощи другого органа чувств — уха. Я прикасаюсь к столу и нахожу, что его поверхность шероховата или гладка, холодна или тепла; все это я узнаю благодаря тому, что у меня есть орган осязания. Если мы возьмем все эти явления (свет, теплоту, движение и т. п.), составляющие предмет естествознания, то мы увидим, что все они воспринимаются нами при помощи наших органов чувств.

Но можем ли мы сказать, что восприятием при помощи наших органов чувств исчерпывается все наше познание? Нет, мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Существует еще многое такое, что при помощи органов чувств воспринято быть не может, но что тем не менее имеет реальное существование и познается нами. Например, чувства, мысли, желания, решения и т.п. Ведь все это мы можем познать, но спрашивается, как мы их познаем? Разумеется, всякий скажет, что не при помощи глаза, уха, органа осязания и т.п., а каким-то иным способом. Вот этот-то способ у философов принято называть искусственным термином «самонаблюдение», «внутреннее зрение», «психическое зрение», «внутреннее чувство», «внутренний опыт» и т.п. Само собой разумеется, что вы такой процесс познания можете назвать каким угодно термином, только вы должны согласиться с тем, что это познание дается нам не при помощи органов чувств. Для обозначения того, что есть целый мир явлений — наши чувства, мысли, желания, волевые решения, которых воспринять мы не можем при помощи глаза, уха и проч., у психолога существует особый термин. Это — *«мир внутренний», «мир психический»*. Для познания его необходимо:

«самонаблюдение», «внутреннее зрение» и т.п. Вот единственный и простой смысл слова «самонаблюдение».

Исследование того, что воспринимается при помощи органов чувств, есть предмет естествознания в широком смысле этого слова, а исследование *того, что мы не можем воспринимать при помощи внешних органов чувств* и тем не менее, однако, воспринимаем, есть предмет психологии. Таким образом, для нашего познания существует два мира: мир психический и мир физический. Для познания мира психического существует метод самонаблюдения, или так называемый *внутренний опыт*, для познания мира физического существует метод внешнего наблюдения, или так называемый *внешний опыт*. Метод самонаблюдения иначе называется методом субъективным. Метод наблюдения над физическим миром называется методом объективным.

Самонаблюдение существует для познания того, что воспринимается нами не при помощи внешних органов чувств. Кроме мира физических явлений, мира внешнего, который мы познаем при помощи внешних органов чувств, есть еще мир внутренний, который познается особым способом. Но ни один психолог не думал, что существуют особые органы для восприятия этого мира явлений, что существуют, например, особые органы для восприятия чувств печали, радости, гнева и т.п. Они утверждают, что кроме внешнего мира есть еще внутренний мир, но, разумеется, они не думали утверждать, что мир внутренний находится где-нибудь в мозгу или внутри нашего черепа, вообще нашего организма. Они, употребляя этот термин, имеют в виду, что есть два различных мира, которые и воспринимаются различным образом, различными способами.

Если это понятно, то можно пойти дальше и спросить, почему мы указанный нами прием исследования психических явлений называем самонаблюдением, субъективным методом исследования и утверждаем, что он коренным образом отличается от объективного наблюдения? Для того, чтобы это сделалось понятным, можно привести два-три примера из области объективного и субъективного наблюдения, из познания внешнего и внутреннего мира. Вот, например, зеленый цвет; я его вижу, и все другие видят то же самое, что и я; если бы неподалеку, положим, раздался звук пушки, то я бы его услышал, и еще тысяча людей услышала бы его так же, как и я; они восприняли бы звук так же

непосредственно, как и я. Если бы появилась какая-нибудь новая комета, то наверное миллионы людей увидели бы ее с такой же непосредственностью, как и я. Вот характерная особенность внешнего, объективного наблюдения. Каждый индивидуум наблюдает то или другое явление с такой же непосредственностью, как и все другие. Эта особенность создает громадное преимущество объективному наблюдению перед субъективным.

Совсем не то при восприятии психических явлений. Восприятие психических явлений *доступно только для того индивидуума, который переживает их*. Положим, что в данный момент я испытываю какое-нибудь чувство, например чувство боли. Никто из присутствующих этого чувства ни познать, ни видеть не может. Положим, далее, что у меня есть какое-нибудь желание; и о нем никто из присутствующих не может догадаться; оно доступно только для меня одного. Все психические состояния всегда абсолютно доступны только для того, кто их переживает. Другой не может видеть ни моих желаний, ни моих чувств, ни волевых решений, он не может воспринять их с той же непосредственностью, с какой он мог бы это сделать, если бы пожелал воспринять какие-нибудь физические явления.

В тех случаях, когда мы знаем о чувствах и мыслях других индивидуумов, мы знаем о них только потому, что мы о них умозаключаем. Не думайте, что я строю какие-нибудь софизмы; та мысль, которую я высказываю, очень проста и неоспорима. Положим, перед нами стоит человек и плачет потому, что он испытывает чувство печали. Мне могут сказать: «как же вы говорите, что будто нельзя видеть чувств. Видим же мы чувство печали у этого человека; мы можем это чувство наблюдать». На это я мог бы ответить: «Вы ошибаетесь, чувств вы не видите, страдания вы не видите, вы воспринимаете только ряд физических явлений, из которых вы умозаключаете, что человек страдает». В самом деле, что вы воспринимаете, когда видите перед собой плачущего человека? Вы посредством органа слуха воспринимаете ряд звуков, которые называются плачем; посредством органа зрения вы воспринимаете, как из его глаз текут капли прозрачной жидкости, которые называются слезами; вы видите изменившиеся черты лица, опустившиеся углы рта, и из всего этого вы умозаключаете, что человек страдает. Этот процесс есть *процесс умозаключения*, а не

непосредственного наблюдения. Такого рода умозаключения я могу делать потому, что знаю, что, когда я страдаю, я издаю тоже прерывистые звуки, из глаз моих тоже течет прозрачная жидкость и т.д.; и потому, когда я воспринимаю эти явления у другого человека, я заключаю, что он страдает совершенно так же, как и я. Следовательно, необходимо мне самому пережить хоть раз то, что переживает другой человек, для того, чтобы судить о его душевном состоянии.

В этом отношении положение психолога не так благоприятно, как положение натуралиста. Несколько натуралистов могут рассматривать одновременно один и тот же предмет или одно и то же явление и легко могут приходиться к единогласному мнению, между тем как психолог всегда должен только умозаключать о том или ином психическом явлении; его умозаключения не всегда будут тождественны с умозаключением другого. Если, положим, существо, которое наблюдает психолог, стоит близко к нему по своей организации, то его умозаключения относительно психических состояний этого существа будут более безошибочны, чем в том случае, когда он умозаключает о психических состояниях существ, значительно отличающихся от него по своей организации. Если, например, мы будем наблюдать психические состояния негров или индейцев и, основываясь на своих состояниях, будем говорить, что их чувства и мысли таковы же, как и наши, то еще вопрос, не сделаем ли мы ошибки в своих умозаключениях.

Непосредственно воспринимать психические процессы у других мы не можем, мы можем о них только умозаключать, непосредственно же мы воспринимаем их только в самих себе. Вот почему этот способ познания психических процессов и называется «самонаблюдением». О всех психических процессах других индивидуумов мы знаем только на основании того, что мы сами переживали. Каждое психическое явление, которое мы желаем изучить на других существах, мы переводим на язык своих собственных душевных переживаний; только в таких случаях возможно понять психические состояния других. Поэтому-то психологи утверждают, что *единственный источник познания психических процессов есть самонаблюдение*; без самонаблюдения о психической жизни других индивидуумов мы не могли бы знать.

Но, выражаясь таким образом, что самонаблюдение есть единственный источник познания психических явлений, я могу, пожалуй, кого-нибудь ввести в заблуждение. Пожалуй, могут подумать, что психолог, желающий построить *систему психологии*, должен запереться в свой кабинет и начать наблюдать самого себя и из того, что он получит, создавать законы психологии. Но я должен на это заметить, что утверждать что-либо подобное может только лишь тот, кому неясен истинный смысл термина «самонаблюдение». На самом деле, психология — одна из самых энциклопедических наук; она содержит в себе ряд вспомогательных наук, которые необходимы для построения психологической системы. Вот, например, те материалы, которые необходимы современному психологу для его психологических теорий.

I. Данные сравнительной психологии:

- 1) психология народов (этнография, антропология);
- 2) психология животных;
- 3) психология ребенка.

II. Анормальные явления:

- 1) душевные болезни;
- 2) гипнотические явления, сон, сновидения;
- 3) психическая жизнь слепых, глухонемых и т. п.

III. Экспериментальные данные.

Прежде всего психологу необходимо иметь данные сравнительной психологии; сюда относится психология народов, психология религиозных представлений, языка, мифов первобытных народов и т. д. Например, исследование религиозных представлений у первобытных народов дает нам возможность изучить одно из тех высших чувств, которое называется религиозным чувством. Все так называемые высшие чувства — эстетические, моральные, чувство собственности и пр. у культурных народов являются чем-то таким сложным, что если бы мы вздумали исследовать их непосредственно у этих последних, то мы не были бы в состоянии их проанализировать. Для этого необходимо направить свое исследование на низшие ступени человеческой культуры: только там мы встретим эти чувства в их простом, если можно так выразиться, эмбриональном состоянии. После изучения

состояния этих чувств у малокультурных народов, мы поймем природу высших чувств.

Психологу необходимо также знакомство с историей народов. История, описывая прошлую жизнь людей, описывает и такие моменты в их жизни, как народные движения, революции, и это дает богатый материал для так называемой психологии масс. Изучение развития языка также доставляет очень интересный материал для психологии. Язык и мысль тесно связаны между собой; проследить развитие языка значит изучить развитие человеческой мысли; язык есть воплощение человеческой мысли; его развитие есть развитие человеческой психологии, как, например, изменения в значениях слов, которые можно подмечать на протяжении целых столетий, являются самым лучшим показателем изменения человеческих представлений. Вот почему в последнее время вновь вырастает психология языка, на некоторое время отстраненная увлечением физиологической психологией.

Психология животных также способна дать массу важного материала. Когда анатом задается целью узнать, каково назначение того или иного сложного органа, то он обращается к изучению этого органа у низших животных, так как чем орган проще, тем и функция его проще. Изучением этой последней он научается распознавать функции более сложных органов. Подобно анатому, должен поступать и психолог. Если у животных некоторые психические способности проще, то психологу следует начинать свое исследование изучением состояния этих способностей у животных. Кроме того, у животных некоторые способности проявляются резче, чем у человека. Возьмем, например, инстинкт. И у человека есть инстинкт, но в очень неясной форме. Если же мы сравним его с той способностью у животных, которая соответствует инстинкту у людей, то, пользуясь результатами, полученными путем наблюдения над животными, в состоянии будем лучше познать природу этой способности у человека.

Психология ребенка очень много разрабатывалась и разрабатывается в настоящее время. Здесь психолог может видеть, каким образом высшие умственные способности развиваются из элементарных. Здесь он встречается с психологическими способностями в их эмбриональном состоянии и может шаг за шагом проследить их развитие вплоть до того сложного состояния, которое

присуще взрослому человеку. Возьмем, например, нашу способность воспринимать пространство. Если бы мы ограничили свое исследование только тем, что мы знаем об этой способности у взрослых, то мы не знали бы, из каких элементов представление пространства складывается; мы могли бы, пожалуй, подумать, что человек рождается с способностью видеть пространство так, как он его видит потом. Между тем наблюдения над психической жизнью ребенка показывают, что ребенок в первые дни своей жизни совсем не может видеть пространства так, как его видит взрослый. На 17—18-й неделе после рождения ребенок часто тянется к предмету, который находится от него на расстоянии, в 3—4 раза большем, чем его ручка. Из этого можно заключить, что ребенок не может определять расстояния, а это является, в свою очередь, доказательством того положения, что наша способность распознавания пространства не есть первоначальная способность, а есть результат сложного развития.

Изучение аномальных явлений, куда относятся душевные болезни, гипнотические явления, а равным образом сон и сновидения и т.п., также для психолога необходимо. То, что у нормального человека выражено неявно, неопределенно, у душевнобольного выделяется чрезвычайно резко; душевные болезни иногда называют микроскопом для изучения душевных явлений.

Если мы возьмем людей, у которых отсутствует, например, орган зрения, слуха и т.п., то наблюдение над ними представляют в высокой степени интересный материал. У слепого нет многих представлений, которые есть у зрячего. У слепого не те представления о пространстве, какие у зрячих. Его пространственные представления находятся в зависимости от его осязательных и двигательных ощущений, а не зрительных. Слепой от рождения, который обладает таким представлением пространства, является очень интересным субъектом для наблюдения, потому что благодаря этим исследованиям мы имеем возможность определить, что приходится на долю осязательных и двигательных ощущений в пространственных представлениях зрячего. Недавно умерла известная Лаура Бриджмен, которая в раннем детстве потеряла способность видеть и слышать. Невзирая, однако, на отсутствие двух таких важных органов, она приобрела способность выражать свои мысли, и ей

стали доступны даже такие отвлеченные понятия, как понятия Бога, души. Все это ей удалось достигнуть только благодаря осязательным органам. Она умерла на 62-м году от роду. Само собой разумеется, что она не могла не привлечь внимание психологов, и исследования над ее психической жизнью были в высшей степени важны для определения того, каким образом складываются у человека «представления» и «понятия».

Я зашел бы слишком далеко, если бы захотел указать все те источники, которыми пользуется психолог для построения своей системы, но и приведенных достаточно для того, чтобы видеть, что строить психологию на самонаблюдении не значит отказаться от всех фактов, доступных объективному наблюдению. Всякий психолог скажет, что необходим разнообразный, объективно получаемый материал для построения системы психологии, но весь этот материал становится для нас доступным только благодаря самонаблюдению. Если мы так или иначе истолковываем психическую жизнь ребенка, если мы понимаем психическую жизнь слепого, его пространственное представление, то только потому, что мы наблюдали самих себя; все эти данные становятся для нас доступными только благодаря тому, что мы переводим их на язык нашего самонаблюдения; одним словом, весь объективно добываемый материал, который лежит в основе психологии, становится доступным благодаря самонаблюдению. Из того, однако, что, по мнению психологов, единственный непосредственный источник психологии есть самонаблюдение, совсем не следует, что все добытое путем объективного наблюдения нужно отрицать.

Теперь нам следует рассмотреть, каким образом возможно применение эксперимента в психологии. Если предмет психологии составляет то, что мы знаем из самонаблюдения, т. е. наша психическая жизнь: наши мысли, стремления, желания и проч., все то, что доступно для того, кто их переживает, то, кажется, ни о каком эксперименте в психологии и речи быть не может. И это легко понять, если вспомнить, что называется в естествознании экспериментом в отличие от простого наблюдения.

Если я, положим, желаю изучить свойства радуги, то я ее наблюдаю так, как она мне дана в природе; я ее не изменяю. Это будет простым наблюдением. Но если бы, например, ботаник захотел изучить вопрос о том, существует ли какая-

нибудь связь между солнечными лучами и зеленым цветом растений, он должен был бы для выяснения этого произвести следующий эксперимент. Он должен взять растение, накрыть его колпаком, чтобы таким образом изолировать его от действия солнечных лучей, и наблюдать, что произойдет после того с зеленым цветом. Он нашел бы, что зеленый цвет превратился в желтый, но если бы после этого он снял колпак и вновь открыл доступ солнечным лучам, то желтый цвет превратился бы в зеленый. Таким путем ботаник экспериментально доказал бы связь между солнечными лучами и зеленым цветом растений. Здесь мы имеем дело с настоящим экспериментом, потому что главный признак эксперимента состоит именно в том, чтобы изменять обстоятельства, при которых имеет место изучаемое явление, и наблюдать при этом те изменения, которые совершаются в самом явлении.

Теперь рассмотрим, как обстоит дело с экспериментом в психологии. Положим, я желаю изучить какие-нибудь чувства. Каким образом я буду изменять обстоятельства, при которых имеют место чувства? Растения я могу перенести из одной обстановки в другую, могу изменять условия их жизни. Но как могу я производить эксперименты над чувствами и мыслями? Ведь так оперировать над ними, как оперирует ботаник над растениями, я не в состоянии. Казалось бы поэтому, что эксперимент в психологии применен быть не может; но это только кажущаяся невозможность, в действительности ее избежать довольно легко. Если мы вспомним, что между явлениями психическими и физическими существует тесная неразрывная связь, то не можем ли мы оперировать непосредственно над физическими явлениями и, оперируя над ними, не можем ли мы, хотя бы косвенно, изменять и соответствующие психические явления. Очень простой пример поможет нам выяснить сущность эксперимента в психологии.

Если я буду сочетать известные цвета друг с другом, то при известном сочетании я достигну того, что буду испытывать чувство приятного, и это будет тогда, когда цвета будут гармонировать между собой. Известно, что одни цвета гармонируют друг с другом, а другие нет. Положим, мы желаем изучить, какие именно цвета гармонируют друг с другом, т.е. сочетание каких цветов вызывает в нас чувство приятного. Берем какой-нибудь цвет, например красный, и задаемся целью отыскать такой другой цвет, который бы с ним гармонировал. Для этого

мы берем различные цвета, сначала оранжевый, прикладываем его к красному и смотрим, получается ли красивое сочетание. Потом берем желтый, голубой и, наконец, зеленый; из всех этих цветов наиболее гармонирующим с красным, положим, окажется зеленый, т.е. количество удовольствия при таком сочетании мы получим наибольшее; сочетание красного и зеленого будет наиболее для нас приятно. А что, собственно, мы делаем, когда мы производим такой эксперимент? Мы изменяем непосредственно состояние нашего физического аппарата, в данном случае нашей сетчатки, а то или другое изменение сетчатки влечет за собой то или иное психическое состояние. В данном эксперименте, как это легко видеть, мы можем изменять наши психические состояния совершенно так, как это делает в своей области натуралист: зоолог, ботаник; мы можем косвенным образом изменять наши психические состояния, а именно при помощи изменения физического аппарата. Таким образом вы видите, что эксперимент в психологии может применяться именно потому, что мы можем изменять физический аппарат, а изменяя его, мы изменяем и психическое, с ним связанное состояние. В этом смысле эксперимент в психологии возможен, и можно сказать, что эксперимент преобразил всю современную психологию.

В настоящее время при помощи эксперимента исследуется то, что прежде только наблюдалось. Разница между современной и прежней психологией не в том, что она будто бы сделалась физиологической, а в том, что она сделалась экспериментальной. Послушаем, что говорит по этому поводу Вундт, который, собственно, и ввел термин «физиологическая» психология. Он в четвертом издании «Оснований физиологической психологии» находит, что этот термин неудобен, и думает, что самым подходящим названием для современной психологии является название «экспериментальная» психология. В термине «экспериментальная» психология есть указание на характерную особенность современного исследования, термин же «физиологическая» психология является односторонним.

Современные выдающиеся философы и психологи, которые и у нас в России пользуются большим почетом, как, например, Дж. Ст. Милль, автор известной «Логики», Герберт Спенсер, Рибо, Вундт, по вопросу о роли самонаблюдения высказывались в том смысле, что они не только не думали отрицать

самонаблюдения, а, наоборот, старались подчеркнуть, что самонаблюдение есть единственный непосредственный источник познания психических явлений.

Милль, после того как вышла книга Огюста Конта, нашел нужным выступить в защиту метода самонаблюдения. Огюст Конт, как мы видели, говорил, что метод самонаблюдения есть метод метафизический, что он неприменим в психологии, да и вообще психологии в качестве особой науки Конт не признавал. Вместо психологии он предлагал френологическую физиологию, методом которой являлся анатомический и физиологический, анализ, а отнюдь не самонаблюдение. Между тем как Д.С. Милль говорит, что единственный метод, возможный в психологии, это именно метод самонаблюдения.

То же самое говорит и Герберт Спенсер: «некоторые утверждают вслед за Контом, что субъективная психология невозможна... Для тех, которые видят, что все существенные понятия, служащие отправной точкой для психологии вообще, доставляются ей субъективной психологией; для тех, которые видят, что такие слова, как «чувствование», «идея», «память», «воля», приобрели каждое свое особое значение лишь при помощи самоанализа, для тех ясно, что объективная психология не может существовать как таковая, не заимствуя своих данных от субъективной психологии». По мнению Рибо, при построении психологии одним самонаблюдением, разумеется, довольствоваться нельзя, необходимо также объективное наблюдение, но тем не менее самонаблюдение все-таки остается фундаментом психологии.

Итак, вы видите, что обычный взгляд, будто самонаблюдение есть метод ненаучный, решается в том смысле, что психология не была бы возможна, если бы не было самонаблюдения. У Вундта в последнем издании его «Физиологической психологии» по поводу самонаблюдения говорится, что задача эксперимента заключается в том, чтобы сделать возможным точное самонаблюдение.

Итак, если психология имеет свой особый предмет — психические явления, если психология пользуется своим особым методом, методом самонаблюдения, которым не пользуется физиология, то утверждать, что психология есть часть физиологии, было бы совершенно бессмысленно. Психология, как наука, пользуется данными, добытыми методом самонаблюдения, а потому быть

физиологией она не может. Между тем, что называется миром психическим, и тем, что называется миром физическим, между миром внутренним и миром внешним существует огромное различие; целая пропасть разделяет их; познание того и другого мира получается различными путями, а если способ познания совершенно иной, то это значит, что между миром физическим и миром психическим есть непроходимое различие, и говорить, будто мысль, нечто психическое, есть движение вещества, которое представляет из себя нечто физическое, будет совершенно неправильно.

С.Л. РУБИНШТЕЙН. ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Природа психического. Характеристика психических явлений. Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяются отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п. — все то, что составляет *внутреннее содержание нашей жизни* и что в качестве переживания непосредственно нам дано. Действительно, принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту — первая характерная особенность всего психического. Психические явления выступают поэтому как процессы и как свойства конкретных индивидов; на них обычно лежит печать чего-то особенно близкого субъекту, их испытывающему.

Не подлежит сомнению, что так, как нам бывает дано нечто в *непосредственном переживании*, оно никаким иным способом дано нам быть не может. Ни из какого описания, как бы ярко оно ни было, слепой не познает красочности мира, а глухой — музыкальности его звучаний так, как если бы он их непосредственно воспринял; никакой психологический трактат не заменит человеку, самому не испытавшему любви, увлечения борьбы и радости творчества, того, что он испытал бы, если бы сам их пережил. Мне мои переживания даны иначе, как бы в иной перспективе, чем они даны другому. Переживания, мысли, чувства субъекта — это его мысли, его чувства, это его переживания — кусок его собственной жизни, в плоти и крови его.

Если *принадлежность индивиду - субъекту* является первым существенным признаком психического, то *отношение его к независимому от*

психики, от сознания объекту — другая не менее существенная черта психического. Всякое психическое явление дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря тому, что оно является переживанием того-то; внутренняя его природа выявляется через его отношение к внешнему. Психика, сознание отражает объективную реальность, существующую вне и независимо от нее; сознание — это *осознанное бытие*.

Но было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало в действительности. Всякий психический факт — это и кусок реальной действительности и отражение действительности — не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением — *единством реального и идеального*.

С двойной соотнесенностью психического, присущего индивиду и отражающего объект, связано сложное, двойственное, противоречивое внутреннее строение психического факта, наличие в нем самом двух аспектов: всякое психическое явление — это, с одной стороны, продукт и зависимый компонент жизни индивида и, с другой, отражение окружающего его внешнего мира. Эти два аспекта, в тех или иных формах представленные даже в совсем элементарных психических образованиях, все более отчетливо дифференцируются и принимают специфические формы на более высоких ступенях развития — у человека, по мере того как с развитием общественной практики он становится субъектом в подлинном смысле слова, сознательно выделяющим себя из окружающего и соотносящегося с ним.

Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как *переживание и знание*. Моментом знания в сознании особенно подчеркивается отношение к внешнему миру, который отражается в психике. Переживание первично, прежде всего — психический факт как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни. Переживанием в более узком, специфическом смысле слова оно становится по мере того, как индивид становится личностью и его переживание приобретает личностный характер.

Переживанием психическое образование является, поскольку оно определяется контекстом жизни индивида. В сознании переживающего индивида этот контекст выступает как связь целей и мотивов. Они определяют смысл пережитого как чего-то со мной происшедшего. В переживании на передний план выступает не само по себе предметное содержание того, что в нем отражается, познается, а его значение в ходе моей жизни — то, что я это знал, что мне уяснилось, что этим разрешились задачи, которые передо мной встали, и преодолены трудности, с которыми я столкнулся. Переживание определяется *личностным контекстом*, как знание — *предметным*; точнее, оно является переживанием, поскольку определяется первым, и знанием, поскольку оно определяется вторым. Переживанием становится для человека то, что оказывается личностно значимым для него.

С этим связано положительное содержание термина переживание, которое обычно вкладывается в него, когда говорят, что человек что-то пережил, что то или иное событие стало для него переживанием. Когда мы говорим, что какое-нибудь психическое явление было или стало переживанием человека, это означает, что оно в своей, поэтому неповторимой, индивидуальности вошло как определяющий момент в индивидуальную историю данной личности и сыграло в ней какую-то роль. Переживание не является, таким образом, чем-то чисто субъективным, поскольку оно, во-первых, обычно является переживанием чего-то и, поскольку, во-вторых, его специфический личностный аспект означает не выпадение его из объективного плана, а включение его в определенный объективный план, соотнесенный с личностью как реальным субъектом.

Два психических явления могут быть отражением одного и того же внешнего явления или факта. Как отражение одного и того же, они эквивалентны, равнозначны. Они — знание или осознание данного факта. Но одно из них — например, то, в котором данный факт был впервые осознан во всем своем значении, — могло сыграть в силу тех или иных причин определенную роль в индивидуальной жизни данной личности. То особое место, которое оно заняло в истории развития данной личности, выделяет его, придает ему неповторимость, делающую его переживанием в специфическом, подчеркнутом смысле слова. Если событием назвать такое явление, которое заняло определенное место в

каком-то историческом ряду и в силу этого приобрело определенную специфичность, как бы неповторимость и значительность, то как «переживание» в специфическом, подчеркнутом смысле слова можно будет обозначать психическое явление, которое стало *событием внутренней жизни личности*.

Декарт до конца дней своих помнил особое чувство, охватившее его в то утро, когда, лежа в постели, он впервые представил себе основные очертания развитой им впоследствии концепции. Это было значительное переживание в его жизни. Каждый человек, живущий сколько-нибудь значительной внутренней жизнью, оглядываясь на свой жизненный путь, всегда находит воспоминания о таких моментах *особенно напряженной внутренней жизни*, озаренных особо ярким светом, которые, в своей неповторимой индивидуальности глубоко входя в его жизнь, стали для него переживаниями. Художники, изображая психологию своего героя, недаром склонны бывают особенно осветить его переживания, т. е. особо значительные моменты его внутренней жизни, характеризующие индивидуальный путь его развития, как бы поворотные пункты его. Переживания человека — это субъективная сторона его реальной жизни, *субъективный аспект жизненного пути личности*.

Таким образом, понятие переживания выражает особый специфический аспект сознания; он может быть в ней более или менее выражен, но он всегда есть в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом — знанием, особенно существенным для сознания.

Вместе с тем мы выделяем *переживание* и как особое *специфическое образование*. Но и в этом последнем случае переживание является переживанием чего-то и, значит, знанием о чем-то. Оно выступает как переживание не потому, что другой аспект — знания — в нем вовсе отсутствует, а потому, что витальный, или личностный, аспект в нем является господствующим. Таким образом, всякое переживание включает в себя как нечто подчиненное и аспект знания. Вместе с тем знание — даже самое абстрактное — может стать глубочайшим личностным переживанием.

В первичной зачаточной форме момент знания в сознании заключается в каждом психическом явлении, поскольку всякий психический процесс является

отражением объективной реальности, но знанием в подлинном, специфическом смысле слова — *познанием*; все более глубоким активным познавательным проникновением в действительность оно становится лишь у человека по мере того, как он в своей общественной практике начинает изменять и, изменяя, все глубже познавать действительность. Знание — существенное качество сознания; недаром в ряде языков понятие знания, включается в качестве основного компонента в самый термин сознания (con-science). Однако сознание и знание не только едины, но и различны.

Различие это выражается двояко: 1) в сознании отдельного индивида знание обычно представлено в некоторой специфической для него ограниченности, 2) оно в сознании индивида обрамлено и пронизано рядом дополнительных мотивационных компонентов, от которых знание, как оно представлено в системе науки, обычно отвлекается.

В сознании отдельного индивида, поскольку он остается в рамках своей индивидуальной ограниченности, знание объективной реальности часто выступает в специфически ограниченных, более или менее субъективных формах, обусловленных зависимостью их не только от объекта, но и от познающего субъекта. Знание, представленное в сознании индивида, является единством объективного и субъективного.

Высших ступеней объективности, поднимающей знание до уровня научного познания, оно достигает лишь как общественное познание, как система научных знаний, развивающихся на основе общественной практики. Развитие научного знания — продукт общественно-исторического развития. Лишь в меру того, как индивид включается в ход общественно-исторического развития научного познания, он может, опираясь на него, и сам собственной своей познавательной научной деятельностью продвинуть научное познание на дальнейшую, высшую ступень. Таким образом, индивидуальное познание, совершающееся в сознании индивида, всегда совершается как движение, отправляющееся от общественного развития познания и снова возвращающееся к нему; оно вытекает из общественного познания и снова вливается в него. Но процесс развития познания мира индивидом, совершаясь внутри общественного развития познания, все же отличается от него; мысли, к которым приходит индивид, даже те, которые, про-

двигая на высшую ступень общественное познание, переходят в систему или историю самой науки, в индивидуальном сознании и в системе научного знания иногда могут быть даны в разных контекстах и потому отчасти в различном содержании.

Мысли ученого, мыслителя, писателя имеют, с одной стороны, то или иное объективное значение, поскольку они более или менее адекватно, полно и совершенно отражают объективную действительность, а с другой — тот или иной психологический смысл, который они приобретают для их автора в зависимости от условий их возникновения в ходе его индивидуальной истории. В некоторых случаях ограниченность горизонтов личного сознания автора, обусловленная индивидуальным ходом его развития и историческими условиями, в которых оно совершалось, бывает такова, что вся полнота объективного содержания мыслей, которые запечатлены в его книгах, произведениях, трудах, раскрываются лишь в дальнейшем историческом развитии научного познания. Поэтому автора иногда можно понять лучше, чем он сам себя понимал. Для тех, кто затем рассматривает мысли какого-нибудь автора в связи с той общественной ситуацией, в которой они возникли, с тем объективным контекстом исторического развития научного познания, в который они вошли, они в этих новых связях раскрываются и в новом содержании. В системе знания, в историческом контексте общественного познания раскрывается их значение для познания действительности и выделяется их объективное содержание; в индивидуальном сознании, в зависимости от конкретного пути развития данного индивида, его установок, замыслов, намерений, они наполняются иным конкретным содержанием и приобретают иное конкретное значение: те же самые положения, формулы и т. д. имеют в одном и другом случае то же и не то же самое значение, или, сохраняя одно и то же объективное предметное значение, они приобретают у разных субъектов в зависимости от их мотивов и целей различный смысл..

Сознание конкретного реального индивида — это *единство переживания и знания*. В сознании индивида знание не представлено обычно в «чистом», т. е. абстрактном, виде, а лишь как момент, как сторона многообразных действенных, мотивационных, личностных моментов, отражающихся в переживании..

Сознание конкретной живой личности — сознание в психологическом, а не в идеологическом смысле слова — всегда как бы погружено в динамическое, не вполне осознанное переживание, которое образует более или менее смутно освещенный, изменчивый, неопределенный в своих контурах фон, из которого сознание выступает, никогда, однако, не отрываясь от него. Каждый акт сознания сопровождается более или менее гулким резонансом, который он вызывает в менее осознанных переживаниях, — так же как часто более смутная, но очень интенсивная жизнь не вполне осознанных переживаний резонирует в сознании.

Всякое переживание дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря тому, что оно является переживанием того-то. Внутренняя природа его выявляется в его отношении к внешнему. Осознание переживания — это всегда выяснение его объективного отношения к причинам, его вызывающим, к объектам, на которые оно направлено, к действиям, которыми оно может быть реализовано. Осознание переживания, таким образом, всегда и неизбежно — не замыкание его во внутреннем мире, а соотнесение его с внешним, предметным миром.

Для того чтобы осознать свое влечение, я должен осознать предмет, на который оно направлено. Человек может испытывать неопределенное чувство неприятного беспокойства, истинной природы которого он сам не осознает. Он обнаруживает нервозность; с меньшим, чем обычно, вниманием следит за работой, от времени до времени, ничего специально как будто не ожидая, поглядывает на часы. Но вот работа окончена. Его зовут обедать; он садится за стол и с несвойственной ему поспешностью начинает есть. Неопределенное чувство, о котором первоначально трудно сказать, что оно собственно собой представляет, впервые определяется из этого объективного контекста как ощущение голода. Утверждение, что я ощущаю голод или жажду, есть выражение моего переживания. Никакое описание или опосредованная характеристика переживания не сравнится с самим переживанием. Но определение этого переживания как переживания голода или жажды включает утверждение о состоянии моего организма и о тех действиях, посредством которых это состояние может быть устранено. Вне отношения к этим фактам, лежащим вне внутренней сферы сознания, переживание не может быть

определено; вне отношения к этим фактам невозможно определить, что мы испытываем. Установление «непосредственных данных» моего сознания предполагает данные, устанавливаемые науками о внешнем, предметном: мире и опосредовано ими. Собственное переживание познается и осознается человеком лишь через посредство его отношения к внешнему миру, к объекту. Сознание субъекта несводимо к голой субъективности, извне противостоящей всему объективному. Сознание — единство субъективного и объективного. Отсюда: понятным становится истинное взаимоотношение сознательного и бессознательного, разрешающее парадокс бессознательной психики..

Навряд ли у человека какое-либо психическое явление может быть вовсе вне сознания. Однако возможно *неосознанное, «бессознательное» переживание*. Это, конечно, не переживание, которое мы не испытываем или о котором мы не знаем, что мы его испытываем; это переживание, в котором не осознан предмет, его вызывающий. Неосознанным является собственно не самое переживание, а его связь с тем, к чему оно относится, или, точнее, переживание является неосознанным, поскольку не осознано, к чему оно относится; пока не осознано, переживанием чего является то, что я переживаю, я не знаю, что я переживаю. Психическое явление может быть осознано самим субъектом лишь *через посредство того, переживанием чего оно является*.

Бессознательным часто бывает молодое, только что зарождающееся чувство, в особенности у юного, неопытного существа. Неосознанность чувства объясняется тем, что осознать свое чувство значит не просто испытать его как переживание, а и соотнести его с тем предметом или лицом, которое его вызывает и на которое оно направляется. Чувство основывается на выходящих за пределы сознания *отношениях личности к миру*, которые могут быть осознаны с различной мерой полноты и адекватности. Поэтому можно очень сильно переживать какое-нибудь чувство и не осознавать его — возможно бессознательное или, вернее, неосознанное чувство. Бессознательное или неосознанное чувство — это, само собой разумеется, не чувство, не испытанное или не пережитое (что было бы противоречиво и бессмысленно), а чувство, в котором переживание не соотнесено или неадекватно соотнесено с объективным миром. Аналогично настроение часто создается вне контроля сознания и бывает

бессознательным; но это не означает, конечно, что человек не осознает того, что и как он осознает; это означает лишь, что человек часто не осознает именно этой зависимости, и неосознанность его переживания заключается именно в том, что она как раз не попадает в поле его сознания.. Точно так же, когда говорят, что человек поступает несознательно или что он несознательный; это означает, что человек не сознает не свой поступок, а последствия, которые его поступок должен повлечь, или, точнее, он не осознает свой поступок, поскольку он не осознает *вытекающих из него последствий*; он не осознает, что он сделал, пока не осознал, что означает его поступок в той реальной обстановке, в которой он его совершает. Таким образом, и здесь «механизм» или процесс осознания во всех этих случаях в принципе один и тот же: осознание совершается через включение переживания совершаемого субъектом акта или события в объективные предметные связи, его определяющие. Но совершенно очевидно, что *число этих связей принципиально бесконечно*; поэтому не существует неограниченной, исчерпывающей осознанности. Ни одно переживание не выступает вне всяких связей и ни одно не выступает в сознании сразу во всех своих предметных связях, в отношении ко всем сторонам бытия, с которыми оно объективно связано. Поэтому сознание, реальное сознание конкретного индивида никогда не является «чистой», т. е. абстрактной, сознательностью; оно всегда — *единство осознанного и неосознанного, сознательного и бессознательного*, взаимопереплетенных и связанных множеством взаимопереходов. Поскольку, однако, человек как существо мыслящее выделяет существенные связи, ведущим в этом единстве оказывается у человека его сознательность. Мера этой сознательности бывает все же различной. При этом осознанное и неосознанное отличается не тем, что одно лежит целиком в «сфере» сознания, а другое вовсе вне его, и не только количественной мерой степени интенсивности или ясности осознания. Осознанный или неосознанный, сознательный или несознательный характер какого-нибудь акта существенно определяется тем, что именно в нем осознается. Так, я могу совершенно не осознавать автоматизированного способа, которым я осуществил то или иное действие, значит, самого процесса его осуществления, и тем не менее никто не назовет из-за этого такое действие несознательным, если *осознана цель этого действия*. Но действие назовут

несознательным, если не осознано было существенное последствие или результат этого действия, который при данных обстоятельствах закономерно из него вытекает и который можно было предвидеть. Когда мы требуем сознательного усвоения знаний, мы не предполагаем, что знания, усвоенные — пусть несознательно, находятся вне сознания так или иначе освоившего их индивида.. Смысл, который мы вкладываем при этом в понятие сознательности, иной: то, или иное положение усвоено сознательно, если оно осознано в *системе тех связей, которые делают его обоснованным*; не сознательно, механически усвоенные знания — это прежде всего знания, закрепленные в сознании вне этих связей; не осознано не само по себе положение, которое мы знаем, а обосновывающие его связи или, точнее: то или иное положение знания не осознано, или усвоено несознательно, если не осознаны объективные связи, которые делают его обоснованным. Его осознание совершается через осознание того предметного контекста, к которому он объективно относится. Для того, чтобы осознать или сознательно усвоить то или иное положение, надо осознать те связи, которые его обосновывают. Это первое. И второе: когда мы говорим о сознательном усвоении знаний, мы имеем в виду такое усвоение знаний, при котором именно *результат усвоения* является сознательной целью индивида, в отличие от тех случаев, когда усвоение знаний происходит в результате деятельности, исходящей из посторонних мотивов, как-то: получение какой-либо награды и т. п., так что усвоение знаний, будучи результатом деятельности индивида, не осознается им как ее цель. Поскольку данный личностно-мотивационный план не затрагивает непосредственно предметно-смыслового содержания знаний, можно, пожалуй, сказать, что здесь решающим является то, как нечто осознается, хотя и в данном случае в конечном счете речь идет все же о том, что именно оказывается осознанным. Недаром сознательным в специфическом смысле слова называют человека, способного осознать объективную, общественную значимость своих целей и мотивов и руководствоваться именно ею.

Мы наметили, таким образом, «механизм» осознания. Бессознательное влечение, переходит в осознанное, когда осознан объект, на который оно направляется. Осознание влечения происходит, таким образом, опосредованно

через связь с предметом влечения. Точно так же осознать свое чувство, значит не просто испытать связанное с ним волнение, неизвестно чем вызванное и что означающее, а соотнести его надлежащим образом с тем предметом или лицом, на которое оно направляется. Таким образом,, наши собственные переживания познаются и осознаются опосредованно через отношение их к объекту. Этим объясняется и то, что данные интроцепции остаются обычно «подсознательными». Но осознание одного и неосознание другого содержания имеет обычно за собой те или иные мотивы, а не объясняется только неопытностью, незнанием и т. п. негативными основаниями. Неосознание (или неадекватное осознание) именно данного влечения, чувства, поступка и т. п. обусловлено обычно тем, что его осознанию *противодействуют динамические тенденции*, силы, исходящие из того, что оказывается значимым для индивида, включая нормы идеологии и общественные оценки, которыми руководствуется индивид. Заключенные в переживаниях тенденции, зависящие от того, что оказывается значимым для личности, контролируют таким образом в той или иной мере избирательный процесс их осознания.

Психика и сознание. Психическое имеет двоякую форму существования. Первая, объективная, форма существования психического выражается в *жизни и деятельности*: это первичная форма его существования. Вторая, субъективная, форма существования психического — это *рефлексия*, интроспекция, самосознание, отражение психического в самом себе: это вторичная, генетически более поздняя форма, появляющаяся у человека.. Представители интроспективной психологии, определяя психическое как явление сознания, считая, что бытие психического исчерпывается его данностью сознанию или представленностью в нем, ошибочно принимали эту вторичную форму существования или проявления психического за первичную или, вернее, единственную форму его существования: сознание сводилось к самосознанию или выводилось из него.

Между тем ощущения, восприятия, представления, образующие как бы состав психики и соответствующие психические процессы — это не то, что первично осознается, а то, посредством чего нечто — предмет — осознается. Сознание первично не означает смотрение внутрь на ощущения, восприятия и т.

д., а смотрение ими или посредством них на мир, на его предметное бытие, порождающее эти. ощущения и восприятия. Специфично для сознания как такового, в его отличие от психики в целом, **предметное значение, смысловое, семантическое содержание**, носителем которого являются психические образования. Семантическое же содержание сознания сформировалось у человека в процессе порождения у него языка, речи; оно сложилось в процессе общественно-исторического развития; семантическое содержание сознания — это общественное образование. Таким образом, сознание индивида размыкается не только по отношению к предметному миру, но вместе с тем и по отношению к общественному сознанию. Самая связь сознания с предметным миром, реализуемая его семантическим содержанием, опосредована его общественной сущностью.

Поскольку психическое, внутреннее определяется посредством своего отношения к внешнему, оно не «чистая», т. е. абстрактная, непосредственность, каковой она обычно представляется, а единство непосредственного и опосредованного. Между тем для идеалистической интроспективной психологии сознания всякий психический процесс есть то, чем он непосредственно представляется сознанию переживающего его субъекта; бытие психического исчерпывающе определяется его непосредственной данностью сознанию; оно поэтому превращается в сугубо личностное достояние: каждому субъекту даны только явления его сознания, и явления его сознания даны только ему; стороннему наблюдателю они принципиально недоступны; они замыкаются во внутреннем мире, доступном лишь для самонаблюдения, или интроспекции; психология должна поэтому изучать психические явления в пределах того индивидуального сознания, которому они непосредственно даны; сущность и явление будто бы совпадают в области психологии, т. е. собственно в ней сущность будто бы непосредственно сводится к явлению: все психическое — это лишь феноменальное, лишь явление сознания. Между тем в действительности бытие психического вовсе не исчерпывается его данностью сознанию субъекта, рефлектирующего на свои переживания. Психические факты — это прежде всего реальные свойства индивида и реальные процессы, выявляющиеся в его деятельности. Реальный биологический смысл возникновения и развития

психики в процессе эволюции в том именно и заключался, что развитие психики животных, обусловленное изменением их взаимоотношений со средой, в свою очередь приводило к изменению этих взаимоотношений и их поведения. Развитие сознания у человека в процессе развития трудовой деятельности было и следствием, и предпосылкой развития высших специфически человеческих форм деятельности. Психика не бездействующее сопутствующее явление реальных процессов; она реальный продукт эволюции; ее развитие вносит реальные и все более существенные изменения в реальное поведение.

Если проанализировать традиционную психологическую концепцию, то в ее основе как определяющее положение скрывается принцип непосредственной данности психического. Это по существу радикально-идеалистический тезис: все материальное, физическое, внешнее дано опосредованно через психику, психическое же переживание субъекта — единственная, первичная, непосредственная данность. Психическое как явление сознания замкнуто во внутреннем мире, оно исчерпывающе определяется отношением к самому себе, независимо от каких-либо, опосредующих отношений к чему-либо внешнему.

Исходя именно из этой предпосылки, крайние и в сущности единственно последовательные представители интроспективной психологии утверждали, что показания сознания, данные интроспекции абсолютно достоверны. Это значит, что нет инстанции, способной их опровергнуть, что справедливо в той же мере, как и то, что нет инстанции, способной их подтвердить, поскольку они ни с чем объективным, вне их лежащим, не соотнесены. Если психическое есть чистая непосредственность, не определенная в собственном своем содержании объективными опосредованиями, то нет вообще объективной инстанции, которая могла бы проверить показания сознания; возможность проверки, отличающая знание от веры, в психологии отпадает; она для самого субъекта так же невозможна, как и для постороннего наблюдателя; тем самым становится невозможной психология как объективное знание, как наука. И тем не менее эта концепция психического, по существу исключая возможность объективного психологического познания, определила все, в том числе и резко враждебные интроспективной психологии, психологические системы. В своей борьбе против сознания представители поведенчества — американского и российского —

всегда исходили из того его понимания, которое установили интроспекционисты. Вместо того чтобы в целях реализации объективизма в психологии преодолеть интроспекционистскую концепцию сознания, поведенчество отбросило сознание, потому что ту концепцию сознания, которую оно нашло в готовом виде у своих противников, оно приняло как нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить.

Традиционная идеалистическая концепция, господствовавшая в психологии в течение столетий, может быть сведена к нескольким основным положениям: А. Психическое определяется исключительно своей принадлежностью субъекту. Декартовское «*cogito, ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую») говорит о том, что даже мышление относится только к мыслящему субъекту, безотносительно к объекту, который им познается. Это положение остается неизменным для всей традиционной психологии. Психическое для нее прежде всего проявление субъекта. Это первое положение неразрывно связано со вторым. Б. Весь объективный материальный мир дан опосредованно через психику в явлениях сознания. Но психическое — это непосредственная данность; его бытие исчерпывается его данностью сознанию. Непосредственный опыт составляет предмет психологии как для Декарта, так и для Локка — при всем различии в остальном их философских взглядов, как для Вундта, так и для современных гештальт-психологов. В. В результате сознание превращается в более или менее замкнутый внутренний мир переживания или внутреннего опыта, который раскрывается лишь в самонаблюдении, или интроспекции.

Этим положениям традиционной идеалистической концепции сознания мы противопоставляем другие, в которых может быть резюмирована наша концепция.

А. Сознание — это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и независимо от него, поэтому психический факт не определяется однозначно одним лишь *отношением к субъекту*, переживанием которого он является. Он предполагает *отношение к объекту*, который в нем отражается. Будучи выражением субъекта и отражением объекта, сознание - это единство переживания и знания.

Б. Психическое переживание — непосредственная данность, но познается и осознается оно опосредованно через свое отношение к объекту. Психический факт — *единство непосредственного и опосредованного*.

В. Психическое несводимо к одному лишь «явлению сознания», к его отражению в себе самом. Сознание человека — не замкнутый внутренний мир. В собственном внутреннем содержании оно определяется посредством своего отношения к объективному миру. Сознание субъекта несводимо к чистой, т. е. абстрактной, субъективности, извне противостоящей всему объективному. Сознание — это осознанное бытие, *единство субъективного и объективного*.

В радикальном противоречии со всей идущей от Декарта идеалистической психологией, которая признавала явления сознания непосредственной данностью, центральным в психологии должно быть признано то положение, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему, предметному миру и лишь на основе этих отношений может быть определено. Сознание всегда является осознанным бытием. Сознание предмета определяется через свое отношение к предмету сознания. Оно формируется в процессе общественной практики. Опосредование сознания предметом — это реальная диалектика исторического развития человека. В продуктах человеческой — по существу своему общественной — деятельности сознание не только проявляется, через них оно и формируется.

Отношение сознания, психики к бытию никак не может быть сведено к одному лишь отношению теоретического субъекта к объекту. Оно включает и практическое отношение. Сознание не только знание и отображение — рефлексия бытия, но и *практическое отношение к нему субъекта*.

Чисто теоретическое сознание — абстракция; свою реальную основу эта абстракция получает только на высших ступенях развития, когда с выделением из практической деятельности теоретической деятельности впервые вычленяется теоретическое сознание как относительно самостоятельное производное образование, связанное со специфической установкой субъекта на познание. Теоретическое отношение — отношение производное; первичным и определяющим является, как правило, отношение практическое, которое в

конечном счете охватывает и пронизывает теоретическую деятельность сознания. Это сказывается во всем строении сознания. Сознание по глубочайшему своему существу не только созерцание, отображение, рефлексия, но также **отношение и оценка, признание, стремление и отвержение, утверждение и отрицание** и т. д. Сознание человека — это свидетельство и производный компонент его реальной жизни. Содержание и смысл сознания как реального психологического образования определяется контекстом жизни - **реальными жизненными отношениями**, в которые включен человек, его делами и поступками.

Сознание выражает бытие индивида. Каждый индивид, и человек в том числе, связан с окружающим его миром и нуждается в нем. Эта реальная, материальная, практическая связь человека и любого живого существа с миром выражается в многообразной системе сил, динамических тенденций. Их порождает в индивиде то, что оказывается значимым для него в мире. Значимое для человека, для личности как общественного индивида не сводится к одному лишь личностному, только партикулярно - личностно значимому, оно включает и общественно значимое, всеобщее, которое, становясь значимым для личности и в этом смысле личностно значимым, не перестает оставаться общественно значимым..

Практическое сознание человека как общественного существа — это в высших своих проявлениях **нравственное сознание**. Общественно значимое, переходя в личностно значимое для человека, порождает в нем динамические тенденции долженствования, далеко выходящие за пределы динамических тенденций только личностных влечений. Противоречивое единство одних и других определяет мотивацию человеческого поведения.

Психика и деятельность. Всякое действие человека исходит из тех или иных мотивов и направляется на определенную цель; оно разрешает ту или иную задачу и выражает определенное отношение человека к окружающему. Оно вбирает в себя, таким образом, всю работу сознания и всю полноту непосредственного переживания. Каждое самое простое, человеческое действие — реальное физическое действие человека — является неизбежно вместе с тем и каким-то психологическим актом, более или менее насыщенным переживанием, выражающим отношение действующего к другим людям, к окружающим. Стоит

только попытаться обособить переживание от действия и всего того, что составляет его внутреннее содержание, - мотивов и целей, ради которых человек действует, задач, которые его действия определяют, отношения человека к обстоятельствам, из которых рождаются его действия, — чтобы переживание неизбежно исчезло вовсе. Жизнью подлинных больших переживаний живет только тот, кто занят непосредственно не своими переживаниями, а реальными, жизненно значимыми делами, — и обратно — подлинные, сколько-нибудь значимые в жизни человека деяния всегда исходят из переживания. Когда специально ищут переживание, находят пустоту. Но пусть человек отдастся действию — глубокому, жизненному — и переживания нахлынут на него. Переживание рождается из поступков, в которых завязываются и развязываются отношения между людьми, — как и самые поступки, особенно такие, которые становятся существенными обстоятельствами в жизни человека, рождаются из переживаний. Переживание — и результат и предпосылка действия, внешнего или внутреннего. Взаимопроникая и питая друг друга, они образуют подлинное единство, две друг в друга взаимопереходящие стороны единого целого — жизни и деятельности человека.

Формируясь в деятельности, психика и сознание *в деятельности, поведении и проявляется*. Деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство. Движимый каким-нибудь влечением, человек будет действовать иначе, когда он осознает его, т.е. установит объект, на который оно направлено, чем действовал, пока он его не осознал. Сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым ее течение и характер; деятельность перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды; она по-иному регулируется; закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии; объяснение деятельности требует раскрытия и учета психологических закономерностей. С другой стороны, анализ человеческой деятельности показывает, что самая осознанность или неосознанность того или иного действия *зависит от отношений, которые складываются в ходе самой деятельности*. В ходе деятельности действие осознается, когда частичный результат, который

им достигается, превращается в прямую цель субъектами, перестает осознаваться, когда цель переносится дальше, и прежнее действие превращается лишь в способ осуществления другого действия, направляемого на более общую цель: по мере того, как более мелкие частные задачи приобретают относительную самостоятельность, действия, на них нацеленные, осознаются; по мере того как они вбираются в более обширные общие задачи, действия, на них направленные, выключаются из сознания, переходят в подсознательное. Таким образом, сознание включается и выключается в зависимости от отношений — между задачами и способами их осуществления, — которые складываются в самом процессе деятельности. Сознание не является внешней силой, которая извне управляет деятельностью человека. Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. ***Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство.***

Сознательное действие — это не действие, которое сопровождается сознанием, которое помимо своего объективного обнаружения имеет еще субъективное выражение. Сознательное действие отличается от неосознанного в самом своем объективном обнаружении: его структура иная и иное его отношение к ситуации, в которой оно совершается; оно иначе протекает. Определение деятельности человека в отрыве от его сознания так же невозможно, как определение его сознания в отрыве от тех реальных отношений, которые устанавливаются в деятельности. Так же как явление сознания не может быть однозначно определено вне своего отношения к предмету, так и акт поведения не может быть однозначно определен вне своего отношения к сознанию. Одни и те же движения могут означать различные поступки, и различные движения — один и тот же поступок. Внешняя сторона поведения не определяет его однозначно, потому что акт деятельности сам является единством внешнего и внутреннего, а не только внешним фактом, который лишь внешним образом соотносится с сознанием. Акт человеческой деятельности — это сложное образование, которое, не будучи только психическим процессом, выходя за пределы психологии в области физиологии, социологии и т. д., внутри себя включает психологические компоненты. Учет этих психологических компонентов является необходимым условием раскрытия закономерностей

поведения. Бихевиористское понимание поведения должно быть так же радикально преодолено, как и интроспективное понимание сознания.

Поведение человека не сводится к простой совокупности реакций, оно включает систему более или менее сознательных действий или поступков. Сознательное действие отличается от реакции иным отношением к объекту. Для реакции предмет есть лишь раздражитель, т. е. внешняя причина или толчок, ее вызывающий. Действие — это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. Действие, далее, становится поступком по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т. е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступок отличается от действия иным отношением к субъекту. *Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание.* Генезис поступка и самосознания — это сложный, обычно внутренне противоречивый, но единый процесс; так же единым процессом является генезис действия как сознательной операции и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому *структура сознания* принципиально может быть определена по *внешнему, объективному протеканию действия.* Преодоление бихевиористской концепции поведения является вместе с тем и преодолением интроспективной концепции сознания.

Наша психология включает, таким образом, в область своего изучения и определенный, а именно психологический аспект или сторону деятельности или поведения. Путь нашей психологии не может заключаться в том, чтобы вернуться к изучению психики, оторванной от деятельности, существующей в замкнутом внутреннем мире. Ошибка поведенческой психологии заключалась не в том, что она и в психологии хотела изучать человека в деятельности, а в том,

как она понимала эту деятельность, и в том, что она хотела деятельность человека в целом подчинить закономерностям биологизированной психологии. Психология не изучает поведение в целом, но она изучает психологические особенности деятельности. Наше понимание деятельности, психологические особенности которой изучает психология, при этом так же радикально отличается от механистического понимания поведения, как наше понимание психики от ее субъективно-идеалистической трактовки.

Решение вопроса не может заключаться в том, чтобы дать «синтез» одной и другой концепции. Такой «синтез», поскольку он утверждал бы, что нужно изучать и деятельность и сознание, объективное обнаружение поведения и, помимо того, его субъективное выражение, фактически неизбежно привел бы к объединению механистического понимания деятельности с идеалистическим пониманием сознания. Подлинного единства сознания и поведения, внутренних и внешних проявлений можно достигнуть не внешним, механическим объединением интроспективного идеалистического учения о сознании и механистического бихевиористского учения о поведении, а лишь радикальным преодолением как одного, так и другого.

Единство сознания и поведения, внутреннего и внешнего бытия человека раскрывается для нас в самом их содержании.

Всякое переживание субъекта всегда и неизбежно является, как мы видим, переживанием чего-то и знанием о чем-то. Самая внутренняя его природа определяется опосредованно через отношение его к внешнему, объективному миру. Я не могу сказать, что я переживаю, не соотнеся своего переживания с объектом, на который оно направлено. Внутреннее, психическое неопределимо вне соотнесения с внешним, объективным. С другой стороны, анализ поведения показывает, что внешняя сторона акта не определяет его однозначно. Природа человеческого поступка определяется заключенным в нем отношением человека к человеку и окружающему его миру, составляющим его внутреннее содержание, которое выражается в его *мотивах и целях*. Поэтому не приходится соотносить поведение как нечто лишь внешнее с сознанием как чем-то лишь внутренним; поведение само уже представляет собою единство внешнего и внутреннего, так же как, с другой стороны, всякий внутренний процесс в определенности своего

предметно-смыслового содержания представляет собой единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного.

Таким образом, **единство сознания и деятельности** или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на *единстве субъекта и объекта*. Одно и то же отношение к объекту обуславливает и сознание и поведение, одно — в идеальном, другое — в материальном плане. Этим в самой основе своей преодолевается традиционный картезианский дуализм.

Психофизическая проблема. Принадлежность каждого психического процесса конкретному индивиду, в жизнь которого он включается как переживание, и отношение его к внешнему предметному миру, который он отражает, свидетельствуют о связи психического с физическим и ставят так называемую психофизическую проблему, т. е. вопрос о взаимоотношении психического и физического.

Различное решение этого вопроса служит основным водоразделом между материализмом и идеализмом. Материализм утверждает первичность материи и рассматривает психику, сознание, дух, идею как нечто производное; идеализм разных видов и толков, наоборот, утверждает первенство и независимость идеи, духа, сознания, психики.

С тех пор как Декарт резко противопоставил друг другу материю и дух как две различные субстанции, психофизическая проблема приобрела особенную остроту. В принципе, в философском плане душа и тело, психика и организм были дуалистически разъединены. Между тем факты сначала обыденной жизни, а затем и данные все более углубленного научного исследования на каждом шагу свидетельствовали о наличии между ними определенных взаимоотношений. Особенно яркие доказательства взаимосвязи психики и организма дали генетическое исследование и патология. Изучение развития нервной системы в филогенезе с показательной ясностью вскрыло соответствие между уровнем развития центральной нервной системы и психики. Изучение патологических случаев, особенно нарушения деятельности различных участков коры больших полушарий головного мозга, которые влекли за собой выпадение или нарушение психических функций, с полной доказательностью установило зависимость, существую-

щую между психикой и деятельностью коры. Наконец, и в пределах нормального функционирования организма многообразно обнаруживается взаимосвязь в изменении физиологических и психологических функций. Эти факты нужно было теоретически интерпретировать, чтобы согласовать их с философскими предпосылками. В этих целях на основе дуалистических предпосылок, установленных Декартом, были выдвинуты две основные теории: теория психофизического параллелизма и теория взаимодействия. Обе эти теории исходят из внешнего противопоставления психических и физических процессов; в этом противопоставлении и заключается их основной порок.

Этим дуалистическим теориям, господствовавшим в традиционной психологии, противопоставляются теории тождества. Теории тождества сводят психическое к физическому или, наоборот, физическое к психическому. Сведение психического к физическому лежит в основе поведенческой психологии. С точки зрения этой механистической психологии данные сознания могут быть безостаточно сведены к физиологическим процессам и в конце концов описаны в тех же терминах механики и химии, что и физические данные; они не являются своеобразным видом существования. Это позиция вульгарного механистического материализма. Она совершенно не в состоянии объяснить те в высшей степени сложные взаимоотношения между мозгом и психикой, которые раскрыла современная психоневрология.

Наряду с этой механистической теорией выступает и идеалистическая теория тождества в духе феноменализма или спиритуализма.

В противовес как дуализму, противопоставляющему психическое и физическое, так и учению о тождестве психического и физического в духе механистического материализма у одних, спиритуализма у других, наша психология исходит из их единства, внутри которого и психическое и физическое сохраняют свои специфические свойства. *Принцип психофизического единства* — первый основной принцип психологии. Внутри этого единства определяющими являются материальные основы психики; но психическое сохраняет свое качественное своеобразие; оно не сводится к физическим свойствам материи и не превращается в бездейственный эпифеномен.

Признанием этих общих философских положений дело психологии в разрешении психофизической проблемы не заканчивается. Недостаточно признать принцип психофизического единства как руководящее начало, надо конкретно реализовать его. Это трудная задача, о чем свидетельствуют многократные попытки как со стороны психологов, так и со стороны физиологов разрешить эту задачу.

При разрешении психофизической проблемы, с одной стороны, необходимо вскрыть органически - функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы, от органического «субстрата» психофизических функций: психика, сознание, мысль — «функции мозга»; с другой — в соответствии со специфической природой психики как отражения бытия — необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действенный и познавательный контакт: сознание — осознанное бытие. Мозг, нервная система составляют *материальный субстрат психики*, но для психики не менее существенно *отношение к материальному объекту*, который она отражает. Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений.

Вульгарный материализм пытается свести решение психофизической проблемы к одной лишь первой зависимости. В результате приходят к представлению об однозначной детерминированности сознания изнутри одними лишь внутриорганическими зависимостями. В какие бы модные одежды такая трактовка психофизической проблемы ни рядилась, принципиально она не выходит за пределы старой мудрости Л. Бюхнера и Я. Молешотта. Вульгарные материалисты забывают о специфике психики: являясь отражением мира, она принципиально выходит за пределы лишь внутриорганических отношений. Поскольку психика — отражение действительности, поскольку сознание — это осознанное бытие, они не могут не детерминироваться также своим объектом, предметным содержанием мысли, осознаваемым бытием, всем миром, с которым человек вступает в действенный и познавательный контакт, а не только лишь одними отправлениями его организма как таковыми.

Иногда — особенно отчетливо у Б. Спинозы — этот второй гносеологический аспект психофизической проблемы, выражающийся в

зависимости сознания от объекта, вытесняет или подменяет первую функционально-органическую связь психики с ее «субстратом».

Единство души и тела, с точки зрения Спинозы, основывается на том, что тело индивида является объектом его души: «Что душа соединена с телом, это мы доказали из того, что тело составляет объект души». В попытке так установить психофизическое единство, реальная связь структуры и функции подменяется идеальной, гносеологической связью идеи и ее объекта.

В отличие как от одной, так и от другой из этих попыток разрешить психофизическую проблему в плане только одной из двух зависимостей, действительное ее разрешение требует включения обеих..

Первая связь психики и ее субстрата раскрывается как отношение строения и функции; она определяется положением о единстве и взаимосвязи строения и функции. Вторая связь — это связь сознания как отражения, как знания, с объектом, который в нем отражается. Она определяется положением о единстве субъективного и объективного, в котором внешнее, объективное опосредует и определяет внутреннее, субъективное. Речь при этом, очевидно, не может идти о рядоположном существовании двух разнородных и между собой никак не связанных детерминаций. Ведущая роль принадлежит здесь связи индивида с миром, с которым он вступает в действенный и познавательный контакт.

Оба выделенные анализом соотношения, детерминирующие психику, включаются в единый контекст, которым они в целом и определяются. Для разрешения психофизической проблемы особенно существенно правильно их соотнести..

Психический процесс, который принципиально не сводится к только нервному физиологическому процессу, выступает по большей части как действие, направленное на разрешение задачи, предмет и условия которой заданы прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно предметным миром. Природа *предметной задачи* определяет характер неврологических механизмов, которые включаются в процесс ее разрешения. Это положение отчетливо выступает, например, в правильно поставленном психофизиологическом исследовании движения, которое показывает, что с изменением задачи, которая разрешалась движением, и отношения к ней со

стороны субъекта, его мотивации, составляющей внутреннее психологическое содержание действия, изменяется также неврологический уровень и механизмы осуществления движения. Действие человека является подлинным психофизическим единством. Таким образом, в плане конкретного исследования преодолеваются представления, пронизанные традиционным дуализмом, согласно которым психические моменты в человеческой деятельности будто бы являются внешними силами, извне управляющими движением, а последнее — чисто физическим образованием, для физиологической характеристики которого безразличен тот психофизический контекст, в который оно включено.

Лишь в таком единстве обоих соотношений, в которые включается психика, перестраивается понимание каждого из них, до конца преодолевается психофизический дуализм, непреодолимый, пока каждое из них берется порознь, причем психика, соотносясь, неизбежно противопоставляется мозгу, субстрату или объекту. На самом деле мы в конечном счете имеем не два равноправных и внеположных соотношения. Одно из них в действительности **включено** в другое и в свою очередь определяет его.

В онтогенезе строение мозга обуславливает возможные для данного индивида формы поведения, его образа жизни; в свою очередь образ жизни обуславливает строение мозга и его функции. Ведущим, определяющим является при этом развитие образа жизни, в процессе перестройки и изменения которого происходит развитие организмов и их органов - в том числе мозга – заодно с их психофизическими функциями.

При переходе от биологических форм существования и жизнедеятельности животных к историческим формам общественно-исторической деятельности у человека изменяются материальные основы, определяющие психику, и она сама. С переходом от биологического развития к историческому у человека психика переходит на новую, высшую, ступень. Этой высшей, качественно специфической ступенью в развитии психики является сознание человека.

С развитием у человека трудовой деятельности, которая материализуется в определенных продуктах, сознание человека, формирующееся и развивающееся в процессе этой деятельности, опосредуется предметным бытием исторически создаваемой материальной и духовной культуры. Будучи «продуктом» мозга, со-

знание становится историческим продуктом. Генезис сознания неразрывно связан со становлением человеческой личности, с выделением ее из окружающего и противопоставлением ей окружающего как предметного мира объекта ее деятельности. Становление предметного сознания, в котором субъект противопоставляется объекту, является по существу не чем иным, как идеальным аспектом становления личности как реального субъекта общественной практики. Сознание предполагает возможность индивида выделить себя из природы и осознать свое отношение к природе, к другим людям и к самому себе. Оно зарождается в процессе материальной деятельности, изменяющей природу, и материального общения между людьми. Получая в *речи, языке* форму реального практического существования, сознание человека развивается как продукт общественной жизни индивида.

Появление психики и развитие ее новых форм всегда связано с появлением и развитием новых форм жизни, новых форм существования. Так, в частности, появление и развитие сознания — этой высшей специфически человеческой формы психики — связано с развитием общественной жизни.

Предмет и задачи психологии как науки. Уяснение природы психического определяет теоретические задачи психологии, специфику психологического познания. Анализ любого психического явления показывает, что осознание — а значит, всякое, даже наивное познание — психических явлений всегда предполагает раскрытие тех предметных связей, посредством которых психические переживания впервые выделяются из мистической туманности чистой непосредственности, лишенной всякой определенности и членораздельности, и определяются как объективные психологические факты. Поскольку предметные отношения могут быть неправильно или неполно, неадекватно раскрыты в непосредственных данных сознания, эти последние могут давать неадекватное познание психических явлений. Не все то, что человек переживает, он адекватно осознает, потому что не все отношения, выражающиеся в переживании и определяющие его, сами адекватно даны в сознании как отношения. Именно поэтому встает задача — отличного от простого переживания — познания психического посредством раскрытия тех объективных связей, которыми оно объективно определяется. Это и есть задача психологии. Психо-

логическое познание — это *опосредованное познание психического через раскрытие его существенных, объективных связей и опосредований*.

Психологическая наука, радикально отличная от основных тенденций традиционной психологии, изучавшей функции или структуру сознания только имманентно, в замкнутом внутреннем мире, должна исходить при изучении человеческого сознания из его отношения к предметному миру объективной действительности.

Заодно с преодолением дуалистического противопоставления психического как будто бы замкнутого внутреннего мира миру внешнему падает традиционное дуалистическое противопоставление самонаблюдения, интроспекции внешнему наблюдению, падает самое понятие самонаблюдения в его традиционной трактовке, которая, замыкая самонаблюдение в самодовлеющем внутреннем мире, механически противопоставляет его внешнему, объективному наблюдению.

Поскольку, с одной стороны, действие или поступок не могут быть определены вне своего отношения к внутреннему содержанию сознания, объективное психологическое наблюдение, исходящее из внешней стороны поведения, не может брать внешнюю сторону поведения в отрыве от внутренней его стороны. С другой стороны, осознание моих собственных переживаний совершается через раскрытие их отношений к внешнему миру, к тому, что в них переживается; познание психических фактов, исходящее из внутренней их стороны, из самонаблюдения, не может определить, что собственно оно дает, вне соотношения психического, внутреннего с внешним.

Пусть я исхожу из самонаблюдения: мне даны мои переживания так, как мои переживания никому другому не могут быть даны. Многие из того, что сторонний наблюдатель должен был бы установить косвенным путем посредством кропотливого исследования, мне как будто непосредственно открыто. Но все же: что собственно представляет собой мое переживание, каково объективное психологическое содержание того процесса, субъективным показателем которого оно служит? Чтобы установить это и проверить показания моего сознания, я вынужден, становясь *исследователем собственной психики*, прибегнуть принципиально к тем же средствам, которыми пользуется в объективном психологическом исследовании сторонний наблюдатель.

Сторонний наблюдатель вынужден прибегнуть к опосредованному познанию моей психики через изучение моей деятельности не потому только, что ему непосредственно не даны мои переживания, но и потому, что по существу нельзя объективно установить психологический факт или проверить объективность психологического познания иначе, как через деятельность, через практику.

Восприятие предполагает наличие реального объекта, непосредственно действующего на наши органы чувств. Оно всегда при этом есть восприятие какого-то материала (предмета, текста, нот, чертежа), которое совершается в определенных реальных условиях (при определенном освещении и пр.). Для того чтобы установить наличие этого объекта и, значит, наличие восприятия (а не галлюцинации), необходимо, очевидно, прибегнуть к ряду операций, совершаемых в определенных реальных условиях. Для того, например, чтобы утверждение о четкости восприятия не было фразой, лишенной всякого определенного значения, нужно прибегнуть к объективному мерилу, дающему возможность придать утверждению точное содержание, например: четкость и острота зрения при чтении такого-то текста в таких-то реальных условиях, на таком-то расстоянии, при таком-то освещении. Но для того чтобы это установить, необходимо, очевидно, испытать функцию в этих конкретных реальных условиях — действительно прочитать этот текст.

Воспроизведение предполагает соответствие воспроизведенного образа реальному объекту. Для того чтобы установить наличие этого соответствия и, значит, наличие подлинного воспроизведения (а не воображения) и характер соответствия (степень точности) и, значит, психологические особенности воспроизведения или памяти, необходимо, очевидно, объективировать воспроизведенный образ, выявить его вовне, хотя бы зафиксировать словесно и создать таким образом возможность проверки этого соответствия в определенных условиях, доступных реальному контролю.

Имеется ли налицо действительно мышление (а не случайная ассоциация представлений), определяется тем, осознаны ли объективные предметные отношения, которые дают решение задачи. Но дают ли осознанные в данном психологическом процессе отношения действительно решение задачи, — это доказывается и проверяется ее решением. Субъективное чувство понимания —

это симптом, который может быть обманчивым. Оно по существу заключает в себе гипотезу о возможных действиях субъекта. Эта гипотеза проверяется действием: понимание решения задачи определяется умением ее решить, а умение ее решить доказывается ее решением.

Через посредство деятельности субъекта его психика становится познаваема для других. Через посредство нашей деятельности объективно познаем нашу психику, проверяя показания нашего сознания, даже мы сами. Случается поэтому — каждый это когда-либо испытывал, — что собственный наш поступок внезапно открывает нам в нас чувство, о существовании которого мы не подозревали, и совсем по-новому нам же освещает наши собственные переживания. Мы сами через нашу деятельность, не непосредственно, а в испытаниях жизни, глубже всего познаем самих себя. По тем же самым данным нашей деятельности познают нашу психику и другие. Понятным, таким образом, становится, что другие люди, перед которыми разворачивается наша деятельность, иногда раньше замечают в нас вновь зародившееся чувство, во власти которого мы находимся, чем мы сами его осознаем, и порой даже правильнее судят о нашем характере и о наших реальных возможностях, чем мы сами в состоянии это сделать.

Показания нашего сознания о наших собственных переживаниях, данные самонаблюдения, как известно, не всегда достоверны; иногда мы не осознаем или неадекватно осознаем свои переживания. Для познания собственной психики мы всегда должны исходить — в принципе так же, как при познании чужой психики, но лишь в обратной перспективе — из *единства внутренних и внешних проявлений*. Интроспекция как такое погружение во внутреннюю сторону, которое бы вовсе изолировало и оторвало психическое от внешнего, объективного, материального, не может дать никакого психологического познания. Она уничтожает самое себя и свой объект. Психическое переживается субъектом как непосредственная данность, но познается лишь опосредованно — через отношение его к объективному миру. В этом ключ к разгадке таинственной природы психологического познания; отсюда открывается путь для преодоления феноменализма.

Единство между сознанием и деятельностью, которое таким образом устанавливается, создает основу объективного познания психики: падает утверждение субъективной идеалистической психологии о непознаваемости чужой психики и утверждение противников психологии о «субъективности» т. е. ненаучности, всякого психологического познания; *психика, сознание может стать предметом объективного познания.*

Это единство является основой подлинно научного объективного познания психики. Оно открывает возможность идти к познанию внутреннего содержания личности, ее переживаний, ее сознания, исходя из внешних данных ее поведения, из дел ее и поступков. Оно дает возможность как бы просвечивать через внешние проявления человека, через его действия и поступки его сознание, тем самым освещая психологические особенности его поведения. Единство сознания и поведения, однако, не тождество; речь идет не об автоматическом совпадении внешних и внутренних проявлений человека. Действия людей по отношению к окружающему не всегда непосредственно соответствуют тем чувствам, которые они к ним питают: в то время как человек действует, в нем обычно, перекрещиваются различные, порой противоречивые чувства. Внешне различные и даже противоположные поступки могут выражать применительно к различным условиям конкретной ситуации одни и те же черты характера и проистекать из одних и тех же тенденций или установок личности. Обратно: внешне однородные поступки могут совершаться по самым разнородным мотивам, выражая совершенно неоднородные черты характера и установки или тенденции личности. Один и тот же поступок один человек может совершать для того, чтобы помочь кому-нибудь, а другой — чтобы перед кем-нибудь выслужиться. Одна и та же черта характера, застенчивость например, может в одном случае проявиться в смущении, растерянности, в другом — в излишней шумливости и как будто развязности поведения, которой прикрывается то же смущение. Самое же это смущение и застенчивость нередко порождаются диспропорцией в одних случаях между притязаниями личности и ее способностями, в других — между ее способностями и достижениями и множеством других самых разнообразных и даже противоположных причин. Поэтому ничего не поймет в поведении человека тот, кто не сумеет за внешним поведением вскрыть свойства личности, ее

направленность и мотивы, из которых исходит ее поведение. Бывают случайные поступки, нехарактерные для человека, и не всякая ситуация способна адекватно выявить внутренний облик человека (поэтому перед художниками встает специальная композиционная задача — найти такую, для каждого действующего лица специфическую, ситуацию, которая в состоянии выявить именно данный характер). Непосредственные данные поведения могут быть так же обманчивы, как и непосредственные данные сознания, самосознания, самонаблюдения. Они требуют истолкования, которое исходит из внешних данных поведения как отправных точек, но не останавливается на них как на чем-то конечном и самодовлеющем. Отдельный, изолированно взятый, как бы выхваченный из контекста, акт поведения обычно допускает самое различное истолкование. Его внутреннее содержание и подлинный смысл обычно раскрываются лишь на основе более или менее обширного контекста жизни и деятельности человека — так же, как смысл фразы часто раскрывается лишь из контекста речи, а не определяется однозначно одним лишь словарным значением составляющих ее слов. Таким образом, между внутренними и внешними проявлениями человека, между его сознанием и поведением всегда существует связь, в силу которой внутренняя психологическая природа акта деятельности сказывается и на внешнем его протекании. Однако это отношение между ними не зеркально; их единство — не автоматическое совпадение; оно не всегда адекватно. Если бы это отношение между внутренней психологической природой акта и его внешним протеканием вовсе не существовало, объективное психологическое познание было бы невозможно; если бы оно всегда было адекватно, зеркально, так что каждый совершенный акт не требовал бы никакого истолкования для квалификации его внутренней природы, психологическое познание было бы излишне. Но это отношение существует, и оно не однозначно, не зеркально; поэтому психологическое познание и возможно, и необходимо.

В своем конкретном содержании психика человека, его сознание, образ его мыслей зависят от образа его жизни и деятельности, формируясь в процессе их *развития*. Основное значение для понимания психики животных приобретает изучение ее развития в процессе биологической эволюции, для понимания сознания человека — его развитие в историческом процессе: психология изучает

психику в закономерностях ее развития. Психология изучает при этом не одни лишь абстрактно взятые функции, а психические процессы и свойства конкретных индивидов в их реальных взаимоотношениях со средой; психология человека изучает *психику, сознание человека как конкретной личности*, включенной в определенную систему *общественных отношений*. Сознание человека формируется и развивается в процессе общественно организованной деятельности (труда, обучения); оно исторический продукт. Психология человека не перестает из-за этого быть естественной наукой, изучающей психологическую природу человека, но она вместе с тем и даже тем самым историческая наука, поскольку самая природа человека — продукт истории.

Психология человека обусловлена общественными отношениями, поскольку сущность человека определена совокупностью общественных отношений. Если в отличие от организма как только биологического индивида термином «личность» обозначить социального индивида, то можно будет сказать, что *психология человека изучает психику как качественно специфическое свойство личности* и изучает психику личности в единстве ее внутренних и внешних проявлений. Всякое изучение сознания вне личности может быть только идеалистическим, так же как всякое изучение личности помимо сознания может быть только механистическим. Изучая сознание в его развитии, психология изучает его в процессе становления сознательной личности.

Закономерности общественного бытия являются наиболее существенными ведущими закономерностями развития человека. Психология в своем познании психики человека должна поэтому исходить из них, но, однако, никак не сводить ни психологические закономерности к социальным, ни социальные к психологическим. Точно так же — как ни велико значение физиологического анализа «механизмов» психических процессов для познания их природы, — никак нельзя свести закономерности психических процессов к физиологическим закономерностям. Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений и выражается в качественно иной, отличной от физиологической, системе понятий; она имеет свои специфические закономерности. Основная, конечная теоретическая задача

психологии и заключается в раскрытии *специфических психологических закономерностей*.

Психологическое познание — это познание психического, опосредованного всеми существенными конкретными связями, в которые включена жизнь человека; оно является поэтому изучением не только механизмов психики, но и ее конкретного содержания. Это означает принципиальное преодоление чисто абстрактной психологии, приближение психологии к конкретным вопросам практической жизни.

**А, Н, ЛЕОНТЬЕВ. ПСИХИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ
ПРОЦЕССЫ,**

Все мы хорошо представляем себе, о чем идет речь, когда говорим о психических явлениях и процессах. Мы называем психическими такие явления, как ощущение, восприятие, процессы памяти, запоминания или припоминания, процессы мышления, воображения, эмоциональные переживания удовольствия и неудовольствия и другие чувства. Наконец, мы часто говорим об индивидуально-психологических особенностях личности человека (например, слабовольный человек, общительный или человек сильной воли), и мы учитываем эти особенности.

Конечно, научное знание не ограничивается и не может ограничиваться описанием тех или иных явлений. Например, мы наблюдаем такое великолепное явление как радуга. Можно радоваться, созерцая эту красоту, но от того, что мы наблюдаем множество раз одно и то же, наши научные знания не увеличиваются. Научное знание заключается в том, чтобы проникнуть в самую природу тех или иных явлений и процессов, в порождающие их причины, управляющие ими законы, то есть, как обычно говорят, в их сущность.

Не иначе обстоит дело и с психологией. Задачи ее заключаются именно в том, чтобы исследовать, познать природу, сущность тех явлений, которые описываются как явления психические или психологические. И вот здесь психология как наука встречается с очень серьезными затруднениями с точки зрения того, как подойти к решению задачи познания *сущности тех явлений и процессов, которые называются психическими*. Этот вопрос далеко не прост. Пожалуй, он сложнее, чем аналогичный вопрос, который, естественно, возникает и в других науках о живой природе, и знаменательно, что Альберт Эйнштейн, говоря о психологии, воскликнул: насколько же психология как наука сложнее, труднее, чем физика! Действительно, на протяжении веков сущность психических явлений, которые, казалось, были схвачены, очерчены в первом приближении,

предмет психологии как науки оказался какими-то малоуловимым. Как, например, синий цвет, который при близком рассмотрении теряет свою синеву и оказывается серым, неопределенным.

И все же мы имеем очень серьезный прогресс в понимании сущности психических явлений. Для того, чтобы проникнуть в эту сущность, понадобилось исходить из каких-то первоначальных общих научных представлений. Чтобы иметь конкретное исследование природы и законов психических явлений, нужно было отправляться от общих теоретических положений, представлений и, могу даже сказать, философского понимания того, что же такое эти явления по своей сути. Современная научная психология исходит из того, что психические явления, процессы представляют собой не что иное, как особое отражение того, что существует в мире, что существует в действительности независимо от самого факта отражения.

Обычно мы коротко выражаем это положение так: *психические явления есть отражение независимо существующего в действительности, в реальности.* Это общее теоретическое положение, которое бесспорно потому, что оно свидетельствует о всем опыте жизни отдельного человека и, особенно, об опыте всего человечества. Действительно, если бы то, что отражается в нашей голове в форме ощущений, восприятия, мышления не представляло бы собой именно отражения, своеобразной копии реального мира, как бы мы с вами могли жить в мире? Даже для того, чтобы осуществить самый простой жизненный процесс, жизненный акт, для того, чтобы повернуть бумажку, которая сейчас передо мною, нужно увидеть эту бумажку, нужно увидеть движение, которое я делаю сейчас перед вами, знать свойства, какие имеет эта бумажка, нужно измерить расстояние, свойство материала, величину и т.д., и т. п. Но если говорить серьезно, посмотрите, как человечество в ходе своей истории научилось управлять внешним миром, переделывать природу, создавать новые объекты, новые вещи и приспособливаться к внешнему миру, и не только приспособливаться, но и приспособливать его, а для этого нужно иметь *образ этого мира.*

Конечно, этот образ мира в какой-то форме возникал — может быть, в самой простой форме слухового или другого образа, или в какой-нибудь другой форме. Конечно, это отражение может быть лишь приблизительным, вернее, более или

менее правильным, иногда ложным, иллюзорным, как бы не существующим вовсе. Но разве в этом главное? Главное заключается в том, что наши субъективные образы мира становятся более или менее правильными под влиянием опыта жизни, практической деятельности как в ходе истории, так и в ходе развития отдельного человека.

Речь идет не о каждом отдельном явлении, которое может быть иллюзорным. Речь идет о развитии, о движении, которое направлено в сторону все более верного, адекватного, то есть соответствующего, отражения. Отражение — важнейшая философская категория, важнейшая категория человекознания. Но вместе с тем это понятие, эта категория стала действительно исходной и в современной психологии, исходной еще и потому, что когда мы говорим об отражении, то мы имеем в виду не только познавательные процессы, восприятие или мышление. Эта категория должна быть распространена на весь круг психических явлений.

Я сошлюсь на такое простое явление, как, например, ощущение движения. Это не отражение внешне происходящего перед нашими глазами процесса. Тем не менее, это отражение моего состояния — процесса, который связан с моим собственным действием. Но разве и эмоциональные процессы не несут в себе отражения чего-то, что существует независимо от наличия эмоциональных переживаний? Конечно, да. Допустим, что то или иное воздействие на человека положения вещей, ситуации, как мы говорим, может быть благоприятно для развития жизни, для достижения какого-то положительного результата, а может и противоречить субъекту. И тогда мы получаем безошибочные сигналы, которые мы называем эмоциями, то есть ощущения, переживания этого неприятного явления.

Даже *сами внутренние психические процессы могут быть предметом отражения*, потому что они представляют собой некоторую реальность. Например, отражаться может мысль того или другого человека, а также при некоторых условиях и наша собственная мысль. Мы можем иметь мысль о мысли. Это отражение процессов, но процессов, протекающих главным образом во внутренней форме.

А разве мы не составляем себе известный образ, представление о личности

человека, другого человека? А вместе с этим, вернее, вслед за этим (если иметь в виду развитие) и представление о своей собственной жизни, об известном этапе развития человека, о развитии человеческой личности? Человеческий индивидуум постепенно формирует представление о самом себе среди других людей. Начинается дело с простых вещей, с отображения телесного Я; когда мы совершаем какое-то простое действие, мы руководствуемся не только отражением предметной среды и вещей, но и представлением о своем собственном теле. Сопоставляем поверхность своего тела и поверхность предмета, а коль скоро это представление поверхности предмета у меня существует, то складывается и образ телесного Я. Можно было бы продолжать бесконечно перечисления этих примеров, но это и так ясно.

Психологи имеют дело с явлениями и процессами, которые относятся к категориям явлений и процессов отражения. Но само словосочетание «явление отражения» имеет очень широкое значение, это понятие охватывает массу процессов, которые мы наблюдаем и в неживой, неорганической, и в органической природе. А когда мы, психологи, говорим об этом, мы уточняем это понятие. Можно говорить об отражении в неживой природе, например об отражении лучей света в зеркале, и мы так и говорим: «зеркальное отражение».

Мы употребляем эти слова и для обозначения многих процессов в живой природе, причем, иногда для характеристики процесса, который относится к живой природе, но не относится к процессам отражения в вышеупомянутом значении этого слова. Например, мы можем сказать, что усиленная теплоизоляция тела «отражает» понижение температуры внешней среды. Так можно сказать: «отражает». Но это не то отражение, о котором идет речь, когда мы употребляем это понятие как категорию психологии познания. В этом последнем случае мы говорим о другой форме отражения, о «психическом отражении».

Чем отличается данная форма отражения от других форм процессов и явлений, которые в широком смысле называются процессами отражения? В чем заключаются особенности именно психического отражения? Прежде всего, это явления и процессы, которые представляют собой *субъективный образ действительности*. Это значит, что они принадлежат живому субъекту. Значит, психическое отражение, о котором идет речь, свойственно только живым

существам — животным и человеку. Оно возникает, формируется лишь в ходе развития жизни, в ходе эволюции живых существ, живых организмов, и оно является продуктом процесса развития жизни.

Следовательно, это явление отражения, с которым мы имеем дело, психическое явление, — это *процесс жизненный*. Я бы хотел обратить особое внимание на это положение. Явления и процессы, которые изучаются психологами, принадлежат к числу явлений и процессов жизненных, порождаемых жизнью, существующих только в жизни, принадлежащих живым существам, которые суть *субъекты отражения*. Оказывается, что психология принадлежит к тому обширнейшему кругу наук, которые занимаются жизненными процессами, которые изучают жизнь, ее формы на разных ступенях ее развития, в разных ее характеристиках, но все это — жизнь. Это всегда активная сторона процесса. Поэтому и психические явления и процессы, то, что мы называем психикой, психическими отражениями, — тоже *активны*.

Психические отражения активны в двояком отношении: и по своему происхождению, и по функции. По своему происхождению потому, что никакое психическое отражение, никакие психические явления и процессы не могут возникнуть и развиваться иначе, как в жизненных, всегда активных процессах, в процессах жизни субъекта. Эти психические явления существуют только в процессах жизни. Когда на живое существо, живой организм воздействует какой-то внешний раздражитель, то необходима активность организма для того, чтобы эти воздействия породили свое отражение, а попросту: для того, чтобы увидеть, надо смотреть, а чтобы услышать, нужно слушать. Иногда эта активность имеет скрытую, внешне плохо наблюдаемую форму. Например, чтобы получить образ предмета, чтобы увидеть эту аудиторию, достаточно ли, как говорит старинный автор, «открыть глаза»? Нет — надо еще и посмотреть. Надо проделать внутреннюю работу. Должны быть активные жизненные процессы и для того, чтобы возник образ данной аудитории, образ любого другого объекта вообще.

Иногда эти процессы активности, напротив, очень открыты. Если, например, я в темноте должен найти и взять со стола вот этот предмет и отличить его от других предметов, что я должен сделать? Я должен провести рукой по контуру этого предмета, обнаружить его, как бы «снять слепок» с этого предмета. Когда я

делаю это движение рукой, я снимаю слепок, чтобы понять, о чем идет речь. Иногда нужно припомнить, найти у себя в памяти что-то, и здесь тоже нужна какая-то особая форма активности, нужны какие-то жизненные процессы, чтобы данное отражение произошло скрыто или открыто. Но эта активность не может порождаться самими явлениями психического отражения. Это первое.

Второе. Психическое отражение активно также в том отношении, что оно не только порождается жизнью, но и выполняет свою особую роль в тех самых порождающих его жизненных процессах. Оно выполняет особую функцию. Психическое отражение — это вовсе не побочный продукт или просто тень, отбрасываемая идущим человеком, которая никак не влияет на его шаги. Дело обстоит совсем иначе. Психическое отражение играет свою роль, выполняет свою функцию в жизненных процессах. Для характеристики этой функции я должен ввести один термин. Я его приведу, а потом мы с вами увидим, какие богатства кроются за этим термином, какое это богатое понятие. Нужно сказать так: ***психическое отражение «опосредствует» жизненные процессы.***

Опосредствованность — это значит, оно «служит средством», то есть процесс происходит через ощущения, «средством» восприятия. Приспособление к внешнему предмету оказывается опосредствованным. И это происходит на всех уровнях развития сложных форм жизни: у животных и у человека. Присмотритесь к полету ласточки вечером, когда поднимается рой насекомых, или утром; очень хорошо видно, как ласточка в своем полете строго управляется, как точно оценивает скорость движения летящего насекомого и расстояние, как безошибочны, как необыкновенно точны ее действия! Я спрашиваю: чем управляются эти сложнейшие движения? Каким механизмом своего полета пользуется это прекрасно работающее автоматическое устройство птицы? Этот автомат лишь осуществляет полет, а что управляет им? Сложные восприятия, с оценкой расстояний и даже величины пути движения насекомого. Поднимемся дальше. Прицелен, точен, соразмерен прыжок, скажем, хищного животного, точен расчет всех его бросков. Как может быть это управляемо? Нужно иметь перед глазами жертву и нужно прогнозировать, предсказывать, уметь предсказывать движения этой жертвы. Зачеркните мысленно вот эти образы, которые управляют поведением хищного животного или ласточки в полете, и вы получите полную

невозможность приспособления этих животных к условиям, в которых им приходится существовать, жить, утверждать свою жизнь и вместе с этим, через это, также утверждать жизнь, существование вида.

Таким образом, эти процессы, эти явления отражения, эти субъективные образы опосредствуют деятельность живых существ, управляют ею, давая ориентировку субъекту — животному или человеку — в условиях, в которых они существуют в окружающем их предметном мире. Поэтому мы и говорим: **активная функция, активная роль психики**. Так же управляют жизненным уровнем человека в мире, в котором он живет, и эмоции.

Итак, основная мысль состоит в том, что психическое отражение характеризуется не только тем, что оно всегда принадлежит некоему субъекту, живому существу, но также и тем, что это есть всегда активный процесс, активный и в том отношении, что он порождается жизнью, и в том, что эти явления участвуют в осуществлении жизни, регулируют ее, ориентируя субъекта — животного или человека — в том мире, в котором он живет, в той действительности, в которой он существует.

Наконец, третье положение, на которое хотелось бы обратить внимание и которое также имеет отношение к нашему общему представлению о том, как следует подходить к конкретному исследованию психических явлений и процессов. Это положение состоит в том, что в ходе эволюции развиваются и усложняются органы психического отражения, меняются его формы, то есть меняются формы психики. Отражение меняется не только в смысле увеличения количества чувств, обогащающих сферу ощущения, восприятия, но и в смысле качества его формы. Если, скажем, говорить о низкой ступени эволюции, то мы можем объективно констатировать наличие зачаточных ощущений в восприятии окружающей среды. С переходом к человеческому обществу происходит огромный скачок в развитии, появление очень больших качественных изменений. Рождается новая форма психического отражения, и мы называем эту форму **сознанием**.

Здесь следует сделать одно уточнение. Дело в том, что когда мы говорим «психика», то имеем в виду лишь психическое отражение на разных ступенях развития. Говорим о психике животного, человека, младенца всякий раз, когда

имеем дело с собственной ориентировочной деятельностью живого существа и т.д. Но когда мы говорим «сознание» применительно к человеку, мы имеем в виду не всякое человеческое психическое отражение, а только такое, которое присуще исключительно человеку и которое является продуктом развития не жизни природного существа в природной среде, а продуктом развития, порождения человеческой жизни в человеческом обществе. И если мы говорим, что специальная человеческая психика должна быть выделена, обозначена новым понятием, новым термином, и говорим «сознание», то это вовсе не означает, что эта высшая форма психики является единой формой психического отражения человека. Научное исследование приводит к необходимости констатировать, что, наряду с этой высшей формой, существуют и другие, более элементарные формы психического отражения у человека и они уже не те, с какими мы встречаемся даже у наиболее высоко развитых животных. Эти элементарные формы отражения продолжают существовать в измененном, трансформированном виде, несмотря на появление новых, специфических форм отражения.

Когда я спрашиваю себя, сознаю ли я окружающий мир, в действие вступает особая форма психического отражения. Я могу дать отчет о том, что я вижу, что я слышу, что я переживаю или переживаю ли вообще что-нибудь. Мы знаем это по собственному опыту. Например, когда я прохожу по улице и навстречу мне движутся люди, я иду мимо витрин магазинов, на этих витринах выставлены те или другие товары, передо мной возникает на пути светофор, а я в это время занят оживленной беседой с моим спутником, предметом моего сознания является то, о чем идет речь в оживленной беседе, я отдаю в этом себе отчет, я это контролирую. И это сознательный процесс. Я действую, имея в виду этот предмет, о котором идет речь. Но вместе с тем, я никогда не отступлю и за кромку тротуара. Я придерживаюсь сигналов, я не столкнусь со встречными людьми, я обхожу их. Если что-то появляется неожиданное в витрине, я это вижу. У меня может прерываться процесс. Я могу отвлечься от самой интересной беседы, пусть на несколько секунд. Как говорится, мое внимание будет отвлечено этой неожиданной встречей. В каком соотношении находятся те процессы, которые протекают как бы незаметно для меня, о которых я не думаю, и те, в которых я отдаю себе отчет и которые я знаю? Сейчас я вижу, сейчас я думаю, сейчас я

решаю задачу. Что я должен сказать? Они соотносятся как низшая и высшая формы психического отражения, причем высшая принадлежит только человеку.

Я начал с того, что мы знаем о психических явлениях по собственному опыту. Но только то, что нам дает этот опыт, честно говоря, обманчиво, и объективное знание этих явлений открывает нам гораздо больше, чем то малое, что мы охватываем в нашей повседневной жизни, наблюдая за самим собой и, с другой стороны, за выражением этих же процессов у других людей, потому что мы знаем об этом мире восприятия, мышления, чувств по самим себе и наблюдая людей, с которыми сталкиваемся. Этот круг наблюдений необходим. Но это то, что подлежит раскрытию. То, что раскрывается, — это неизмеримо больший круг явлений и среди них — огромное число таких явлений и таких процессов, о существовании которых нам не дает никакого представления наш повседневный, внутренний опыт.

Переведу то, что я сказал, на наш обычный язык, которым мы пользуемся в научной среде. Я говорил о том, что мы имеем опыт наблюдения явлений, и я ввел ограничение, я сказал: «внутренний опыт». Значит, не опыт вообще, а опыт воспоминания, внутренний опыт, процесс, проверяющий «внутри нас». Эта форма познания, этот метод и этот путь в психологии стал обозначаться как субъективный, как *опыт самонаблюдения*. Есть еще одно слово, которое значит то же самое: это опыт *интроспективный*. Точный перевод этого латинского слова: «смотрение внутрь». Отсюда и название метода.

Сейчас может возникнуть вопрос: что мы наблюдаем у себя и у других людей? По своему собственному субъективному опыту я, например, знаю, что такое чувство недовольства и какими внешними выражениями оно сопровождается. Затем я вижу некую позу, поведение, какие-то внешние реакции другого человека, и догадываюсь по аналогии со своим опытом самонаблюдения, что у этого человека также имеются отрицательные эмоциональные переживания. Поэтому такие суждения и такие внешние наблюдения имеют своим источником внутренний опыт. Психология и отличается тем, что другие науки пользуются объективными методами, а психология пользуется самонаблюдением.

Но этот прекрасный метод ставит перед нами загадки, которые мы должны разгадать. Он оставляет за человеком свободу представлять себе природные

процессы как угодно. Но для психологической науки важно иметь не какие-то неопределенные представления, а — точные, научные, объективные. Значит, самонаблюдение — это великое дело, оно дает ровно столько, сколько необходимо для решения той или иной жизненной задачи — и ничего больше. Так или иначе, психология исходит из того, что психические явления есть явления *субъективного отражения реальности*, существующей независимо от них. Она исходит из того, что эти психические явления, процессы порождаются ходом *развития самой жизни*, жизни организмов, что они играют в ней активную роль. И, наконец, последнее положение: психические явления развиваются в ходе *эволюции*, в ходе человеческой *истории*, качественно изменяются.

Так можно было бы подытожить сказанное выше относительно *общенаучных, философских* представлений о психике, имеющих отношение и к психологии. Мы можем сделать еще один шаг, очерчивая сходные положения в психологической науке, и этот шаг, необходимость его, возникает из того, что я уже сказал и сейчас кратко подытожил: я говорил о том, что психические явления — это явления жизненные, продукты развития жизни. Следовательно, они существуют только у живых организмов, у живых существ. Действительно, когда мы говорим о психических явлениях, то всегда имеем в виду, что эти психические явления присущи только тому или иному субъекту, тому или иному живому организму. А это значит, что для того, чтобы возникло то или другое психическое явление, необходимо наличие живого, телесного субъекта, обладающего необходимыми органами: ощущения, движения, действия и, конечно (и это прежде всего), специальными органами, или системой органов, которые обеспечивают связь, взаимосвязь жизненных воздействий и реакций на эти воздействия. То есть обеспечивают и активную роль психических явлений, и их порождение.

Надо, следовательно, признать необходимость существования телесных субъектов, имеющих определенные органы, имеющих обязательно центральную нервную систему, на известных ступенях развития жизни — мозг. Без телесного субъекта со свойственной ему морфофизиологической организацией, без наличия работающих органов и, как я уже сказал, центральной нервной системы — мозга, в широком значении этого термина, — никакого психического отражения,

существования психики невозможно! Поэтому любые психические явления и психические процессы можно считать необходимым результатом работы, функционирования этой системы органов, формирующихся в ходе развития жизни субъекта. Если говорить коротко, то психика является результатом, функцией мозга. Я еще раз подчеркиваю, что, когда я говорю «мозг», я имею в виду и другие системы человека, или, если не все системы, то ряд систем. Поэтому, если говорить об отражении мира как продукте жизненного анализа, то нужно сказать, что *психика является функцией мозга*. В зависимости от структуры мозга и его функций действуют и психические процессы. Но в этом также принимают участие и другие органы. При нарушении мозговой деятельности расстраивается и нормальное течение психических процессов, иногда даже самых простых, иногда сложных и очень сложных. Это зависит от характера поражений и изменений функций работающего мозга. Но если нарушаются мозговые процессы, это вызывает изменения в отражении реальности и накладывает на него ограничения. Здесь речь идет не о любом нарушении, а о некоторых нарушениях. Но эти связи налицо и они легко доказуемы.

Итак, психика есть функция мозга, телесных органов животных и человека. Это ставит перед нами, надо сказать, очень сложную проблему, над решением которой человечество билось на протяжении многих веков и вокруг которой высказываются различные взгляды, ведутся оживленные дискуссии. Проблема эта рождается из того обстоятельства, о котором мы только что говорили. Психические явления и процессы не могут быть ничем иным, как функцией телесного субъекта, его морфофизиологической организации. Но что такое эта морфофизиологическая организация? Ведь исследование процессов, происходящих в органах человеческого тела и в его мозге, составляет предмет особой науки — физиологии. Если речь идет о структуре, то это также предмет изучения морфологии микроскопической и макроскопической; в частности, физиология и морфофизиология изучают те механизмы, которые реализуют, осуществляют психические процессы, процессы поведения, процессы отражения мира и явления управления образами, действиями, поведением животного и человека. Какой богатый и многообразный материал! Следовательно, существует такой раздел физиологии, который занимается этими специальными процессами.

Не перистальтикой кишечника или основным обменом, а множеством других явлений в организме, которые мы наблюдаем. Не всеми системами органов, которые представлены в организме, а главным образом теми физиологическими процессами, которые реализуют, выполняют, порождают явления, составляющие предмет изучения психологии.

Это сложная методологическая проблема, и чтобы рассмотреть ее более подробно, нужно сделать некоторые шаги в ее исследовании. А пока ограничимся простой иллюстрацией, касающейся этой *психофизиологической проблемы*. Представим себе, что у архитектора возник замысел: он создает архитектурное произведение. Что значит «создать это произведение»? Это значит построить здание. По каким законам будет реализоваться этот замысел? Все одинаково ответят на этот вопрос: здание нужно строить, подчиняясь законам механики. Только эти законы могут объяснить, как построить это здание и какие возможности открываются для дальнейшего творчества в области создания архитектурных сооружений подобного рода. Но вы не можете законами механики описать это архитектурное сооружение. Для характеристики этого сооружения вы обратитесь к такому понятию, как архитектурный стиль, к эстетическим категориям, иногда к категориям экономическим.

И теперь некоторое обобщение, ибо иллюстрации недостаточно. Наивные представления о предмете человеческого познания, предмете какой-либо науки заключаются в том, что каждая наука изучает определенный круг вещей и их свойства. Но на самом деле это не так. Предмет науки — это вещь, взятая в известной *системе отношений*, в известном взаимодействии. Еще лучше сказать — в каком-то движении. И каждая наука изучает то, как вещь проявляется в этих особых отношениях и связях, этих взаимодействиях, в этом движении, движении материи. Значит, не с вещами имеет дело наука, а с вещами, взятыми в тех или иных отношениях, в той или другой логике: в логике истории, развития культуры они получают одну характеристику, а в логике, например, технологического анализа — иную характеристику. Значит, вещь может быть исчерпана только многими науками. Да, психология и физиология имеют дело с одними функциями, но только в разных взаимосвязях. Для физиологии и психологии эти отношения различны.

Конечно, общие процессы, например процесс мышления, могут быть сведены к какому-то физиологическим, молекулярным и межмолекулярным процессам, но здесь придется повторить старинную мысль: мышление подчиняется законам логики. Подчиняется? Да, по-видимому. А эти законы подчинены мозгу? Нет, законы логики порождены не мозгом, они порождены опытом человеческих действий, опытом человеческого познания, накопленным опытом повседневной практики человечества. Они порождены миром, то есть всеми теми отношениями, в которые вступает человек. Мозг лишь реализует эти законы логики по своим собственным физиологическим законам.

Поставленная проблема затрагивает коренные вопросы психологии. О ее немедленном решении сейчас не может быть и речи, потому что это решение можно сделать лишь на основании серьезных научных рассмотрений той реальности, которая является предметом психологической науки.

**Б.Г. АНАНЬЕВ. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.**

Известно, что сознание — субъективное отражение объективной действительности — является продуктом рефлекторной деятельности мозга человека. Закономерности и механизм этой деятельности, составляющие материальный субстрат сознания, сами обусловлены объективной действительностью, т. е. природой и обществом, воздействие которых составляет неперенные условия существования человека как организма и личности.

В этом смысле нет оснований считать психические явления, феномены сознания следствием физиологических причин, так как рефлекторная, т. е; отражательная, деятельность мозга в целом составляет следствие воздействия материального мира на человеческий организм. Поэтому исследование *причинной обусловленности сознания* по необходимости должно захватывать сложнейшие цепи причинно-следственных зависимостей человека и его мозга от внешнего мира. Но воздействие природы и общества на человека осуществляется лишь через *внутреннее*, путем действия внутренних закономерностей рефлекторной деятельности мозга, его *системной организации*.

В отечественной научной литературе наиболее полно такая позиция представлена в известном труде С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание». Ему принадлежат весьма глубокие идеи относительно развития объективного детерминизма в рефлекторной теории Сеченова — Павлова и определения философского смысла павловского принципа детерминизма.

Проблема детерминации психического и сознания стояла в центре обсуждения современного состояния физиологии высшей нервной деятельности и психологии на недавнем Всесоюзном совещании по философским проблемам физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Все это свидетельствует о значительном теоретическом прогрессе в познании причинных зависимостей мозга, его высшей нервной деятельности и сознания от материального мира. Однако нельзя и преувеличивать значения этих успехов. Как в упомянутом труде Рубинштейна, так и в последующем развитии теоретического исследования детерминации сознания проблема решается глобально, в самом общем виде, вследствие чего неизбежно возникают чисто натуралистические представления о причинной зависимости рефлекторной работы человеческого мозга от физико-химической природы воздействий внешней среды на человека. Однако, материальную детерминацию человеческого сознания невозможно отграничить такими природными зависимостями и связями. Человек и природа — фундаментальная проблема, охватывающая и самого человека как явление природы, и природу в целом, особенно биогеносферу и космические влияния на ее развитие. С успехом современного естествознания все более сложной и многочисленной оказывается цепь причинных зависимостей человека (как сложнейшего организма, т. е. природного явления) от природы, ее гравитационных сил и различных видов энергии, биогеохимических структур и внутренних закономерностей развития биоценоза.

Познание объективных законов природы открывает нам, следовательно, те причинно-следственные связи, которые определяют развитие человека как явления природы. Эти связи, вероятно, бесконечны, так как не ограничиваются органической и неорганической материей нашей Земли, но уходят далеко в глубины Вселенной. Однако основной комплекс этих зависимостей связан, конечно, с конкретными физико-географическими характеристиками условий

жизни человека и особенно с растительным и животным миром окружающей его среды. В этом смысле природа есть среда обитания, и такой *экологический подход* допустим и в отношении человека, хотя рассматриваемая в этом аспекте взаимосвязь человека и природы значительно сужается. Во всяком случае, материальную детерминацию сознания человека объяснить подобным экологическим представлением о системе «человек — природная среда обитания» невозможно.

Известно, что экологические факторы успешно используются для подобных целей в сравнительной физиологии животных и эволюционной психологии. Принцип значимости сигналов и их биологической роли в регуляции поведения животных оказался одним из самых эффективных путей в познании законов их психического развития. Но в психологии человека принцип значимости и сигнальности в значительной мере утратил свой экологический смысл и приобрел иной характер, связанный с качественно своеобразными условиями жизни человека как *общественного индивида*.

Жизнь человека в обществе опосредует все его отношения к природе — органической и неорганической. Сельское хозяйство, промышленность, техника и все средства цивилизации составляют такую «искусственную среду», созданную общественным трудом, которая отделила человека от среды природной, вернее преобразовала ее значительную часть в производительные силы общества и жизненные условия общественного развития индивидуальности. С каждым новым поколением усиливается мощь воздействия материальных и культурных сил, «искусственной среды» на изменение природной среды, а через эти изменения — вновь на человеческое развитие.

Общественно-историческая обусловленность взаимосвязей между человеком и природой составляет важнейшее звено в цепи материальной детерминации сознания. Само собой разумеется, в этой цепи особое место занимает созданная обществом искусственная среда как совокупность материальных и культурных условий жизни человека. Социальная детерминация сознания осуществляется путем взаимодействия человека с этими, жизненно необходимыми условиями, и в этом смысле человек с его сознанием есть *продукт конкретно-исторической социальной среды*. Однако человек является

не только объектом для ее воздействия, не только сложным организмом, поставленным в социальную среду и реагирующим на ее воздействия. Эта среда сама создается и изменяется людьми в процессе развития материального производства, культуры и цивилизации в широком смысле этого слова. Поэтому социальная среда неразрывно связана с общественной сущностью самого человека, с внутренними закономерностями развития человека как общественного существа. Проблема социальной детерминации в отличие от более общей проблемы причинной обусловленности сознания материей включает в себя характеристику человека как *субъекта деятельности*, в процессе осуществления которой изменяется и социальная среда.

Деятельность человека как фактор человеческого развития составляет необходимое звено в сложной цепи причинно-следственных зависимостей сознания от общественного бытия. Вне действия этого фактора не могут быть в должной мере поняты сложные эффекты воздействия социальной среды на человека и его сознание. Следует, как нам представляется, охарактеризовать один из важнейших аспектов социальной детерминации человека, связанной с воздействием на него общественной среды. Но этот аспект, конечно, не исчерпывает всего многообразия социальной детерминации индивидуального развития человека.

Известный шаг вперед в постановке этого вопроса представляет собой рассмотрение причинно-следственных зависимостей индивидуального сознания, идеологии и культуры в широком смысле слова. Начиная с культурно - исторической концепции Л. С. Выготского, делались неоднократные пробы такого рассмотрения, достигшие известного успеха в новейших исследованиях А. Н. Леонтьева и его сотрудников.

Согласно А. Н. Леонтьеву, социально все психическое развитие человека *детерминировано процессом усвоения индивидом общественного опыта*, накопленных человечеством знаний и способов деятельности. На место приспособления в эволюции животных ставится «усвоение» как специфически человеческая категория превращения общественного в индивидуальное, т. е. как основная форма социальной причинности.

В связи с этим важна идея об *интериоризации действий и возникновении внутреннего из внешнего*. Эта идея связана с многими подходами к изучению психического развития, в том числе, с рефлексорной гипотезой И. М. Сеченова, в которой психогенетические концепции находят известные подтверждения. Нельзя, однако, не учитывать и того, что категория интериоризации применяется совершенно безотносительно к рефлексорной гипотезе, а подчас и против нее для объяснения того, что Ж. Пиаже называет процессом «социализации» индивида, Здесь нет возможности подвергнуть критике допустимое в западноевропейской, особенно французской, психологии отождествление явлений «социализации» и «интериоризации». Но нельзя не отметить, что, несмотря на внешнее терминологическое сходство, в описании явлений социального развития человеческой психики существует глубокое внутреннее расхождение между концепциями социальной причинности индивидуального сознания в отечественной и зарубежной психологии. Несомненно, что А. Н. Леонтьеву и его сотрудникам удалось схватить в связях процессов усвоения — интериоризации важное звено социальной детерминации человека. *Усвоение — деятельность субъекта* в исторически сложившемся мире материальных и культурных ценностей, накопленных человечеством в процессе его общественного развития.

Это понимание исторического развития психики человека тесно связано с более общей концепцией психического развития, согласно которой психика формируется в деятельности и в значительной степени является ее продуктом. Поэтому в данном аспекте проблемы социальной детерминации деятельность человека рассматривается как необходимое звено в цепи каузальных связей и зависимостей индивида от общественного развития. Подход к развитию индивидуального как к усвоению общественных ценностей, норм и способов деятельности позволяет понять особую роль *воспитания* как ведущего (направленного) способа общественного формирования индивида.

Воспитание как целенаправленное социальное воздействие на индивида и общественное формирование личности, как известно, является одним из важнейших факторов социальной детерминации индивидуального сознания.

В этом смысле правомерно сказать, что человек — продукт воспитания не в меньшей, а, возможно, в большей степени, чем продукт социальной среды в узком смысле слова, то есть, как непосредственных условий жизни человека в ближайшем социальном окружении. Но и об этом отношении воспитания и его эффектов — воспитанности и развитости индивидуума — следует сказать, что они невозможны без возрастающего вовлечения самого индивида в процесс воспитания.

Одно из самых аргументированных положений педагогической концепции А. С. Макаренко заключается в том, что ребенок и подросток рассматриваются не только в качестве объекта, но и *субъекта воспитания*. Без преувеличения можно сказать, что им была открыта важнейшая педагогическая закономерность — переход воспитания в самовоспитание. Такой переход осуществляется в процессе развития педагогических требований, формирования коллектива и становления коллективной деятельности, объединенной перспективными линиями и повседневным решением практических задач. Поскольку взаимоотношения между личностью и обществом в процессе воспитания осуществляются посредством коллектива и в коллективе, постольку и деятельность индивида носит коллективный характер. Однако от этого она не перестает быть его деятельностью, его активным практическим отношением к обществу и природе, окружающему миру. В процессе превращения педагогических требований, разделяемых членами коллектива, во внутреннее требование отдельной личности к самой себе строится система регуляции ее поведения.

Именно в свете этих идей более глубоко уясняется механизм детерминации посредством возрастающего участия самой деятельности человека в организации и руководстве его развитием.

С какой бы стороны мы ни рассматривали социальную детерминацию *индивидуально-психического развития человека*, очевидно, что одним из главнейших ее эффектов является то, что человек как объект общественных воздействий в той или иной форме становится *субъектом этих воздействий в результате собственной деятельности*.

В интересующем нас плане социальной детерминации индивидуально-психического развития понятия субъекта и деятельности оказываются неотделимыми. Превращение человека из объекта в субъект осуществляется лишь посредством Деятельности, в которой реализуются те или иные социальные функции человека. Речь идет об определенных видах деятельности, которые являются индивидуальными, но вместе с тем общественными, поскольку они всегда есть деятельность совокупных индивидов, групп и коллективов, составляющих определенную часть общества.

Что касается более общего подхода к изучению психики и сознания в нашей науке, то такой подход сформулирован в известном принципе: *сознание не только проявляется, но и формируется в деятельности*. Этот принцип имеет методологическое значение как в том смысле, что определяет объективную познаваемость субъективного, так и в том, что указывает на возможность генетического исследования различных форм отражения в связи с реальным процессом жизни и деятельности.

Принцип единства сознания и деятельности уже давно стал рабочим принципом психологической науки, причем всех ее областей и проблем. Уже в конце 30-х — начале 40-х годов было положено основание этому новому пути психологического познания. В ряде работ С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова, А. А. Смирнова и других были сформулированы важные аспекты нового подхода к изучению сознания. За последние 20 лет такое понимание стало всеобщим для ученых и нашей страны, и многих других стран. К зарубежным ученым следует отнести таких выдающихся психологов, как А. Валлон, П. Жанэ, Ф. Бартлетт, М. Лопец и других, отвергающих чисто бихевиористский подход к деятельности, но вместе с тем считающих бесплодным и субъективистское толкование сознания. В таких условиях ход исследований и общей интерпретации психологических фактов неизбежно привел к выводу, что изучение деятельности, ее структуры, целей, психической регуляции ее динамики, продуктивности и самих продуктов деятельности открывает исключительные возможности для психологического познания.

Возможно, возрастающий на Западе интерес к нашей психологической науке в известной мере подкрепляется теми внутренними сдвигами в

западноевропейской и американской науке, которые связаны с объективным ходом современных экспериментально - психологических исследований.

Уже в 1940 г. С. Л. Рубинштейн сделал попытку более конкретного рассмотрения *психологической структуры деятельности* и отдельного действия, а вместе с тем основных *видов деятельности*, являющихся, по его мнению, и основными этапами формирования и развития сознания. Предложенная им классификация основных видов деятельности носит поэтому ярко выраженный генетический характер. В процессе онтогенетического развития человека происходит смена одного вида деятельности другим, хотя возможны и такие состояния, даже отдельные переходные периоды, в которых противоречиво совмещаются вновь возникающие и «отмирающие» виды деятельности человека. Речь идет об известной триаде: игра, учение и труд.

Вслед за С. Л. Рубинштейном эти виды деятельности стали рассматриваться как *фундаментальные формы развития* психики, сознания и личности человека от рождения до зрелости. Ранний онтогенез и эволюция психики маленького ребенка целиком связаны с развитием игры под руководством взрослых, в процессе контакта с которыми закладываются определенные элементы психической готовности ребенка к учению. В первые годы начального обучения учение уже становится ведущей формой деятельности, но все же совмещается с некоторыми элементами игры, хотя и преобразованной учением. В процессе учения как основной деятельности детей и подростков в условиях обучения постепенно формируется готовность к труду, который становится основной формой деятельности взрослого человека. Такова вкратце концепция основных видов деятельности в процессе онтогенетического развития человека.

Естественно, такая концепция объясняет причинную зависимость человеческого развития от законов исторического развития общества. Необходимо, отметить, что игра и учение рассматриваются в качестве подготовительных к труду форм деятельности, в которых развивается индивидуальное сознание.

Однако эти формы деятельности охватывают по времени основные периоды роста, созревания и формирования личности. Что касается труда, то рассматриваемая концепция фактически исключила его из факторов становления

индивидуального сознания и формирования личности, поскольку весь этот длительный процесс выполняет функцию лишь подготовки к труду как основной, да, пожалуй, с этой точки зрения и единственной формы деятельности взрослого человека. С. Л. Рубинштейн и другие исследователи полагали, конечно, что исторически развитие человека начинается с труда, который сделал человека человеком. Они правильно подчеркивали, что исторически и учение, и игра сформировались как продукты развития общественно-трудовой практики людей. Именно путем сопоставления двух планов развития — общественно-исторического и индивидуального — и строилось представление об определяющей роли труда в человеческом развитии.

Но без обучения самому труду и элементам полезного для детей различных возрастов общественно полезного труда невозможно сформировать и готовность к труду; не только игра, но и учение как усвоение знаний недостаточны для формирования такой готовности. Коренная перестройка дела образования во всех ее звеньях подтвердила необходимость *соединения обучения с трудом*.

То же касается и учения у взрослого человека. Тесная связь труда с наукой и необходимость постоянного совершенствования не только профессионально-трудового мастерства, но и знания самоочевидна. Жизнь показала, что не только учение должно соединяться с трудом, но и *труд с учением*, причем независимо от уровня профессиональной подготовки, квалификация и возраста. Такая связь — общий закон развития людей в современном обществе.

Не просто обстоит дело и с игрой, которую многие специалисты в детской психологии превратили в возрастную форму предметной деятельности, специфическую именно для ребенка с первого года жизни до начала систематического учения, т. е. до «снятия» игры учением. Между тем игра как особая форма деятельности имеет свою историю развития, охватывающую также все периоды человеческой жизни. В подростковом и юношеском, молодом и среднем, даже пожилом возрасте существуют разнообразные ее проявления и меняющиеся виды «любительства» в области спорта, искусства, коллекционирования и т. д. Игровая деятельность взрослых людей составляет важную сторону их жизни, связанную с так называемым свободным временем. В этих условиях существуют такие незаметные переходы от труда к игре и учению,

которые затрудняют какую-либо однозначную характеристику человеческой деятельности. Есть и еще значительная сфера жизни людей, которая подчас обедняется вследствие какой-то странной боязни. Эта сфера жизни — развлечения, необходимые для отдыха и эмоционального развития человека. Думается, что все это составляет бесчисленные варианты *сквозной игровой деятельности*, необходимо включающейся в процесс жизни и развития людей.

Каким образом человеческая деятельность, ее конкретные формы или виды выступают в качестве факторов детерминации психического развития?

Это видно из трактовки учения как специфического для человека усвоения общественного опыта, накопленного человечеством фонда знания и трудового опыта. Поэтому само учение отражает процесс слияния общественного с индивидуальным, формирования индивидуальности посредством содержания и методов обучения и воспитания. Психическое развитие школьника есть усвоение общественного опыта, благодаря чему и самые общественные условия, первоначально являющиеся для него внешними, затем становятся внутренними. Происходит это в тех случаях, когда ребенок или подросток сам оперирует в своей деятельности теми или иными исторически сложившимися способами социальной деятельности и осознает цели, предметы и результаты своей деятельности. Происходит это в тех случаях, когда осуществляется усвоение как интериоризация.

Учение в конечном счете предстает как усвоение, механизмом которого является интериоризация. Внешние действия в процессе учения становятся внутренними, умственными действиями субъекта, сознание которого фактически превращается в продукт его собственной деятельности. Концепция усвоения индивидом социального опыта путем интериоризации приложима и к объяснению роли игры в психическом развитии ребенка (Д. Б. Эльконин и А. В. Запорожец с их сотрудниками). А. В. Запорожцу удалось показать, как ребенок в предметных игровых действиях осваивает социальные эталоны тех или иных способов и уровней функционального развития. Развитие произвольных движений предстает в результате этих исследований как формирование предметных действий с их целями, мотивами, способами и результатами, влияющими на изменения условий воспитания ребенка. Д. Б. Эльконин подошел

к игре с другой стороны — включения ребенка в общественные связи, развития посредством игры (особенно ролевой и фабульной) коммуникативных свойств поведения и личности ребенка. Здесь социальная детерминация выступает посредством «вращивания» общественных связей внутрь детского сознания и интериоризации нравственных норм и отношений.

В многолетних исследованиях А. В. Запорожца игра ребенка выступает преимущественно как средство развития *познавательных сил ребенка*, познания внешнего мира посредством активных ориентировочных действий и повседневной деятельности. Усвоение ребенком эталонов и норм умственной деятельности в соответствии с достигнутым современным обществом уровнем цивилизации свидетельствует о том, что познания ребенка причинно обусловлены современным уровнем развития познания как общественно-исторического и культурного достояния человечества. Это очень важный вывод, но он доказывает лишь то, что познание с самого начала благодаря общественному руководству индивидуальным развитием (воспитанию) есть основная форма деятельности индивида именно вследствие того, что познание есть всемирно-исторический процесс целенаправленного и обобщенного отражения людьми объективных законов природы, общества и самого сознания.

Подобно этому выводу нужно заключить, что исследование роли игры в развитии общественного поведения и свойств личности выявляет то, что игра как средство весьма эффективна в образовании и развитии другой важнейшей основной формы деятельности, а именно — *общения*, которое столь же социально, сколь и индивидуально. Больше того. Именно благодаря развитию в процессе воспитания познания и общения, их взаимодействию и слиянию в разнообразных формах и возникает (на их основе) такая синтетическая форма деятельности ребенка, как игровая. Если не считать процессуальной «спонтанной» игры, общей для ребенка и детенышей всех животных, то все формы игры — предметной, фабульной и ролевой, дидактической, театрализованной и т. д.— представляют собой те или иные интеграции элементов познания и общения.

Познание в его двух формах — непосредственно образного и логически понятийного — есть одна из основных сил общественно-исторического развития

человечества, так как наука и искусство непрерывно связаны со всей структурой общественного сознания, вырастающего на почве определенного материального производства, общественно-трудовой практики. В этом смысле познание — исторический процесс накопления духовных ценностей, отражающих объективные законы природы и общества, межчеловеческих отношений и жизни самого человека. Каждый индивид вместе со своим поколением включается в этот процесс и прежде всего «усваивает» продукты общественного развития: определенные духовные ценности, образующие путем интериоризации его внутренний мир.

Воздействие науки и искусства на формирование индивидуального сознания бесконечно многообразно. Это воздействие, конечно, составляет важную форму социальной детерминации индивидуального сознания. Однако из воздействия может возникнуть лишь реакция индивида, хотя бы и очень сложная. Акция, действие возникают лишь в процессе взаимодействия индивида и общества, а не одностороннего воздействия общества на личность. В нашем обществе существуют возможности активного духовного развития каждого человека, и вместе с тем на него возлагается функция приумножения и обогащения этих возможностей. Но только путем интериоризации объективного активная духовно - познавательная деятельность в процессе взаимодействия личности и общества осуществлена быть не может. Необходимо непосредственное участие человека в **творческой деятельности**, производстве новых знаний, духовных ценностей общества. Объективация внутреннего мира человека, его творческих замыслов и реализация потенций составляют необходимый момент воздействия личности на общество, превращение личного в общественное. Такого рода сочетание и взаимопереход интериоризации и экстериоризации, объективации и «субъективации» может происходить только в деятельности, в познавательной деятельности и осуществляется как процесс социальной детерминации индивидуального сознания.

Еще более очевиден характер взаимодействия, а не одностороннего воздействия общественного на индивидуальное, в структуре и динамике общения, любых видов коммуникаций. В процессе общения люди являются одновременно (или последовательно) объектами и субъектами. В этом процессе

происходит не только обмен мыслями посредством речи, но, как известно, любая совместная деятельность, с которой связаны те или иные симпатические переживания и совокупные результаты сотрудничества, а также те или иные конфликты и моральные противоречия. Именно благодаря общению поступок А становится обстоятельством жизни В, С, Д и т. д., а их поступки, экспрессивные действия сказываются на поведении А. Этот взаимопереход индивидуального поступка в обстоятельства жизни и события для других людей составляет постоянную характеристику совместной жизни и деятельности в различных видах коммуникаций. Каждый из этих видов имеет свою идеологическую характеристику и социально-политические источники.

Любой коллектив имеет свою историю и объективные закономерности развития, определяющие место и функцию индивида, связанного с другими многими отношениями. Не требует особых доказательств положение о том, что общение внутри групп, межгрупповое в коллективе, межколлективное есть один из самых важных каналов социальной детерминации индивидуального развития. Однако только в процессе деятельного взаимодействия человека с человеком, группой, коллективом и т. д. происходит циркуляция всех тех коммуникативных средств, посредством которых осуществляется эта детерминация. ***Собственная деятельность личности*** в группе и коллективе составляет необходимое условие такой детерминации. В процессе общения происходит взаимосогласование ритма, темпа и способов работы на основе растущего взаимопонимания и самооценки. Естественно, такое взаимопонимание в процессе общения предполагает более или менее адекватное чувственное отражение человека в человеке, накопление информации и регулирование взаимных отношений на основе общих целей и реальной информации. Благодаря накоплению опыта и общению формируются определенные нравственные отношения и коммуникативные свойства личности. Больше того, именно процессы общения, жизненный опыт совместной деятельности составляют источник знаний человека о человеке, о людях, т. е. ***психологическое познание — основа самопознания и саморегуляции.***

Общение как деятельность общественного индивида далеко не всегда принимается во внимание. Между тем именно личностная характеристика

коммуникации и дает возможность понять то условие, при котором коммуникации в различных формах социальной жизни детерминируют наиболее глубокие процессы динамики личности, ее структуру и механизмы развития. К такому выводу мы пришли на основании многих наблюдений.

В свое время цикл наших исследований охватывал ряд явлений психического развития человека, относящихся к области теории характера и психологии общения. В целях исследований генезиса и источников характерологических свойств ребенка изучалось формирование самосознания ребенка в первые годы его жизни, самооценки и ее роли в образовании характера, зависимости самооценки от оценочных взаимоотношений в процессе общения, особенно от педагогической оценки, и т. д.

В последующем к онтогенетическому и педагогическому аспектам психологии общения примкнул клинико-психопатологический аспект, определивший специальное рассмотрение нарушений коммуникативных функций речи, а также изучение некоторых особенностей речевого развития детей в процессе их начального обучения.

Объективный ход этих исследований раскрывал определенную **взаимосвязь процессов общения и познания** в некоторых пунктах развития человека, а именно — сенсомоторного развития, связанного с изменением функций и эволюцией познавательной деятельности в целом. На ранних этапах онтогенетического развития человека особенно важную роль, как показали наши исследования, играет накопление сенсорных синтезов в процессе общения. С такими синтезами связаны не только представления ребенка о людях, т. е. образцы, регулирующие его действие в процессе общения, но и сложные симпатические чувства (нравственные и эстетические). Речь и поступки, действия и выразительные движения, т. е. поведение в широком смысле слова, с самого раннего этапа человеческого развития регулируются процессом отражения, неразрывно связанного у людей с многообразными формами общения. Вместе с тем процесс общения представляет сложнейший комплекс взаимоотношений между людьми и **отношений личности** к людям, к совместной деятельности и самой себе. Эти взаимоотношения и отношения в

процессе общения переплетены с отношениями личности в процессе познания внешнего мира.

В другом цикле исследований, а именно по проблеме взаимосвязи воспитания и развития детей в процессе их начального обучения, обнаружилось сходные результаты. Сложные формы общественного поведения детей, складывающиеся в процессе их обучения и воспитания, неразрывно связаны с качественными изменениями сенсомоторного развития ребенка. В сдвигах этого развития находит одно из самых глубоких выражений эффект конвергенции познания и общения. Основным и главным источником такого эффекта является *труд*.

Современная наука во многих подробностях раскрывает положение о том, что все чувственные деятельности человека преобразованы в процессе исторического развития труда. Созданные трудом различные системы «орган — орудие» бесконечно повышают «разрешающую силу» каждого анализатора, а соединение этих систем с языком и логическим, теоретическим мышлением составляет цепь факторов сенсбилизации, с которой связано развитие умения и мастерства. В одной из наших работ совместно с Л. М. Веккером, Б. Ф. Ломовым и др. удалось показать, что активное осязание руки человека как естественного органа и продукта труда, одновременно являющегося органом познания, есть некоторая общая модель взаимосвязи этих процессов, определяющей структуру индивидуального сознания. При таком подходе возможно ближе подойти к некоторым закономерностям функционирования и зрительного образа в условиях современных видов трудовой деятельности, а именно — к управлению машинами по показаниям приборов. В сенсомоторном развитии проявляется эффект *многообразных конвергенций труда, общения и познания*, посредством которых это развитие социально детерминировано.

Разумеется, социальная детерминация сенсомоторного развития лишь частный случай тех эффектов, которые производятся взаимосвязью труда, познания и общения. Все формы психического развития человека являются подобными эффектами, в которых непосредственно выступает общность разных сторон личности. В качестве природных истоков этой общности, вероятно, имеют значение и основные свойства нервной системы, проявляющиеся как в

темпераменте, так и в одаренности, как в мотивации поведения, так и в особенностях функциональной динамики. Человек как индивидуальность всегда есть, конечно, индивид со всеми его структурно-динамическими особенностями. Но не только индивид.

Общеизвестно положение, согласно которому сущность личности составляют общественные отношения. Именно этими отношениями посредством основных социальных видов деятельности (труда, общения и познания) создается и существует индивидуальность человека, опосредствуется и развивается его природа, в том числе и основные свойства нервной системы.

Имеются основания считать общность разных сторон личности фактом фундаментального значения, поскольку основные формы социальной деятельности человека, в которых формируются и реализуются его отношения, имеют общие эффекты, производимые их конвергенцией. К этим эффектам, несомненно, относятся и различные *потенциальные свойства личности*: жизнеспособность, работоспособность, одаренность, специальные способности и т. д.

Но что представляют собой эти потенциальные характеристики личности, ее скрытые возможности, резервы и ресурсы человеческого развития? При всем значении мотивационной стороны поведения, т. е. направленности личности, эти характеристики не могут быть сведены к ней или объяснены полностью ее влиянием. Что касается уровня *достигнутого развития*, то он характеризуется не только приобретенным комплексом знаний, навыков и умений, но и возрастанием под их воздействием самих возможностей. Поэтому потенциальные характеристики личности всегда связаны с уровнем ее развития, по также не могут быть полностью сведены к этой стороне личности. Третьей стороной личности (В. Н. Мясищев) является ее *структурная характеристика*, которая освещает нам человека со стороны цельности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхностности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций. Из этого определения следует, что в структуру личности включается характеристика *функционального развития человека*.

В трудовой деятельности это функциональное развитие определяется отношениями человека, но вместе с тем влияет на процесс и конечный результат реализации отношений в трудовой деятельности людей. В своей ранней работе «Работоспособность и болезни личности» [1935] В. П. Мясищев показал, что динамика работоспособности является сложнейшим синтезом отношений личности и функционального состава процесса ее работы, включенном в определенную систему отношений.

Познание и общение являются основными формами деятельности индивидуального человека с самого начала формирования его личности, посредством которых осуществляется социальная детерминация многих сторон ее психического развития. Как игра, так и учение выступают эффектами взаимосвязей общения и познания, а вместе с тем важными средствами дальнейшей эволюции каждой из этих основных форм, соответствующих фундаментальным процессам общественного развития.

Общение как межиндивидуальная связь и взаимодействие определяется, конечно, системой конкретных общественных отношений, в которые оно включено. Как межиндивидуальная связь и индивидуальная форма деятельности, осуществляемая посредством этой связи, общение всегда соотнесено с определенными исторически сложившимися и социально необходимыми формами коммуникации, которые регулируются нормами общественного поведения и морали. Именно поэтому практически невозможно отделить в структуре и динамике общения личное от общественного, провести резкую грань между ними. Затруднительно также, несмотря на меняющийся индивидуальный состав различных коллективов и средств коммуникации, полностью абстрагировать их от конкретных людей с их индивидуально психическими особенностями.

Дело в том, что общение — столь же социальное, сколь и индивидуальное явление. Неразрывно связано социальное и индивидуальное в важнейшем средстве общения — языке, механизмом которого является речь. Пантомимика и жестикация, т. е. внеречевые формы общения, становятся таковыми именно тогда, когда экспрессия поведения выполняет коммуникативную функцию, не ограничиваясь выразительными движениями. Регуляторами поведения в

условиях общения становятся нравственно-эстетические оценки, социальная сущность которых общеизвестна.

Вполне аналогичны *связи индивидуального и социального* в познании как одной из основных форм человеческой деятельности. Отражение объективного мира в образах и понятиях, в непосредственно чувственном и логическом знании есть индивидуальная познавательная деятельность каждого человека. Однако накопление и обобщение чувственных, образных знаний происходит при обязательном регулирующем участии речи, которая вместе с тем является основным средством усвоения человеком исторически накопленных человечеством обобщенных и опосредованных систем знания, способов познания и методов деятельности. Познание индивида складывается путем соединения его жизненного опыта в его непосредственно чувственном выражении с системами знаний, существующих всегда в языковой форме и конкретных структурах общественного сознания, особенно науки и искусства. Познание всегда представляет собой известное сочетание индивидуального и общественного сознания. При этом индивидуальное сознание не сводится к познанию, не ограничивается им. Сознание индивидуального человека является эффектом совместного развития познания, общения и труда, их разнообразных конвергенций.

Б. Ф. ЛОМОВ ПСИХИКА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Основным (если не единственным) *объектом* психологических исследований является *человек* — сложнейшая из известных науке систем, обладающая уникальными характеристиками, и прежде всего способностью к саморегуляции. Трудно назвать другую систему — объект научного исследования, — сопоставимую по уровню сложности с человеком.

Проблема Человека уже давно определилась в науке как комплексная. Человек изучается и в качестве продукта биологической эволюции, и главного элемента производительных сил общества, и носителя производственных (и всех других) общественных отношений. Он включен во многие системы реальной действительности. Связи и отношения человека с окружающим миром многообразны, а потому многообразны и его качества.

Одним из труднейших является вопрос об определении в этом многообразии тех *качеств*, которые составляют *предмет* психологического исследования.

В философии выделяют три основные разновидности объективно взаимосвязанных качеств, известных науке: материально-структурные, функциональные и системные. Попытка рассмотреть психологические свойства как материально-структурные, характерная для вульгарного материализма, не привела к раскрытию их сущности. Крайним ее выражением явилась френология, пытавшаяся выводить психические свойства человека непосредственно из

строения мозга. Сюда же относятся попытки поиска оснований характера, вообще свойств личности, даже мировоззрения в типе телосложения, в конституции.

Более плодотворным оказался подход, рассматривающий психологические качества как функциональные. Собственно говоря, с понимания психологических качеств как функциональных и начинается развитие научной психологии. Психические явления стали исследоваться не как некоторое «застывшее» свойство мозга, а как его функция, раскрывающаяся в динамичном процессе взаимодействия организма со средой. Вместе с тем были поставлены вопросы о механизмах реализации этой функции и ее роли в жизнедеятельности. В частности, в русле этого подхода было сформулировано фундаментальное для развития психологии положение о том, что психическое выступает в роли регулятора поведения животных и человека.

Анализ реальных функций психических явлений в поведении и деятельности позволил выявить ряд существенных характеристик психики. Более того, он еще не исчерпал себя: исследования в этом направлении чрезвычайно важны для дальнейшего развития психологии, для понимания места и роли психического в системе явлений материального мира.

Вместе с тем изучение функций психики в жизни человека закономерно приводит к необходимости рассматривать его психологические качества в многообразии отношений к тем сложным системам, в которых он живет и которые образуют его мир. В исследовании психического обнаруживаются не только функциональные характеристики, но и *модус системного качества*.

Системные качества самые сложные среди всех «качественных определенностей». Являясь интегральными качествами, они недоступны прямому наблюдению и могут быть выявлены только путем научного анализа тех систем, которым принадлежит человек и закономерностям которых подчиняется его поведение (и его жизнь в целом).

Как показал С. Л. Рубинштейн, человеческому бытию присущи многоплановость, многоуровневость и многослойность. Чтобы раскрыть все многообразие качеств человека и определить место, которое занимают среди них психологические качества, нужно рассмотреть *совокупность систем, образующих бытие человека и являющихся основаниями его качеств*.

Согласно системному подходу, любое явление возникает и существует в рамках некоторой системы явлений. При этом важно, что связи между явлениями, которые относятся к данной системе, выступают не как эпизодические и случайные взаимодействия, а являются существенными условиями возникновения, существования и развития каждого из них, а вместе с тем и системы в целом.

Материально-структурные, функциональные и системные качества тех или иных объектов не являются, конечно, изолированными друг от друга. Уже отмечалось, что попытки трактовать психические качества как материально-структурные оказались бесперспективными. Однако это не значит, что исследование психики может обойтись без изучения структуры ее материального субстрата. В исследованиях, например, сенсорно -перцептивных процессов психология непрерывно сталкивается с необходимостью использования знаний о строении органов чувств и мозга. Особенности этих процессов не могут быть достаточно глубоко поняты без опоры на такие знания.

Фундаментальное значение для понимания процессов ощущения и восприятия имеет асимметрия строения органов чувств. Это было убедительно показано Б. Г. Ананьевым в исследованиях ощущений разных модальностей, восприятия пространства и пространственной ориентировки. Им было введено понятие функциональной асимметрии, которая формируется на основе асимметрии структурной. В современных нейрофизиологии и психофизиологии изучению взаимодействия полушарий головного мозга (и парности органов чувств) уделяется очень большое внимание. При этом они проводятся в связи с проблемами образного и вербально - логического мышления, эмоциональных и рациональных компонентов человеческого поведения, сознания и подсознательного, т. е. проблемами психологическими.

Для понимания механизмов психической регуляции движений необходимо знание строения органов, осуществляющих это движение, поскольку функция регуляции реализуется относительно их материально-структурных особенностей. Сформированное в науке общее положение о единстве структуры и функций имеет самое непосредственное отношение и к психологическим исследованиям.

Важно только иметь в виду, что связь структуры мозга, организма в целом и психических функций является весьма сложной.

Будучи связанными с материально-структурными, функциональные качества неотрывны и от системных. Любую функцию трудно понять, если рассматривать ее саму по себе, в отрыве от той системы, в которой существует и развивается объект, обладающий этой функцией. Функций, «адресованных в никуда», просто не существует. Они относятся к системам, в которые объект включен. И реализуются они в этих системах.

Мы не беремся давать анализ (или хотя бы перечень) всех тех систем, в которых человек реально существует и которые так или иначе определяют его психику. Это сложная задача, требующая самостоятельного исследования. Наметим лишь главные, с нашей точки зрения, линии такого анализа.

Ведущую роль в отношениях человека к миру играют те, которые определяются его принадлежностью к *социальной системе*. Именно они являются основанием социальных качеств человека. Общество является для индивида той системой, в рамках которой его связи и отношения с другими индивидами (и их общностями) выступают как существенные необходимые условия его существования и развития (в том числе психического). Он не может существовать и развиваться как человек вне этой системы. Общественные отношения, которые складываются между людьми (прежде всего в процессе производства), — это необходимое условие существования и развития как каждого отдельного индивида, так и общества в целом.

Социальная система является сложным образованием, развивающимся по объективным законам. Их действие определяет формирование общностей разного масштаба: наций, этнических групп, народов и т. д. Высшим уровнем больших общностей является человечество. В силу действий этих законов формируются, развиваются и разрушаются различные социальные институты. Ими же определяются и малые общности: семья, различные виды малых групп, коллективы и т. д. Соотношения общностей разного масштаба на разных исторических этапах развития складываются по-разному.

Являясь основным компонентом социальной системы, человек активно участвует в ее развитии. Законы развития общества действуют не сами по себе,

как некие абстрактные силы, а проявляются в *действиях* конкретных людей (и их общностей), реализуются только через эти действия. Конечно, когда речь идет об обществе, то прежде всего имеются в виду движения масс. Но ведь масса — это не что-то аморфное; она образуется конкретными индивидами. Действия людей (и масс, и индивидов) могут либо соответствовать главенствующей тенденции развития общества, либо временно идти вразрез с ней. Это, конечно, не отменяет объективных законов, но может как ускорить, так и замедлить общественное развитие. Влияние индивида на его собственное развитие также опосредствуется его общественными действиями.

Конкретный человек (индивид) является компонентом многих подсистем общества и включен во многие стороны их развития, при этом — различным образом. Многообразие подсистем и сторон, в которые он включен, обуславливает и *многообразие его качеств*. Позиция, занимаемая данным конкретным человеком в обществе, определяет направленность, содержание и способы его деятельности, а также сферу и способы общения этого человека с другими людьми, т. е. образ его жизни как члена общества, а это, в свою очередь, детерминирует развитие психологических свойств его личности. Особенности, свойственные обществу, так или иначе отражаются в психологических особенностях конкретных личностей, а также в характере социально-психологических явлений.

Конечно, исследование социальной системы — это не задача психологии. Ее задача в другом: понять, *как социальная система детерминирует психологические свойства людей*, какой механизм здесь действует. Но решить эту задачу она может, только базируясь на тех достижениях, которые получены науками, изучающими общество. Социальные качества человека как системные выражают его родовую сущность. Но проявления этой сущности многообразны. Она специфическим образом выступает в психологических особенностях индивидов, групп, социально-психологических феноменах.

Социальные качества не есть нечто внешнее по отношению к человеку. В процессе деятельности и общения они (если не все, то многие из них) становятся как бы имманентными психологическим качествам человека, психологическому складу его личности. Психологические свойства личности вне системы об-

ществленных отношений, в которую эта личность включена, просто не существуют (так же как не существует, например, стоимость товара вне его отношения к другим товарам и лежащему в их основе труду). В этом плане можно, пожалуй, говорить об определенной категории психологических качеств как об *индивидуализированных социальных качествах*. Уникальность социальной позиции человека, образа его жизни и жизненного пути порождает и уникальность его личности.

Подчеркивая ведущую роль социального способа существования человека, нельзя забывать о том, что человек выступает и как природное, прежде всего биологическое существо. В исследовании биологических (и связанных с ними психологических) свойств человека чаще всего обращаются к организменному уровню. Он, кстати, и изучен более полно, чем другие. Однако, для понимания многообразия качеств человека весьма существенное значение имеют также популяционно-видовой, биоценотический и биосферный уровни. Последний изучается, пожалуй, менее всего.

Биологические закономерности не отменяются социальным бытием человека, однако изменяются условия их действия, а поэтому проявляются они специфическим для человека образом.

В ходе развития науки центральным в изучении биологических оснований психических явлений стал вопрос о соотношении психических и нейрофизиологических процессов; это вполне естественно, поскольку субстратом психического является нервная система. Как известно, в истории науки не раз предпринимались попытки прямого поэлементного сопоставления указанных процессов. Они привели к формированию концепций, в которых психическое отождествлялось с нейрофизиологическим или определялось как его «субъективная сторона», или психический процесс рассматривался как прямое («линейное») продолжение нейрофизиологического (те и другие процессы как бы выстроены в линию один за другим). Эти попытки оказались тупиковыми.

Перспективным представляется подход, опирающийся на принцип системности в анализе уже самих нейрофизиологических основ психики. Он развит в теориях функциональной системы (П. К. Анохин) «паттернов мультиклеточной активности» (Н. П. Бехтерева) пространственной

синхронизации мозговых процессов (М. Н. Ливанов). С позиций этого подхода целостные психические и элементарные нейрофизиологические процессы сопоставляются не прямо, а через анализ *общемозговых системных механизмов*, через системные процессы, объединяющие элементы в одно целое: в функциональную систему поведенческого акта. Психическое рассматривается здесь в связи с исследованием интеграции элементарных нейрофизиологических процессов.

Таким образом, психическое в отношении к нейрофизиологическому выступает как системное качество: оно реализуется не во множестве отдельных элементов (как полагает, например, «экранная» концепция психического образа), а в динамике функционирования мозга как целостной системы.

Вместе с тем, если иметь в виду дальнейшее развитие психологии в русле системного подхода, то нужно отметить, что данных, которые накапливаются в исследованиях только нервной системы для понимания соотношений биологического и психического недостаточно. Для психологии важно исследование закономерностей функционирования также всех других систем (точнее, подсистем) человеческого организма (мышечной, сердечно-сосудистой, гуморальной и др.) в их взаимосвязях, т. е. физиологии человеческого организма как целого. Не случайно в экспериментальных исследованиях многих психических явлений (например, психических состояний) в качестве индикантов используются не только нейрофизиологические показатели, но и показатели функционирования других систем организма. Сказанное относится только к организменному уровню. Какое значение для психики имеют другие (перечисленные выше) уровни организации жизни? Этот вопрос в психологии не изучался вообще. Между тем, чтобы понять многообразие свойств человека, определяемых биологической системой, важно располагать данными о ее сложном строении.

Когда пытаются определить местоположение психических свойств в ряду всех других свойств человека, то нередко их относят к категории либо социальных, либо биологических или «помещают» где-то между теми и другими. С такими трактовками вряд ли можно согласиться. Психические свойства не сводятся (во всяком случае полностью) ни к социальным, ни к биологическим и не находятся между ними (или над ними). Однако их нельзя оторвать ни от тех,

ни от других: психические свойства как бы проникают и в социальные, и в биологические, связывая, «пронизывая» их определенным образом. Вместе с тем многие как социальные, так и биологические качества человека реализуются в его поведении и деятельности через качества психические. Конечно, далеко не все биологические свойства человека находят свое проявление в психических. Но все психические свойства принадлежат живому человеку, они не существуют вне его организма. Дальнейшее движение по выбранному пути анализа приводит к рассмотрению включенности человека в физическую систему. Первое, что открывается, когда речь идет об анализе среды, в которой живет человек, — это ее физические свойства. Среда выступает перед человеком *как вещно-оформленная, как совокупность физических тел, предметов*, возникших в процессе развития природы или созданных людьми. Орудия, которыми человек пользуется в своей деятельности, — это тоже физические тела.

Поэтому один из первых вопросов, который возникает в исследовании психического, — это вопрос о том, как механические, оптические, акустические, химические и иные свойства объективно существующих предметов отражаются в ощущениях и восприятии. Необходимость ориентировки живого организма в окружающей среде привела к тому, что в процессе биологической эволюции сформировались специализированные, анатомически дифференцированные аппараты - органы чувств, обеспечивающие отражение механических, физических и химических свойств предметов и явлений материального мира. Подобных, анатомически специализированных аппаратов для непосредственного отражения биологических, а тем более социальных явлений нет, их отражение осуществляется через те же органы чувств.

Исследуя сенсорные и перцептивные процессы, психология вынуждена обращаться к анализу физического взаимодействия органов чувств с теми предметами, которые в этих процессах отражаются. Понять закономерности формирования ощущений и восприятий, а также их свойства без анализа условий и механизмов физического (и химического) взаимодействия органов чувств и отражаемого объекта невозможно. Но невозможно также вывести их целиком из этого взаимодействия. Дело в том, что сенсорно - перцептивные образы, формируясь в процессе физического взаимодействия, обслуживают другую

систему — поведение живого организма, поэтому возникает необходимость выхода за пределы физического взаимодействия и перехода к другому плану анализа — функциональных свойств в контексте поведения и деятельности.

Человек не только живет в физической среде. Он сам является физическим телом и, как таковое, обладает рядом физических качеств в их специфическом земном выражении. На первый взгляд может показаться, что физические качества человека не имеют никакого отношения к психологии. Однако, когда мы обращаемся к анализу механизмов психической регуляции предметно-практических действий (манипулирование предметами, перемещение человека в пространстве и т. п.), мы не можем не учитывать эти свойства. Особенно острой необходимостью такого учета стала в связи с развитием авиационной и космической психологии. Известно, что во время полета человека в самолете и космическом корабле возникают изменения восприятия, координации движений, ориентировки в пространстве и оценки времени. Понять эти изменения без анализа той новой системы физических взаимодействий (или отношений), в которую включается человек в условиях, например, космического полета, вряд ли возможно.

Конечно, включенность человека в физическую систему не является прямым основанием тех или иных психологических качеств. Действие физических законов проявляется в этих качествах опосредствованно; эти законы погружены в основание жизни весьма глубоко.

Итак, человек как бы находится на пересечении многих разно-порядковых систем. В этом плане о его существовании можно говорить как о *полисистемном процессе*. Принадлежность человека к многим системам так или иначе проявляется в его психологических качествах. Множественность оснований этих качеств порождает их многообразие и многосторонность. А вместе с тем психика представляет собой нечто *целостное, интегральное*. Целостность психических явлений, их неразложимость «на кусочки» отмечается обычно как одна из их фундаментальных характеристик. Будучи многообразными, психические явления выступают как одной Природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система.

Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным *отражением* объективной действительности, психика осуществляет *регуляцию* поведения. На разных уровнях развития жизни эта функция реализуется по-разному. У животных она выступает как момент приспособления организма к окружающей среде, у человека реализуется в сознательной целенаправленной деятельности, изменяющей среду; в этих условиях она опосредствуется социальными факторами.

Сама природа психического отражения такова, что в процессе его исследования мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения ряда *разнопорядковых отношений*: отношение отражения к отражаемому объекту (отражение как образ объекта, понимаемый в широком смысле), отношение отражения к его носителю (отражение как функция мозга), отношение отражения к поведению (отражение как регулятор поведения). Все эти отношения реализуются в едином процессе, динамика которого зависит от конкретных условий его протекания. Таким образом, из самой сути психических явлений вытекает необходимость сочетания нескольких планов анализа. Эту многоплановость можно показать на примере проблемы восприятия.

Последнее изучается в плане анализа физического и химического взаимодействия предметов и явлений внешней среды с органами чувств (биофизический аспект), в плане отношения между субъективными величинами и отражаемыми в них физическими величинами (психофизический аспект), в плане функционирования органов чувств (психофизиологический аспект), в плане динамики становления перцептивного образа (микрогенетический аспект), в плане анализа операции приема информации, поступающей от технических устройств (инженерно - психологический аспект), в плане влияния социальных установок личности на перцептивные процессы (социально-психологический аспект), в плане развития сенсорики (психолого-генетический аспект). К этому нужно добавить, что регуляционные функции восприятия изучаются также многопланово в связи с анализом различных видов человеческой деятельности.

Трудность исследования психических явлений состоит в том, что они не образуют некоторой замкнутой системы, изолированной от других систем материального мира. Психическое не существует вне человеческого организма и

взаимодействия человека с этим миром. Попытки рассматривать психологические качества в отрыве от физической, биологической и социальной систем, которым принадлежит человек, искать их основания в них самих неизбежно заводят в тупик. Однако, являясь специфическими качествами, они несводимы ни к физическим, ни к биологическим, ни к социальным качествам человека.

Невозможно вырвать психические явления из тех множественных отношений, в которых они реально существуют, рассмотреть их сами по себе. В то же время требование изучать их как целостные, несводимые ни к одному из этих отношений создает для исследователя огромные трудности. Не случайно в психологии так часто возникают *дискуссии о ее предмете*. При этом наблюдаются две одинаково бесперспективные тенденции.

Одна из них связана с попытками поиска одного-единственного основания для всего многообразия психических явлений, для всей их системы, например, попытки вывести психику целиком из биологической или из социальной системы. Этот путь, как правило, ведет к подмене психологического биологическим, физиологическим, социологическим и т. п.

Вторая тенденция — попытки понять психическое как нечто, существующее вне систем других явлений. При этом предметом психологии иногда объявляется то, что остается еще не выясненным в ходе развития других наук. При таком подходе предмет психологии суживается до весьма ограниченного круга явлений, а все остальное из того грандиозного здания, каким является система психических качеств человека «отдается на откуп» другим наукам.

Нам представляется, что *природа психического* может быть понята только на основе *системного подхода*, т. е. рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система. Только на основе системного подхода могут быть объединены и многочисленные области психологической науки.

Было бы ошибкой полагать, что простое рядоположение данных, накапливаемых в разных областях психологической науки, и есть реализация системного подхода. Действительная задача заключается в том, чтобы понять закономерные связи между этими данными.

По нашему мнению, сейчас наступает то время, когда в психологии созревают условия для действительной и последовательной реализации системного подхода. Первым шагом в этом направлении должна быть систематизация и классификация данных, накапливаемых в разных психологических дисциплинах, выявление их связей и разработка переходных концепций или «концептуальных мостов» (П. К. Анохин) между ними, а также между психологией и другими областями научного знания. Как отмечал Д. И. Менделеев, действительно научная систематизация состоит не просто в «раскладывании по полочкам» изученных частных фактов. Она предполагает расположение исследуемых явлений в таких связях, которые раскрывают их существенные отношения и глубокие основания.

Нужно отметить, что идеи системного подхода не новы. Хотя системный подход получил широкое признание и применение во второй половине XX в., он начал складываться значительно раньше. В психологии о системном характере психических явлений говорилось еще на заре ее развития как самостоятельной науки (И. М. Сеченов, Г. Эббингауз). Большой вклад в развитие системных идей внес В. М. Бехтерев своими работами в области комплексного изучения человека.

Но в то время почва для последовательного рассмотрения психических явлений как системных по своему характеру еще не созрела; целостность психического представлялась как нечто глобальное и аморфное. Потребовался длительный путь развития науки, связанный с ее дифференциацией, накоплением экспериментальных данных, отработкой методов анализа, проверкой различных подходов и схем, выявлением многообразия и многокачественности психических феноменов, прежде чем такая почва сложилась.

На ранних ступенях развития психологической науки предпринимались многочисленные попытки механически разложить психику на элементы, рассмотреть каждый из них отдельно, выявить их особенности и раскрыть те связи, в которые они вступают. Однако нельзя сказать, что такой элементаристский подход оказался очень продуктивным. Предлагаемые аналитические описания в большинстве своем не были достаточно строгими. Психика «сопротивлялась» попыткам механического расчленения. Изучение

каждого отдельно взятого явления или процесса обнаруживало влияние на него множества факторов и условий, невозможность его надежной изоляции от других явлений и процессов. В экспериментальных исследованиях так или иначе обнаруживался системный характер психики. Как реакция на попытки поэлементного разложения психики возникло направление исследований, которое объявило целостность и неразложимость психики основным принципом. Напомним, что после открытия Х. Эренфельсом так называемых «гештальт - качеств» — специфических перцептивных структур — начался бурный период открытий ряда уникальных феноменов, формулировок новых для того времени принципов и постулатов. Сформировалась гештальт- психология, в которой антиэлементаризм получил свое выражение в наиболее заостренной форме. Основной тезис гештальт - психологии состоит в том, что явления психики строятся не путем синтеза элементов, существующих до этого изолированно, а с самого начала представляют собой организованные целые «единицы» — гештальты. Ситуативность восприятия или мышления находит выражение в существовании особым образом структурированного поля; решение проблемы состоит в движении по этому полю в направлении, которое обеспечивает совпадение структуры ситуации и структуры ее видения субъектом. Основатели гештальт - психологии Х. Эренфельс, В. Кёлер, М. Вертгаймер и К. Коффка сформировали специфический категориальный аппарат для обозначения гештальт - феноменов, таких, как «схватывание», «озарение» (инсайт) и других, открыли ряд закономерностей функционирования гештальтов. Поскольку законы гештальта — это законы организации целого, то и психика описывается здесь как функционирование, содержанием которого является переструктурирование исходного гештальта в направлении поиска «хорошего гештальта» на базе закона прегнантности. В теоретических построениях гештальтистов, несомненно, содержится рациональное зерно: благодаря их исследованиям целостность стала не просто названием.

Принцип целостности подчеркивает лишь один момент системной организации психических явлений. Наиболее уязвимо в гештальт - теории оказалось, в частности, решение психофизической проблемы: она решалась в духе параллелизма. Серьезные упреки предъявлялись гештальт - психологии в связи с

априорным подходом к трактовке «психических структур». Эта трактовка вообще снимала вопрос о формировании психики, что противоречило духу и принципам генетической психологии. Но как бы то ни было, и в самой методологии гештальт-психологии, и в богатом арсенале эмпирических данных, и в некоторых способах ее интерпретации уже явственно обозначены элементы системного подхода в отношении психических феноменов.

Очень выпукло идеи системного подхода представлены в психологической концепции выдающегося психолога современности Ж. Пиаже. В основах его генетической психологии системный анализ во многом «цементирует» методологию его концепции. Так, весь сложный процесс психического развития трактуется им как филиация структур: уже чисто биологическое взаимодействие организма со средой выступает для него как система, описываемая в понятиях обмена, адаптации, равновесия, причем способ жизни этой системы выражается через действие, т. е. она является принципиально динамической. Развитие состоит во все большем усложнении этой исходной структуры.

Все огромное наследие теоретико-эмпирических исследований Пиаже содержит указания и доказательства существования определенной иерархии структур, надстраивающихся друг над другом, взаимодействующих между собой и в то же время несводимых одна к другой. На вершине этой иерархии оказывается расположенным интеллект, продолжающий и завершающий совокупность адаптивных процессов, линия развития которых направлена к достижению «тотального равновесия» в форме действий-операций разного порядка: сенсомоторных, перцептивных и собственно интеллектуальных.

Из концепции иерархии структур как одно из следствий вытекает положение о том, что исследование психических функций и интеллекта требует системного подхода. Не обсуждая вопрос о том, сумел ли Пиаже построить «логику целостностей», отметим, что разработанный им подход к изучению развития интеллекта оказался весьма продуктивным.

Целостность и интегральный характер психики интересуют психологическую науку прежде всего; именно они в течение всей истории психологической науки были предметом наиболее острых дискуссий. Анализируя то или иное явление с

позиций системного подхода, недостаточно констатировать, что оно является целостным. Далее возникает вопрос: почему нечто является целым и единым? Чтобы ответить на него, необходимо раскрыть системные основания и базовое системное качество этого явления, понять единый строй его закономерностей. Общеметодологические процедуры, разрабатываемые системным подходом, относятся к изучению

- законов образования целого,
- законов строения целого,
- законов функционирования целого,
- законов развития целого,
- отношений явления (системы) с родовой системой,
- отношений явления (системы).с другими системами,
- взаимодействия явления (системы) с внешним миром и т. п. Эти

процедуры являются существенными звеньями любого процесса научного познания.

Так или иначе все эти процедуры обнаруживаются в исследованиях психических явлений, хотя в разных психологических дисциплинах соотношения между ними и складываются по-разному.

О СОСТЕМНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ПСИХИКИ.

Выявление объективного закона, которому подчиняется психическое, всегда есть результат обобщений и абстракций. Но восхождение от конкретного к абстрактному — это лишь одно направление научного мышления. А далее, как того требует диалектика, возникает задача — на основе абстракций воссоздать конкретный объект (идеальный), т. е. пройти путь в направлении от абстрактного к конкретному.

Сочетание этих направлений научного мышления является необходимым условием построения *целостной непротиворечивой психологической теории*. Не менее важно оно также для решения практических задач. Для психолога это значит: опираясь на знание законов, полученных путем обобщения и абстракции, объяснить те или иные конкретные поведенческие акты (и действия) субъекта,

выявить их тенденции и найти, если это необходимо, средства и способы воздействия на него.

Но как только психолог обращается к объяснению реального поведения конкретных людей, сразу же обнаруживается ограниченность любого из известных в психологии законов. Действуют ли, например, законы ассоциаций в реальном поведении? Конечно, действуют. Их знание, безусловно, дает возможность объяснить некоторые моменты поведения и решить некоторые практические задачи. Но позволяют ли они объяснить поведение в целом? Конечно, нет. Можно ли на основе законов ассоциаций раскрыть действительные детерминанты поведения? Тоже нет.

Рассмотрим несколько подробнее вопрос о *детерминантах действий субъекта, его поступков, поведения в целом*.

В психологии было (да и до сих пор есть) немало попыток исследования поведения на основе принципа *линейного детерминизма*. Наиболее полное выражение этот принцип получил в крайних направлениях бихевиоризма. В формуле «стимул—реакция» стимул (S) — это всегда причина, реакция (R) — всегда следствие. Однако описать поведение (не только человека, но даже и животного) как жесткую цепочку стимулов и реакций никогда и никому еще не удавалось. Любое исследование, проводимое в плане линейного детерминизма, сталкивалось с массой «нарушений» такой цепочки. В этой связи пришлось в понятийный аппарат бихевиоризма ввести понятие «промежуточные переменные»; связь между стимулом и реакцией стала рассматриваться не как прямая и жесткая, а как опосредствованная состояниями реагирующего организма. Не обсуждая вопроса о том, насколько продуктивным оказалось это понятие, отметим, что самый факт его использования в схемах анализа поведения подчеркнул несостоятельность (или по крайней мере ограниченность) принципа линейного детерминизма.

Казалось, что включение в формулу S—R «промежуточных переменных» дает возможность выхода из тупика, в который зашел бихевиоризм, следуя принципу линейного детерминизма. Однако, самое понятие «промежуточные переменные» — весьма неопределенно. Оно лишь указывает на то, что связь между S и R опосредствуется чем-то и что это «что-то» является переменным.

В конкретных исследованиях, опирающихся на принцип «промежуточных переменных», непрерывно накапливались новые и новые факты, которые не только не вносили определенности в понимание детерминации поведения, а, напротив, делали это понимание еще более расплывчатым. Складывалась картина нагромождения большого числа промежуточных переменных, связи между которыми оказывались очень запутанными. В этой ситуации спасательным якорем показалась идея *вероятностного детерминизма*, согласно которой связь между причиной и следствием является не жесткой и однозначной, а вероятностной. Воздействие события А (причина) может вызвать ответ (следствие) либо В, либо С, либо D и т. д.; при этом вероятности каждого из ответов могут быть различными. Конечно, это был некоторый шаг вперед. Реализация принципа вероятностного детерминизма в исследованиях поведения позволила получить новые ценные для психологии результаты (в частности, в психофизике и исследовании реакций).

И все же определение вероятностей возможных вариантов поведенческого акта в разных ситуациях дает лишь внешнюю, формальную картину, но не раскрывает характер детерминации содержательно. Остается вопрос: почему? Почему, казалось бы, одно и то же воздействие вызывает то один, то другой, то третий и т. д. ответ? В общем виде, можно сказать, что это зависит от условий, в которых происходит поведенческий акт. Или иначе, связь причины и следствия опосредствуется внешними и внутренними условиями, в которых она осуществляется. Здесь мы снова возвращаемся к идее *опосредствования*. В самой этой идее, конечно, ничего дурного нет. Туман и неопределенность возникают тогда, когда просто утверждается факт опосредствования, но не раскрывается, что и как опосредствует связи между изучаемыми явлениями. Понятие «промежуточные переменные» в этом плане мало что объясняет. Оно, как уже отмечалось, констатирует, что есть «нечто» (гипотетический конструкт) между внешним воздействием и поведенческим актом и это «нечто» — переменное. Но что представляет собой это «нечто», как оно включено в причинно-следственные связи и необходимо ли это включение? Эти вопросы в концепции промежуточных переменных не раскрываются.

Чтобы понять причинно-следственные связи в сложных системных объектах, мало сказать, что они являются опосредствованными. Необходимо раскрыть *реальные функции* тех звеньев системы, которые выступают в роли *опосредствующих*.

Именно в связи с задачей изучения реальных функций психики в поведении сформировалась и развивается та линия психологических исследований, которая заложена трудами основоположника отечественной психологии И. М. Сеченова, стоявшего на позициях материалистического детерминизма. Он писал, что действия человека безусловно подчинены закону причинности, что человек отличается от автомата чрезвычайным разнообразием действий при одинаковых с виду условиях, что за человеком всегда остается возможность поступать на много разных ладов при одинаковых условиях.

Анализируя поведение, Сеченов утверждал, что внешние условия действуют не иначе, как через посредство психологических характеристик и свойств человека. Именно психика является тем звеном, которое необходимым образом опосредствует связь внешних воздействий и поведенческих актов. Тем самым психическое было поставлено в единый ряд причинно-следственных связей материального мира. Из рефлексорной теории Сеченова вытекает, что мы не можем понять психическое иначе, как через изучение поведения, и что вместе с тем анализ поведения предполагает необходимым образом изучение психического.

Раскрывая основные функции психики в поведении, Сеченов показал, что она является отражением окружающих условий и поэтому — регулятором движений и действий. Учение об отражательной и регулирующей функциях психики позднее было развито в работах многих психологов. Именно благодаря этим функциям, психика необходимым образом включена в деятельность и поведение, поэтому и попытки их изолированного рассмотрения не могут привести к пониманию управляющих ими законов. Как бы детально нам ни удалось описать так называемую внешнюю картину поведения, мы не поймем его детерминант, если не раскроем ту роль, которую играет психика в единстве ее отражательной и регулятивной функций в организации поведения. Точно так же

попытки изучения психических процессов самих по себе, вне поведения, неизбежно приводят к отказу от научных методов познания,

Когда говорится о том, что связь внешних воздействий и ответных актов опосредствуется психикой, то естественно может возникнуть мысль о том, чтобы разложить эту сложную связь на составляющие. Можно рассуждать, например, так: если связь А и В опосредствуется С, то вполне разумно и достаточно изучить отдельные непосредственные связи А и С, С и В, чтобы понять суть опосредствованной связи А и В, т. е. представить связь А и В как простую сумму связей А и С, С и В. Однако на деле оказывается, что как только мы пытаемся вырвать отдельные «непосредственные» связи из системы, в которой они только и существуют и вне которой они существовать не могут, мы неизбежно получаем неточную, искаженную картину. Такая «вивисекция» не продвигает нас по пути понимания действительной детерминации поведения.

Если бы психика не осуществляла функций отражения окружающей среды и регуляции поведения, то она была бы просто ненужной; если бы поведение не включало необходимым образом этих функций, то оно не могло бы быть адекватным окружающей среде. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения поведенческого акта и включенных в него психических процессов как *единой системы*.

Поскольку представить человеческое поведение без желаний, намерений, мотивов и т. п. невозможно, встает парадокс - противоречие между сознательными, волевыми (произвольными) действиями человека и объективными законами действительности, в которой этот человек живет (независимыми от его сознания и воли).

Одной из попыток разрешения этого парадокса, получившей довольно широкое распространение, явился фрейдизм и другие, связанные с ним направления. Основной объяснительной категорией в них стало понятие *бессознательного*. Казалось бы, выход из парадокса найден: определено нечто, существующее вне сознания и независимое от него, т. е. объективное, и вместе с тем бессознательное, конечно же, является субъективным. Однако — это только кажущееся разрешение парадокса. Дело в том, что бессознательное характеризуется через противопоставление сознательному, сознанию. В поисках

же объективных законов самого бессознательного фрейдизм не выходит «за рамки субъекта», т. е. пытается вывести эти законы изнутри субъекта; психическое рассматривается вне связей с другими явлениями объективного мира, т. е. как некоторая замкнутая в себе реальность. Поэтому вместо формулировок действительных, хотя пока еще и слабо изученных законов предлагаются метафорические описания. Иногда утверждается, что самая возможность подхода к изучению объективных законов психики определяется тем или, по крайней мере, зависит от того, какую позицию занять в отношении бессознательного.

Высказываются утверждения, что то или иное решение этой проблемы является обязательным требованием к любому психологическому исследованию. Но с этим вряд ли можно согласиться. Исследователь, разрабатывающий какую-либо определенную проблему, имеет право абстрагироваться от других, и это не закрывает ему путь к познанию объективных законов психики.

В свое время в отечественной психологии проблема бессознательного (подсознательного, неосознаваемого) была фактически снята, что сказалось и на разработке проблемы сознания. Но сейчас вряд ли кто-нибудь подвергнет сомнению реальность неосознаваемых компонентов психики. Проблема соотношения неосознаваемого (подсознательного, бессознательного — между этими понятиями есть тонкие различия, которые здесь не обсуждаются) и осознаваемого является в психологии одной из важнейших. Весь вопрос в том, как подойти к ее решению. Вряд ли она может быть понята, если исходить только «изнутри субъекта». С нашей точки зрения, и неосознаваемое и осознаваемое являются разными уровнями субъективного, психического отражения и как таковые подчиняются объективным законам. Исследовательская задача состоит в том, чтобы вскрыть эти объективные законы, т. е. выявить, когда, как и при каких условиях возникает каждый из уровней и изменяются соотношения между ними.

Однако динамика сознательного и бессознательного (осознаваемого и неосознаваемого) является лишь одним из моментов в структуре поведения человека — важным, но не единственным. Эта динамика должна рассматриваться в плане более общей, принципиальной проблемы объективной детерминации поведения.

Нельзя противопоставлять друг другу объективные законы и сознательную деятельность человека (в каких бы формах она ни проявлялась). Напротив, нужно исследовать диалектику их взаимосвязей: раскрыть существенные детерминанты сознательных, волевых действий человека, рассмотреть их в контексте других объективных процессов и вместе с тем понять, как объективные законы жизни людей реализуются в этих действиях.

Одним из основных требований, вытекающих из теории отражения, является требование: рассматривать психические явления в системе других явлений материального мира. Их детерминация не может быть понята вне этой системы. Здесь мы должны обратиться к тому толкованию детерминизма, который вытекает из принципов системного подхода.

Прежде всего напомним, что системный подход требует иначе рассматривать те события или внешние воздействия, которые обычно оцениваются как причины поведенческих актов. В лабораторных исследованиях в качестве таковых обычно берутся некоторые отдельные элементы реальной ситуации (например, оптический, акустический или какой-либо иной сигнал). Между тем даже в самом тщательном организованном эксперименте очень трудно исключить из этой ситуации все остальное, оставив только данный элемент как единственное воздействие. Более того, даже если и удастся как-то элиминировать (или сбалансировать) все внешние воздействия, кроме одного — изучаемого, то и в этом случае далеко не всегда можно быть уверенным в том, что именно он-то и является причиной полученного следствия.

Когда речь идет об исследовании поведенческих актов (даже самых простых), то нужно иметь в виду, что мы всегда имеем дело не с отдельными изолированно существующими воздействиями, а с системой воздействий. В качестве причин того или иного поведенческого акта выступает, как правило, не отдельное событие, а *система событий*, или *ситуация*. При этом ситуация должна рассматриваться соотнесительно со свойствами и особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью. Дело в том, что ситуация, в которой осуществляется поведение, не сохраняется в неизменном виде. Напротив, она изменяется под влиянием поведения (деятельности), благодаря чему возникают новые воздействия на субъекта. Здесь важно

подчеркнуть, что влияние человека на свое собственное развитие и на свои состояния выступает не как непосредственное «внутреннее духовное самоусовершенствование», оно опосредствуется реальным изменением той ситуации, в которой человек живет, осуществляемым в процессе его деятельности.

Связь между причинами и следствиями в деятельности и поведении в целом является диалектической. То, что в одних условиях и при одних обстоятельствах выступает в качестве причины, в других — оказывается следствием. Раскрыть, каким образом в процессе реального поведения субъекта происходит *взаимопревращение причин и следствий*, и найти способы конкретно-научного анализа таких взаимопревращений — это, конечно, одна из сложнейших задач.

С не меньшими трудностями мы сталкиваемся, когда от анализа ситуации обращаемся к анализу самого поведенческого акта (или действия), либо более широко — поведения. В современной психологии и смежных с нею науках в этой области разработано немало концепций и теоретических моделей. Не рассматривая их подробно (это могло бы составить задачу специального исследования), отметим только, что во всех концепциях и моделях *поведение (и деятельность)* рассматривается как *система, имеющая сложное строение*.

Любая деятельность (как и поведение в целом) исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенной цели. Ее «психологическими составляющими» являются процессы антиципации, планирования, восприятия и переработки текущей информации, принятия решения и контроля результатов. В любой конкретной деятельности каждая из этих составляющих, так же как и их соотношения, обладают определенной спецификой. Так, в одних видах деятельности ведущим уровнем антиципации является сенсомоторный, в других — перцептивный, в третьих — речемыслительный. Динамика процессов антиципации в разных видах деятельности также оказывается различной. Это же можно сказать и обо всех других составляющих деятельности.

Внешне деятельность выступает как реализация некоторой программы, определяемой целью. Здесь сразу возникает вопрос: не противоречит ли признание этого принципу детерминизма. Известно, что понятие «цель» очень часто связывается с индетерминистскими представлениями. Объективная

диалектика преодолевает это противопоставление, обеспечивая возможность рассматривать самый процесс целеобразования и целеполагания как детерминированный. Цель и связанная с ней программа формируются на основе отражения той действительности, в которой человек живет. Вместе с тем, она регулирует его деятельность. Таким образом она органически включается в общую систему причинно-следственных связей, более широко: всех *форм связей, характеризующих детерминацию.*

Весьма трудным моментом в анализе детерминации деятельности (и поведении в целом) является тот факт, что она представляет собой систему саморегулирующуюся, а потому и чрезвычайно динамичную. Саморегуляция выступает не как некоторое выражение свободы человека, независимой от объективных законов. Напротив, она является формой проявления *самодетерминации*, возможность которой закономерно возникает на определенной ступени развития человека. Когда и как именно она возникает, это вопрос специального исследования.

В психологии уже накоплено немало данных, связанных с проблемой *саморегуляции*. Показано, в частности, что саморегуляция личности дает возможность в некотором смысле «преодолевать» действие внешних факторов. Это, конечно, очень сильно затрудняет анализ причинно-следственных связей в поведении человека. В самом деле, допустим, проводится простейший психологический эксперимент, в котором испытуемый должен при появлении некоторого сигнала выполнить какое-то движение. Исходя из известных законов обнаружения, различения, опознания и т. п., ожидаются определенные характеристики этого движения. Но вдруг оказывается, что испытуемый действует совсем не так, как ожидалось. Нередко данные, не соответствующие общей тенденции (некоторому предполагаемому закону), рассматриваются как артефакты: их просто не принимают в расчет как случайные.

Однако далеко не всегда они являются делом случая. Очень часто (а может быть, даже в своем большинстве) подобные факты возникают как результат саморегуляции и являются вполне закономерными. Значит, изучая поведение, необходимо всегда иметь в виду их сложное строение и большие возможности

человека в плане саморегуляции. Это, конечно, создает значительные трудности в познании объективных законов психики.

Дело осложняется еще и тем, что в психологических исследованиях мы очень часто сталкиваемся с *разделенностью причины и следствия во времени*. При этом «отдаленность» причины от следствия во времени может быть весьма большой. Если не учитывать это обстоятельство, то может возникнуть иллюзия: за причину интересующего события принимается то, что произошло непосредственно перед ним, а на самом деле реальная причина наблюдаемого события отделена от него значительным интервалом времени. В анализе поведения и деятельности, пожалуй, как нигде, часто совершается ошибка *post hoc, ergo propter hoc*, приводящая к тому, что действительная причина заменяется псевдопричиной.

В связи с вопросом об отношении причин и следствий во времени отметим еще один важный момент. Анализируя поведенческие акты, мы нередко стремимся рассматривать в качестве причины интересующего акта некоторое единственное предшествующее ему событие. Между тем действительной причиной оказывается целый ряд событий, предшествующих изучаемому поведенческому акту. Каждое из них само по себе не вызывает эффекта — эффект дает лишь их накопление (и сохранение информации об этих событиях в памяти). То есть, в психологических исследованиях мы нередко имеем дело с причинно-следственными связями, которые можно было бы назвать кумулятивными. К этому нужно добавить, что для психического развития человека (а также процесса формирования его деятельности) характерна гетерохронность, поэтому одна и та же причина в отношении одних «составляющих» приводит к одним результатам, в отношении других — к иным.

Вообще вопрос о соотношении причин и следствий во времени имеет для психологического исследования исключительно большое значение и требует специального методологического рассмотрения. Изучая поведение, мы сталкиваемся с фактами, свидетельствующими о широком спектре этих соотношений. Можно полагать, что особенности детерминации психики во временном плане существенно связаны с ее отражательной природой.

В любом поведенческом акте (действии) настоящее связано с прошлым и будущим специфическим образом. Его цель — более или менее определенная — формируется, конечно, до того как этот акт будет совершен. Но относится цель к будущему; это становится возможным только благодаря тому, что формируется она на основе отражения общих или частных тенденций развития событий, закономерных связей между событиями и т. д. При этом дальность прогнозирования (и соответственно отдаленность цели во времени от момента ее формирования) может быть различной.

В поведенческий акт, совершаемый в настоящем, включаются навыки, знания, умения, сформированные в прошлом, т. е. «аккумулированное прошлое». При этом интервалы между моментами их приобретения и использования также могут быть различны. Наконец, поведенческий акт зависит от конкретных условий в данный момент времени (настоящее). При этом, надо полагать, соотношение всех перечисленных моментов складывается в различных видах поведенческих актов (действий) по-разному.

Детерминанты поведенческого акта выступают не просто в роли некоего «первого толчка», только иницирующего его начало. *Реализация детерминации представляет собой развернутый во времени процесс*, осуществляемый в ходе выполнения этого акта; при этом может изменяться ее состав и структура. Иначе говоря, в систему детерминации так или иначе включается и самый поведенческий акт с его прошлым, настоящим и будущим.

Когда обращаются к изучению поведенческих актов, то их вариативность, определяемая их целенаправленностью, саморегуляцией, различной степенью накопления и интеграции прошлого опыта и другими факторами, обстоятельствами, условиями и т. п., создает подчас внешнее впечатление господства случайностей, проявлений «абсолютной свободы» и т. д. Но на самом деле эти акты также объективно детерминированы, как и любые другие явления. Более того, их вариативность закономерна. Она вытекает из системного характера детерминации.

Мы описали трудности, с которыми сталкивается психолог, стремящийся раскрыть объективные законы поведения и психики. Все эти трудности для линейного детерминизма непреодолимы. Их можно преодолеть только на пути

системного подхода, требующего рассматривать изучаемые явления как *сложные, многомерные, многоуровневые, динамические*. Такой подход позволяет рассматривать накапливаемые в психологии разноречивые (а часто и противоречащие друг другу) данные в единой логике, объяснить их действием одних и тех же закономерностей.

И все же остается вопрос: почему один и тот же человек в аналогичных условиях действует различным образом? Вряд ли кого-либо удовлетворит такое объяснение, которое полагает, что в одних случаях действует один закон, в других — другой. Это объяснение не снимает вопроса: почему? Почему в одних условиях действует один закон, в других — другой?

Представляется, что очень важным для раскрытия причинно-следственных связей в поведенческом акте является понятие *«системообразующий фактор»*. Именно этот фактор определяет в каждом конкретном случае особенности психического отражения предмета, средств и условий деятельности, а также уровень и динамику ее регуляции. В зависимости от него одна и та же закономерность может проявляться и неизбежно проявляется по-разному. Системообразующий фактор как бы задает «направление действия» закона. Причины, воздействующие на систему, могут быть сходны или даже идентичны, но следствия — различны, даже противоположны, и наоборот. Но тем не менее в их связях может проявляться один и тот же закон. Какое следствие будет закономерно получено при воздействии данной причины, зависит от того, каков системообразующий фактор.

В поведении человека в качестве системообразующего фактора могут выступать мотивы, цели, задачи, установки, субъективно-личностные отношения, эмоциональные состояния и т. д.

Естественно возникают вопросы: а откуда берется, чем детерминируется, как формируется системообразующий фактор? Кратко можно сказать, что он формируется и развивается в процессе жизни индивида в обществе. Чтобы понять закономерности формирования системообразующего фактора, мы должны выйти за пределы анализа отдельных поведенческих актов и обратиться к другому уровню и к другому масштабу рассмотрения жизнедеятельности человека, исследовать эту жизнедеятельность в контексте развития общества, т. е. перейти

к анализу макросистемы. Но здесь уже возникает новая задача, требующая специального исследования.

В исследовании детерминации поведения (и отдельных поведенческих актов) психология сталкивается с **детерминантами разного порядка**: единичными, особенными и общими. Иногда при этом на первый план выдвигаются единичные детерминанты, с которыми связывается уникальность индивидуальных проявлений психики. В своем предельном варианте такой подход потребовал бы исследования всей жизни одного отдельного индивида во всех деталях. Вряд ли этот подход может дать много ценного для науки, да и едва ли он осуществим. Однако это не исключает целесообразности и полезности для психологии исследовать специфические единичные случаи (например, жизнь выдающихся людей), но даже и в этих исследованиях единичное неизбежно рассматривается в связи с особенным и общим.

Формы детерминации не сводятся только к каузальным отношениям. Они многообразны. В реальном человеческом поведении так или иначе проявляются все эти формы. Когда речь идет о законах поведения, то важно выявить не только его **причины** (единичную, особенную и общую), но также **условия**, в которых оно осуществляется, общие и специальные **предпосылки**, объективные **основания** свойств индивида, **факторы**, влияющие на него. В сложную систему детерминации включаются и сами **действия** индивида, и уровень **саморегуляции**.

Соответственно и формулировка законов поведения не может ограничиваться констатацией только какого-либо одного вида существенных связей (хотя в специальных исследованиях это и допустимо). Раскрывая причинно-следственную связь, как ведущее звено закона, она вместе с тем должна включать также условия, в которых эта связь реализуется, внешние и внутренние факторы, которые на нее влияют, общие и специальные предпосылки, основания, действия индивида и особенности саморегуляции. Понятно, что в реальном поведении между всеми этими формами детерминации соотношения складываются по-разному. Но каждый раз они являются определенными. Что именно в данном конкретном акте поведения выступает в качестве причины, что — фактора, что — условия и т. д.? На эти вопросы, если

известны законы поведения, можно ответить определенно; также определенно можно и предсказать возможное поведение человека (но при этом надо знать, как будут развиваться условия, какие факторы могут возникнуть и т. д.). В формулировках законов поведения, таким образом, детерминация должна раскрываться как сложная система.

Мы попытались показать трудности, с которыми сталкивается психология в изучении объективных законов поведения и психики. а также наметить некоторые пути их преодоления. Вопросы, которые здесь затронуты, безусловно требуют дальнейшей разработки.

Выше отмечалось, что ведущая роль в детерминации поведения принадлежит системообразующему фактору. Но какой именно фактор выступает в роли системообразующего, определяется не только (и даже, пожалуй, не столько) «внутренними» законами развития субъекта, но и законами развития систем, которым он принадлежит. Формируемые ими факторы в известном смысле выступают как «внешние» для субъекта. Вопрос «внутреннего» и «внешнего» и их соотношения в формировании системообразующего фактора поведения человека требует специального исследования. Сейчас лишь отметим, что выявление системообразующего фактора поведения человека предполагает рассмотрение его в более широком контексте. В этой связи возникает проблема соотношения психологических законов с социальными, с одной стороны, и с биологическими — с другой.

В некоторых направлениях системного подхода выдвигается положение об изоморфизме законов различных систем. Конечно, между какими-то законами разных систем можно найти взаимнооднозначное соответствие. Однако соотношение законов разных систем более сложно, чем это представляется с позиций положения об их изоморфизме. Во всяком случае, пока мы еще не располагаем правилами, позволяющими находить взаимнооднозначное соответствие между законами, например психологическими и нейрофизиологическими или социальными. Психологические законы, как и любые другие, являются относительно самостоятельными, несводимыми к законам, раскрываемым пограничными с психологией науками, но, когда их действие рассматривается, например, в контексте жизни человека в обществе,

возникает вопрос об их соотношении с законами общества. Следовательно, законы, выявленные в психологии (прежде всего те, которые относятся к личности и социально-психологическим явлениям) должны быть сопоставлены с законами, открытыми в истории, экономике, социологии. Это, конечно, грандиозная задача. Ограничимся здесь лишь некоторыми общими замечаниями *о связи законов психического развития индивида и развития общества.*

Поскольку каждый индивид включен в социальную систему, его жизнь (и развитие его психики) подчиняется объективным законам жизни общества. Однако большим упрощением была бы трактовка психологических законов просто как воспроизведения социальных. Прежде всего нужно отметить, что законы общества относятся к массам людей, законы психики — к индивиду. Законы общества, конечно, не характеризуют детали поведения индивидов, их желания, мотивы деятельности и т. п. Но именно эти «детали» интересуют психологию. Это не значит, конечно, что психология имеет дело только с единичным, ее интересуют общие законы, но исследует она их в ином плане по сравнению с другими общественными науками.

Было бы неверно представлять себе движение индивида в массе людей подобно движению песчинки в массе песка. Каждый индивид включен в социальную систему специфическим образом, и это накладывает отпечаток на его поведение. Нужно также отметить, что психологические и социологические (в широком смысле) законы относятся к процессам разного масштаба.

Однако вместе с тем развитие индивида (и его психики) можно рассматривать как одну из форм проявления и реализации законов общества. Но это раскрывает лишь один аспект рассматриваемых соотношений законов. Другой аспект состоит в том, что социальные законы определяют содержание жизни индивида, а следовательно, и его психики.

В действии законов общества формируются условия, факторы и предпосылки психического развития индивида. Они определяют специфику соотношения разных форм детерминации поведения, о которой говорилось выше. Иначе говоря, связи законов развития индивида (и его психики) и законов развития общества многоплановы.

Необходимо отметить, что законы развития общества также многоплановы и имеют разные «радиусы действия». В исторической науке выделяются, например, законы общесоциологические, формационные и конкретно-исторические. Дальнейшее движение от законов наиболее общих к общим и специальным в конце концов должно бы привести через конкретную социологию к законам повседневной жизнедеятельности людей, «обыденной жизни». Многоуровневость и разноплановость социальных законов, конечно, еще более усложняет задачу соотнесения тех, которые изучаются психологией, с теми, которые изучаются другими науками.

Поскольку человек принадлежит также и к биологической системе, возникает вопрос о соотношении психологических законов с теми, которые изучаются биологией, в частности, генетикой и физиологией. Это касается прежде всего базового уровня в развитии психики, а также всего комплекса проблем, связывающих психологические науки с биологическими. Здесь мы сталкиваемся с вопросами о том, как действуют законы, например, наследственности в жизни индивидов и влияют ли они на их психическое развитие, что особенное вносит в развитие индивидов гигантский генетический полиморфизм, какова специфика проявления закона единства организма и среды. Как и социальные, биологические законы многоплановы, и это необходимо иметь в виду при сопоставлении с ними законов психологических. Таким образом, законы психики находятся как бы на пересечении биологических и социальных законов.

Исследование соотношений законов предполагает не только выявление их связей (например, иерархии частного и общего и т. д.), но и определение тех границ, в пределах которых они действуют.

Разработка общей схемы, которая раскрывала бы *связи разноплановых, разномерных и разноуровневых законов развития индивида и его психики*, — это задача будущего. Можно ожидать, что ее решение позволит по-новому оценить и те психологические законы, которые уже известны.

Изучение законов — это движение от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Сущность раскрывается как бы слой за слоем. При этом раскрытие более «глубоких» слоев вызывает потребность в переоценке наших знаний о слоях более «поверхностных».

«клетка» на разных ступенях исторического и индивидуального развития имеет разное содержание и структуру: от чувственно-практических до идеальных, теоретических. При этом инвариантное ядро «клетки» остается неизменным на всех ступенях ее становления.

В самом действии Рубинштейн выделяет внешнюю и внутреннюю стороны, которые могут также выступать как внешнее и внутреннее действие. Внешнюю и внутреннюю стороны имеют все моменты становления действия. Чтобы в этой структуре увидеть в зародыше все психические качества человека, ячейку психологии следует развернуть в четкой логической последовательности. Согласно Рубинштейну, действие как «единица» деятельности, взятая в его психологическом содержании, — это акт, который исходит из определенных **мотивов** и направляется на определенную **цель**; учитывая условия, при которых данная цель достигается, действие выступает как **решение** индивидом **задачи**, которая возникает. Действие как сознательный целеполагающий акт выражает основное специфическое отношение человека к миру: в нем человек — часть мира выступает как сила, которая сознательно изменяет мир. Переход от одних процессов действий к другим Рубинштейн понимает как переход на основе внутренней необходимости и определенной последовательности: потребность — сенсомоторная реакция — предметное действие и восприятие — мнемическая функция — мышление — выход за границы непосредственной ситуации — аффективно-эмоциональная сфера — воля с борьбой мотивов. Различая мыслительные, или интеллектуальные, эмоциональные и волевые процессы, Рубинштейн не устанавливает никакого дизъюнктивного деления в духе старой психологии. Каждый психический процесс — интеллектуальный, эмоциональный и волевой по своей природе. В зависимости от ситуации преобладает тот или иной аспект. Процессы включаются в действие, действия — в деятельность.

Новую ориентацию научно-психологического исследования Рубинштейн распространяет на все без исключения психические феномены, начиная от простых сенсомоторных процессов и завершая сознательно направленной целесообразной деятельностью. Дело не в том, что сознание непосредственно связано с деятельностью; само сознание следует истолковывать как такое, которое имеет структуру человеческого действия и направленность на определенный

объект. Любой акт мышления является решением задачи. Объективное содержание ее опосредствует и определяет мыслительный процесс. Вот почему логика вещей – объектов мысли – выступает определяющей относительно психики индивида и более или менее адекватно отображается в его мышлении.

В структуру действия в качестве «единиц» деятельности Рубинштейн вводит прежде всего «цели» и «мотивы», а также *предметный результат действия*, который определяет ее объективное значение. При этом в контексте разных конкретных *ситуаций* одно и то же действие может приобрести объективно разный *общественный смысл*. Создавая в процессе действия объективный продукт – материальный или духовный, человек через него соотносится с другим человеком и этим включается в общественную жизнь.

Рубинштейн то разводит «действие» и «поступок», то сводит их и почти отождествляет. Если поступок определяется позицией, отношением человека к окружающему миру, то такую же позицию, в конце концов, имеет любое действие человека и, наверное, не только ее. Считая «единицей» поведения поступок, а «единицей» деятельности – «действие», Рубинштейн не перебрасывает логический мостик между поведением и деятельностью.

Можно отказаться от такой двойственности в пользу *поступка*. Действие всегда есть поступок, а поступок есть действие. Показывая специфично человеческий характер действия, Рубинштейн незаметно осуществляет переход от «действия» к «поступку». Под этим актом он понимает такое действие человека, в котором обнаруживается его общественная природа, то есть такой акт поведения, в котором ведущее значение приобретают межчеловеческие отношения. В развитии этой мысли Рубинштейном объективно исчезает двойственный характер основной ячейки психического.

Следовательно – действие или поступок? Не может быть двух логических ячеек в психологической системе. На самом деле любое действие восходит к поступку тем более, чем более острой становится его внутренняя динамика, разногласие его структуры. Поступок является трудным для свершения действием и прежде всего определяется *коллизиями* своих моментов – ситуативного, мотивационного и действенного. Действие – это свернутый или еще неразвитый поступок. Поступок выступает развернутым в своей противоречивости действием. Как развернутое

обостренное действие поступок не оставляет вне своих границ никакого компонента психического, и именно поэтому он может и должен служить логической ячейкой в психологии. Логический ключ к таинственному «сундучку» психического должен иметь универсальный характер. Открывая один «сундучок», мы находим в нем другой, и так бесконечно.

Любое действие нельзя квалифицировать как поступок, даже если перед индивидом стоит проблема выбора. Знаменитый Буриданов осел оказался перед проблемой выбора лишь формально, и она не составляет для него сложности поступка. Как правильно заметил Гегель, осел одну за другой съест обе охапки сена – по левую сторону и по правую сторону от него – и не умрет с голода. Подобные действия не могут служить феноменом, который сосредоточивает в себе всю психику живого существа.

Нет смысла противопоставлять действие и поступок как такие феномены, которые имеют и не имеют морального содержания или не выражают и выражают социальную природу человека. Любой поведенческий акт является выражением отношения к другим людям. Существенное отличие действия и поступка состоит в том, что поступок связывается с противоречивостью ситуации, борьбой мотивов и необходимостью выбора, с установлением определенного отношения между целью и средствами действия, и все это при условии, что такой целью и таким средством выступает не мертвый предмет, а *живой человек*.

Вот эта преисполненная внутреннего огня и несокрушимой силы ячейка, в которой концентрируется все человеческое существо, в котором она формируется и выражается, может служить логической ячейкой психологии. Поступок, а не действие, разворачивая всю *драматичность выбора*, показывает настоящую меру самоопределения и определения человека со стороны другого. В этой мере – весь человек, вся его психика, с характером и свойствами личности, интересами и идеалами, настоящим творческим вдохновением.

Как ячейка психического поступок и раскрывает это психическое для любознательного ума человека. *Поступок* становится, следовательно, не только *предметом, но и методической основой* для изучения психики. Таков настоящий исторический смысл учения Рубинштейна о характере основной ячейки в психологии.

Несколько с других позиций, без ссылки на работы Рубинштейна и упоминания его имени, проблему основной ячейки психологии поставили психофизиолог и физиолог М.А. Бернштейн в своем учении о «физиологии активности» и физиолог П.К. Анохин в своей теории «функциональной системы». «Физиология активности» у Бернштейна связывается с идеей «рефлекторного кольца», что уже предусматривает самоактивность и саморегуляцию организма. Тем самым преодолевается старое учение о «рефлекторной дуге». Теория «функциональной системы» идет еще дальше и включает в свой предмет принцип выбора на основе самоопределения.

Учение М.А. Бернштейна о рефлекторном кольце и проблема логической ячейки в психологии. Признавая общий факт регуляции и контроля всех отправлений организма по принципу обратной связи, М.А. Бернштейн приходит к необходимости замены понятия рефлекторной дуги, не замкнутой на периферии, понятием *рефлекторного кольца* с непрерывно действующим потоком афферентной сигнализации контрольного или корригирующего значения. Вместо автоматизированной цепи простых рефлексов, связанных по принципу динамического стереотипа, физиология активности выдвигает непрерывный циклический процесс психического и двигательного взаимодействия с непостоянными условиями внешней и внутренней среды, которая разворачивается и продолжается как целостный акт вплоть до его завершения

Каждый значительный для организма акт (двигательное действие) представляет собой *решение определенной задачи действия*. Эта задача закодирована в мозге «моделью потребного будущего». Для реализации такой модели существуют процесс «вероятностного прогнозирования», который разворачивается на основе восприятия актуальной *ситуации* и «программирования действия», которое приводит к реализации «потребного будущего». В данном программировании простого или цепного действия можно видеть своеобразную интерполяцию между наличной ситуацией и такой, какой она должна стать в свете потребностей того или иного индивида. Для построения своей теории Бернштейн по сути использует ряд «поступковых» понятий. Он показывает поступковый характер действий всех уровней, перенося сложные психологические представления на низшие уровни реагирования живого существа («задача» или «цель» действия). Вопреки

Рубинштейну, который старался противопоставить действие и поступок, Бернштейн показывает их единый поступковый план, в связи с чем говорит об изменении ситуации, о решении определенной задачи, о ее цели и т.д. Физиология активности имеет прямое отношение как к поведению на уровне тропизмов, так и к сложным формам целенаправленного влияния на окружение. Это и дает основание Бернштейну говорить о целеустремленности любого организма. Больше того, организм не просто реагирует на ситуацию или сигнально-значащий элемент, а должен реагировать в динамично непостоянной ситуации, в связи с чем она ставит его перед необходимостью **вероятностного прогноза, а затем и выбора.**

В теории Бернштейна делается больший акцент на принятии решения о действии, чем на самом действии. Он признает, что создание модели, которая осуществляет или улучшает выбор оптимальной формы поведения в условиях сугубо вероятностной информации о среде, представляет большие трудности. Это поясняется тем, что процесс жизни есть не «уравновешивание с окружающей средой», как понимали мыслители периода классического механицизма, а преодоление этой среды, направленное при этом не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения.

Бернштейн по сути говорит о взаимном переходе поступка и действия, когда выдвигает такое положение, что организм реактивен относительно своих несущественных переменных, но в высшей мере активен относительно существенных. Акция и реакция меняются местами. Действие становится поступковым, **приобретая активность относительно важных переменных**, хотя любое действие включает прогнозирование, выбор, принятие решения и т.п. При этом его теория активности живого существа, которое все время вынуждено осуществлять срочный активный выбор в стохастических условиях, не противоречит научному детерминизму.

Сохранение детерминистического принципа в сфере поступкового действия делает поступковую ячейку более обоснованной методологически. Вместе с тем расширяется понимание **психологического детерминизма**, в который включаются идея **самосозидания причинных отношений**, предположение о

возможности их определенной идеализации или выхода за границы имеющихся объективных условий. Образ потребного будущего имеет полную силу реального воздействия и наполняет поступок человека напряженностью неистребимой энергии. В другой теории ячейки психического, которая станет предметом следующего рассмотрения, внимание будет сосредоточено главным образом на результате поступка, поступкового действия, которое выступит фундаментальным фактором в построении системы психического и психологической системы.

Теория функциональной системы П.К. Анохина. Подчеркивая недостатки «общих теорий систем» (Л. Бергаланффи и др.), выдающийся физиолог П.К. Анохин главной их причиной считает отсутствие в этих теориях *системообразующего фактора*. Осталось не раскрытым, какой из многочисленного количества компонентов, которые хаотически взаимодействуют между собою, организует «упорядоченное множество» – систему. Анохин считает таким системообразующим компонентом конкретный *результат деятельности* данной системы. По его мнению, упорядоченность во взаимодействии множества активных элементов системы, в том числе физиологической или психологической, устанавливается в зависимости от степени их содействия получению целой системой конкретного полезного результата.

Признавая важность идеи о конкретном результате действия системы как системообразующем факторе, следует прибавить, тем не менее, что этот результат необходимо превратить в *ячейку* системы во всей ее сложности и противоречивости. В психологической ячейке одинаково важны и ситуация, и мотив, и акт свершения, и учет результата поступка. В процессе перехода от физиологического уровня мышления к психологическому становится очевидным, что все три названных компонента поступка, учитывая и его результат, образуют живую систему психического. Точнее, эту роль выполняет единое поступковое действие как то, что в акте самосозидания выступает психологической ячейкой, то есть репрезентирует все психическое, являясь его живым сосредоточением, узлом разногласий, фокусом, основным его работающим органом, который отражает всю полноту психического.

Чтобы создать большую систему, сама ячейка должна быть маленькой системой. Она является не логическим абстрактом, а живым механизмом

самосозидания, который сам разворачивается в большую систему, создает ее. Вот почему следует говорить не о факторе, а о «целостной ячейке», которая, как в микромире, вмещает в себе имплицитно весь макромир. Вот почему следует подчеркнуть, что вся архитектура функциональной системы, выступая логической моделью поведенческого акта, является ячейкой психологии. Результат действия функциональной системы имеет отношение уже непосредственно лишь к этой ячейке.

Открывая узловые специфические механизмы функциональной системы, Анохин одновременно выделяет ряд важнейших компонентов поступковой структуры — афферентный синтез, принятие решения, формирование акцептора результата действия.

Афферентный синтез. Решающими компонентами афферентного синтеза оказались ориентировочно все основные моменты поступка – доминирующая в данный момент мотивация, обстоятельственная афферентация, пусковая афферентация, а также память. Основным условием афферентного синтеза Анохин справедливо считает одновременное совпадение всех четырех участников этой стадии формирования функциональной системы. Конвергенция разных биологических состояний организма, например голода, боли, ориентировочно - исследовательской реакции, приводит именно к афферентному синтезу, которому отвечает такая телесная, мозговая параллель, как интегративный блок. Анохин показывает, что синтетический процесс осуществляется на основе конвергенции возбуждений на одном и том же нейроне. Афферентный синтез, который делает возможным ответ на вопрос о том, какой именно результат будет получен в данный момент, обеспечивает постановку цели, достижению которой будет оказывать содействие дальнейшее развертывание логики функциональной системы.

Принятие решения. Оценка возможных результатов в случае конкретной доминирующей мотивации начинается еще на стадии афферентного синтеза. То, что происходит на стадии «принятия решения», является уже результатом выбора на основе продолжительной оценки разных результатов, которые внутренне формируются. Согласно Анохину, любое принятие решения после того как завершится афферентный синтез, является выбором наиболее соответствующих

степеней свободы действия. Далее происходит освобождение от чрезмерных степеней свободы. Момент принятия решения имеет преимущественно характер внезапной интуиции.

Анохин допускает физиолого - психологическую двойственность в толковании «функциональной системы». Физиологическое моделирование поступка не может иметь завершающего значения, и здесь на помощь приходит моделирование психологическое. Недостаточная результативность физиологической интерпретации состоит в том, что на самом деле ситуация, мотивация и поступковый акт, который включает и реакцию на поступок, выступают моментами, сторонами поступка, а не его этапами. Такое *единство* имеет место только в границах психического. Физиологическое же мышление все это огрубляет, раскладывая наподобие физического предмета.

Формирование акцептора результата действия. Акцептор действия по сути является выражением последовательного развития всей цепи компонентов поведенческого акта (поступка). Он отображает афферентные свойства того результата, который может быть получен в соответствии с принятым решением, а следовательно акцептор опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром. В сопоставлении полученного результата с результатом идеальным возникает возможность исправить отклонения поведения или же довести несовершенный поведенческий акт до уровня совершенства. Здесь уместно вспомнить учение Бернштейна о рефлекторном кольце: результат – обратная афферентация, сопоставление – оценка реальных результатов действия – коррекция – новый результат и т.д.

Как считает Анохин, каждый поведенческий акт, который приносит какой-либо результат, неминуемо формируется по принципу функциональной системы. В общей теории функциональной системы Анохина были найдены универсальные черты функционирования, изоморфные для большого количества явлений. Педагогика, медицина, искусствоведение, психология и многие другие дисциплины могут раскрыть свои таинственные глубины именно на почве учения о функциональной системе. Анохин показывает, какое эвристическое значение имеет его концепция для раскрытия природы активного интеллекта и других психических свойств человека.

Поступковая природа психического и предмет психологии. Живой организм и жизнь человека изучают разные науки – биомеханика, биохимия, биология, физиология, функциональная анатомия, антропология, кибернетика, социология и др. К основным дисциплинам, которые изучают жизнедеятельность человека принадлежит и психология. Она имеет свой специальный предмет изучения. Это – психика. Однако что именно принадлежит к психическому, иными словами, какова его природа, – вопрос, на который нет однозначного ответа.

Человек в своем существовании имеет две стороны: *объективную*, вещественную, телесную, которая имеет свое строение, соответствующие функции, которые обеспечивают жизненный процесс, и *субъективную*, идеальную, которая также имеет свою структуру и выполняет определенные жизненно важные функции. Строение и функционирование тела человека в его частях или целостности изучаются многими естественными науками. Однако они не исследуют субъективную, идеальную сторону индивида, а берут свой предмет сугубо объективно, как он дан объективному наблюдению. Психология интересуется прежде всего субъективной, идеальной стороной жизнедеятельности человека. Тем не менее она исходит из того, что эта субъективность, идеальность, а в равной мере и живая телесность организма, не имеют отдельного существования. Оно представляет собой одно, *единое*, хотя и имеет два проявления – телесное и субъективное. Ни телесное, ни субъективное на разных уровнях своей деятельности не могут быть понятными одно без другого. Вот почему может существовать наука, которая изучает отношение телесного и субъективного, которое в наиболее общем виде можно квалифицировать как *отношение внешнего и внутреннего*. Такой наукой и выступает психология.

Если бы внешнее и внутреннее имели одно и то же содержание, были тождественными, психология как наука была бы невозможной. На самом деле внутреннее и внешнее отличаются как по форме своего существования, так и по содержанию. Между ними существуют сложные, противоречивые отношения, связи. Они «переходят» друг в друга и в этом акте взаимно обогащаются. В результате каждого такого «перехода» в процессе жизнедеятельности появляются новые моменты.

Психология изучает не все телесные акции индивида, а только такие, которые выражают внутреннее, субъективное его состояние и со своей стороны приводят к его возникновению, появлению или оказывают содействие этому. Границы психологии и непсихологии устанавливаются довольно условно. Дифференциация наук, которые изучают, в частности, человеческий организм, становится возможной на основе утраты интегрирующего подхода к функциональным связям как внутри организма, так и его связям с средой - средой естественной и общественной.

Именно в отношениях индивида и среды, в самой этой взаимосвязи и возникает разногласие внутреннего и внешнего, которое вынуждает человека активно создавать *свою среду* и *самого себя* как «существующего тождественным в изменениях» (Гете). Активное отношение внутреннего и внешнего в человеке есть его поведение. В общем понимании оно является выражением определенного *жизненного отношения* индивида и среды. Это отношение бывает непосредственным (без включения субъективного опосредствования) и опосредствованным (с включением такого опосредствования).

В ходе поступательного развития человека, в особенности с появлением у него *внутреннего плана действия* (ВПД), субъективное приобретает относительную самостоятельность. Это, однако, не означает, что субъективность может существовать вне реальных практических действий индивида. В психологических исследованиях был установлен ряд корреляций между реальными действиями и субъективным миром человека. Субъективное, умственное действие возникает на почве практического телесного действия. Первоначально человек осуществляет определенные операции с реальными предметами, а потом он получает возможность осуществлять эти операции в мыслях. Телесное действие существует до тех пор, пока в нем и через него осуществляется какая-то цель. Субъективное можно понимать как замысел, а телесное действие – как осуществление этого замысла. Внешнее действие имеет смысл лишь относительно субъективных намерений: можно сжать кулак для разминки руки и для угрозы. Разные действия могут иметь один и тот же смысл: обидеть человека можно словом и действием. Одной и той же цели можно достичь разными путями, даже осуществляя противоположные действия.

Глубокая связь между субъективным и его внешним выражением обнаруживается в том, что разные барьеры, преграды, затрудняя выражение желаний, достижение целей, приводят к основательному преобразованию ВПД. Если закрыт путь А, индивид старается идти путем Б. Далее возникает поведенческая компенсация, в которой он уже осуществляет что-то другое. Сорвать гнев на ком-то означает, что человек должен выразить себя в действии, иначе нереализованное намерение приведет к страданиям. Следует подчеркнуть косвенный способ выражения поступка. Крайние случаи, когда барьеры оказываются не преодоленными, могут стать причиной невротического поведения. Непосредственное единство внутреннего и внешнего составляют эмоции.

Субъективное иногда сводят к регулятивной функции организма, но этим не исчерпывается роль субъективности. Она приобретает определенную самостоятельность в жизненных актах и направляется к собственной самоосуществленности человека.

Предмет психологии определяется на основе выяснения общей природы психического и его конкретных проявлений в тех или иных видах человеческой деятельности, которые составляют области психологии. В начале исторической поступи психологии ее предмет ограничивали субъективным миром человека. Психологи (они же были и философами) изучали конкретные формы человеческой субъективности – ощущение, мышление, память, воображение, чувства, волевые усилия и т.п.. Жизнь тем не менее свидетельствовала, что субъективное само по себе не существует, что оно имеет телесный, материальный субстрат и что вместе с исчезновением, разрушением этого субстрата психическая субъективность прекращает свое существование. Миновало много времени в становлении науки вообще и психологии в частности, пока субстрат психического стали связывать с мозговой структурой, с высшей нервной деятельностью.

Жизнь также показывала, что психическое как субъективное соотносится не только с мозговым субстратом, но и с окружающей человека средой. Содержание субъективности берется из этой среды, но не как простое перенесение внешнего во внутренний план действия, а как идеальное отображение материального мира в виде его образного бытия. Аристотель в связи с этим заметил, что вещь

существует в психическом не в форме своего телесного бытия, а как идеальный образ.

Практика жизни и научное наблюдение показали (речь идет уже о XIX и XX ст.), что важное содержание психического, субъективного берется не как зеркальное отображение окружающего мира, а как результат практического преобразования этого мира человеческой деятельностью. Отсюда возникает необходимость установления глубинной связи между всеми компонентами, которые входят в структуру психического и формируют ее: субъективным отображением, телесным субстратом, объективной действительностью, практической активностью человека. Следует указать на психологическую категорию, которая была бы важной связкой между всеми этими компонентами.

Объективная действительность существует для психического по мере ее практического освоения человеком. Но эта же действительность имеет в себе еще и ту часть, которая не освоена, не отображена человеком ни в его знаниях, ни в деятельности. Своим практическим действием человек все время превращает объективное неосвоенное в объективное освоенное, делает его своим. Освоенный человеком объективный мир, в который и он сам входит как его компонент, называется *ситуацией*.

Субъективное отображение объективного мира, которое осуществляется на почве телесного (мозгового) субстрата и выражается в формировании эмоционально определенного, активно – волевого образа как основы для деятельного отношения к объективному миру, называется *мотивацией*. Как и ситуация, мотивация представляет собой образование, которое имеет субъект-объектную структуру. Если бы мотивация была сугубо субъективным образованием, она никогда бы не стала основой действия, деятельности.. Ее сутью является ситуационное отношение к предметному миру и направленность субъекта на *определенное изменение ситуации*.

Изменение ситуации в действии, которое определяется мотивацией, является своеобразным актом свершения с целью преобразования отношений, существующих между человеком и природой, а также отношений межличностных. Все это составляет единое отношение «человек – мир» (Рубинштейн). Этот своеобразный акт, основой которого являются ситуация и

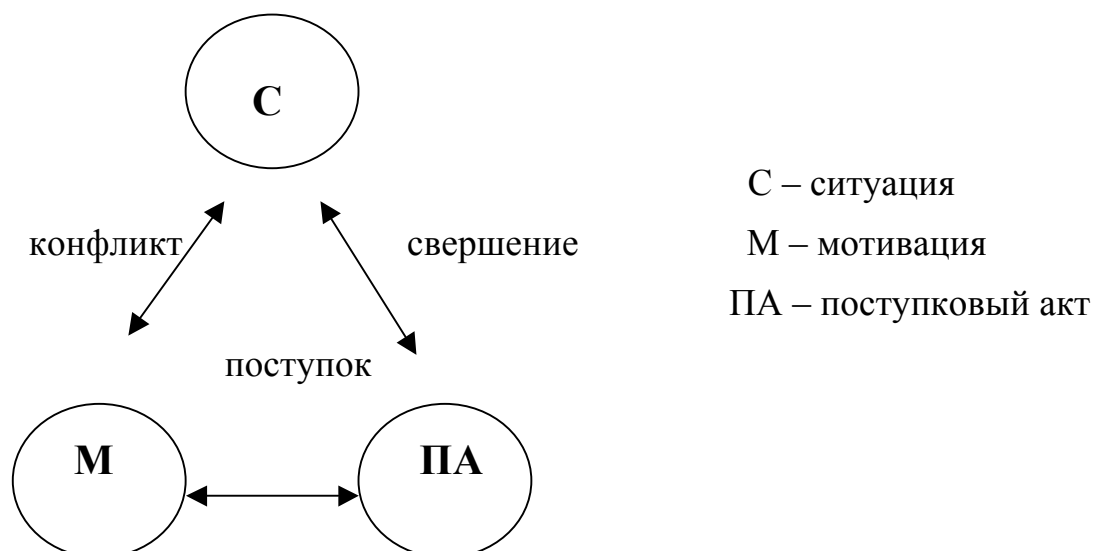
мотивация, есть *акт поступковый* – как акт преобразования отношения «человек – мир».

Отношение «человек – мир» обнаруживается через поступковые отношения. Они прежде всего показывают субъективную определенность ситуации, объективную определенность мотивации и сам поступковый акт как базу их взаимного обогащающего перехода.

Любое психическое образование является результатом самоактивности человека, которая в свою очередь проявляется через поступок. Этим и объясняется тенденция научной психологии рассматривать важнейшие психические образования как такие, которые имеют поступковую структуру, то есть содержат в себе ситуативный, мотивационный и действующий моменты.

Историческое развитие науки психологии есть непрерывное преобразование такой поступковой ячейки. Надо только увидеть в многообразии ячеек единый план. Он и составляет план, или структуру, поступка. Последний находится во всех имеющихся ячейках и является их внутренней сущностью. Эта сущность, тем не менее, вырастает из предшествующих ячеек, «вылупливается» из них, как птица, превосходит их и становится самостоятельной ячейкой.

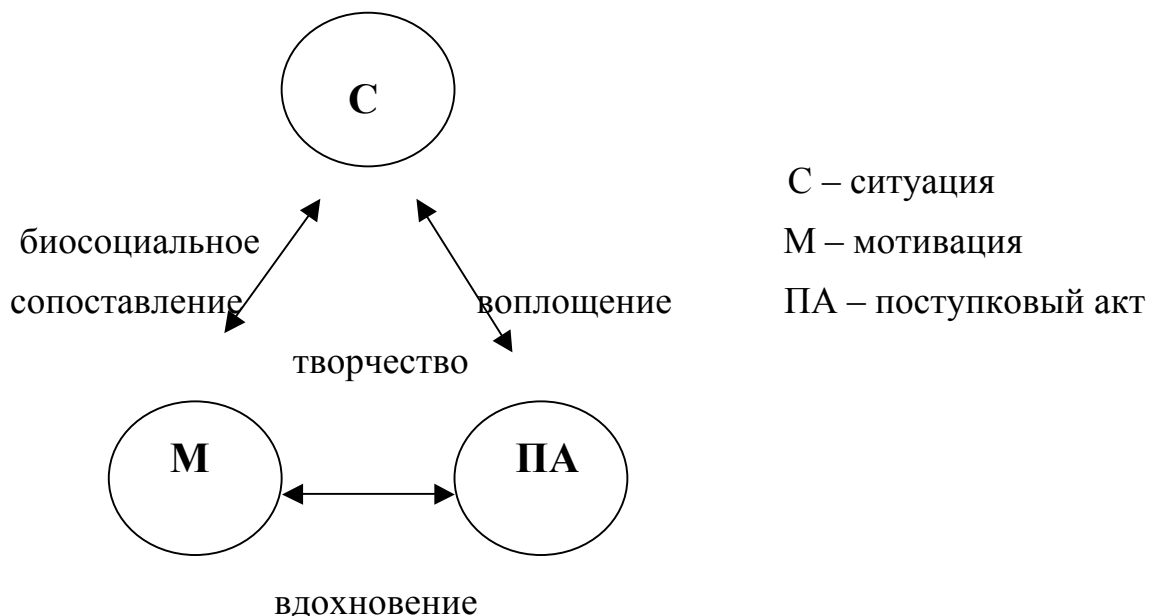
Если идет речь о потребностях, фантазии, интересе, личности, творчестве или других особенностях психического, мы все время возвращаемся к единой исходной структуре психического, к его своеобразному «архетипу». Иначе говоря, предметная деятельность, игра, познание, проявления характера, темперамента, способностей и др. определения психического могут и должны быть поняты в своей структуре как поступки.

борьба
МОТИВОВ

Поступковая природа психического существует до любого ее познания. Тем не менее открытие и широкая интерпретация этого факта стали предметом психологии только в наше время. Если в прошлом структура поступка в курсах психологии рассматривалась наряду с другими психическими структурами, то ныне в психологии все в большей мере обнаруживается тенденция понимания поступковой ячейки как центральной. Общую схему поступка как логической ячейки психологии можно представить в таком виде (см. рисунок выше).

Для понимания, например, творчества эта схема может быть конкретизирована таким образом:

Поступковая ячейка и психологические закономерности. Построение психологической ячейки – поступка – дает возможность раскрыть характер психологических закономерностей. Формирование поступка является главной базой возникновения этих закономерностей, их творческого характера. Ни один психический акт не осуществляется, пока окончательно не вызревает его ситуативный момент, который является освоением среды, социального

окружения. Развитие ситуации представляет собой освоение не зависимо от человека мира, переведение освоенного в неосвоенное, установление соответствующих отношений. Первым детерминантом развития поступка является установление ситуативных отношений, вторым – мотивационных, третьим – отношений действия. Разногласие, которое возникает между ними, решается и является движущей силой становления психического в целом. Переход ситуации в мотивацию и поступковый акт проявляет закон *достаточного основания* или *внутреннего вызревания* поступка, – наиболее общий его закон.

Обострение ситуационного конфликта, возникновение коллизии переживаются человеком как амбивалентное состояние, раздвоенность, как невозможность действовать, как препятствие, которое надо ликвидировать, «очиститься» от него, осуществить *катартический эффект*. Человек имеет тенденцию вмешиваться в ситуацию, доводить ее до конфликтного состояния, коллизии, а потом – ликвидировать это состояние (закон драматического протекания чувств).

Чем больше заостряется ситуационный конфликт, тем более интенсивной становится эмоциональная реакция на него и необходимость катарсиса. Но катарсис может быть осуществлен лишь на основе преобразования отношений, а прежде всего их выяснения. Это осуществляется на основе мотивационной сферы. Она является продолжением развития ситуации, осознанием ситуационных отношений. Мотивация в конце концов лишь заостряет ситуационный конфликт, в нем самом отыскиваются механизм и пути его преодоления, определяются направление и характер изменения ситуации. Мотивационная амбивалентность занимает теперь место ситуационного конфликта. Мотивация стремится к идеальному решению конфликта. Но то, чего она может достичь, является лишь мотивационным обрастанием компонентов ситуационного конфликта, так что между ними остается все то же расхождение. Мотивация поэтому продолжает ситуативное расхождение и не устанавливает связующего звена между своими амбивалентными компонентами.

Ситуационный конфликт и мотивационная амбивалентность разводят вследствие своего созревания свои противостоящие компоненты, чем никак не

может замкнуться причинная цепь. Ни ситуативно, ни мотивационно разногласия бытия не снимаются. Они только осознаются. И всегда перед человеком остается возможность действовать и так, и иначе. Лишь **практическое действие** поступка является **замыканием причинной цепи**. Можно говорить об определенном «дуализме» ситуации и мотивации, но действие всегда «монистично». Оно в конце концов и выступает промежуточным звеном между альтернативизмом мотивации и конфликтностью ситуации.

Практическое сознание поступкового действия, замыкая причинную цепь, осуществляет реальный синтез альтернатив и амбивалентности именно потому, что человек хочет выйти в сторону **индивидуализации, неповторимости**. Именно эти черты типично характеризуют поступковое действие. Индивидуализация, неповторимость, оригинальность – не простое отбрасывание альтернатив и амбивалентности, а удержание их в высшем **практическом синтезе**. Это и выступает исходным положением для понимания психологических закономерностей. Все законы психической деятельности завершаются в принципе индивидуализации (неповторимости) и своеобразности, который у человека приобретает наивысшее выражение в творческой деятельности. Постичь эту **творческую индивидуальность человека** в историческом и индивидуальном развитии и есть **основная задача психологии**.

Особенности психологических закономерностей состоят в том, что они из общеповеденческих становятся такими, которые выражают индивидуализацию каждого живого существа, в особенности человека. Индивидуализация – это психологический принцип, в рамках которого разворачиваются определенные закономерности. Тяга к творческой неповторимости – одна из ведущих психологических закономерностей.

Определение научной психологии. Психология является наукой, которая исследует единицы и способ поведения человека – **поступки**: как они зависят от ситуации, мотивации и поступкового акта и как они, с другой стороны, влияют на эти свои основные компоненты. Поступок объединяет в одну действующую систему и среду, и наследственно данные влечения, и сами поведенческие акты, предоставляя им соответственно смысл ситуации, мотивации и поступкового акта.

В таком случае они выступают как компоненты, которые взаимно определяют друг друга.

Все, что существует и возникает в психике, имеет поступковую природу. Разнообразие психических проявлений лишь свидетельствует о бесконечных возможностях поступка выступать в разных «лицах», вплоть до целостных выражений «личности», и одновременно быть известными почти для каждой психологической системы образованиями — ощущениями, восприятиями, памятью, волей, мышлением, фантазией, чувствами, идеалами, интересами, потребностями, одаренностью, способностями, характером, а также быть их синтезом в «я» и в самовыражении человека.

Итак, *поступок является и ячейкой, и главным предметом психологии*. Он выступает также эталоном, к которому в своем поступательном движении примеряются и от которого отступают известные в психологии феномены. Задача научной психологии состоит в раскрытии поступковой природы всех психических проявлений, а следовательно в построении общей и специальных теорий поступка.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ. АЛЬТЕРНАТИВЫ

В.Д. ШАДРИКОВ. ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРЕННЕГО МИРА.

Определение понятий Говоря о предмете нашего рассмотрения, мы должны выделить такие понятия, как «мир», «жизнь», «реальный», «внутренний».

Начнем с понятия «мир». Толковые словари дают различные определения: это и совокупность всех форм материи во вселенной; и отдельная часть вселенной, планета; и земной шар вместе с населением; и отдельная область жизни (жизнь людей); и отношения людей без вражды и конфликтов. Мы будем использовать понятие мир как отдельную область явлений.

Столь же многообразны и определения «жизни»: это и особая форма существования и движения материи, возникающая на определенных ступенях ее развития; и физиологическое существование человека и животных; и деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; и совокупность явлений, происходящих в организмах. В дальнейшем под жизнью мы будем понимать совокупность психических явлений и событий, происходящих с человеком. Эти явления и события составляют отдельную область - *психический мир* человека. События эти происходят с человеком и в человеке, то есть в *мире внутреннем*.

И, наконец, когда мы говорим о чем-то «реальном», то данным понятием обозначается тот факт, что предмет рассмотрения действительно существует, независимо от изучающего и наблюдающего его субъекта. Мир человека формируется, живет и развивается по определенным законам, определенным образом структурирован, характеризуясь определенными внутренними

отношениями и взаимодействием между отдельными своими частями. В своей системе это создает *мир внутренней реальной человеческой жизни*.

Зарождение внутреннего мира Внутренний психический мир человека является частью человеческой жизни. Уже эмбрион реагирует на состояние матери и события внешнего мира. Можно сказать, что он живет одной жизнью с матерью. В постнатальный период эта связь с матерью и внешним миром остается, но принимает другие формы - она регулируется психикой ребенка, которая в этом взаимодействии и развивается.

Первой особенностью этого взаимодействия является то, что оно детерминируется внутренним состоянием младенца, его потребностями и связанными с ними переживаниями. Интересно отметить, что современные нейрофизиологические исследования показывают, что в первые 2-3 месяца жизни мозг ребенка пассивен по отношению к среде, активного взаимодействия с внешним миром не происходит. Ребенок переживает себя, свои состояния и связывает их с матерью. В этом процессе опредмечиваются его переживания: состояния удовлетворения достигаются за счет объекта вне ребенка. Чувства ребенка неразрывно связываются с предметным миром. Подчеркнем, что переживания ребенка едины с его органическими ощущениями; они еще не могут осознаваться, но в своем единстве составляют основную жизнь ребенка. В процессах удовлетворения потребностей предметы внешнего мира приобретают для ребенка значение, смысл и эмоциональную окраску. Внешний предметный мир наделяется значением и переживаниями и выступает в единстве с внутренним миром ребенка. В процессе опредмечивания переживаний формируется единство ребенка и внешнего мира, прежде всего его единство с матерью.

Длительное время в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда, И хотя С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что всякий психический факт - это момент реальной действительности и отражения действительности - не либо одно, либо другое, а одно и другое, и что именно в этом заключается своеобразие психического, «действительность» доминировала во взглядах на порождение психического. Мысль Рубинштейна о

том, что всякое психическое образование это и переживание и знание, не нашли должного развития. Да и не могла найти, т.к. с позиций рассмотрения психического как отражения действительности первичным является внешний мир. Но в реальности первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются.

Человек часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующим знанием о природе и обладать определенными навыками. Знания об окружающем мире всегда функциональны, то есть они получаются ребенком в процессе разрешения жизненно-важной задачи. Эти знания служат удовлетворению определенной потребности и поэтому всегда сопровождаются переживанием. Жизненно-важные знания всегда связаны с переживанием. В этих переживаниях отражается личностный смысл знаний, получаемых от взаимодействия человека с внешним миром в процессе жизнедеятельности.

В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» (вещь в себе становится вещью для меня). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Субъективный образ объективного мира, его формирование включается в процесс жизни человека, обеспечивает эту жизнь, является ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться).

Репрезентация внешнего мира во внутреннем. Внешний мир представлен в формирующемся внутреннем мире в различных знаковых отображениях. Прежде всего он предстает субъекту в его чувственных ощущениях и восприятиях и в виде ощущений и восприятий включается во внутренний мир. Вполне естественно утверждение, что разные чувства отражают различные стороны объективного мира, они с этой целью и сформировались в процессе эволюции человека. Следовательно, разные ощущения дадут нам различную картину мира. С особой стороны, но тесно связанной с восприятием, внешний мир будет представлен на языке потребностей человека, насыщен определенными личностными смыслами и переживаниями.

Внешний мир может быть представлен субъекту на языке движений, действий и деятельностей, связанных с определенными целями и мотивами. Он может быть представлен знаками и символами, имеющими различное значение и смысл, различную эмоциональную насыщенность.

Наконец, внешний мир описывается на языке слов, наделенных определенным значением, которое у субъекта насыщается различным смыслом, ценностями и переживаниями. Одно и то же словесное описание по-разному воспринимается различными лицами в зависимости от их жизненного опыта. Слово многозначно. Поэтому внешний мир, описанный словами, во внутреннем мире у различных субъектов представлен по-разному.

Из сказанного становится ясным вся сложность репрезентации внешнего мира и богатство внутреннего мира человека. При этом многообразии форм представления внешнего мира не лишает внутренний мир целостности.

Единство и независимость внешнего и внутреннего миров. Внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире опредмечиваются текущие потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира приобретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа.

В потоке жизни, состоящем из действий и поступков, идет постоянная смена информационных моделей, обеспечивающих конкретные действия и поступки. Актуальные модели переходят в потенциальные, которые в своем единстве составляют внутренний мир. Актуализация потенциальных моделей, составляющих внутреннего мира, происходит по функциональному принципу, сформулированному С. Л. Рубинштейном для процессов припоминания: мы помним, что не помним – припоминая, иногда убеждаемся, что вспомнили не то – актуализируем знание о связях, в которых стоит забытое нами – припоминаем забытое в известном смысловом контексте – убеждаемся, что восстановленное в памяти и есть искомое. Здесь важно, во-первых, то, что отдельные блоки информации во внутреннем мире связаны друг с другом функциональными связями и составляют единое целое – внутренний мир. Во-вторых, в конкретные моменты времени мы не только не помним того, что

включено в память, но и с трудом это можем актуализировать. Но от того, что мы не помним чего-то, не следует, что этого не содержит наша память.

Отметим, что функциональным принципом работы памяти объясняются многие обмолвки. Например, вы длительное время встречались с одним человеком, и, может быть, были с ним близки, затем вы расстались, и вам встретился другой человек. В этом случае вы можете часто ловить себя на мысли, что вы называете его именем первого.

В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним миром, но одновременно внутренний мир самостоятелен, существует независимо от внешнего мира. Это *внутренний мир человека, проживающего свою жизнь*.

Но проживает свою жизнь человек во внешнем мире. Единство внутреннего и внешнего миров особенно убедительно доказывается исследованиями явлений депривации. Различные формы депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, социальной - всегда приводят к нарушению нормального функционирования психики. Обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспектах. Широко известны результаты исследований детей в условиях детских учреждений, когда при нормальных биологических факторах развития наблюдаются обедненные социальные контакты, недостаток эмоциональных отношений. В этих условиях наблюдается общая задержка развития ребенка.

В условиях депривации у человека усиливается потребность в ощущениях и переживаниях, что осознается в форме сенсорно - эмоционального голода. Активизируются процессы воображения, нарушается ритм сна и бодрствования, развиваются гипнотические состояния. Снижаются показатели функционирования практически всех познавательных процессов, наблюдаются иллюзии и галлюцинации.

Внутренний мир и душа человека. Переживания человека пронизывают все идеальные компоненты психической деятельности. Это относится и к образам восприятия, и к информации памяти, и к процессам принятия решений, разрешения жизненных конфликтов и деятельностных задач. Другими словами, все идеальные компоненты психологической системы деятельности связаны с

переживаниями. Следовательно, вся **информация**, составляющая содержание внутреннего мира, будет **пронизана переживаниями**. Это принципиальное отличие информации внутреннего мира человека от информации, циркулирующей в любой технической системе, в том числе в системах искусственного интеллекта. Внутренний мир человека является потребностно - эмоционально - информационной субстанцией, формирующейся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств.

Но если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека - **субъекта**. Внутренний мир начинает формироваться с восприятия индивидом своих потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни и есть с внутренней стороны поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки человека. В силу сказанного можно заключить, что внутренний мир человека - это живой мир индивида, а внутренняя потребностно - эмоционально - информационная субстанция - это живая субстанция.

Можно сказать, что эта потребностно - эмоционально - информационная субстанция и есть **душа человека**. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Она живет и может сама себя рефлексировать, может в отдельный момент времени сполна проживать всю жизнь, то есть «жить вне времени».

Говоря о внутреннем мире как субстанции, не сводимой к ее проявлениям: отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, стремлениям, желаниям, духовным состояниям - мы фактически реализуем принципы **системного подхода**. Целое не сводится к составляющим его частям, оно обладает новыми системными качествами. Одновременно внутренняя субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений. Г.И. Челпанов отмечал, что «психический организм» не представляет простого механического соединения отдельных частей, а представляет нечто целое, единое. Этому единству присуще постоянство и относительная неизменность, а это именно те свойства; которые характеризуют субстанцию.

Интересны рассуждения и логические доводы о существовании души Абу ибн Сины (Авиценны). В предельно общем виде под душой он понимал силу, которая является основой совершения действий. Голод и вожделение, иными словами, биологические потребности, принадлежат первично телу; страх, гнев, печаль - это претерпевания, проявляющиеся сперва у души. К проявлениям души Ибн Сина относит также восприятие, воображение, память, речь, мышление - все основные явления, изучаемые современной психологией.

По утверждениям Ибн Сины, душа действует самостоятельно, совершая два вида действий: одни - по отношению к телу, которым она руководит и управляет; другие - по отношению к себе самой и к своим началам, а это есть действие разума. То есть душа является источником активности человека; она самостоятельна, но тесно связано с телом; она способна познать себя с помощью разума.

Обращаясь к старинному понятию души, вспомним слова С.Л. Франка, о том, что прекрасное обозначение «психология» - учение о душе, - было когда - то похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда мы размышляем о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни, то занимаемся делом, которому суждено остаться безымянным или для которого надо придумывать какое-нибудь новое обозначение.

В различных языках понятие души используется обычно в двух значениях: как внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д. и в теологическом плане, как бессмертное, нематериальное начало, существующее независимо от тела, связывающее человека с Богом. В русском языке слово «душа» чаще всего употребляется в значении «внутренний психический (психологический) мир человека». В своем религиозном значении оно употребляется гораздо реже. Показательны в этом смысле данные «Словаря языка А.С. Пушкина». Слово «душа» - чемпион по частоте употребления Пушкиным. При этом абсолютное большинство употреблений этого слова - 510 раз - приходится на значение «внутренний психический мир человека». В значении же «нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти», оно употреблено всего 44 раза. 510 и 44 - разница впечатляющая.

Полагаем, что слово «душа» вполне достойно того, чтобы его восстановить в правах как научное понятие. *Предметом психологии может стать душа человека в её научном понимании.*

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА.

Развитие внутреннего мира ребенка. Как отмечалось, развитие внутреннего мира ребенка начинается с переживаний потребностей и с опредмечивания этих потребностей. В этом процессе объекты внешнего мира, прежде всего мать, приобретают для ребенка определенные значения и эмоциональную окраску. Подчеркнем, внутренний мир начинается с переживаний, внешний мир вторичен. В своем внутреннем мире ребенок замкнут на себя. Он для себя весь мир, все остальное для него. Так формируется эгоцентрическая позиция ребенка. *Внутренний мир человека первичен по отношению к внешнему.*

Дальнейшее формирование внутреннего мира осуществляется в совместной деятельности ребенка и взрослого. Парадокс заключается в том, что ребенок, обладая огромным потенциалом, ничего не может. Его мозг потенциально может все, но ничему не обучен. Осуществляя движения, ребенок учит свой мозг. Лучше и легче это происходит, когда ребенок осуществляет действия с предметами (предметные действия). Но он не может их выполнить, не научившись. И здесь ему на помощь приходит взрослый.

Механизм формирования внутреннего мира в этом возрасте заключается в *распределенном действии*, в совместной деятельности ребенка и взрослого. Любое действие вначале выполняется как совместное, и только постепенно взрослый передает свое умение ребенку. Вначале взрослый и ребенок вместе держат ложку, вместе надевают кольца на пирамидку, вместе катают тележку - все делают вместе. Но постепенно любое действие ребенок все в большей мере начинает выполнять самостоятельно. В общей деятельности жизненный опыт взрослого передается ребенку с помощью совместного предметного действия.

Глубокий смысл этой совместной деятельности заключается в том, что взрослый повинуетя желаниям и переживаниям ребенка, его стремлениям к определенным предметам, его стремлениям что-то сделать, скорее всего, схватить

предмет. Взрослый повинуетя желаниям ребенка и формирует цель для себя, соответствующую этому желанию. Мотив - ребенка, а цель - взрослого. Одновременно, взрослый создает условия для выполнения действия, реализующего мотив ребенка. Пододвигает игрушку, поворачивает ее так, чтобы легче было взять, поддерживает ее и т.д.

В процессе выполнения предметных действий, направленных на удовлетворение желаний ребенка, происходит опредмечивание этих желаний (мотивация), а так как цель исходит от взрослого, то и отражение внешнего мира в предметном действии осуществляется в соответствии с целями взрослого и мотивами ребенка. В процессе выполнения предметного действия формируется образ внешнего мира, ограниченный, фрагментарный, акцентированный на конкретных действиях, насыщенный переживаниями (эмоциями). Таким образом, первичный внутренний мир, связанный с переживанием себя, начинает дополняться представлениями о внешнем мире, тоже связанным с удовлетворением желаний ребенка. Осуществляется это в совместной деятельности ребенка и взрослого, в которой взрослый передает ребенку свои способности и свое видение внешнего мира. В совместном предметном действии взрослый распредмечивает эти способности в своей индивидуальной интерпретации и передает их ребенку.

Каково бы ни было содержание внутреннего мира, это содержание через потребности и переживания всегда связывается с телом. Душа и тело всегда едины.

Как уже отмечалось, ребенок от природы эгоцентричен. И формирование внутреннего мира начинается с переживания им своих внутренних ощущений. Окружающая среда, в том числе социальная, имеет для него значение только в той мере, в какой она связана с удовлетворением естественных потребностей, с обеспечением состояния удовлетворенности и безопасности. Постепенно ребенок дифференцирует людей и предметы внешнего мира как объекты своих потребностей. Он выделяет отдельные качества этих объектов, связанные с удовлетворением потребностей. Это выделение объектов и их качеств осуществляется в процессе манипулирования и общения с ними. В общении с взрослыми ребенок осваивает и названия объектов, и их качества. Ребенок

открывает для себя объективный мир, который вокруг него и для него, для удовлетворения его потребностей. Он в центре мира.

В системе отношений ребенка с окружающим миром особенно следует выделить отношения с родителями и прежде всего с матерью. С первых моментов жизни от нее исходят все приятные ощущения: удовлетворение голода и жажды, тепло, ласка, а также одобрение всех его действий, любовь и восхищение. Со временем ребенок открывает для себя, что комплекс положительных ощущений, получаемых от матери, называется любовью. Когда тебя любят, это хорошо, это приятно. Ребенку ничего не надо делать, чтобы мать его любила. Она любит его потому, что он есть. Ребенок эгоцентричен в отношении не только объектов потребностей, но и чувств, и в первую очередь - по отношению к любви.

Безусловность материнской любви человек ощущает всю жизнь. И всю жизнь человек тянется к этому духовному пристанищу, жаждет любви типа материнской, любви к нему такому, какой он есть, любви, не обусловленной конкретными качествами и достоинствами. Стремление к безусловной любви - одна из самых сильных потребностей человека. В любви, как отмечает Э. Фромм, всегда есть страх, что любовь может исчезнуть. Кроме того, «заслуженная» любовь может оставлять горькое чувство, что тебя любят не ради тебя самого, а только потому, что ты нравишься, что тебя, если разобраться, вообще не любят, а используют.

Осторожно подходя к фрейдовско - фроммовскому разделению любви на материнскую и отцовскую, все же отметим, что отец раньше матери начинает предъявлять к ребенку конкретные требования, выполнение которых ведет к отцовскому поощрению, ласке, любви. В отношениях отца ребенок сталкивается с ситуацией, когда любовь можно и должно заслужить. Для этого надо что-то сделать или совершить поступок. Чтобы быть любимым, надо сделать то, что заслужит одобрение. Постепенно, в общении с родственниками (матерью и отцом, бабушкой и бабушкой, сестрами и братьями) ребенок усваивает общий характер данного положения. Ребенок начинает понимать, что любят не только за то, что ты есть, но и за то, что ты делаешь.

С особой остротой это положение проявляется, когда ребенок сталкивается со сверстниками, с другими детьми. Каждый из них эгоцентричен. Сталкиваются

эгоцентрические тенденции. И в этой ситуации встает проблема: кто ты есть, какими качествами обладаешь и что ты делаешь для других. Сильный ты или слабый, ловкий и быстрый или нет, превосходишь ли других в сообразительности, смелый или трус - все будет приниматься в расчет. Естественно, что вначале все эти качества проявляются конкретно: сумеешь ли ты побороть или обогнать других, быстрее решить задачу, не отступить перед агрессивным действием другого, вступить в борьбу, если у тебя что-то отняли. И только постепенно у ребенка начинают формироваться представления о качествах других детей и о своих собственных в сопоставлении с ними.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что столкновение эгоцентрических тенденций приводит к пониманию других и себя. При этом личные качества выступают не сами по себе, а в действиях по отношению к другим. Важно не только, какими качествами ты характеризуюешься, но и что ты делаешь для других людей. Выступают ли твои качества как добродетели? Любишь ли ты других людей? С ответа на эти вопросы начинается *восхождение к духовности*.

Следует отметить, что столкновение эгоцентрических тенденций приводит, может быть впервые, к глубоким конфликтам, которые активизируют внутреннюю жизнь.

Развитие внутреннего мира в деятельности. Любая деятельность побуждается, направляется и регулируется двумя векторами: мотивом -> целью и целью -> результатом. Мотив инициирует деятельность, направляет ее и конкретизирует цель; цель определяет результат деятельности.

Принципиальным этапом освоения деятельности, например, профессиональной, является ее *принятие* человеком. Решение этого вопроса будет определяться тем, насколько представление человека о профессии будет соответствовать его потребностям. Человек, выбирая профессию, проецирует свою мотивационную сферу на структуру факторов, связанных с деятельностью, и возможностями удовлетворения своих потребностей в деятельности и через деятельность. Принятие профессии порождает желание выполнять ее определенным образом, порождает определенную детерминирующую тенденцию и служит исходным моментом формирования психологической системы деятельности.

В процессе дальнейшего освоения деятельности происходит трансформация мотивационной структуры субъекта деятельности. Во-первых, общие потребности личности находят свой предмет в деятельности и, таким образом, идет формирование структуры профессиональных мотивов и их осознания. В результате этого процесса устанавливается *личностный смысл деятельности*.

Во-вторых, система профессиональных мотивов изменяется с возрастанием уровня профессионализации. Это выражается в появлении новых и инволюции ряда старых мотивов; изменениях в абсолютной и относительной значимости мотивов; в изменении их структуры. Различные аспекты деятельности приобретают различный личностный смысл и привлекательность. На разных этапах профессионализации различные мотивы становятся ведущими. Это явление (в отличие от сдвига мотивов по А.Н. Леонтьеву) мы назвали «дрейфом» мотивов.

Мотивация организует целостное поведение, оказывает существенное влияние на формирование цели, проявляется в установках на качество и производительность, в ее динамике и напряженности, влияет на весь генезис психологической системы деятельности. Цель деятельности выступает как идеальный или мысленно представляемый результат, включающий качественные и количественные параметры. На этапе формирования представления о качестве результата выделяются те его параметры, которые определяют это качество и имеют предпочтительный личностный смысл. Существенным моментом формирования цели является установление личностью приемлемых (предпочтительных) уровней достижений в деятельности (по каждому параметру). Завершающим этапом процесса формирования цели является выработка критериев, по которым происходит принятие решения о достижении цели деятельности (критерии оценки достижения цели). Помимо критериев достижения цели, формируются критерии оценки эффективности деятельности и критерии предпочтительности того или иного результата. Необходимость выработки подобного рода критериев обусловлена наличием поля допустимых результатов и множества возможных способов деятельности.

С учетом сформированных и принятых субъектом целей деятельности формируются представления о программе деятельности и способах выполнения

определенных действий, соответствующие критерии оценки правильности действий и решающие правила, по которым происходит обработка информации и принятие решений.

В деятельности внешний мир отражается функционально. В результате формируется оперативный образ, обеспечивающий успешность деятельности. Под оперативным образом будем понимать, вслед за Д.А. Ошаниным, идеальное, специализированное отражение преобразуемого в действии объекта (процесса, явления и т.д.), складывающееся по ходу выполнения конкретного предметного действия и подчиненное задаче действия. Данный образ обладает рядом особенностей: он прагматичен, адекватен задаче действия, специфичен, лаконичен, функционально деформирован.

Прагматичность оперативного образа заключается в том, что он складывается в процессе решения конкретной задачи и для решения этой конкретной задачи. Его информационное содержание и структура определяются задачей действия.

Обслуживая решение определенной задачи, оперативный образ ей соответствует наилучшим образом, он адекватен задаче действия. В силу адекватности он эффективен и в этом смысле наиболее надежен, обеспечивает решение задачи в различных условиях.

Прагматичность оперативного образа и связанная с этим эффективность приводят к тому, что в образ включается информация, необходимая для решения только этих задач. В этом заключается специфичность оперативного образа, его «пригнанность» к задачам действия.

Оперативный образ лаконичен. В него не включен целый ряд особенностей объекта, в том числе и существенных, которые в данном случае и данным исполнителем не могут быть использованы для решения задачи.

С лаконичностью оперативного образа тесно связана его функциональная деформация - нарушение беспристрастности и нейтральности отражения объекта в образе через акцентировку в нем характеристик объекта, особенно существенных в условиях конкретного действия и, наоборот - через свернутость или меньшую осознанность отражения в нем мало информативных в данной ситуации объективных свойств.

Если рассмотреть жизнь человека, то она предстает как непрерывно меняющиеся деятельности и поступки. Следовательно и субъективный образ объективного мира будет складываться из оперативных образов, характерных для конкретных видов деятельности и поступков. И, если составляющие этого образа характеризуются прагматичностью, адекватностью задаче действия, специфичностью, лаконичностью и функциональной деформированностью, то и сам субъективный образ мира конкретного субъекта будет характеризоваться этими свойствами. Субъективный образ будет отражать те задачи, которые решал субъект в своей жизни. У каждого свой образ мира, в своих частях точно приспособленный для решения определённых задач жизнедеятельности. В каждой деятельности этот образ поворачивается своей особой гранью, из него вычерпывается именно та информация, которая нужна для данной конкретной деятельности. Чем в большее число деятельностей включался человек, тем большей оперативностью обладает его субъективный образ. В оперативности образа заключается его жизненная приспособленность, возможность его эффективного использования при выполнении различных задач.

Рассматривая формирование оперативного образа, мы все время говорим, что он формируется в целях деятельности или поведения. В последнем случае ведущей характеристикой оперативного образа становится его насыщение информацией о других людях, в отношении которых совершается тот или иной поступок. В оперативный образ включается *социальная информация*, и его содержание будет характеризовать субъективный образ *личности*.

Экспериментальные исследования различных видов профессиональной деятельности позволили сделать вывод, что при всем их многообразии любая деятельность описывается одними и теми же функциональными блоками (компонентами). Для различных видов деятельности эти компоненты будут весьма различными по своему конкретному информационному содержанию, но легко сопоставимыми по функциональным характеристикам. В своем единстве они будут образовывать *психологическую систему деятельности*, которая включает в себя:

- мотивы профессиональной деятельности;
- цели профессиональной деятельности;

- программы деятельности;
- информационную основу деятельности;
- решающие правила и алгоритмы;
- профессионально важные качества (способности).

Важно подчеркнуть вслед за С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Б.Ф. Ломовым, что задача психологического изучения деятельности заключается в том, чтобы, не превращая действия и деятельность в психологическое образование, разработать подлинную психологию действия. Любая деятельность имеет внешнюю и внутреннюю стороны, и они неразрывно связаны между собой. Разделение деятельности на внешние и внутренние - это искусственное разделение. Любое внешнее действие опосредуется процессами, протекающими внутри субъекта, а внутренний процесс так или иначе проявляется вовне. Задача психологии заключается не в том, чтобы их сначала разделить, а затем искать, как они связаны, а в том, чтобы, изучая внешнюю сторону деятельности, раскрывать внутреннюю сторону, а также понять реальную роль психического в деятельности.

Любая деятельность человека в своем внутреннем содержании - это и есть одна из сторон внутренней жизни человека.

Изучая психологическую сторону деятельности, мы проникаем во внутреннюю сторону деятельности, имеющую и внешнее выражение.

Рассмотрим в качестве примера следующую ситуацию. Преподаватель объявляет, что на очередном уроке ученики будут писать сочинения по произведениям писателя Х. Что будут делать ученики? Одни решат, что надо заняться дополнительно, другие сочтут, что этого можно не делать, достаточно и того, что они знают. Эти решения продиктованы различной мотивацией и различным представлением об уровне своей подготовленности. Ученик может решить заняться дополнительной подготовкой потому, что он любит этого писателя, желает выразить себя в этом сочинении, хорошо предстать в глазах одноклассницы, в которую он недавно влюбился и хотел бы обратить ее внимание на себя. Оценка по этому сочинению может стать решающей в итоговой оценке за четверть (год). Ученик может быть уверен, что его знаний хватит на положительную оценку, а сегодня и завтра предстоят важные встречи, матч по

хоккею, который он бы хотел посмотреть, интересная дискотека и т.д. Наконец, ученика не волнуют его оценки, сфера его интересов лежит за пределами учебы, а тройку ему все равно поставят.

Таким образом, существенным моментом в определении характера поведения будут выступать мотивация, представление о своих знаниях, правильность этих представлений, представление о требованиях, которые преподаватель предъявляет к сочинениям.

На основе оценки сложившейся ситуации ученик формирует цель подготовиться к сочинению в соответствии со своими представлениями о «хорошем» сочинении и со своими критериями оценки уровня своей готовности. Цель может включать в себя: необходимость актуализации учебного материала по данному писателю, который изучался на предыдущих занятиях, обращение к произведениям писателя (программным и выходящим за рамки школьной программы), обращение к уже имеющимся сочинениям по произведениям данного писателя (в частности, в сети «Интернет»), обращение к литературной критике, выяснение индивидуальных предпочтений преподавателя, подготовку цитат и т.д.

В зависимости от сформированного представления о цели предстоящей деятельности ученик разрабатывает программы того, что надо сделать в имеющийся у него отрезок времени, как и когда. Структура поведения (планов поведения) может иметь самый причудливый характер в зависимости от доминирующей мотивации, оценки своих возможностей, декомпозиции цели (частных задач), способностей, информационных условий (доступность литературы, компьютерной сети, времени и др.), уровня притязаний, представлений о желаемом результате, сложившихся правил принятия решений и критериев оценки своих действий.

Естественно, что за принятием цели и разработкой программы должна последовать сама деятельность по ее реализации, в ходе которой в цель и программу могут вноситься различные изменения вплоть до отказа от принятой цели.

Даже представленный эскизный набросок показывает всю системность разворачивающейся психологической деятельности, связанной с отдельным

фрагментом текущей жизни ученика. Мы рассмотрели только один предмет и только одно текущее задание, а у ученика их как минимум шесть каждый день. Ему надо выстроить план поведения в системе всего учебного процесса в ограниченное время с учетом индивидуальных требований каждого учителя, своих интересов, смыслов и предпочтений. Но и сама учебная деятельность является только частью его жизнедеятельности. Ученик как личность проживает свою жизнь, включающую отношения с родителями, товарищами, учениками, занятия спортом и искусством, различными видами технического творчества, юношеские увлечения, влюбленность, разочарования, товарищеские обязательства и многое другое. Трудно постичь все многообразие и сложность текущей человеческой жизни. Обращение к деятельности существенно помогает на этом пути.

Зададимся вопросом: «Что стало со всеми представлениями ученика, с его мотивацией, критериями и правилами, которыми он руководствовался в процессе принятия решений о своем поведении в канун предстоящего сочинения, после того, как сочинение было написано? Они исчезли, ушли в небытие? Исследования показывают, что они сохранились в памяти ученика и могут быть актуализированы для решения других жизненных задач. Они стали частью внутреннего мира ученика. Они вошли в состав внутреннего информационного тезауруса, включающего образы, и знания, и значения, и смыслы.

Развитие внутреннего мира в поступках. Ранее мы рассмотрели формирование внутреннего мира человека как субъекта деятельности. Оставаясь по структуре тем же, что и в деятельности, внутренний мир претерпевает существенные изменения, когда мы начинаем его рассматривать как производный от поступка. В поступке на первый план выходят *отношения человека с другими людьми*. Человек выделяет себя из группы, противопоставляет себя другим ее членам и отождествляет себя с группой. Через поступок человек начинает осознавать групповые формы поведения, иерархию в группе, ценность для себя других членов группы, групповых норм. Через оценки других человек начинает оценивать себя, начинает понимать, что он есть для других, ценность себя для других. В содержание внутреннего мира включаются ценности межличностных отношений, социальные нормы поведения. Осознание социальных норм

переводит их в знание, а это, в свою очередь, делает допустимым их нарушение. Ставится под сомнение традиция и обычай. Появляется возможность оправдать эгоизм. Познание человеком самого себя через отношения с другими есть одновременно познание добра и зла и усвоение морали. В поступках закладывается человечность.

Одновременно, в поступках закладывается возможность возникновения конфликтных ситуаций, которые могут стать источником внутреннего конфликта.

Мы склонны встать на точку зрения А. Бергсона, который считал, что, наделив человека умом, природа внесла дисбаланс в гармонию инстинктов индивидуального и видового сохранения. Ум всегда эгоистичен, ум посоветует вначале стать эгоистом, и именно в эту сторону пойдет умное существо, если его ничто не остановит. Ум изобретает орудие труда, благодаря уму, человек осваивает природу, ум усиливает возможности человека в борьбе за существование, обеспечивает прогресс обществу. Но в то же время ум угрожает нарушить сплоченность общества, и если общество желает сохраниться, оно должно создать противовес уму, точнее его индивидуальной ориентации. В качестве такого противовеса природа выбрала общественную мораль, первоначально воплощенную в обычаях и религии. В определенной мере обычай занял место инстинкта, это социальный инстинкт общества.

Совершая поступок, осознавая свои отношения с другими людьми, человек осознает, что он может стать источником добра или зла для других, он осознает, что и он сам может извлечь пользу для себя за счет других. Мораль гармонизирует эти отношения. Через поступок во внутренний мир входит мораль, а вместе с моралью осознание героизма, эгоизма, жертвенности. Соблюдение моральных норм связано с глубокими эмоциональными переживаниями. Через поступок формируется духовность человека. Отдельный человек духовен, когда он в состоянии раскаяться, если использовал другого человека в качестве средства для достижения своей цели. Духовность характеризует новый этап в развитии внутреннего мира человека. Высшим проявлением духовности является совесть человека.

Совесть занимает особое место в структуре внутреннего мира. В процессе воспитания ребенок усваивает нормы морали. При этом нравственные нормы,

мораль определяют поведение человека, выступая или как стимул, или, если они стали личностно значимыми, как мотив. В первом случае человек сверяет, сопоставляет свое поведение с моральными нормами и старается их выполнять из страха наказания. Во втором случае нравственные нормы служат основой поведения. Нам важно отметить, что и в том, и в другом случае присутствует акт соотнесения поведения и моральных норм, и что моральная норма побуждает и направляет поведение в первом случае опосредованно, во втором случае прямо.

Но мы знаем, что деятельность и поведение не только мотивируются, но и корректируются на основе самоконтроля. Личность производит самооценку совершаемых поступков. Этот нравственный самоконтроль происходит путем соотнесения параметров поведения с моральными нормами. В том случае, когда моральные нормы стали личностно значимыми, человек самостоятельно формирует для себя нравственные обязанности и требует от себя их выполнения.

Заметим, что моральные нормы становятся личностно значимыми у незначительной части общества; для большинства это внешний стимул, определяющий характер поведения. В этих условиях должны были появиться дополнительные гарантии морального поведения. Таковым гарантом стала совесть.

Моральный самоконтроль часто констатирует расхождение реального поведения с моральными нормами, но не приводит или в большинстве случаев не может привести к изменению уже совершенного акта поведения. Тогда наше сознание констатирует факт расхождения поведения и нравственной нормы, и, таким образом, формируется негативный градиент оценки собственного поведения. Причем это характерно для обеих ипостасей моральной нормы - стимула и мотива. Негативный градиент оценки начинает проявляться как некоторая оценочная мотивация в отношении самого себя. Любая мотивация порождает соответствующее мотивационное состояние, которое субъективно проявляется в особом чувстве неудовлетворенности или удовлетворенности собой - в совести.

Можно предположить, что физиологическая основа совести близка к физиологической основе биологической мотивации. Нейропсихологические и

нейрофизиологические данные о воздействии сознания на подкорковые процессы позволяют высказать эту гипотезу.

Совость характеризует способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности и требовать от себя их выполнения, производить самооценку совершаемых поступков. Совость выступает в форме внутреннего императива, определяющего поведение человека при достижении самых различных целей. И если в моральных нормах отражаются потребности человека и общества на основе исторического опыта многих поколений, то совость всегда индивидуальна; она лежит в основе не только рационального осознания нравственного значения совершаемых действий, но и эмоциональной (чувственной) оценки этих действий. Именно чувственная составляющая совости выступает в роли мотивации. В совости морально должное и фактически принятое совпадают далеко не всегда и не полностью.

Поступок «по совести» позволяет человеку пережить изумительное и таинственное душевное состояние, раскрывает перед ним истинную духовную свободу. В этот момент человек начинает постигать духовную свободу не с чужих слов, не отвлеченным рассудком, но собственным опытом. Совость живет в каждом человеке, даже в самом мрачном и ожесточенном, и она приводит человека к покаянию, но для этого надо отдаться совести, подчиниться ее действию в совестном акте.

Нельзя рассматривать совость только с позиции «укора совести». Доведенная до крайности, такая позиция может привести к подавлению совости, а вместе с ней и самой идеи добра, доброты и добродетели. Душа в этом случае становится циничной, черствой, холодной. Человек, которому не удастся поднять себя до совости, начинает опускать ее до себя. Переживание совости как укора может привести или к вытеснению совестного акта, или к снижению его уровня. Весьма опасен путь интеллектуализации совестного акта, заключающийся в попытках его логического обоснования.

Совестный акт должен осуществляться свободно. И если человек обращается к своей совести, то он должен это делать не в качестве исследователя, а в качестве деятеля. Человек должен жить совестно, он должен предстать перед своей

совестью, увидеть в ней себя и для себя, для совершения дела. Человек должен обращаться к совести с вопросами о своей личной жизни и деятельности, совесть подсказывает нравственно лучшее в данном жизненном положении. Совершения совестных поступках могут постепенно привести к тому, что утратится грань между совестью и самим человеком; человек перестанет противопоставлять совесть своему «я», а «я» - совести; зовы совести станут желаниями человека.

Совестный акт возникает бессловесно, из иррациональной глубины души. «Совесть есть состояние нравственной очевидности» - очень точное определение А.И. Ильина. Именно нравственная очевидность, а не рассудочное решение. Совестный акт выступает как сильнейшая мотивация конкретного нравственного поступка и переживается в сильнейшем чувстве, эмоции. В то же время совестный акт есть проявление свободной воли, волевое действие.

Особенно следует подчеркнуть роль отдельных событий в жизни человека, жизненных успехов и неудач, вероятностный, строго не детерминированный характер его развития. В процессах формирования внутреннего мира проявляется свобода личности, ее творческий характер, способность создавать себя. В этом процессе огромное значение имеют мышление, мысль как внутренний идеальный фактор развития.

Важнейшим фактором душевной жизни является *тайна личности*. На минуту обратимся к себе. Раскрыты ли мы полностью для окружающих даже самых близких нам? И каждый ответит - нет! У каждого есть множество тайн, которые он не хотел бы или не желает в настоящее время открывать для других. Сокрытое - есть тайна.

Согласно К. Юнгу, как только человеческому духу удалось выдумать идею греха, возникло психически сокрытое, а на аналитическом языке – вытесненное. Однако, есть основания считать, что тайное возникло гораздо раньше идеи греха. Первоначально тайное было связано с деятельностью, личными открытиями на охоте, в одомашнивании животных, в изготовлении орудий труда, оружия, гончарном деле и т.д. В более поздний период эти тайны стали носить характер ремесленнических секретов, которые передавались от отца к сыну, семейных тайн боевых приемов и т.п. Тайна возвышала личность в глазах окружающих, владение тайной давало значительные преимущества. Это была тайна знания, а

знание - сила. Тайна знания способствовала индивидуальной дифференциации человека. Эти тайны профессионального мастерства присутствуют и в деятельности современного человека, составляя важную часть его самосознания, внутреннего мира.

Тайна это то, что я знаю, но не хочу, чтобы об этом знали другие. Во всем объеме этой информации особую категорию составляет информация обо мне самом. Это та часть внутреннего мира, которая составляет мою тайну, тайну моего «я». Переживания этой тайны составляет важную часть моей внутренней душевной жизни. Подчеркнем, что эта тайна не наносит вред другим. Эта тайна защищает меня, ибо это во -многом и есть «Я».

Наконец, выделим в тайне ту часть, которая связана с мотивацией и поступками, противоречащими требованиям морали. Это тайна, обращенная к другим людям, тайна вины и греха, тайна, порождающая угрызения совести, тайна, подобная душевному яду, отдаляющая человека от общества, разрушающая личность. Человек стремится освободиться от этой тайны, разделить ее с другими, что часто он и делает перед совершенно незнакомыми людьми, например, перед попутчиками в поезде. Разделенная с другими тайна, снимает напряжение, испытываемое субъектом, возвращает его в общество, в малую группу.

Тайна личности может осознаваться, но может находиться в бессознательном, вытесненном состоянии. В последнем случае содержание тайны ускользает от «я», отщепляясь в виде самостоятельного комплекса, существуя в области бессознательной души и образуя маленькую обособленную психику, которая сама по себе развивает своеобразную деятельность фантазии. (К. Юнг) Будучи вытесненной из сознания, тайна превращается в психологическую причину, изменяющую поведение человека, требующую вмешательства психоаналитика.

Другим важным фактором, влияющим на протекание внутренней жизни, является сдерживание аффектов, которое, по замечанию Юнга, действует так же изолирующе и так же дезорганизующе, как и неосознаваемая тайна. Задержанный аффект, в большинстве случаев негативный, порождает стойкое негативное отношение к травмирующей ситуации и лицу (лицам), его породившим, и в дальнейшем определяет поведение субъекта.

В процессе развития своего внутреннего мира со стороны эмоций и чувств, дифференцируя и утончая их, субъект не должен потерять контроля над своими чувствами. Получая удовольствие от переживаний, можно попасть под власть этих переживаний, и тогда они будут направлять поведение. Когда чувства становятся господствующими, подавляется воля, начинается распад внутреннего мира. Соотношение переживаний как стороны эмоционального отражения мира и себя и переживаний как мотиватора поведения очень тонкое, и здесь нельзя переходить грани баланса, характеризующего нормальную психику.

Сдержанность достигается путем вытеснения эмоций. Вытесненные эмоции переходят в содержание бессознательного. В бессознательном накапливаются эмоции, требующие выхода.

Как известно из практики, важную роль в упорядочивании психической жизни играют процедуры освобождения от тайны и от подавленных аффектов. Эти процедуры применяются практически во всех религиях, нашли широкое применение в психоаналитических процедурах и получили название катарсис - очищение. Душа требует очищения. И эта работа психики составляет важнейшую часть внутренней жизни субъекта, жизни не всегда осознаваемой, но периодически всплывающей в сознании. Во всех этих процедурах человек очищает свою совесть, облагораживает сам себя.

Рассматривая содержание внутреннего мира, нельзя не отметить самостоятельную роль порождаемых мыслей. Будучи отражением реальных отношений, мысли добрые и злые приобретают собственную жизнь и назначение. Раз возникнув, та или иная мысль вливается в общий поток внутренней жизни и определяет поведение субъекта на долгий период, иногда на всю жизнь. Например, у Вас возникает мысль о том, что Ваш собеседник неискренен. Эта мысль будет определять все Ваше поведение с этим человеком. Другим ярким примером является мысль о неверности любимого. Она порождает чувство ревности, от которого часто невозможно избавиться и которое портит жизнь любящих. Та же мысль о неверности друга вызывает подозрение и изменяет все ваше поведение. Недаром говорят, что слово ранит. Мысль,, заключенная в слове, порой переворачивает весь внутренний мир. Поэтому человек должен осознанно подходить к собственным мыслям и оценкам, не предаваться недобрым

размышлениям, не формировать из себя недоброжелателя. Столь же опасно, как и недобрым мыслям, предаваться грусти. Она ослабляет волю и способствует формированию чувства одиночества и покинутости.

Можно представить поток жизни индивида как насыщающий и развивающий его внутренний мир. Но в него включены и так называемые **критические жизненные ситуации**, которые представляют собой эмоционально переживаемые обстоятельства, представляющие в восприятии человека сложную психологическую трудность, требующую своего решения или преодоления. Типичными для ситуаций такого рода являются конфликты и кризисы. Конфликт, как правило, затрагивает отдельную проблему или сферу жизнедеятельности; понятие кризиса в психологии относят к внутреннему миру личности в целом. Примером конфликта могут выступать противоречия интересов человека, его потребностей и ограничений морали, когнитивные конфликты, конфликты конкурентных отношений в семье, на работе, в спорте, возрастные конфликты и др.

Преодоление конфликтов и кризисов составляет важнейший аспект внутренней жизни человека. Успешное преодоление создает условия для самореализации личности, ее полноценной жизни. Когда этого не удастся достичь, открывается возможность для развитию различного рода психических отклонений.

Целостность внутреннего мира. Внутренний мир формируется в поступках и действиях, которые реализуются целостной психологической **функциональной системой**. Отдельные компоненты этой системы, отнесенные к мотивации, переживаниям, оперативному образу внешнего предметного мира и самого себя, планам и программам поведения, правилам и критериям оценки в соответствии с целями деятельности и моральными нормами, тесно функционально взаимосвязаны друг с другом. Внутри отдельного поступка и действия внутренний мир целостен и функционален..

Вместе с тем каждый отдельный поступок и действие (назовем это актом жизнедеятельности) вплетены в реальную жизнь человека, являются элементами «потока жизни». В этом процессе жизнедеятельности развиваются природные качества индивида. Базовые биологические мотивации: пищевая, половая и доминирование - формируются в целостную систему потребностей личности,

включающую материальные, духовные и социальные потребности, в которых отражается весь мир продуктов потребления, моральные нормы, предания, традиции и обычаи, религиозные устремления, эстетические ценности, потребности в общении, социальном признании, самоактуализации и многое другое.

Формируясь в актах жизнедеятельности, все многообразие потребностей вырастает из базовых потребностей и в силу этого представляет собой единую развивающуюся подсистему внутреннего мира. Принятие той или иной деятельности определяется системой потребностей личности, структурой ее доминирующих мотиваций. Через развивающуюся систему потребностей все акты жизнедеятельности становятся взаимосвязанными. Таким образом, отдельные целостные компоненты, реализующие отдельные акты жизнедеятельности, объединяются в *целостный развивающийся внутренний мир человека*. При этом особо следует отметить, что потребности, развиваясь из базовых биологических, тесно связывают внутренний мир с телом, а моральные нормы, являясь порождением общества и принятые человеком как личностно-значимые, воплотившиеся в совести, связывают его с обществом. В результате образуется структура: природа -> индивид -> личность -> общество.

Вторым системообразующим фактором, определяющим целостность внутреннего мира, являются переживания. Переживания интимно входят в любой психический процесс и психическое новообразование (образ, программы поведения, оценочные критерии, решающие правила и т.д.). Ощущения, восприятия, представления, мысли субъекта всегда несут в себе и компонент переживания. Возникая, переживание охватывает весь акт жизнедеятельности, пронизывает всю психическую систему действия. Конкретное переживание становится событием в жизни человека, и вся его жизнь представляется как цепь переживаний. Эти переживания становятся как бы точками кристаллизации всего внутреннего мира человека, всей его внутренней жизни.

Как и подсистема потребностей, подсистема эмоций и чувств развивается на основе базовых эмоций, в качестве которых Спиноза выделял удовольствия, неудовольствия, желания; Вундт - удовольствия -неудовольствия, возбуждение - успокоение, напряжение - разрядка; Грот- удовольствие и страдание; Уотсон -

страх, гнев и любовь; Симонов - гнев, страх, удовольствие и его противоположность - отвращение и дискомфорт, Изард - интерес, волнение, радость, удивление, горе, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вину. Таким образом, мы можем отметить, что почти все психологи, занимавшиеся проблемами эмоции, выделяли категорию базовых эмоций, число которых ограничено. Все дальнейшее многообразие эмоций и чувств развивается на основе базовых. Если с общебиологической точки зрения полезность эмоций заключается в их подкрепляющей и закрепляющей функции, то с общепсихологической позиции функция эмоций заключается в формировании внутреннего мира человека, всей внутренней психической жизни субъекта.

Когда мы говорим о внутренней жизни человека, мы рассматриваем ее в динамике, как поток событий. Внутренняя жизнь человека может протекать полностью в идеальной форме, в виде представлений, фантазий, мечты. В своих фантазиях человек исходит из своих потребностей, в них отражается его жизненный опыт, он совершает «виртуальные» действия и поступки, которые может глубоко переживать. Именно переживания, находящие отражение в телесных реакциях, говорят нам о том, что это реальная жизнь. Но эта внутренняя жизнь может быть и стороной реального потока актов жизнедеятельности, может выливаться в конкретные действия и поступки. В определенных случаях внешне выраженная сторона поступка может оказаться незавершенной, например, в случае ее произвольной задержки. Внешне выраженная сторона поступка - это лишь вершина айсберга, подводную часть которого составляют явления внутренней жизни: это и борьба мотивов, и принятие решения, и глубокие переживания того и другого, и процессы выработки программ, и информационное обеспечение процессов принятия решения и осуществление действия.

Первоначально психика возникла как регулятор отношений индивида и среды. Именно посредством ощущений, восприятий, представлений, независимо от их осознания, происходит отражение действительности, формируется внутренний мир человека. Для построения адаптивного поведения не требуется осознания внутреннего мира, достаточно, чтобы этот внутренний мир был сформирован ощущениями, восприятиями, мышлением.

Сознание есть вторичная форма существования психического. Это отражение психического в себе. Отражение своих ощущений, переживаний, мыслительной деятельности, отражение своего внутреннего мира. Для сознания характерно предметное значение, смысловое содержание, закрепленное в понятии и оформленное в слове. Процесс осознания явлений психики связан с осознанием их предметности. Сознание привносит во внутренний мир знания, зафиксированные в языке. Внутренний мир начинает обогащаться не только за счет личного опыта, но и за счет опыта, накопленного предыдущими поколениями и зафиксированного в языке. Одновременно язык позволяет фиксировать накопленный индивидуальный опыт в общественно значимых понятиях, описывая внутренний мир индивида, делая его доступным для других. Говоря о двух сторонах психики - сознании и подсознании - мы должны постоянно помнить о их единстве. Расщепление психики на отдельные процессы сознания и подсознания ведет к различного рода патологиям.

Ранее мы отмечали функциональный характер отражения внешнего мира в оперативном образе и его представленность во внутреннем мире. Важно отметить и еще одну особенность - внешний мир всегда представлен в субъективном образе частично. Внешний мир всегда остается «вещью в себе» и только частично раскрывается субъекту в поведении, деятельности, становясь «вещью для меня». В любом акте познания мы познаем предметы и внешний мир только частично, преимущественно в функциональном значении, в меру наших интересов и потребностей. Причем одна и та же вещь в разных деятельности и поступках по-разному раскрывается с когнитивно-функциональной стороны, отражается разными ощущениями. Предметы внешнего мира в субъективном образе предстают многофункциональными и полиэмоциональными. И так же как предметный мир открывается человеку частично, так и внутренний мир на уровне сознания представляется ему самому тоже частично. Всегда останутся «уголки души», которые открываются человеку неожиданно для самого себя, когда, например, тихий человек, внешне робкий и неяркий, совершает героический поступок.

**К. А. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ. СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ: СУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА**

Современное состояние психологии характеризуется с полярных позиций – или как кризисное (в негативном смысле) или, напротив, как оптимальное, интегрированное *субъектной парадигмой*. Не имея возможности проделать детальный науковедческий анализ, который дал бы доказательное основание одной из позиций, стоит обратиться к методологическому анализу, который

может дать не столько оценку, сколько – в некоторой степени – объяснение этого состояния. Стоит эксплицировать те «тупиковые» проблемы, которые возникали перед психологией, начиная с периода ее становления самостоятельной наукой, и сделать это не ради исторической ретроспективы, а для выявления способов их методологических решений, которые обнажают возможности, функции и ограничения методологии науки.

Любая наука проходит путь своего становления, сначала находя свой *объект* (возможно, общий с другими науками), а затем – специфику своего *предмета* и способа теоретизации. Но путь становления психологии был уникальным не только в силу ее рождения и длительного развития в недрах философии, а потому, что единство с философией, носившее синкретический характер, одновременно, плодотворное и ограничивавшее ее самостоятельность, было *тупиковым* для последней, поскольку определялось единством не объекта, а предмета (душа, сознание, мышление). Хорошо согласованные понятия предмета и объекта исследования являются основными для характеристики специфики любой науки. Однако для психологии понятие объекта совпало с философской объективной реальностью, действительностью, признаваемой только материализмом, а предмета – с категорией сознания, которая считалась единственным предметом идеалистической философией.

Психология попыталась «встать на ноги» - найти свой объект, свою онтологическую реальность эмпирическим путем, но не смогла его найти методологически, оставаясь «в оковах» общего с философией предмета – сознания. Она решала задачу, не имеющую решения. Но на главный вопрос, почему она не могла постичь своего объекта, ответа не было дано, потому что этот вопрос и не был поставлен.

Словосочетание «идеалистическая философия» употреблялось и эксплуатировалось настолько часто и бессодержательно, что на нем, как на стершейся монете, уже нельзя было различить сути. Последнюю фактически раскрыл С.Л. Рубинштейн одной своей фразой, сказав, что она поставила на место *человека*, его *сознание*. Но если ее расшифровать методологически, то это означает, что идеалистическая философия изничтожила объект и, тем самым, закрыла к нему путь и психологии. Сегодня вряд ли стоит говорить о недостатках

этой парадигмы – таков в принципе был единственно возможный путь человеческого познания, который начался с изучения сознания как **непосредственно данной**, наиболее доступной «реальности» (знаменитый «постулат непосредственности», о котором писал Д. М. Узнадзе еще в 20-е годы) и привел на последнем историческом этапе к познанию самого человека как наиболее **сложного объекта**, требующего наиболее сложных **опосредованных** способов познания. Последствием применения парадигмы сознания стала замкнутость психологии в круге «сознание – научное познание», поскольку **вне** соотношения с объектом, собственно в науковедческом смысле, оно и могло идти только по кругу. Негативной для психологии была и альтернативность материализма и идеализма, поскольку первый был направлен на действительность в ее наиболее простом понимании и потому располагал самыми элементарными способами познания (механистический и метафизический материализм), а второй – на предмет наиболее доступный, но самый сложный для теоретизации, и потому эти направления – материя вне сознания и сознание в отрыве от действительности, не могли соединиться, пока не было найдено их общее онтологическое основание – **человек, человеческая действительность**.

Кризис философии привел к кризису психологии, который с разных позиций был проанализирован М.Я. Басовым, Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном: первым – с методологической, вторым – с науковедческой, третьим – с философско-психологической точки зрения. Но этот анализ не мог в ту пору стать объяснительным, пока не были методологически осмыслены существовавшие проблемы и не вызрели их необходимые философские решения.

Однако, из кризиса, имевшего мировой масштаб, вышла именно отечественная психология. Почему? И каким путем? Она вышла из кризиса не эмпирическим, а именно методологическим путем, который до сих пор не эксплицирован, не отрефлексирован, хотя реально осуществлен. Такая рефлексия необходима для ответа на вопросы, почему именно в России так велик удельный вес методологии, и почему она выполняет такую **конструктивную роль**.

Отечественная психология вышла из кризиса, поскольку ей удалось «прорваться» к объекту, а это произошло потому, что исторически на нее большое влияние оказал диалектический материализм, который преодолел

идеалистическую парадигму абсолютизации сознания, доказав существование объективной реальности, объекта. Отсюда *открылся* выход к объекту для психологии, принявшей философское обоснование необходимости, закономерности объективной реальности. Но психология не могла «присвоить» себе этот объект, поскольку для диалектического материализма это было прежде всего материальное производство, «базис» общества и его социально-экономические отношения. Этот объект был не аутентичен для психологии. Та же философия и *преграждала* выход психологии к еще неопознанному ею объекту, потому что по-прежнему требовала объединения на уровне своего предмета. Так стали проникать в психологию идеи классовой борьбы и жесткой социальной детерминации. Ситуация методологически осталась той же, что и прежде – требование единства, но на уровне предмета, хотя философски и по-новому определенного.

Психология безоговорочно априорно приняла философское определение сознания как отражения в качестве характеристики *психического*, поскольку гносеологическая позиция была ей особенно близка. А категория «общественных отношений», несмотря на свой относящийся к обществу «масштаб», несколько психологически подправленная, почти в непосредственном виде стала «калькой» определения *личности* и даже психики.

Единственным психологом, который смог предложить начальное решение проблемы объекта - предмета, адекватное тому этапу развития отечественной психологии, оказался С.Л. Рубинштейн. Для ее решения нужно было быть философом и по эрудиции и по способу мышления, то есть осмыслить весь путь истории философской мысли, и переосмыслив его, учесть при *преобразовании* предмета и объекта философии под углом зрения задачи психологии – поиска своего объекта.

Он извлек из всей сложности диалектико - материалистического учения философскую категорию *деятельности*. Это всем известно. Все психологи мира признают, что деятельностный подход является истинно российским достоянием. Но никто не поставил вопроса, почему именно деятельность оказалась методологически столь конструктивной парадигмой для развития отечественной психологии. Никто не поставил вопроса и о том, является ли она онтологической

или гносеологической категорией, что сказалось, в частности, на превращении А.Н. Леонтьевым «деятельности» из специфически человеческой объективной реальности в идеальную сущность психики и сознания, означавшем фактическое исчезновение различия между предметом и объектом, а тем самым, и *между сознанием и деятельностью*.

Рубинштейн разработал философско-методологическое содержание категории деятельности, взяв за ее основу как онтологическую и наиболее антропологическую реальность – *труд*, воплощающий объективную сущность человеческого бытия. Он абстрагировался от его значения для происхождения человечества, от его производительности, от его социально-экономического характера, а выявил его человеческую сущность как *способа взаимодействия* человека с действительностью. Категорию деятельности он определил через взаимодействие с действительностью человека, *обладающего сознанием*. Деятельность имеет особое онтологическое качество как способ *изменения* людьми действительности.

Но сам человек на том этапе оставался даже не подразумеваемым, не эксплицируемым субъектом, хотя в своей уже разработанной к тридцатым годам онтологической концепции философской антропологии, (которая пока оставалась в рукописях) Рубинштейн радикально преобразовал гегелевскую категорию субъекта как источника активности, самодвижения сознания из гносеологической в онтологическую и раскрыл ее как определение высшего, *совершенного качества человека*. Это очевидно при внимательном прочтении статьи 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности», где деятельность рассматривается как *самодеятельность*, то есть подразумевает ее субъекта, во-первых, и ее онтологическое качество, во-вторых.

В статье же начала тридцатых годов Рубинштейн отвечает на вопрос, почему именно труд является наиболее имманентным, адекватным психологии объектом. Труд воплощает в себе *единство общественного и индивидуального* бытия человека и, одновременно, воплощает в себе *общественные отношения* индивидов друг к другу и к предмету труда.

Опираясь на философскую антропологию Рубинштейна, мы осуществили сложный переход от философского уровня всеобщих определений человека к

уровню его *индивидуального* определения, адекватного для психологии. На индивидуальном уровне категория «человек» конкретизируется через связь индивида с обществом (другими людьми), которая раскрывается на основе принципа индивидуального и общественного.

Почему «труд» преобразуется Рубинштейном в «деятельность», которая выступает в качестве *объекта* психологии? Потому что он является индивидуальным способом реализации сущности человека, отвечающим индивидуальным масштабам *психики и сознания как предмета психологии*, и одновременно воплощает социальную сущность деятельности общества. Далее, только сейчас можно ответить, почему С.Л. Рубинштейн соотнес предмет и объект психологии через *принцип единства сознания и деятельности*, а не ограничился последней как А.Н. Леонтьев. Потому что единство и взаимосвязь сознания, психики и деятельности воплощало специфическое именно для психологии качество объекта. Их единством доказывалось то, что это специфический не для философии, а именно для психологии объект.

Итак, Рубинштейн «разомкнул» замкнутый круг «сознания», в котором оказалась психология, благодаря философии; через «деятельность» определил ее как изучение «выхода» сознания в мир. Деятельность в ее единстве с сознанием в рубинштейновской формуле, была явлением особого рода, суть которого возможно обозначить только теперь, после осмысления его книги «Человек и мир». Понятие «деятельность» выступило онтологической категорией, раскрывающей сущность *человеческого бытия*. Объективная действительность предстала не как подлежащая «вещность», предметность, отвечающая на вопрос *«что»*, а как *бытие*, способ бытия человека, отвечающий на вопрос *«как»*.

Но возникает вопрос, не являлось ли единство сознания и деятельности не объектом, а предметом психологии, поскольку это была методологическая формула? И здесь можно со всей определенностью уточнить *смысл и функцию методологии* как таковой. Она представляет собой не совокупность принципов, являющихся предметом психологии, а способом определения предмета, соотносительно с объектом, путем превращения философских положений в средство определения объекта науки и в ориентир поиска ее предмета. Методология – способ нахождения и перехода от объекта к предмету науки.

Поэтому принцип единства сознания и деятельности давал возможность раскрыть психологическую специфику сознания индивида как проявляющуюся в его общественной деятельности (объекте психологии) и развивающуюся в ней. Но это был лишь первый этап открытия объекта психологии.

На новом этапе Рубинштейн предпринимает следующий шаг уже в направлении онтологизации самого сознания, психического, предложив новое определение сознания как *идеального и субъективного*. Он придает сознанию и психике онтологический статус путем новой философской трактовки принципа детерминизма. Своей формулой детерминизма «*внешнее через внутреннее*» он утверждает объективность субъективного как обладающего специфической онтологической природой. Он подчеркивает активность, избирательность внутреннего, не только как обусловленного, но и как обуславливающего, то есть его *субъектность*.

Кроме того, уже в позиции сороковых годов становится не только явной, но определяющей идея *принадлежности* психики, сознания субъекту, личности. Однако, сама личность не могла тогда стать объектом психологии. Почти на протяжении тридцати лет Рубинштейн «держал в уме» ключевое уравнение, в котором раскрывалась роль человека, личности как *опосредующей* связь своего сознания и деятельности и выступающей подлинным объектом психологии. Эту роль человека, личности он раскрыл только в своей последней книге «Человек и мир», и это было главным его научным достижением.

Но до поры до времени не эксплицированное уравнение, подразумевавшее личность как субъекта связи сознания и деятельности, субъекта как основу внутреннего опосредования внешних воздействий и *причину*, воздействующую на действительность, позволило ему сохранить для психологии проблему личности, несмотря на ее официальную депривацию с тридцатых до середины пятидесятых годов, а впоследствии – на рассмотрение ее как одной из частных проблем психологии.

Не приводила ли, однако, онтологизация психического как субъективного к отождествлению объекта и предмета психологии, поскольку эта онтологизация сознания, психики обозначала их перевод в статус объекта психологии? Ведь посредством принципа детерминизма психическое сближалось с явлениями всей

материальной действительности. Этого отождествления не произошло только потому, что сознание было определено как *способность* человека. Сознание оказалось не *еще одним* объектом, наряду с человеком, а его способностью, обеспечивающей его взаимодействие с миром. Свою книгу 1957 г. Рубинштейн называет не «Деятельность и сознание» и, тем более не «Материя и сознание», а «Бытие и сознание». Бытие в качестве объекта соотносится с субъектом, но это соотношение осуществляется в гносеологическом плане: субъект познает действительность, выступающую в качестве объекта, противоположного субъекту. Но ретроспективно можно раскрыть и другое значение категории «бытие»: бытие – не только существование материи, но и способ существования *человека*. В предисловии к «Человеку и миру» речь идет именно о бытии самого человека, а не только о бытии вне человека, противоположное его сознанию.

Но такое определение объекта психологии, в свою очередь, потребовало переосмысления ее *предмета*, которое и привело к обращению к категории субъекта, ее введению в психологию. Однако, прежде чем раскрыть методологическое значение этой категории для психологии, необходимо еще раз проанализировать, в каком качестве рассматривал «субъекта» С.Л. Рубинштейн в своей философской антропологии.

Рубинштейном была философски раскрыта онтологическая специфика человека как особого способа существования сущего, бытия, обладающего *качеством субъекта*. Здесь объект и субъект совмещались. Но как гносеолог, Рубинштейн понимал, что в теории познания утверждается противоположность субъекта и объекта, радикально отличная от их совпадения, совмещенности в онтологии. В этом он видел принципиальное неразрешенное противоречие *проблемы* субъекта. Для нахождения способа соотношения этих двух значений категорий субъекта (гносеологического и онтологического) Рубинштейн предложил два решения. Первым он прибег к своеобразной «иррадиации» категории субъекта, предположив, что на каждом из нижележащих относительно человека уровней существуют различные субъекты с разными способами *существования*. Он назвал их субъектами разных способов изменения и существования даже на уровне неживой природы. Это представляется парадоксальным ходом, снижающим высокий статус категории субъекта. Однако,

качество человека как субъекта он определил не как существование, а как **осуществление** своей сущности, то есть субъекта активности, самодеятельности, субъекта в высшем смысле этого слова. Причем, человек не противостоит объективной действительности – он «внутри» сущего как высший уровень его развития. Вторым решением он, в свою очередь, понизил статус гносеологического субъекта, чтобы смягчить категоричность его противостояния объекту. Если первое определение субъекта он дал через характеристику сущности человека, то второе – гносеологическое - лишь как его познавательную способность, наряду с другими способностями – деятельности и созерцания. Таким образом, принципиальное единство человека как субъекта и объекта, уже не противоречило одному «случаю» проявления их противоположности в гносеологическом отношении. Причем эту противоположность он определил не как априорную в кантовском понимании, а именно как способность субъекта в процессе познания выявлять действительность и соотноситься с ней в качестве объекта. Тем самым для психологии открылась возможность не считать гносеологическое определение психического как отражения основным и исчерпывающим, а включить его в ряд других характеристик.

Однако после смерти С.Л. Рубинштейна психологии еще только предстояло раскрыть методологическое содержание этих его решений и еще раз на их основе вернуться к определению и объекта, и предмета психологии. Этот методологический анализ был осуществлен нами в начале семидесятых годов в нарочито заостренной постановке проблемы: «кому принадлежит психика, сознание?». Решение ее заключалось в обосновании специфики объекта психологии как принадлежащего особому уровню бытия человека, а именно – индивидуальному, в обнаружении в качестве объекта психологии субъекта такого уровня и масштаба, который был бы эквивалентен специфике психологического определения сознания. В книге «О субъекте психической деятельности» было найдено онтологическое основание психологии, более конкретное, чем абстракция «человек» – **индивидуальный субъект, личность, которой принадлежит психика как ее природная и социальная способность**. Но одновременно потребовалось доказательство того, что именно психика является субъектом. Оно было построено через раскрытие той реальной **функциональной**

роли, которую выполняют психика, сознание в воспроизводстве, сохранении и поддержании качественного своеобразия индивидуального бытия. Тем самым было найдено новое методологическое решение проблемы личности, которая в психологии определялась через совокупность общественных отношений как всесторонне и гармонично развитая или рассматривалась субстанционально как ее структура (связь темперамента, воли, характера и т.д.) в ее внутренней, обособленной от способа функционирования организации. Мы предложили рассматривать личность в ее функционировании во времени и пространстве ее жизненного пути. Таким образом, была обозначена сфера, охватываемая, организуемая сознанием и деятельностью личности *вне* ее структуры. Тем самым открылась возможность выявить особое качество личности *субъекта жизни*. Личность в жизненном пути была определена через совокупность *жизненных отношений* и *противоречий*, решая которые она становится субъектом организации жизни.

Однако, этим была решена только часть методологической проблемы – школа С.Л. Рубинштейна осуществила дифференциацию философско-антропологического содержания категории субъекта (раскрытого Рубинштейном) от ее методологической роли для психологии.

Методологическое значение рубинштейновской категории субъекта позволило решить проблему дифференциации конкретных субъектов и, одновременно, на основе этой категории – *интеграции* всей психологии и гуманитарного знания в целом. Многомодальность, многокачественность отношений человека к миру в философской антропологии С.Л. Рубинштейна была раскрыта как методологическое основание определения содержания дифференциальных понятий «субъекта» в психологии (Б. Г. Ананьев).

Интеграция методологического и интенсивно развивавшегося теоретико-исследовательского уровней науки позволила А.В. Брушлинскому ретроспективно дифференцировать деятельностный подход А.Н.Леонтьева от субъектно - деятельностного С.Л. Рубинштейна и раскрыть многочисленные теоретические закономерности функционирования деятельности (кроме ее традиционной формулы – цель, мотив, средство, результат) на основе «реабилитации» ее субъекта. Несмотря на огромную методологическую роль

раскрытия сущности субъектно - деятельностного подхода (отказа от взгляда, что «деятельность сама себя осуществляет»), и проведение теоретико-эмпирических разработок проблемы субъекта деятельности, совокупность этих субъектно-ориентированных исследований не покрывала всего научно-исследовательского пространства психологии. (Однако следует сразу отметить, что дифференциальные понятия субъекта более конкретны и частны, чем понятие субъекта, используемое для определения предмета психологии.)

Было проанализировано, как в книге «Человек и мир» Рубинштейн выявляет *общие* характеристики человека как субъекта и *основные* способы его взаимодействия с миром, с другими людьми. Субъект деятельности изменяет объект, преобразует его, создавая предметы потребностей людей, «вторую действительность». Субъект познания реально не изменяет объекта, раскрывая его сущность в независимом от его познания и деятельности качестве. Субъект созерцания, общения выражает свое *отношение* к человеческой действительности, действительности субъектов и природы. На основании этого было показано, что субъекты различаются по уровням и масштабам своей активности, способам взаимодействия с действительностью, способам разрешения противоречий, возникающих в этом взаимодействии, способам самоорганизации (саморегуляции) и способам саморазвития, самосовершенствования.

Но не сразу удалось преодолеть обособление психологии личности как теоретической области общей психологии от ее роли в определении объекта и предмета последней. В стороне оставались вопрос об объекте психологии, онтологизацию которой осуществил С.Л. Рубинштейн, от которого психологи отошли уже как будто от решенного вопроса, и вопрос о предмете психологии в связи с проблемой личности (не в качестве субъекта деятельности, но как специальной области психологии личности).

Интеграция отечественной и мировой психологии, пришедшаяся на 60 - е годы, содержала в себе и негативную и позитивную тенденцию для методологической постановки проблемы личности в соотношении с проблемой предмета и объекта психологии.

В постановке и поиске решения этих проблем «импортирование» в Россию зарубежных теорий личности сыграло значительную роль. Их глубина, оригинальность и разнообразие не позволили отечественной психологии на данном этапе найти методологическое основание их сравнения и обобщения. Внезапность открытия отечественной наукой этого огромного проблемного поля еще более побуждала выделить его в еще более самостоятельную и обособленную область психологии. Между тем развитие идей Рубинштейна на новом этапе психологии предполагало постановку проблемы личности не только как теоретической, но как методологической, то есть ее рассмотрение в контексте объекта и предмета психологии. Предложенная нами концепция личности как субъекта жизненного пути имела не только теоретический, но и методологический статус. Важнейшим являлось превращение проблемы личности из специальной области психологии в генеральную проблему **объекта** психологии. Для этого было недостаточно указать на личность как объект психологии. Было необходимо раскрыть эту сферу объективной действительности, которая охватывается способом бытия личности, во-первых, и раскрыть сущность этого способа бытия, во-вторых. Это и было нами определено через качество личности как субъекта, через становление субъекта в его трех основных значениях.

Имманентной и специфической сферой действительности, охватываемой личностью – ее сознанием, деятельностью, общением – является ее **жизненный путь** с его особыми временно-пространственными характеристиками, в котором осуществляется ее развитие. С этим связано первое значение личности как субъекта. Второй сферой является ее **интеракция с обществом** – время, пространство и способ этой интеракции, включающей два уровня функционирования личности (включение и обособление, социализация – индивидуализация и т.д.). Это – второе значение понятия личности как субъекта. Третье значение – **становление личности индивидуальностью** как достижение высшего уровня своего и общечеловеческого развития. Все три сферы и значения частично совмещаются, накладываются друг на друга, вписываются друг в друга или вступают в противоречие. Они не могут быть сведены ни к идеальному, ни к

виртуальному, ни к духовному: развитие личности как субъекта – это и духовное, и культурное и жизненно-практическое развитие.

С точки зрения определения объекта психологии – это и не психика, и не сознание, и не личность как таковая, а *их взаимосвязь* в осуществлении личностью своей *субъектной сущности* - единства психики, сознания, деятельности.

В жизненном пути личность как его субъект приобретает и реализует более конкретные качества: субъекта деятельности, субъекта общения, субъекта познания (чем отнюдь не отрицается роль коллективного субъекта и субъекта совместной деятельности как предмета социальной психологии).

Личность выступает как координатор жизненных событий, отношений, способный их строить и изменять. В качестве субъекта она интегрирует и оптимально организует жизненные этапы, решаемые на каждом из них задачи и проблемы, соотносит эти этапы с жизненными целями, устанавливает их последовательность. Она планирует не только деятельность, но и будущее, и в качестве субъекта «размещает» и смысловым образом связывает в ходе жизни деятельность, познание, общение. Личность в качестве субъекта способна организовать жизнь в целом, определив ее *способ* и выбрав свою *стратегию*. Стратегия жизни заключается в способности личности привести в максимальное соответствие свою индивидуальность (или свой тип) с теми жизненными условиями, обстоятельствами, требованиями, которые существуют объективно и субъективно. Это о первом значении категории личности как субъекта.

Второе значение раскрывается в связи с противоречием, обнаруженным Фрейдом и Марксом, между возможностями, способностями, индивидуальными особенностями и притязаниями личности, с одной стороны, и требованиями общества обращенными к ней, нормативными, не совпадающими с ее индивидуальностью условиями, с другой. Личность как субъект обладает способностью вырабатывать свой *способ* разрешения этих постоянно возобновляющихся противоречий, носящих конкретный, разнообразный характер. Жизненные противоречия выступают в формах жизненных задач и проблем. Выявлено, как и в какой мере личность становится субъектом, разрешая противоречия между системой целей, ценностей, притязаний и способностей и

системой общения, труда, самой жизни с ее обстоятельствами, ситуациями, порождающими эти противоречия.

Личность как субъект целенаправленно использует все свои психические, личностные, профессиональные возможности, способности, опыт как *средства* решения этих задач и проблем. Она не просто обладает восприятием, мышлением, памятью, и не только способна видеть, думать, помнить, но определяет, *как* надо видеть, думать, вспоминать, чтобы решить определенную жизненно-практическую задачу. В этом и проявляется ее *качество* субъекта. Таким образом разработана теория личности как субъекта жизненного пути, согласно которой направление, способ и стратегия жизни определяются субъектом. Она включила наиболее перспективные идеи Б.Г. Ананьева о жизненном цикле и его понятия субъекта деятельности, субъекта познания, субъекта общения. Категория личности как субъекта жизни раскрывает зависимость личности от хода жизни в обществе и обратную зависимость жизни и способа жизни от личности. Она раскрывает новое качество, которое обретает личность, реализуя себя как субъект.

Наконец, третье значение личности как субъекта совпадает с предложенным Б.Г. Ананьевым и С.Л. Рубинштейном пониманием индивидуальности как *высшего уровня* развития личности. Субъект – это направленность развития личности на самосовершенствование, достижение идеала, вершину самореализации. В понимании субъекта жизни заложена идея *восходящего* развития личности, отвечающего ее потребности в самоактуализации (А.Маслоу), оптимальности, свободе. Развитие личности, как известно, имеет два вектора – прогресса и регресса. Оно оказывается регрессивным в силу неспособности раскрыть и реализовать свой потенциал, сверхтрудности жизненных противоречий, трудности соотнесения внешних и внутренних ценностей, иногда эмпиричности, стихийности способа жизни и т.д. Совершенствование же личности, одновременно с достижением *подлинности* своей жизни связано с жизненной стратегией, отвечающей смыслу жизни. Отношение личности к себе как к субъекту, источнику жизненных перемен, причине событий и поступков позволяет ей не ограничиваться рамками своего личностного типа, а выявить новые, еще неиспользованные возможности, стремления, силы. И тогда стратегия

жизни превращается в подлинное творчество жизни и самой себя (Е. Б. Старовойтенко)

Эти три значения понятия личности как субъекта расположены на *трех* векторах ее жизни:

1 - способа *самовыражения*;

2 - способа *самореализации в жизни* и в социальной действительности через ее организацию и самоорганизацию;

3 - способа *развития* и саморазвития как индивидуальности, идущего по «восходящей».

Личность как субъект жизненного пути становится системообразующей категорией психологии, что отвечает основному содержанию системного подхода, разработанного Б.Ф. Ломовым и его последователями.

Доказательством превращения «личности – субъекта» в системообразующую категорию является дальнейшее развитие принципа детерминизма С.Л. Рубинштейна. Его формула «внешнее через внутреннее» в известной мере была ответом на его обвинения оппонентами в признании *двойной* детерминации психического: миром и мозгом. Но само это обвинение исходило из принципа линейного детерминизма, то есть представления, что причина может быть только одна. Определение личности в качестве субъекта означает *переход к нелинейному детерминизму*, то есть к признанию множества детерминант и их взаимодействия. Их упорядочивание, иерархизация, снятие противоречий встречных детерминант осуществляется личностью как детерминантом третьего, четвертого и т.д. порядка.

Иерархичность трактовки детерминизма имманентна категории субъекта как высшего оптимального уровня организации человека. Категория *становления* личности субъектом предполагает обретение ею способности упорядочивать нижележащие уровни своей собственной организации (саморегуляция) и уровни многочисленных детерминант действительности, имеющих разную степень значимости. Однако, кроме того, качество субъекта обозначает введение принципа *ценности* как избирательности, выбора личностью своего отношения к объекту и одновременно как духовной *определенности*, безотносительной к

практической полезности и соотнесенной с духовно – жизненно - нравственными законами, которых личность придерживается по собственной воле.

В психологии, опирающейся на *парадигму субъекта*, изменяется характер теоретико-эмпирического исследования: отношение предмет – объект изменяется на отношение психолог (субъект) – предмет - объект (субъект). Если психология рассматривает в качестве своего объекта субъекта, то психолог не может ограничиться такими гипотезами, моделями, в которых априорно, теоретически заданы качества объекта изучения . Он должен перейти к выявлению реальных качеств, проявлений и т.д. личности – субъекта (ее психологии, сознания). В формулу психологического исследования должно быть включено признание личности субъектом как возможность самодетерминации ее проявлений, поступков и т.д.

Все самые глубокие, оригинальные, учитывающие сложность личностной организации теории в конечном итоге выражают не более, чем *законченное теоретическое представление* данного психолога о личности. Как правило, это идеальная модель личности в двух значениях понятия «идеального»: в смысле идеального объекта науки и в смысле идеала личности. Между тем, субъектный подход предполагает в исследовании новую плоскость - взаимодействие и детерминационные отношения в ходе исследования между психологом и объектом, имеющим качество субъекта. Объект исследования, поскольку им является субъект, имеет право и реально «вносит поправку» в любые теоретические гипотезы и модели, что придает исследованию характер непрерывного взаимодействия.

В современных дискуссиях оказалось представлено не только множество качественно определенных субъектов (субъект деятельности, субъект общения, субъект жизни и т.д.), но и целое пространство *определений субъекта*, имеющих в своей основе совершенно различные критерии. Одни рассматривают субъекта как самую общую категорию, охватывающую и общество как субъекта, и группу, и общность, и личность, т.е. выявляют существенное качество, объединяющее разного уровня, масштаба и качества субъектов. Другие фиксируются только на соотношении понятий «личность» и «субъект»: шире понятие личности по отношению к понятию субъекта или уже. Высказывается точка зрения, согласно

которой субъект возникает до личности, что квалифицируется как новая парадигма.

В теоретическом плане разные авторы связывают появление качества субъекта с разными возрастами или с разными стадиями учебной, профессиональной деятельности. Можно и нужно различать появление качеств субъекта на разных этапах онтогенетического развития, но в таком случае необходимо выдвигать четкие критерии, которым это качество отвечает. Последнее время стало распространяться понятие «субъектности», преимущественно связывающееся с активностью в разных сферах проявления личности. Оно также требует уточнения критериев и раскрытия содержания.

При определении последнего крайне важно различие собственно методологического, теоретического и конкретно-теоретического уровней рассмотрения субъекта и субъектности. Это можно показать на примере определения общения Б.Ф.Ломовым через субъект-субъектные отношения, которое осуществлено на методологическом уровне. На теоретическом и эмпирическом уровне выявляется, что у разных личностей отношение к другому (другим) может иметь субъект - объектный (другой как средство), объект - субъектный (я –средство, исполнитель для другого) и т.д. характер, что не отменяет методологического принципа.

Наше рассмотрение личности в качестве субъекта относится не к конкретно-теоретическому уровню, на котором возможно выделение множества этапов и разной меры становления субъектом (и их критериев), а к методологическому, на котором вскрывается сам *принцип субъектно-личностной организации*, объединяющий жизненное, интерактивное, деятельное пространство функционирования личности с ее самоорганизацией, саморегуляцией (самоуправлением своими психическими, личностными и т.д. возможностями) и развитием в направлении совершенствования своей индивидуальности. Этот подход обозначается как *парадигмальный*, поскольку он дает возможность выделения адекватного для данного этапа развития психологии предмета и объекта и открывает новое направление и способ психологического исследования.

Из вышеупомянутой дискуссии очевидно, что субъектный подход действительно открыл новые перспективы и реализован во множестве

исследований. Он может быть уже в силу этого признан парадигмальным. Но кроме того, он сегодня объединяет практически все методологические принципы: субъектно - деятельностный, развития, отражения, детерминизма, ценности, индивидуального и общественного и т.д. Он является не монометодологическим, а *полиметодологическим*. Кроме двух его функций: ориентации и перспективы для теоретико-эмпирических исследований и интеграции основных методологических принципов, субъектный подход открывает не только адекватный методологии и теории, аутентичный психологии *объект*, но и служит ключом для радикально нового выхода психологии в *практику*.

Несмотря на оптимистический характер категории субъекта, многими психологами современное состояние психологии оценивается как ее кризис. Отмечается снижение концептуального уровня, измельчание тематики исследований. Не отрицая этих фактов, в дискуссионном порядке приведем два аргумента против этой оценки. Возвращаясь к началу статьи и самой истории психологии, следует напомнить, что она переходила от общего с философией предмета к поиску собственного объекта через кризис. Точнее, кризис был связан с невозможностью осуществлять исследования на уровне существовавшего определения предмета – в его рамках. Следующий кризис в связи с другими причинами и в другое время – в конце сороковых годов – повторился, когда психологии было предложено заменить ее предмет предметом физиологии высшей нервной деятельности. В настоящее время в психологии происходит нечто иное. Радикально изменилось определение предмета психологии в соответствии с ее объектом, а *переход* от предмета к объекту оказался *выходом психологии в практику*. В практике она и имеет дело со своей сферой объективной действительности в ее сложнейших и многообразных связях, способах существования. Именно для этого психология и должна была к настоящему времени, чтобы ответить на «вызов» практики, найти своей объект – человека, личность, людей, обладающих психикой и сознанием – в котором закономерности и способ функционирования последних в свою очередь включены сотнями отношений детерминации в социальные, экономические, политические сферы жизни, ее события и изменения. В действительности психическое, сознание, личность находятся в иной диспозиции, чем это

понятийно, категориально, теоретически определено в предмете психологии. В последнем закономерности психического *обобщены по иным основаниям*, чем в самой действительности, где существенными оказываются другие зависимости, в которых еще должна быть выявлена та или иная роль «психологического фактора».

В порядке методологического обобщения нового вектора движения науки – от объекта – к комплексному исследованию, раскрывающему существенные для практики функции сознания, психологии личности, общностей и т.д., сформулирован *психосоциальный подход*, который исходит из включенности сознания, психики, личности в социально-экономические, социокультурные и другие отношения системы действительности, выявляя не только их влияние на психику, сознание, личность, но и роль последних в комплексе этих отношений, систем и их изменений (С.Московичи, К.А.Абульханова, А.Л.Журавлев, и др.).

Последний, во-первых, ориентируется на выявление *реальных*, связанных с конкретно-историческими, конкретно-социальными, социокультурными условиями особенностей личности, ее сознания, психологии. Этот подход позволяет исследовать личность как представителя данного поколения, данной эпохи, данной страны, а также в ее принадлежности определенному социальному слою и далее – в порядке увеличения степени конкретности. Поэтому психосоциальный подход реализуется кросскультурным, типологическим и подобными методами, комплексным исследованием, обеспечивающими выявление множественности детерминант и их взаимосвязей.

Во-вторых, психосоциальный подход направлен на выявление *функциональных* возможностей личности, ее сознания, психики и т.д. в решении реальных социальных жизненных задач. Он выявляет психологическое обеспечение определенных социально-экономических процессов, событий и т.д.. Разные личности обладают различной способностью к адаптации или, напротив, способностью к изменению наличных условий в зависимости, например, от активности мышления в решении социальных проблем, оптимизма или пессимизма, наличия в сознании противоречий старых и новых ценностей и т. д.

В-третьих, психосоциальный подход направлен не только на особенности специального объекта психологии, а прежде всего, сложной объективной

действительности, являющейся одновременно объектом ряда наук, что связано с задачами практики. Это не значит, что психология становится практико-эмпирической наукой, прикладным знанием. Наряду с выявлением реальных качеств личности, сознания и т. д., она ищет – на основе своих теоретических обобщений – соотношение реального и идеального (оптимального), что и отвечает субъектному подходу, и предлагает практике свои рекомендации по **оптимизации**. (В этом аспекте задачи психологии сближаются с акмеологией).

Встречные векторы движения - от предмета психологии к объекту и от последнего – к предмету, к теоретическим обобщениям, и породили ситуацию в психологии, которая представляется кризисной, но в основе своей имеет глубоко позитивный характер. Его позитивность заключается в том, что движение от теоретического уровня объекта психологии – к уровню практики и от практики – к теории при всей своей конкретности, сложности, полимодальности имеет единую ось, единый методологический стержень, которым является субъект.

Что же именно позволяет говорить о **категории субъекта** как **новой парадигме** психологии?

1. Категория субъекта дала возможность переосмыслить науковедческий и методологический подходы к соотношению предмета и объекта психологии, теории и практики. Она дала возможность представить объект исследования в качестве субъекта, внести новый способ взаимодействия психолога с объектом исследования. На ее основе произошло открытие «личности» как системообразующей категории предмета психологии и объекта психологии, обладающей особым качеством «субъекта» или становящейся им. Таким образом сформировалось новое представление об особой сфере объективной действительности (объекте психологии), имманентной ее предмету, обладающей специфическими пространственно-временными особенностями, иерархией детерминационных и ценностных отношений.

2. Эти методологические решения привели к целой новой системе представлений о том, как исследовать субъекта или реализовать субъектный подход (например даже в такой области, как психофизика). Парадигмальность категории субъекта проявляется в том, что она позволяет по-новому связать систему понятий: «индивид», «индивидуальность», «личность» и систему

психологии в целом. Субъектная парадигма психологии включает в себя совокупность методологических принципов – детерминизма, развития, индивидуального и общественного и - как более конкретный - субъектно-деятельностный подход. Функционирование личности в качестве субъекта деятельности складывается из природных, психических, личностных условий и составляющих (в число последних входят способности, мотивы, воля и т.п.), с одной стороны, социальных условий и требований деятельности (нормативные и другие аспекты труда), с другой, и, наконец, способов организации этой деятельности самим человеком как труда, профессии, включая определение их места, ценности, роли в жизни в целом, с третьей.

На основе субъектной парадигмы сближаются общепсихологическое понятие деятельности с ее качеством как профессии, труда, сближаются общая психология, психология личности, психология развития, инженерная психология и т.д.

3. Субъектным подходом определяется необходимость введения определенных критериев для квалификации качеств дифференциальных субъектов (субъект деятельности предполагает одни, субъект общения – другие, субъект познания – третьи), соотнесения категории субъекта и дифференциальных понятий субъекта, соотнесения понятия личности и субъекта в онтогенезе, в жизненном пути, в интеракции с обществом. Кроме того, необходимо введение критериев проявления субъектности (как разных форм, уровней, и способов активности личности) на разных этапах ее онтогенетического развития, жизненного движения и самореализации (становления профессионалом, лидером и т.д.).

4. Основная парадигмальная характеристика личности в качестве субъекта заключается в том, что все свои психические особенности, возможности (ум, волю, мотивацию, способности) она использует в качестве *ресурсов* и средств оптимального решения жизненных и социальных задач, оптимизации общения, познания, деятельности. Она осуществляет самоорганизацию своих психических, личностных, профессиональных, культурных возможностей и их интеграцию с собой как субъектом взаимодействия с действительностью и ее изменения. Теоретически категория субъекта позволяет выявить у разных личностей разную

меру их активности, разную меру интегративности, разную способность самоопределения, то есть служит целям типологизации и диагностики личности.

5. Не имея возможности изложить детально все науковедческие критерии понятия парадигмы, можно только утверждать, что это не точка зрения, позиция ученого или группы исследователей, а проникновение в науку определенного *способа мышления* и подхода к множеству проблем и основание открытия новых. Парадигма проявляется в изменении методологии науки – в углублении ее представлений о предмете и объекте исследования, о способе их взаимосвязи, о взаимоотношениях исследователя, его теорий и моделей с изучаемым объектом, в изменении самой технологии исследования (внесения новых принципов в исследовательские уравнения).

6. Парадигмальность современного состояния психологии связана с ее выходом на решение практических задач, с ее готовностью к их решению; определение предмета науки и ее объекта непротиворечиво объединены субъектным подходом. Парадигмальность категории субъекта обеспечивает способность к оптимальному решению практических задач. Поскольку, как известно, в методологии науки, в рамках старого знания новое может быть не понимаемо и не объяснимо, противоречивость состояния современной психологии, которое характеризуется как ее кризис, на самом деле, на наш взгляд, связана с появлением новой субъектной парадигмы. Однако парадигмальность категории субъекта в современной психологии выразилась не только в том, что на ее основе оказалось возможным по-новому поставить и даже решить целый ряд проблем психологической науки, но в той степени проблемности и перспективности, которую она имплицитно содержит в себе для будущих исследований, для открытия новых направлений развития психологической науки.

**Е. Б. СТАРОВОЙТЕНКО. МОДЕЛИ КАК ПЕРСПЕКТИВА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.**

Мы обращаемся к науке, которую принято называть «общей психологией». Занимая привилегированное положение теоретического основания современной психологии, она, по сложившейся традиции, отчуждена от проблем, решение которых естественно должно составлять ее главный и сокровенный смысл: проблем жизни конкретного человека. Но именно такое гуманитарное назначение общей психологии, выводящее ее далеко за пределы научных лабораторий и университетских аудиторий, представляется сейчас главным.

Как же соотнести абстрактное знание о психическом, о личности и о «я» с уровнем понимания душевных реалий индивида, который, к примеру, обращается к психологу-консультанту?

Возможно ли самим содержанием, структурой и стилем общетеоретического текста задать прямую перспективу его перевода в план заключений о феноменах индивидуальной психики?

Есть ли способы удержать лучшие многовековые традиции строгих научных подходов к психическому в авторских истолкованиях неповторимых душевных событий конкретной личности ?

Полагаем, что общепсихологическое знание гуманитарного типа может строиться в форме исследовательских, объяснительных и интерпретационных *моделей*, представляющих собой концептуальные схемы, логики, когнитивные техники, структуры, типологии, многомерные классификации, аналитические построения и континуумы. Каждая из них становится сгущением как устоявшихся, так и новых идей об определенном психическом феномене: ощущении, восприятии, воображении, мышлении, интуиции, переживании, побуждении, действии, сознании, личности, «я».

Идеи с максимальной полнотой должны определять индивидуальные варианты проявления, развития и регресса феномена. Модель создается как гипотетическая, обеспечивающая множество направленных проб изучения и прогнозирования любого индивидуального варианта. Основанный на моделировании теоретический синтез обобщает в себе ходы альтернативной существенной мысли, которые легко улавливаются и реализуются практикующим психологом..

В моделях находят гармоничное соотношение упорядоченность и завершенность *рационального* подхода, с одной стороны, и открытость, опора на вчувствование, я-проживание и эмпатию, свойственные *интуитивному* подходу - с другой. Последний предполагает использование моделей-символов, которые на основе опыта философствования, талантливых рефлексий, живописных и литературных изображений могут создавать целостную репрезентацию индивидуальности человека, обратившегося к психологу.

Отмеченное сочетание подходов коренится в давнем стремлении психологов добиться в своем деле единства научности и спонтанного творчества. Это великолепно выражено замечанием К.Г. Юнга, что в области практического применения психологической науки теоретический интеллект становится не более как вспомогательным средством, инструментом, хотя и утонченным, но все-таки лишь орудием, перестающим быть самоцелью. Интеллект и вместе с ним вся наука становится на службу творческого замысла И это тоже «психология», но

психология в более широком смысле слова, творческая по природе психологическая деятельность

Правомерным будет сомнение в том, следует ли превращать общую психологию, которая в структуре психологических наук имеет статус едва ли не метанауки, в прямое руководство практической деятельностью психолога. Однако, ознакомившись с различными версиями университетских учебников и обобщающими монографиями по общей психологии, замечаем, что универсальность, синтетизм и научная беспристрастность теоретического знания, которой ожидают от метанауки практики, уступают односторонности избранных авторами парадигм либо соскальзыванию к эмпиризму.

Опора на такого рода источники, созданные профессионалами, может иметь большой обучающий и просветительский эффект, но при этом мало что дать психологу, который оказывается перед необходимостью «идти от феномена», усматривать в единичном общее и всеобщее, держать перед собой все известные психологии вариации существования и эволюции феномена.

Нужные практикующим психологам *интерпретационные теоретические модели* появляются как персональные, часто блестящие обобщения многолетних опытных изысканий авторов. На разных языках издается множество руководств и пособий для психолога-практика, имеющих сходное построение. Оно состоит в изложении «схем» понимания психики, извлеченных из психоанализа, бихевиоризма, когнитивной психологии, экзистенциальной, феноменологической психологии и т.д. Предполагается, что консультант может выбрать адекватный для индивидуального случая способ понимания, переосмыслив и адаптировав его, или свести несколько подходов в общую эклектичную гипотетическую модель. Данный путь теоретизации практической работы требует и научной креативности, и дара иррационального схватывания целого, исходя из немногих эмпирических данных. Однако, не имея корней в общепсихологическом синтезе, он имеет ограниченное применение.

Эти проблемы особенно остро ощущает практик, обладающий ответственным отношением к личности, с которой работает, стремящийся восстановить ее индивидуальность во всей жизненной полноте, возводя ее к уровню «человека человечества». Именно здесь общая психология может вступить в свое

уникальное право, предлагая быстрые, экономные модели прохождения мысли от нечетко определяемого вначале целого индивидуальной души к его разделению на общие, частные и единичные душевные феномены при удержании максимума их взаимных связей и отношений. Дальнейшее движение мысли - к выделению типологических особенностей феноменов и их устойчивых связей. Мысль завершается в содержательном логическом обобщении, которое вдруг начинает терять свои рациональные «леса» и переходит в интуитивное раскрытие индивидуальной целостности с отчетливым высвечиванием возможностей роста, тенденций регресса, центров внутренних противоречий и конфликтов.

Очень непростой является задача смыслового и текстового моделирования общепсихологического знания. Условия ее достойных решений следует искать в **истории психологии**

Прежде всего, необходима значительная **эрудиция** авторов моделей, выходящая за границы их основной науки в области философского, естественно - научного, художественно - символического понимания. Это, однако, не уводит от конкретного психологического факта, а позволяет увидеть в нем сложную иерархию свойств, определяемых с точки зрения разных наук, которые сведены к проблеме реальной психической индивидуальности. Такой метод построения знания и текста просматривается, например, в «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейна.

Важна также установка авторов на поиск **единства противоположных принципов** обращения с данными о психическом. Она, в частности, была присуща В. Дильтею при создании «Описательной психологии», в опыте соединения объяснительного и описательного подходов.. В появлении и существовании данных подходов как относительно автономных кроется естественное разделение двух возможных способов познания психического: мыслительного – рационального - аналитического и внемыслительного – иррационального - интуитивно целостного. Признавая силу первого способа, Дильтей тонко обозначает его пределы, за которыми действителен лишь метод опытного обращения и непосредственного представления «психической жизненности» . С его точки зрения, рациональная конструктивная психология должна расширять свои возможности за счет движения к психическому, например, от поэтических

интуиций о приобретенной связи душевной жизни, действующей не вполне осознанно и до всякого Ratio, к постепенному осознанию и логическому анализу ее составляющих.

Применяя самый изощренный аналитический подход, важно **возвратиться к целому**. Нужно особое мастерство усмотрения в тонкой структуре психической динамики актов «творческого синтеза», которые в своем сцеплении образуют ход развития души, личности, «я». На такую встречу творчества психолога с творческими силами исследуемой души как на метод построения общей психологии указывал В. Вундт в знаменитых лекциях «Душа человека и животного».

Действительная жизнь ожидает от психолога **почтения к теории и фактам**. Становится по-новому интересен прагматизм В. Джемса. Нынешнее проникновение в психологию метода категориального моделирования подготовили прагматические идеи об инструментальном назначении теории, ее проблемности, практичности, неокончательном характере, гибкости и пригодности к работе с фактами, об отношении теории к жизни и миру человека как к незавершенным и незавершимым. «Мир стоит перед нами гибким и пластичным, ожидая последнего прикосновения наших рук....»

Высокой ценностью обладает также **рефлексивное присутствие автора** в общепсихологических моделях. Оно указывает на использование данных самопознания, признание автором значимости интроспективного метода, а также на ожидание активной рефлексии читателя благодаря, например, заложенным в текст приемам я-обращений. Подобный способ построения общей психологии находим в «Феноменологической психологии» Э. Гуссерля. Вновь и вновь, разбивая объективистские установки, в мире психологии актуализируются его методологические идеи, что в рефлексии нам становится доступным психическое в его собственной сущности, что рефлексия при этом выступает в качестве осуществляемой в теоретических интересах и что это позволяет эксплицировать жизнь Я в его собственных составных частях и во всех горизонтах.

Кроме напряженной я - связи, автор моделей должен держать доверительную **связь с потенциальным адресатом**, нуждающимся в профессиональной и личностной поддержке. Мелодия переживания, сопереживания, эмоционально

насыщенной мысли должна звучать в них так же, как в текстах создателей экзистенциальной психологии. Тогда может установиться связь «взаимопроникновения» между автором теоретической модели, психологом - практиком и его клиентом. Она не столько моделируется, сколько творится в двух реальных жизненных ситуациях: работе практикующего психолога с общепсихологическим текстом и работе психолога с объектом своих наблюдений. Психолог-наблюдатель, согласно Кьеркегору, должен быть более ловким, чем плясун на проволоке, если он рассчитывает проникнуть внутрь людей и ставить себя на их место; даже его молчание в момент доверительных разговоров должно быть настолько соблазнительным, чтобы самое сокровенное «другого» могло выйти наружу.

Моделирование является сравнительно молодым методом построения теоретической психологии, но его начала видны в древней и мощной философской *рационалистической традиции*. Гении рационализма разных времен создавали антропологические теории, упорядочивая знания о человеке и его жизни путем применения совершенных логических операций анализа, сравнения, обобщения, различения противоположностей, синтеза, классификации и типизации. Сошлемся на «Страсти души» Декарта, «Антропологию» Канта, «Субъективный дух» Гегеля. Завершенность определений, изящные дефиниции, содержательность категорий, полнота доказательств и обоснований, убедительность выводов, соответствие гипотез и заключений, свойственные данным трудам - уникальное наследие для современного мышления в стиле «модель».

Моделирование преодолевает присущий даже лучшим версиям «Общей психологии» разрыв между предельной обобщенностью теоретических положений и чрезмерной конкретностью примеров и иллюстраций, которые используются скорее для того, чтобы приблизиться к «неискушенному» уму читателя, чем поднять этот ум на уровень психологического понимания. Автор моделей, действуя в интересах развития мысли и рефлексии адресата, помнит, что иллюстрации и примеры нужны постольку, поскольку служат переводу высоко обобщенного знания из одной модельной формы в другие, например, из рационально - понятийной в метафорическую или образно - символическую.

Сквозь приводимый факт должна сквозить полнота и целостность всех сделанных о нем теоретических открытий. Образ в контексте моделирования может быть равен по значимости абстрактному понятию или даже вытесняет его. Конкретный пример, по выражению Ж. Лакана, становится неотделим от иллюстрируемой мысли.

Указанное соотношение логики и иллюстрации исключает у пользователя наивный ход мысли «от большой теории - к образцу и действию», который А. Камю иронически сравнил с попыткой «сделать из книг Руссо тот вывод, что нам нужно стать на четвереньки или вывести из Ницше, что мы должны грубить собственной матери». Взаимовложение моделей-в-понятиях и моделей-в-образах выступает способом достижения автором особо ясного осознания своего опыта понимания предмета и вместе с тем условием эффективной миграции этого опыта в ментальный мир адресата. В форме понятийно – образного синтеза модели лишены императивности и не стремятся целиком осуществиться даже в искусно «поставленном» жизненном событии или практической деятельности. Открывая пути интерпретации психического, они ничего не утверждают в эмпирическом смысле, но помогают отыскать и корректно повлиять на наиболее вероятный жизненный порядок. При их освоении множество жизненных фактов перестает «невнятно лепетать» и начинает красноречивую исповедь о своих тайнах.

Модели рождаются в сложной поисковой работе, и в них одновременно ощутимы и движение бесстрастной науки к анонимному психологу, и стремление *личностного знания автора* к близкому по духу коллеге. Последний момент связан, как правило, с творческим интуитивным синтезом и потому трудно рефлексивируется автором при построении и передаче моделей. Хотя только дискурсивные подступы к творчеству и его когнитивные результаты хорошо поддаются модельной организации, основным эффектом освоения моделей автор считает не чистую репродукцию его интеллектуальных техник и выводов, а выход психолога - адресата на новый уровень креативности в понимании психических феноменов.

Подчеркивая лишь относительную доступность процесса научного познания для превращения в строгий инструментарий мысли и познавательной коммуникации, Н. Бердяев отмечал, что никогда познающий не открывал истины

при помощи того логического аппарата, которым он старается убедить других. Но несомненно и то, что присущие познанию мистичность и магия влияний оказываются недостижимы для ученого, если его разум не упорядочен логическими усилиями, в настоящее время принимающими образ моделирования.

Коснувшись исторических предпосылок разработки общепсихологических моделей, перейдем к их *свойствам, намечаемым современной методологией гуманитарных наук.*

Первое. Модели являются структурной репрезентацией индивидуальных реалий в их единых психо - практической, духовно–деятельностной, качественно – динамической формах. Модельная репрезентация относится к прошлой, актуальной и потенциальной индивидуальности, стремится к тому, чтобы стать собственным опытом индивидуальности. Индивидуальные случаи, феномены, факты выступают исходным предметом и конечной целью психологического моделирования.

Второе. Модели сгущают и синтезируют актуальное научное знание об индивидуальности, а также делают явными, доступными логические и другие интеллектуальные операции, посредством которых психолог может использовать и развивать знание. Таким образом воссоздается целостный содержательно-операциональный подход к психологическому объекту.

Третье. В операциональную структуру модели встроены разнообразные рефлексивные приемы, которыми могут воспользоваться как психолог - пользователь, так и личность, интерпретируемая и описываемая им с помощью модели. В последнем случае личность при поддержке психолога осваивает модель для самопознания и самоинтерпретации.

Четвертое. Модели могут быть разных типов. Либо это относительно замкнутые логические конструкты, вылитые в терминологические формы. Либо это вербально-образные и вербально-символические построения, например литературно – поэтические. Возможны также образно-символические модели: живописные, графические, пластические. В психологическом моделировании особенно ценны взаимопереводы всех указанных репрезентаций.

Пятое. Модели, по выражению М. Вартофского, могут обладать разными «экзистенциальными притязаниями». Модель может служить гипотетическим

объяснением индивидуальности. Она может быть инструментом нахождения новых свойств и отношений индивида как объекта репрезентации, т. е. способом творчества. У моделей, кроме того, может быть рефлексивное назначение: передача индивиду содержаний и техник самопознания и самопрезентации. Модель может создаваться и как средство идентификации с другими и одновременно средство автономизации и самоопределения. Наконец, модели могут быть ориентированы на общее развитие, совершенствование или частные позитивные изменения индивида и в этом смысле выступать развивающими и формирующими. Идеальной является модель, которая реализует все названные притязания..

Шестое. Необходимое свойство моделей - креативность. Несмотря на то, что по стилю построения и форме представления они «тугие», «плотные» и относительно закрытые, при развертке и последовательном применении они становятся прозрачны и проницаемы для новых идей, эмпирических данных и принципов собственного развивающего переструктурирования. Модели допускают множественные авторские вариации пользования, исключая упрощенные, репродуктивные.

Седьмое. Модель, как бы сложна и логически изысканна она ни была, не может быть богаче своего объекта-референта и не может считаться методом его исчерпывающего познания. И все же призвание моделей состоит в привлечении всех наилучших идей о референте и сведении в оригинальную версию методологии всех известных эффективных способов познавательных и практических действий с ним. Скромность исходных онтологических притязаний в сочетании с высоким статусом решаемых задач и установкой автора на «коллекционирование сильных идей» придает моделям элитарность, обуславливает интерес профессионалов.

Восьмое. Репрезентируя индивидуальность адресата - референта, модель обнаруживает и свойства своего создателя, разработчика. Выявляется достигнутый им уровень теоретического понимания объекта как свидетельство реализованной интеллектуальной одаренности. Находят выражение активность мышления, сила воображения, творческая направленность и результативность моделирования. Такое личностное присутствие автора обуславливает

коммуникативный смысл, диалогичность применения моделей даже при отсутствии прямого контакта пользователя с ним. Кроме того, автор обладает правом субъективных предпочтений в выборе персоналий, научных теорий, школ, направлений, литературных текстов, привлекаемых к построению моделей. Создается «пространство моделирования», в котором возникают, возвращаются, взаимодействуют, вторят друг другу немногие, особенно близкие автору Имена. Показывается определенный «срез» научной культуры и научного поиска, в котором отчетливы связи и преемственность идей выбранных персоналий. И в этом «срезе» нет старых и новых идей, а есть сквозная, непрерывная и поступательная логика сходных интерпретаций референта.

Девятое. Отрефлексированность и показ логических, образно- символических и вербальных операций, придающие моделям «техничность», предполагают преобразующие влияния на объект моделирования. Поскольку речь идет об особом объекте - человеке, влияния на него моделей и стоящих за ними автора и пользователя обеспечиваются операциональным синтезом особых действий. Это понимание и взаимопонимание, толкование и самотолкование, исследование и самоисследование, изменение поведения и деятельности человека, приведение его к новым для него жизненным результатам. Модели обосновывают и конструируют данные психологические действия, а также гарантируют их тройственную продуктивность: в отношении референта, в отношении модели, которая при работе с феноменом совершенствуется, в отношении автора и пользователя модели.

Десятое. Действенность, динамизм, феноменологичность модели задают ее направленность на будущее. В ней заключено ожидание и вероятностный прогноз как естественно-жизненных перемен референта, так и перемен, детерминированных ее применением. Модель не изображает и не описывает конкретную перспективу, а создает возможность того, что при реализации модельного подхода объект превзойдет свою репрезентацию.

Придавая указанные черты общепсихологическим моделям, следует уделить особое внимание их *текстовой форме*. Текст модели выступает, как правило, авторским выбором, реконструкцией и преобразованием существующих *научных текстов*, в том числе непсихологических. Гуманитарно ориентированные модели

общей психологии могут структурировать и интерпретировать философские, культурологические, социологические, филологические, искусствоведческие тексты. Иногда текстовые фрагменты, если их содержательная организация очень близка общепсихологической, могут рассматриваться как готовые модели. В другом случае моделирование сопровождается авторском переосмыслением чужих текстов. Или автор осмеливается предложить свои версии понимания объекта, предлагая новые текстовые модели с полинаучным содержанием.. То же касается *художественно-литературных иллюстраций*, когда ими выступают отрывки выдающихся произведений, их психологически проинтерпретированные темы, психологический анализ их героев. Кроме того, модели общей психологии могут обобщать *рефлексивный опыт* автора, других психологов, философов, литераторов. Очень ценным для моделирования является также феноменология *личного проживания* талантливых ученых и писателей Стремясь к «сжатию» и «концентрации» лучших идей и наблюдений, общепсихологический текст создается как *система культурных кодов*, которая взрывается множеством креативных интерпретаций, когда на ней задерживается мысль профессионала, открытая к расширенному знанию о психике.

Построение общей психологии нельзя рассматривать как угасающую академическую традицию или задачу обеспечения репродуктивного учебного процесса. Это не способ демонстрации эрудиции ученого, или путь повышения его статуса в научно-психологическом сообществе. Это всегда новая проблема совершенствования теоретической психологии и расширения ее жизненных возможностей, проблема повышения ее доступности и сохранения ее неисчерпаемости для практикующего психолога.

Время исповедовать проблемное видение теоретической психологии. Время создавать многие ее версии и относиться к ним как проектам улучшения техник и технологий психологической практики.

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ И СПОСОБ ЕГО РАСКРЫТИЯ.

Основные понятия общей психологии. Предмет общей психологии может быть отождествлен с предметом психологической науки в целом. Им выступает

психический (душевный) план индивидуальной жизни как нечто единое и непрерывное, целостное и внутренне разделенное, невозобновляющееся и устойчивое. В динамике психической жизни обнаруживается постоянство общей функции живущего человека: «быть в психической связи с миром». А в процессе реализации данной функции «психическое» приобретает способность быть свойством и потенцией индивида.

Исходную задачу психологии составляет исследование *отношений психики*, обращенных к миру, индивиду в его жизненной активности, к себе самой и соответственно преломленных сквозь «объект», «субъект» и «психическое ядро» индивида. Отношения рассматриваются при этом в качестве объективных, субъективных и внутриспсихических. Данное различие выглядит достаточно условным, если помнить о естественной неразрывности «мира – индивидуальной – жизни», «индивида –живущего - в мире» и «психического способа – индивидуальной – жизни». В то же время, моделирование допускает некоторую жесткость дефиниций, и важнейшим его шагом является нахождение наиболее существенных содержаний, детерминирующих факторов и форм психических отношений. Это будет означать *определение основных понятий* общей психологии.

Психическое - способ внутренней жизни, соотнесения с миром и освоения его, способ самоизъявления и творчества индивида в мире. Специфика психического дана в непосредственном проживании; его познание выражается скорее в гипотезах, чем в объяснениях; самопознание психического дает эффекты поразительной глубины.

Действительность - мир, взятый как условие существования и потенциальная данность для всех индивидов. Характеристикой мира - действительности является его возможность и готовность быть вовлеченным в активность, деятельность, поведение индивидов.

Реальность – осознанный и освоенный конкретным человеком мир, который признается и удостоверяется им в качестве существующего-для-я. Реальность мира проживается индивидом при наличии двух основных моментов: внутреннем установлении идентичности мира-для-я и мира-для-других, а также установлении собственной возможности влиять на мир и изменять его.

Ирреальность - прорыв в опыт индивидуальности содержаний трансцендентного мира, открывающегося как вне - человеческий, невозможный для обычного познания, не подлежащий освоению и субъективному влиянию.

Кажимость - привнесение в проживаемую здесь-и-сейчас реальность элементов индивидуального внутреннего опыта, произвольно спроецированных во внешний мир и закрытых для проживания другими присутствующими.

Данность - психическая форма индивидуального моделирования мира и жизненных связей с ним.. Психическая данность мира не просто «есть в индивиде», но обуславливается, творится, обогащается им. Психическая данность может быть отнесена к «я», то есть осознана, или может остаться внесознательной.

Представленность - уловление сознанием индивида психических данностей в их относительной разделенности и дифференцированном единстве. Эта «данность данности» не охватывает собой ни всей реальности индивидуальной жизни, ни всех внешних и внутренних возможностей индивида.

Детерминация психического – разнообразные влияния на психику «иного» с эффектом его особого присутствия в психических свойствах, состояниях и формах. Существуют факторы, детерминирующие происхождение, функционирование, протекание, содержание, качественные особенности и выражения психического. Действуют генетические и причинные детерминанты, детерминанты – условия, детерминанты – движущие силы, детерминанты роста и регресса. Все они условно принадлежат или миру, или телесной организации индивида, или его жизненной активности, или самой единой психике индивида, или ее относительно автономным формам. С целью подчеркнуть влияния на психику, исходящие от «субъективного целого» индивида, вводится понятие самодетерминации.

Вещный мир - мир предметов, не обладающих свойством жизни, но вовлеченных в человеческую жизнь, где они преобразуются, создаются и детерминируют ее.

Мир живого - единая растительно-животная среда, обладающая для человека достоинством условия, цели и ценности его жизни..

Социальный мир - сообщество людей, которые даны конкретному человеку как «другие» и одновременно как «мы».

Идеальный мир - всечеловеческий опыт раскрытия, воссоздания, непрерывного поиска истины и ценности существующего. Дан индивидам в формах идей, символических образов, всеобщих чувств, универсальных жизнеотношений. «Коллективность» идеального удерживается и передается личности средствами сознательной культуры (в изображениях, символах, знаках, текстах и т. д.) а также бессознательным, архетипическим, путем.

Индивидуальное существование - жизнь индивида, взятая и как анонимный единичный момент всечеловеческого бытия, и как уникальное событие в нем. Имеет несколько планов, из которых наибольшее внимание психологов привлекают психический, действенно - поступковый, продуктивный, социальный, природный, трансцендентный.

Жизненное время – измерение индивидуального бытия, существующее в трех основных формах: в форме длительности, последовательности, одновременности объективных жизненных событий (объективное время); в форме глубинной, воспринимаемой, но неделимой длительности психического «потока» (чистое психическое или внутреннее время); в форме сознания и рефлексии длительности, последовательности событий психической жизни (субъективное, рефлексивное время).

Структура психического - включение в психику как целое различных элементов, компонентов, уровней и т. д.. Для нее характерны: оформленность и устойчивость связей элементов в составе целого; подчиненность отдельных психических процессов, функций, качеств общим формирующим и направляющим началам. Наиболее традиционным выступает структурное различие в психике побудительных, познавательных, эмоциональных, волевых, экспрессивных и поведенческих явлений. Их взаимопроникновение и относительная автономия в индивиде и его жизненном процессе обуславливаются интегративными и разделяющими силами бессознательного и сознания, «самости» и «я».

Психический феномен - проявление психического целого в единичных моментах побуждения, познания, переживания, волеизъявления, деятельности.

Понятие феномена подчеркивает не только сложность душевных явлений, но и их принадлежность уникальной конкретной жизни, субъективную значимость, событийность ее фрагментов. «Феноменальность» психической жизни связывается с ее осознанностью, хотя и не исключает внесознательного плана единичного душевного события. В качестве феномена определяется любое психическое явление или процесс, если к нему применим метод целостного, углубленного понимания и интерпретации.

Психическое целое - отнесение проживаемых душевных событий к непрерывно становящемуся центру индивидуальности. В динамической связи с ним удерживается постоянство тенденций и качеств психического, устанавливается, закрепляется разноплановое единство индивида: телесно-психическое, сознательное, социальное, духовное. Целостнообразующий центр имеет различные ипостаси: первично-природную «душу», бессознательную «самость», сознательное «я», социально-нормативное «сверх-я», высшую «духовную инстанцию». Важен акцент на взаимовключение и одновременность действия различных ипостасей, их противоречия и возможность дезинтеграции, например, разделения «я».

Индивидуальность – человек как обладающий уникальной связью всечеловеческих потенций бытия, неповторимо реализующий их, приобретающий в этом процессе качество единичности и способный к творчеству, авторству в бытии. Индивидуальность развивается, находясь внутри открытой к ней общности, восполняя эту общность, находя в ней место, незаместимое никем другим.

Субъект – человек как способный влиять на бытие других, активный в этом бытии, оставляющий в нем творческий след; открывающий в связи с другими людьми возможность самоопределения и самореализации. Одной из ведущих субъектных инстанций определяется сознательное «я» или «эго» индивида, превращающее его инициативы и активность в понятные и значимые для других.

Личность – человек как несущий в себе потенции и реализующий жизнеотношения, общие с другими людьми, открывший и удерживающий свою принадлежность к «мы», принимающий свою идентичность с «другим» как ценность, расширяющий возможности коллективного-в-себе. «Личностью» в

психологии обозначается и внутренняя целостность индивида, его устойчивая качественная определенность, зависящая от прижизненного социального обобщения и самообобщения индивидуальных идей, желаний, намерений, чувств, образов, символов.

Носитель психического - человек, обладающий единством телесного, субъектного, личностного и индивидуального начал. Они оформляются при активном психическом опосредовании, одновременно придавая психической жизни и каждому ее отдельному моменту природные, субъектные, личностные и индивидуальные черты.

Приведенные понятия применяются обычно во всех сферах теоретической психологии и разрабатываются в пограничной области «философской психологии». Из этой же области можно извлечь **принцип** организации психики, задающий логику структурирования общей психологии, **понятия конкретных элементов и строения психической структуры**, которые дополняют намеченный выше список, а также **сквозной методологический подход** к конкретным психологическим темам и проблемам.

Классы и формы психических явлений. Общая психология как относительно завершенная интерпретационная модель психических явлений может быть структурирована на основе их различения и объединения по следующим общим признакам:

- по преимущественной направленности психического явления на объект или субъекта;
- по преобладающим внешним или внутренним причинам психической активности;
- по степени опосредованности психической связи с объектом;
- по возможности сознательной репрезентации психического явления;
- по соотношению в нем силового, содержательного и оценочного компонентов;
- по особенностям внешних выражений психического явления;
- по его участию в поэтапной развертке целостного момента жизнедеятельности;
- по отнесенности явления к трем временам жизненного процесса: настоящему, прошлому и будущему.

Сведение признаков позволяет выделить следующие классы и формы психических явлений.

1. **Класс интеллектуальных** (познавательных, когнитивных) **форм**, включающий ощущения, восприятие, представление, мышление, интуицию и речь. Данные формы обеспечивают несколько уровней познания и знания, связанных с ситуацией здесь-и-сейчас, условиями уже-бывшего и ожиданием еще-не-свершившегося. Уровни обозначаются как непосредственно-чувственный (ощущения, восприятие), отвлеченно-образный (представление), абстрактно-понятийный (мышление, речь), символический (интуиция). В знаниях и познавательных актах разных уровней могут различно соотноситься тенденции к воссозданию известного (память), преобразованию известного и к генерированию нового (творчество). Познание может быть обращено на внешний по отношению к субъекту объект или на самого субъекта. В последнем случае можно говорить о самопознании различной глубины и разных путей осуществления: о самоощущении, самовосприятии, представлении о себе, рефлексии, я-символизации.

2. **Класс побуждений**, включающий непосредственно проживаемые инстинкты, влечения, потребности. Формы побуждений различаются своей динамизирующей силой, доступностью для осознания, ценностным весом, сложностью и свободой ситуативных проявлений, дальностью и длительностью перспективного действия. Процессуальность, ситуативность и предметная дифференцированность побудительных форм подчеркивается понятиями «мотив» и «мотивация». Устойчивость индивидуальной мотивации в отношении избранных, привилегированных объектов культуры акцентируется понятием «ценностные ориентации». Сфера побуждений объединяет субъективные устремления к внешним и внутренним объектам. Во втором случае побудительный процесс осуществляется как ауто- или я - направленный.

3. **Класс переживаний**. Имеет сложную структуру, включающую первичные чувствования, эмоции, аффекты, настроения, чувства, страсти. Они субъективно инициируются индивидом, динамизируют его жизнедеятельность, служат обобщенной чувственно-смысловой оценке непосредственно данного и проживаемого. Богатство, глубина, длительность действия, осознанность этих

оценок определяют тончайшую дифференциацию сферы переживаний. Источники и ориентиры переживаний индивид находит в мире и в себе. Данность себя в переживании выступает самопереживанием.

4. **Класс мнемических форм** (память). Дополняет класс интеллектуальных форм, включает запоминание – сбережение – воспроизведение - забывание. Спецификой памяти выступают ее неисчерпаемые возможности в установлении, возобновлении и обогащении связей между актуальным жизненным событием, уже-бывшими событиями и уже-наступающими событиями. Феноменологически эти возможности объясняются одновременностью и непрерывностью трех единых процессов: внутреннего «погружения» определенного впечатления (ощущения, образа, идеи, действия и т.д.), его «всплывания» и последующего «присутствия» в проживаемом здесь-и-сейчас. Центральный феномен памяти – сбережение - рассматривается как неугасающая внутренняя продуцирующая активность. Различаются память индивида на внешние объекты и память-о-себе как особый я-направленный мнемический процесс.

5. **Класс выражений психического**. Это моторные эффекты и телесные «знаки» психических феноменов, а также их предметные «следы». Основные формы выражений составляют реактивные, поисковые, исполнительские, исследовательские, имитационные движения, операции и действия. Ряд дополняют мимические, пантомимические и речевые движения как элементы вербально - пластической экспрессии тела. Отдельные «действенные» формы образуют в жизненном потоке обобщенные индивидуальные способы поступления, деятельности, поведения, которые ведут к различным психо-практическим результатам, продуктам. Устанавливаемое в «выражениях» единство психического, действенного и продуктивного имеет ценностный вес, проникает в качестве «индивидуальных отношений» в глобальные процессы этической, религиозной, научной, эстетической, профессиональной и т.д. жизни людей. В общем процессе психического выражения можно условно различить объекто- и субъекто - центрированные интенции. Последние осуществляются в самовыражении.

6. **Класс сознательных психических форм**. К нему относятся все психо - практические явления, представленные индивиду здесь-и-сейчас на уровнях

осознания, самосознания и самопознания. Тот или иной момент проживания может быть опосредован определенной активностью внимания как сознательной фиксации, актом сознавания и волевым актом. В зрелом сознательном модусе психическая жизнь приобретает я – направленное и я - исходящее движение. Эта связь с «я» может изменяться от поэтапного просветления, включая рефлекссию, к угасанию сознания. Возможны нормальные, аномальные и патологические акты сознания.

7. Класс бессознательных (внесознательных) психических форм. К нему принадлежат психические явления, предсуществующие в индивидуальной психике как общие пра - идеи, пра - образы, пра - чувства и пра - отношения, то есть «архетипы», не достигшие в процессе жизни осознания. Класс дополняют бывшие в опыте индивида психические впечатления, ускользнувшие от сознания, или устраненные из поля активного сознания. Бессознательное обогащают мысленные, образные и чувственные интуиции, нарождающиеся в индивидуальном самодвижении психической жизни, недоступном актуальному сознанию. Интуиции иногда несут в себе потенциал будущих творческих проявлений индивидуального сознания. В бессознательном обнаруживаются процессы и содержания, имеющие объективную направленность, а также те, которые устремляются к глубинному душевному целому индивида -- его «самости». Объективная и субъективная ориентировки бессознательного выражаются и взаимодействуют в виде проекций и интроекций.

Психическое целое Акцент на относительную самостоятельность выделенных классов психических явлений выступает хорошо известным приемом теоретико - психологического анализа. Однако, не менее важным является восстановление психической целостности индивида, иначе, «целого» его психической жизни. Такому психологическому синтезу служит введение следующих понятий и определений.

В любом психическом факте в той или иной мере выявляется связь всечеловеческих душевных потенций, образующих **первичную внутреннюю сущность** индивида или **самость**. В этом смысле наша психическая жизнь является потенцированной неким единством исходных возможностей. Экзистенциальная психология, например, определяет это единство как общую

предпосылку творческого поиска свободы, истины, красоты, любви и я - назначения. В жизненном осуществлении, однако, конструктивность творческой предпосылки может обратиться в разрушительную, деструктивную линию индивидуального бытия.

Психические явления, реализуясь в жизненном процессе, становятся относительно обратимыми и взаимосвязанными, приобретая устойчивые функциональные черты. **Функциональная инвариантность психической динамики** придает конкретность, личную содержательность единству первичных потенций психики.

Выход душевных потенций из латентного состояния, их постоянное проявление во множестве взаимосвязанных психических событий ведет к оформленности **внутреннего качественного ядра** носителя психики. Это ядро начинает действовать как активный детерминант психической жизни.

Психическое целое удерживается особыми **центробежными силами**, исходящими от живущего и действующего индивида. К ним, в частности, относятся: общее телесное самоощущение; концентрированное проживание желаний; эмоционально – оценочный интеграл происходящего; когнитивное уловление постоянства и непрерывности эмпирического «я»; сознательное самоупорядочение, самообобщение во внутреннее «я». О возможности ослабления подобных сил говорят факты внутреннего раскола, распада, разотождествления, проживаемые как растворенность-в-ином, потеря себя, выход-из-себя, опустошенность, самоотрицание. .

Сознательная активность в формах **самосознания, самопознания, рефлексии** является мощным целостнообразующим фактором и самой психической жизни, и ее носителя. Сознание, интегрирующее я-концепцию, я-идеал, я-символ, я-проект, я-идентичность и т.д., стремится к тому, чтобы достичь совпадения того, что индивид «есть в себе самом», что он «собой представляет для других» и что он открыл «в себе для себя». Первичное бессознательное единство психики – самость - начинает нуждаться в постоянной поддержке я - обобщающей мысли, которая, в свою очередь, вовлекается в творческий поиск вестей и символов из скрытого от сознания психического целого. Непостижимость собственной души теряет для индивида свою бесспорность и превращается в вечную гипотезу,

проверяемую и опровергаемую интенсивной сознательной и рефлексивной жизнью - жизнью субъекта.

Психическое целое сознательно репрезентируется индивидом в рациональных и символических понятиях *«мое»*», *«мне свойственное»*, *«мое - всегда со мной»*, *«мое личное»*, *«персональное»*, *«я»* и т. д.. Эти эффекты самоопределения также служат поддержанию психической целостности индивида.

Среди научных обозначений психической целостности, основными являются термины *«самость»*, *«личность»*, *«субъект»*, *«эго»*, *«я»*.. Содержательное раскрытие их значений составляет сущность синтетического подхода в психологии.

Методология понимания психических форм. С учетом целостности и дифференцированности психики намечается единая методология понимания и интерпретации психических явлений. Ее применение обеспечивает непрерывную связь и удержание в поле профессиональной мысли всех основных общепсихологических понятий, а также возможность быстрой актуализации при решении конкретных проблем многих подходов, сведенных в единую концептуальную систему. Приведем континуум *методологических приемов* единообразного рассмотрения психических форм.

1. Исходным является понимание *уникального места и роли конкретной формы* внутри психического целого, различение ее специфических особенностей как «чистого» феномена среди других, взятых так же изолированно и абстрактно. Необходимо при этом постоянное возвращение к реальным жизненным взаимосвязям всех форм.

2. Определение психической формы как содержащей в себе одновременно признаки внутреннего *свойства* индивида, *функции* живущего индивида, непостижимого и сознаваемого индивидом *процесса* психической жизни, *факта данности* мира индивиду, типического и неповторимого *качества* субъекта психики.

3. Поиск факторов возникновения, источников, причин, условий, зависимостей психической формы внутри общего единства психической жизни индивида. Все названные *типы детерминации* условно различаются по их действию от «внешнего мира», «телесной организации индивида», «условий

индивидуальной жизни», «целостного субъекта», «психики», «формы самой в себе».

4. Нахождение этапов и фаз **становления психической формы в онтогенезе**. В частности, выделяются: естественно-возрастные периоды развития формы; фазы, связанные с общим процессом индивидуации; этапы, обусловленные закономерностями социального роста индивида; периоды, зависящие от общей динамики жизненного пути, например, от смены процессов жизненного прогресса, застоя, кризисов, регресса, возрождения, разрушения индивида. Соответственно в самой форме определяются моменты ее ослабления и усиления, расцвета и инволюции, акме и угасания. Онтогенез формы моделируется в зависимости от **культурогенеза** психики.

5. Раскрытие **предметного характера формы**, то есть, данности в ней внешних и внутренних объектов. Изучение следующих видов психической связи с предметом: непосредственной - опосредованной, активной - пассивной, кратковременной - пролонгированной, сознательной - бессознательной, репродуктивной - продуктивной, деструктивной - конструктивной. В плане данности предмета психическая форма характеризуется пространственной и временной отнесенностью, мерой конкретности и отвлеченности, мерами предметной полноты и адекватности, а также признаками воссоздания предмета, поглощенности предметом и преобразования предмета.

6. Понимание психической формы в качестве **сложной многоплановой активности**, обусловленной нейрофизиологическими, вегетативными, двигательными факторами, и включающей побудительный, когнитивный, оценочный и результативный компоненты. Особое значение придается сознательному - бессознательному протеканию конкретной психической активности. Выделяются разные уровни ее осознанности - от рефлексивного до подсознательного, а также источники ее бессознательной динамики: от жизненно ситуативных до архетипических. Зрелая психическая форма, вобравшая в себя влияния других зрелых форм, выступает как обобщенное **отношение к жизни**: интеллектуальное, эмоциональное, творческое и т. д.

7. Выявление в динамических и содержательных особенностях психической формы, в ее потенциях и детерминантах, в этапах эволюции, в уровнях развития,

в устойчивых качественных тенденциях и в ее предметных следах множественных *противоречий*, связанных с изначальной имплицитной раздвоенностью, дуальностью человеческого существа и индивидуального бытия. В психических феноменах проступает напряженная противоположность субъективного и объективного, душевного и телесного, сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, идеального и практического, развития и регресса, конструктивного и разрушительного, упорядоченности и хаоса. Заявляет о себе, проживается в качестве конфликтов и кризисов и преодолевается двойственность самости – личности – «я».

8. Определение *влияния сложившейся личности* на конкретную психическую форму. Обоснование изменений формы в зависимости от эволюции целостной личности. Применение положений о том, что личностное становление может выливаться в следующие длящиеся события: время развития, расцвета, расширения, интеграции, возрождения - с одной стороны и время сужения, ослабления, негативной структурной перестройки, распада личности - с другой. Конкретное психическое явление вовлечено в этот общий процесс. Личностный аспект той или иной формы психической активности обнаруживается прежде всего в устойчивости ее мотивационной составляющей, возобновляющихся «встроенных» переживаниях, в актуализации типичного способа протекания, в ее обобщенной детерминирующей установке и в повторяемости ее эффектов. Личностное действие на психический феномен существенно связано с сознанием и деятельностью: личность вовлекается в психическую жизнь посредством самосознания, самопознания, поступления и продуктивного действия, то есть в качестве *субъекта*. Мы способствуем своим ощущениям, своему созерцанию, своему мышлению и наслаждению двумя путями: тем, что думаем о себе и тем, что пытаемся деятельно выйти за пределы своего «я».

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО

Понятие детерминации в психологии. Индивидуальная психика не может рассматриваться иначе, чем во взаимосвязях с многообразным другим, иным. Свойство психического - быть в отношении зависимости от других явлений -

обозначается в современной психологии термином «детерминация» или «детерминируемость».

Исторически сложились различные понимания детерминации психики. Все они, как правило, акцентируют один или несколько аспектов данного свойства. Сохраняется психологическая традиция поиска «окончательных» ответов на отдельно поставленные вопросы: «в каком основном соотношении находятся психика и мир?»; «какая главная связь соединяет психическое и все другое?»; «что как главная причина порождает психику?»; «биологические или социокультурные условия определяют психическое?»; «внешнее или внутреннее доминирует во влияниях на психику?» и т. д.

Однако, при любом узком подходе психолог не может, хотя бы неявно, не следовать интуитивным представлениям о сложной, многоплановой детерминации психического. В его умелом решении конкретной профессиональной задачи так или иначе обнаружатся разнообразные смыслы «детерминируемости психики»:

- порождение психики другим;
- ограничение психики другим;
- зависимость психики от другого;
- обусловленность психики другим;
- причинная связь психики с другим;
- развивающие влияния другого на психику;
- самодетерминация психики внутри единства с другим.

При углубленном и целостном теоретическом подходе все эти смыслы берутся в *единой модели детерминации психических феноменов*, что позволяет психологу сознательно избегать односторонности в своих исследованиях и практической работе.

Сложность детерминирующих связей человеческой психики определяется ее особым местом в мире. Она развивается на основе четырех универсальных влияний: природы, человеческого мира, индивидуальной жизни, телесно-душевной организации индивида. Каждый более общий детерминант действует через другие, ближе относящиеся и непосредственно «предстоящие» индивидуальной психике. Как правило, в специфическую сферу

психологических исследований попадает детерминация со стороны следующих явлений:

- человеческого мира или мира людей, вещей, знаков, общественного идеального;
- телесно - психической организации индивида или организма, нервной системы, возраста тела, конституции, психосоматики, структуры и типа психических свойств и функций.
- индивидуальной жизни или динамики психических процессов, действий, поступков и деятельности, а также их результатов и последствий, личной биографии, топологии и хронологии жизненного пути.

Особенно тонкой психологической проблемой являются возможности **самодетерминации психики** или ее самодвижения, саморазвития, самопричинности, я – активности и глубинного самоопределения. Индивиды обладают различным потенциалом самодетерминации в зависимости от характера детерминирующих влияний на их психику. Например, самодетерминация выливается во внутреннюю свободу, если социальный мир, обращенный к личности, устроен разумно и справедливо, если ее тело является здоровым и гармонично функционирующим, если ей доступно творчество и ее достижения широко транслированы в социум. Напротив, потенциал самодетерминации снижен, если социальные воздействия на личность агрессивны и разрушительны, если ее собственные действия возвращаются к ней дурными последствиями, если ее тело беспокоят многие недуги, если ее душевное «ядро» активно действует в жизни лишь силами влечений и привычек.

Виды детерминирующих связей психики. В динамике индивидуальной жизни каждое ее целостное психическое состояние, или «акт проживания» индивида, является сложным эффектом действия многих конкретных детерминантов, в том числе, я – детерминации. Если попытаться различить конкретные виды этих детерминантов, используя обозначения ПС (психическое состояние) и Д (другое), получится ряд жизненно реальных соотношений:

ПС порождается Д;

ПС вызывается Д;

ПС испытывает воздействия Д;
ПС активно взаимодействует с Д;
ПС принимает влияния Д;
ПС развивается в связи с Д;
ПС разрушается связью с Д;
ПС отрицается Д и т.д.

Речь идет об отношениях двух реальностей, где психические результаты могут быть быстрыми и отсроченными, обратимыми и необратимыми, прямыми и опосредованными, поддерживающими или погашающими взаимную активность.

В науке и литературе рациональное или интуитивное понимание полидетерминации индивидуальных душевных событий отличает психологически тонкие интерпретации человеческой жизни от огрубленных и упрощенных. К примеру, возьмем фрагмент из непревзойденных по психологизму «Поисков утраченного времени» Марселя Пруста.

Здесь представлены множественные внешние и внутренние моменты «другого», которые вызвали необычное душевное состояние героя — *творческое воспоминание*. Даны не только источники воспоминания, но и те моменты, которые сохраняли, изменяли, усиливали это состояние.

«Удрученный мрачным сегодняшним днем и ожиданием безотрадного завтрашнего, я машинально поднес ко рту ложечку чая с кусочком бисквита. Но как только *чай с размоченными в нем крошками пирожного коснулся моего неба (Д)*, я вздрогнул. Во мне произошло что-то необыкновенное. На меня *внезапно нахлынул беспричинный восторг (Д)*. Я, как влюбленный, сразу стал равнодушен к превратностям судьбы и безобидным ее ударам, к радужной быстролетности жизни... Откуда ко мне пришла всемогущая эта радость? Я *ощущал связь меж нею и вкусом чая с пирожным (Д)*, но она была бесконечно выше этого удовольствия, она была иного происхождения. Откуда она ко мне пришла? Что она означает? Как ее удержать? ...Я пью еще одну ложку..., сила напитка уже не та. Ясно, что искомая мною истина не в нем, а *во мне (Д)*... Я оставляю чашку и *обращаюсь к своему разуму (Д)*... Я требую от него, чтобы он сделал усилие и хотя бы на миг удержал ускользающее ощущение. ...Я убираю от него все лишнее, приближаю к нему еще не выдохшийся вкус первого глотка

и чувствую, как *во мне что-то вздрагивает, сдвигается с места (Д)*. хочет вынырнуть, хочет сняться с якоря на большой глубине; я ощущаю сопротивление и слышу гул преодолеваемых пространств...

И вдруг *воспоминание ожило (ПС)*. То был вкус кусочка бисквита, которым в Комбре каждое воскресное утро угощала меня, размочив его в чае, тетя Леония... И, как в японской игре, все цветы в саду моего детства, все почтенные жители города, их домики, церковь — *весь Комбре (ПС)*, все, что имеет форму и обладает плотностью, — выплыло из чашки чаю».

Однако, такая полнота охвата детерминантов душевных событий (вещь, ощущение, переживание, действие, мысль. образ, сознание, бессознательное)) поныне является достоинством скорее художественно - литературных прозрений, чем психологического познания. В научной психологии сохраняются отголоски давней дискуссии по *отдельным проблемам детерминации*, когда психика берется то как в основном производное, зависимое, отражающее и реагирующее, то как подчеркнуто независимое, активное, регулирующее, генерирующее, творящее, самодовлеющее.

О происхождении и содержании психического. В трудах по психологии, где ставится методологический вопрос о том, «как» и «что» дано в психических явлениях, обнаруживается континуум ответов, контекстом которых являются *различные теории детерминации психики*. Согласно исторически сформировавшимся взглядам, психическое по своим корням и содержанию является:

— субъективным проявлением нейрофизиологического отражения внешнего мира, выступающим идеальной информацией, «данностью» мира;

— прямым извлечением информации, заключенной в предметных структурах окружающей среды, частью которой выступает движущееся, активное тело человека;

— актуализацией априорных идеальных структур индивида (врожденных «психоформ», архетипов), происходящей при встрече, совпадении с «подобными» структурами внешних вещей, ситуаций, событий;

— эмпирическим индивидуальным я - выражением абсолютного сознания, которое посредством своего множественного проявления в человеческом мире раскрывает сущность вещей;

— индивидуальной творческой трансценденцией в физический мир целостных моделей внутреннего духовного опыта;

— экзистенцией индивидуальной «самости» как проявлением и реализацией потаенного потенциала Бытия; и т.д.

В разных концепциях детерминации психическое выступает «предметным», «идеальным», «субъективным», «феноменальным», «трансцендентным», «бытийным» и т.д.

Перечисленные подходы в различных модификациях находим в работах современных психофизиологов, психофизиков, холистов, структуралистов, феноменологов, экзистенциалистов. Все чаще, однако, в поисках существенной детерминации психики конкретный ученый прибегает к объяснениям и интерпретациям разных типов и уровней, осуществляя естественный для постклассической науки синтез методологических подходов.

Проблема социальной детерминации психики. Для психологии гуманитарного направления особенно важен вопрос о зависимости психического от взаимодействия и взаимовлияния индивида с другими людьми. Эта закономерность получила обозначения «коллективности», «социальности», «общественности» психики.

При ее раскрытии обычно подчеркивается детерминирующее значение для психической жизни следующих взаимосвязей: индивид и конкретный другой человек; индивид и общность; личность и культура; я и ты; я и мы.

Выводы, сделанные при изучении социальной детерминации психики, могут быть сведены к ряду положений.

1. Социальность — это вечно длящееся событие, непрерывно воссоздаваемое отношение между двумя, несколькими, многими людьми, так, что каждый становится другим - в - себе, а все вместе — коллективным Я; личность выступает концентрированным обществом, а общество — расширенной личностью.

2. Индивидуальное психическое становится тем, что оно есть, только в условиях социальной жизни.

3. Психика в своих феноменах воссоздает субъективную модель (образ, концепцию, символ) социального мира.

4. Все в содержании психического полно другим человеком; желания, переживания, впечатления и знания укореняются в личности постольку, поскольку они связаны со значимыми другими.

5. Психическая жизнь в своей динамике есть непрерывный диалог с другим: личность внутренне удерживает перед собой другого как адресата своей активности; она прибегает к общественно заданным и транслированным способам поступков и действий; лучшим результатом своей деятельности она считает свой высокий статус в человеческом мире, признание себя другими.

6. Собирая, персонифицируя, осознавая и творчески формируя в себе социальное содержание и социальные способы жизни, индивид развивается как активное «я»; последнее обладает, по старинной терминологии, «двуединым ликом»: в одном оно обращено к социуму, в другом - к социальному - в- себе.

Социальное, относящееся к индивидуальной психической жизни, имеет многоуровневый характер. Можно говорить о встроенных друг в друга событиях постоянных влияний на индивида разных форм общественного опыта: опыта бытия человечества; опыта людей определенной эпохи; опыта людей определенной культуры или цивилизации; опыта жизни людей данной нации и данного этноса; опыта жизни социальной и профессиональной групп, с которыми идентифицирует себя индивид; опыта жизни семьи и конкретных значимых других; опыта собственной жизнедеятельности в обществе.

Индивидуальное психическое преломляет в себе нормы, обычаи, ритуалы, запреты, вкусы, нравы, манеры, стили, мифы, научные идеи, художественные образцы и идеалы дальних и близких времен, людей, пространств. В определенный момент времени, в определенных культурных и личностных условиях это преломление происходит особым путем, сочетающим типичность и индивидуальность.

К примеру, в человечестве извечна тема девичьего целомудрия. В каких психических и практических формах она может осуществляться в жизни конкретных девушек?

Для современной европейской девушки сохранение чистоты — глубинный, сугубо личный вопрос, в решении которого она относительно свободна в связи с мягкостью нынешних нравов. При этом она не может не чувствовать сильную напряженность, древний, тайный и противоречивый смысл своего и чужого отношения к целомудрию. Наверное, в переживаемой напряженности, в смутной интуиции или отчетливом убеждении ей передаются инварианты тысячелетнего опыта целомудренной юности.

Лукреция, героиня античной трагедии, без колебаний лишает себя жизни, потому что враг обесчестил ее.

Героиня пьесы Бомарше, дорожа своей чистотой, должна полагаться в ее сохранении на доброту хозяина-сеньора, которому властью дано «право первой ночи».

Мари — персонаж Достоевского — переживает как смертный грех свой побег из дома с любимым и ищет жестокого наказания у односельчан в надежде искупить утрату чистоты.

Девушки из пьес Бергмана стремятся освободиться от экзистенциальной силы проблемы целомудрия, видя в ней ограничение своих отношений с ровесниками, причину внутренней скованности. Однако, «освобождение» в случайных связях вызывает к жизни тоску об утраченном завораживающем предчувствии любви.

Ныне индивидуальный опыт проживания данной темы своеобразно воссоздает какие-то из социально закрепленных инвариантов. Но психологически главным будет неповторимость переживаний, стремлений, намерений, надежд, воображения, мечты, размышлений, поступков и жизненных ситуаций — всего, что сплетается в «сюжете» отдельно взятой жизни.

Социальность как внешнее по отношению к индивиду, действует на его душевный мир с разной степенью подчинения себе. Психологов поражает нередко встречаемая безальтернативность внутренней связи человека с другими, когда последние искусно доминируют, заполняя и подменяя собой его мыслящее, действующее и переживающее «я». У Ж.-П. Сартра есть впечатляющее описание жесткого родительского детерминизма: «Анн-Мари, младшая дочь, все свое детство просидела на стуле. Ее научили скучать, держаться прямо и шить. У Анн-Мари были способности — из приличия их оставили втуне; она была хороша собой — от нее постарались это скрыть. Скромные и гордые родители-буржуа считали, что красота им не по карману и не к лицу... Пятьдесят лет спустя, рассматривая семейный альбом, Анн-Мари обнаружила, что была красавицей».

Социальные условия, определяя источники и содержание индивидуальной психики, перестают быть сверхсильным фактором, когда приобретают я-опосредованный характер. Осознанное отношение к социальным влияниям, понимание их сути, найденная в себе возможность выбора этих влияний и ответственность за этот выбор освобождают человека от объектного положения в социуме, превращая в субъекта социальной жизни.

Проблема субъектной детерминации психики. Важным событием в истории учений о детерминации психики стала постановка вопроса об определении психической жизни личностью индивида и ее я — центром. Этот детерминирующий фактор был обозначен как «самодетерминация». В качестве активной, жизнеутверждающей и влияющей на деятельность, она выступила «субъектной детерминацией».

Неоценимым вкладом в ее изучение стала *концепция субъекта*, созданная С. Л. Рубинштейном и его школой. Наряду со многими глубокими философами и философствующими психологами, он видел великие возможности людей, живущих самостоятельно, рефлексивно и творчески, влиять на свой внутренний мир. Самовлияния происходят у этих людей как следствие развития способностей к созидательной мотивации, регуляции совершенствующейся деятельности, высокой осознанности действий, а также развивающим отношениям с окружением и к себе. Внутренние изменения, вызванные

усилиями человека сознательно создавать свою действительную жизнь, являются по Рубинштейну основными критериями субъектной детерминации психики.

В продолжение рубинштейновской темы отметим, что субъектом своей психической жизни человек становится в опыте частого проживания я - интенций к жизненным переменам, свободного течения деятельности, свободного выбора стратегий активности и освобождения в индивидуальных достижениях. Чтобы эти моменты индивидуальной свободы возобновлялись, необходимо единое действие многих устойчивых *субъектообразующих условий*. К ним, в частности, можно отнести:

1. Соответствие внешних условий жизни мысленной модели их использования и изменения.

2. Планирование деятельности как континуума эффективных жизненных действий в создаваемых выигрышных жизненных ситуациях.

3. Включение в деятельность с намерением завершить ее в таком результате, который по своим качествам превосходил бы все, совершенное индивидом ранее.

4. Удержание требовательного контроля над действиями с целью сохранения поступательности в развертке деятельности.

5. Извлечение и конструктивное разрешение противоречий деятельности, благодаря чему сохраняется чувство я - власти над действиями.

6. Реализация деятельности на том уровне напряжения сил, когда переживание полноты самореализации не погашается утомлением или истощением.

7. Активная рефлексия, определяющая неразстворение «я» в жизни и ее внешних условиях, занятие позиции «над» текущими событиями через осознание себя источником и точкой возвращения многого из того, что происходит и совершается.

8. Приход к объективному и субъективному завершению деятельности, который внешне представлен как социально принятый авторский продукт, а внутренне - как новое личное достижение.

9. Усмотрение в осуществленной деятельности ее будущего, интуитивное понимание ее перспектив и длительности социального внимания к ней.

При психологическом моделировании субъектных влияний на психику данный ряд условий может быть расширен и детализирован. Все зависит от степени конкретности решаемой психологом профессиональной задачи.

Особенно важной является детализация положений о самопознании и самоопределении субъекта жизни. Знаменитые тезисы гуманистической психологии об осознании человеком себя -живущего, проектировании себя -в-будущее, о детерминации своего жизненного становления могут быть развернуты в следующие психологические формулировки.

— «Я», открытое и обобщенное индивидом как существенная причина многих событий его внешней и внутренней жизни, выступает содержательной и силовой основой его субъектности.

— «Я» как качество зрелого субъекта значительно отличается от того «я», которым обладает человек, не отделивший себя от внешней жизни.

— Субъекту в его «я» представлены соотнесенные друг с другом образы я - внешнего, я – внутреннего, я - продуктивного, концепции я - идеального, я - реального, я - возможного, а также обобщенные самопереживание, самооценка, самоотношение. Эти образования являются живыми, динамичными, открытыми для изменений.

— Посредством умелого самопознания достигается самое значительное усиление субъектных влияний на собственную жизнь; этой я - субъектностью человек дорожит более всего.

—В самопознании человек может создавать себя в качестве активного начала жизни и таким образом противостоять проникающим в я - мир негативным воздействиям окружения, обстановки жизни, собственного телесного состояния, желаний и чувств. Противоречия даны субъекту в форме «моих жизненных проблем».

— Разрешение познанных противоречий - проблем в пользу жизненного развития зависит от умения улавливать их в период зарождения, понимать их с рациональной отчетливостью и иррациональной тонкостью, находить такие пути

выхода из них, которые обращают ограничения в новые возможности для всего, что сплелось в противоречии.

— Новые возможности, найденные субъектом в самопознании и проблемном самоопределении, отвечают вечным ценностям жизни: добру, любви, совести, разуму, здоровью, чувству прекрасного, достоинству и ответственности.

Приведенные формулировки являются реконструкцией тех идей Рубинштейна, в которых его концепция близка лучшим мировым традициям философской антропологии. Например, в работе «Человек и мир» он связывает начала учения о субъекте с именем Спинозы. Одновременно каждая мысль в трудах Рубинштейна несет влияния классической немецкой философии и литературы. Очевидна переключка идей Рубинштейна о *противоречиях субъекта* с рассуждениями Гете («Из моей жизни») о трагическом видении Спинозой истории человеческого «я»: «Наша физическая, равно как и общественная жизнь, наши обычаи, привычки, житейская мудрость, философия, религия, даже многие случайные события — все призывает нас к самоотречению. Много из того, что внутренне от нас неотъемлемо, возбраняется обнаруживать вовне; то же, в чем мы нуждаемся для пополнения своей внутренней сущности, у нас отнимается... У нас крадут то, что было добыто с великим трудом, и то, что было благосклонно нам даровано...»

Проблема причинной детерминации психического Далее коснемся давней, всегда требующей особо тонких решений и всегда трудно разрешимой проблемы причинной детерминации психического. В современном понимании причина — это прямой источник, толчок, стимул для возникновения или изменения определенного явления. В психологии вопрос о причинности интересен в его жизненно конкретных постановках: «какое действительное событие вызвало данный психический феномен?»; «какой именно жизненный факт предшествовал данному психическому явлению как первое звено в цепи причинно-следственных связей?»; «от чего произведен данный психический факт?»; «чем непосредственно было инициировано это психическое явление?» и т.д. Отвечая на эти вопросы, психолог не присваивает своим выводам статуса «истин в последней инстанции»; к этим выводам ведет научно добросовестный

поиск фактора, с наибольшей вероятностью запустившего в индивидуальной жизни причинную последовательность событий, приведших к изучаемому феномену.

«Причина» в психологии — то, что изменяет наличное состояние психики индивида, что инициирует движение этого состояния, поддерживая, развивая или разрушая психическую жизнь.

В процессе конкретного психологического анализа необходимо оперировать упорядоченным теоретическим знанием о многообразии причин того или иного психического явления. Здесь могут помочь *типологии причинности в психической сфере*.

1. Причины различаются по признаку «дистанции» от следствия.:

а) причины, отдаленные во времени и пространстве от психических следствий;

б) причины, близкие психическому следствию во временном и пространственном отношении.

2. Причины имеют различия по признаку общности:

а) причины-основания, являющиеся универсальными, коренными в индивидуальной жизни;

б) общие причины, длительно действующие в индивидуальной жизни, существенно влияющие на нее;

в) причины частные или единичные, кратковременно действующие в индивидуальной жизни.

3. Причины в их связи с законами предметного мира, социума и индивида различаются по признаку необходимости:

а) объективно необходимые причины;

б) субъективно закономерные причины;

в) случайные причины.

4. Причины могут быть различены по своим внешним и внутренним носителям, сферам, среде зарождения:

а) причины, исходящие от вещной обстановки жизни индивида;

б) причины, исходящие от действий других людей;

в) причины, исходящие от состояний тела индивида;

г) причины, исходящие от действий индивида;

д) причины, исходящие от его побуждений, переживаний, представлений, мышления, ценностных отношений;

е) причины, исходящие от самоотношения и рефлексии индивида.

5. Причины имеют определенную меру исчерпаемости, завершенности своего действия в индивидуальной жизни:

а) причины, угасающие в следствиях;

б) причины, поддерживаемые следствиями;

в) причины, усиливающиеся следствиями.

6. Причины обладают разной степенью осознанности индивидом:

а) причины, ясно осознанные индивидом;

б) причины, неотчетливо осознанные индивидом;

в) причины, действующие бессознательно.

7. Причины могут быть в разной степени иницируемы и контролируемы индивидом:

а) причины, создаваемые индивидом;

б) причины с направленными влияниями индивида;

в) причины, не доступные влияниям индивида.

Приведенные типологии в их одновременном применении служат тонкой психологической оценке причинности исследуемого феномена. Но понять, **как** действует причина — еще не все. Главным в психологии причинности является знание качественной сущности причины, то есть, **что** именно действует в качестве причины психических изменений.

Качественные определения причин особенно сложны в случае их внутренней локализации. Изучая их, психолог может оперировать лишь гипотезами. В конкретных исследовательских или практических ситуациях он ставит перед собой **вопросы о характере внутренних причин** и, отвечая на них, приходит к осторожным предположениям.

Следует ли конкретные внутренние причины анализируемых психических фактов рассматривать как проявления одного универсального душевного свойства: Мысли, Мотива, Намерения или Воли? Иными словами, следовать ли классической традиции Декарта — Канта — Фихте — Шопенгауэра?

Какие ценностные диспозиции и в каких соотношениях друг с другом движут индивидом в его конкретных душевных состояниях: зло, скука, равнодушие, агрессия, интенция к регрессу или добро, забота, порывы к истине, красоте, развитию?

Насколько верно, правдиво, объективно толкует и объясняет индивид внутренние причины происходящего с ним, в частности, свои мотивы, стремления, и как эта рефлексивная «каузальная атрибуция» влияет на сами эти причины?

Каковы качественные параметры отношения индивида к жизненной ситуации, где возник изучаемый психический феномен, и могло ли это отношение стать активно действующей причиной душевных изменений к лучшему?

Ответ на последний вопрос Э. Фромм рекомендует искать в полном и истинном осознании индивидом принимаемого в ситуации решения о действии, или свободе ситуативного выбора. Ясное осознание ситуации является, с его точки зрения, решающим фактором при принятии решения в пользу лучшего, а не худшего. При этом речь идет (1) об осознании того, что хорошо и что плохо; (2) об осознании того, какой способ действия в конкретной ситуации подходит для достижения желаемой цели; (3) об осознании сил, которые стоят за открыто проявленным желанием, то есть об осознании собственных неосознанных желаний; (4) об осознании реальных возможностей, между которыми есть выбор; (5) об осознании последствий, которые повлечет за собою решение в том или другом случае; (6) об осознании того, что осознание не поможет, если не идет рука об руку с желанием действовать, готовностью взять на себя боль и лишения, неизбежные, если действовать наперекор своим страстям.

От ситуации к ситуации индивидом может быть удержана единая осознанная линия жизни. На линии реализуются дальние цели; им служит последовательность поступков и действий, самостоятельно инициированных и осуществленных индивидом. Каждая цель здесь — долгая причина возобновляющейся готовности поступать и действовать, а действия, поступки выступают причинами стойкого присутствия цели в душе.

У цели должна быть прочная ценностная основа, например, у мужчины — любовь к женщине. М. Пруст назвал многолетнее действенное стремление своего героя исполнять все желания любимой женщины «работой по установлению причинно-следственных связей». Только в ней для героя было возможно поддержание непрерывной внутренней связи с дорогим существом, обновление мыслей и чувств, адресованных ей. Сама невероятная сложность этой работы, ее принципиальная незавершимость и противоречивость усиливали ее причинный потенциал и в жизни мужчины, и в жизни женщины.

Удержание вдохновляющей цели-причины состоит в создании благоприятствующих условий и обстоятельств, в выстраивании тех жизненных ситуаций, которые сойдутся в последнем толчке к исполнению желания. Проживание этого исполнения соединяет в себе несколько моментов: сознание реализованных сил и возможностей; удовлетворенность собственной деятельностью; удовольствие от разделенности того, что достигнуто, с другими людьми; понимание наступивших жизненных изменений в их способности быть причинами будущей я - активности.

В человеческой жизни могут действовать постоянные внутренние причины, вызывающие стремления снова и снова обращаться к творчеству, к испытанию потрясающих переживаний, проникать мыслью и страстью в каждый момент собственного существования, жить с предельной интенсивностью и полнотой.

К этим причинам в первую очередь принадлежат «чувство времени своей жизни» и парадоксально действующая из будущего смерть, являющаяся человеку в «переживании конечности жизни». Рефлексия: я так живу, потому что каждый день отвоевываю у смерти, — причинно детерминирует многие лучшие индивидуальные свершения.

**В.А. ТАТЕНКО. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ:
СУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА**

Из недавней истории вопроса о предмете психологии. Погружаясь в глубины психики, человеческий разум нередко терял терпение надежду постичь ее тайны, отступал, отпуская душу отдохнуть от роли «испытуемой», либо соглашался признать ее божественное происхождение, как и всего того, что не мог объяснить, что пугало и привораживало. Впрочем, и в этом случае, он продолжал с интересом созерцать проявления психической жизни как чего-то внутреннего в себе, противостоящего внешнему миру и в то же время связанного с ним тесными узами. Человек, находим у С.Л.Франка, в своем непосредственном самосознании — вне всякой философской рефлексии — обладает все же чувством или опытом непосредственно переживаемого внутреннего бытия как чего-то, принадлежащего к какой-то совсем иной области, чем вся совокупная объективная, предметная действительность. Это есть область внутренней душевной жизни. — не так как она предстает извне холодному наблюдению и истолкованию, а как она непосредственно изнутри открывается в самом ее переживании.

Если нет психической действительности, отмечал А.Пфендер, то отсутствует сам предмет психологии. Если такая действительность хотя и существует, но не может быть научно познана человеком, то психология как наука невозможна. Поскольку протяженные (материальные) процессы не могут детерминировать непротяженные (психические), постольку последние обладают собственной

детерминацией, полагал Г.И. Челпанов. Потому предметом психологии, по его мнению, должны стать субъективные состояния сознания человека вне их связи с физиологией головного мозга..

Определение предмета науки всегда сопровождалось дискуссией по поводу его чистоты. Пример такой «очищающей» работы в отношении предмета психологии обнаруживаем у Э.Гуссерля. В феноменологическом исследовании, отмечал он, в качестве ближайшего и первого выступает сама чистая жизнь Я, многообразная жизнь сознания как протекающее «я воспринимаю», «я вспоминаю», короче говоря, «я опытно постигаю», «я воспроизвожу в модусе несозерцательности» или «я живу в свободном фантазировании», «я присутствую при этом». Представление о духе как предмете психологии, рождается через отвлечение, с одной стороны, от предмета наук физических, т.е. материи или тела, с которым он находится в связи, — с другой, от предмета наук социальных или политических, т.е. от фактов общественности. Дух — не общество и не тело: дух есть вся сумма психических фактов, отличающих индивидуальное существование живых произведений природы, утверждал М.М. Троицкий. Для А. Пфендера психологическая наука также есть очищенное и восполненное практическое знание людей о психической действительности. Чтобы быть самостоятельной опытной наукой, психология должна, по его мнению, отвергать в качестве последних основ своей работы всякие метафизические, теоретико-познавательные и физические воззрения. Воспринимает ли человек субъективную копию мира в себе или непосредственно самый внешний мир — не имеет значения для определения предмета психологии. Ее подлинный предмет — действительный психический мир, безотносительно к тому, как он возникает и как относится к материальной действительности.

Последняя версия предмета психологии особенно подкупает своей «чистотой». Однако, вызывает сомнение и даже некоторое опасение суждение о том, что психический мир можно исследовать «безотносительно к тому как он возникает и как относится к материальной действительности». Ведь, не зная как возникла психика, трудно, например, предугадать как, когда и куда она может исчезнуть. Если, скажем Бог ее дал, то он также может и забрать данное им.

Безусловно, психология должна постоянно заботиться о чистоте своих «предметных рядов». Однако, лишь установив онтологическую связь психического с другими формами бытия, она сможет отстоять право на свой собственный предмет исследования. Так, например, В. Джемс придерживался определения психологии как науки, занимающейся описанием и истолкованием состояний сознания. При этом он отмечал, что в состав истолкования явлений сознания должно входить изучение как тех причин и условий, при которых они возникают, так и действий, непосредственно ими вызываемых, поскольку те и другие могут быть констатированы.

Ограничивая свой предмет описанием и истолкованием состояний сознания, самого процесса сознавания и т.д., научная психология не могла не испытывать трудности при объяснении тех феноменов психической жизни, которые не поддавались интроспектированию, а если и обнаруживались сознанием, то требовали расшифровки и специальной интерпретации. Такого рода проблематизации, постоянно подпитываемые свидетельствами клинической практики, привели, как известно, к гипотезам, а скоро и научным утверждениям, о важной роли в жизни человека бессознательного, которому представителями глубинной психологии (З.Фрейд, А.Адлер, Г.Юнг и др.) была предписана роль системообразующего фактора в интерпретации психической жизни, а также значение базовой категории в определении предметного поля психологии.

Однако, всякого рода крайности не остаются без внимания и обязательно находят своих оппонентов. Понятной реакцией на абсолютизированную, гипертрофированную оценку роли внутреннего, субъективного, сознания, бессознательного и т.п. стало развитие научных направлений, определявших предметом психологии внешне наблюдаемые поведенческие акты, реакции, которые можно исследовать «объективными» методами. Но и здесь не обошлось без крайностей, когда, например, из предмета психологии исключалось самое психическое. Дж. Уотсон, открыто заявлял, что в его книге «Психология как наука о поведении» читатель не обнаружит ни разбора вопроса о сознании, ни таких понятий, как ощущение, восприятие, внимание, воля, воображение и т.п., потому, что он просто не знает, что они обозначают, и не верит, чтобы кто-либо мог пользоваться ими с полным пониманием. Потому, для

бихевиориста психология является тем отделом естественных наук, который предметом своего изучения берет поведение человека, т.е., все его поступки и слова как приобретенные в течение жизни, так и врожденные.

Рассмотрение истории вопроса о предмете психологии вряд ли может иметь свое логическое завершение. Потому разумно обратиться к тем обобщениям, которые уже сделаны исследователями этой проблемы.

В разное время внутри различных направлений, школ, отраслей психологии - находим у Е.Б.Старовойтенко - были сформулированы различные взгляды по поводу предмета этой науки, а именно: психология является наукой о психике как специфическом проявлении функций мозга (рефлексология, современная психофизиология); психология – наука о сознании (интроспективная психология, феноменологическая психология); психология изучает поведение (бихевиоризм, необихевиоризм); психология служит раскрытию, истолкованию бессознательного (психоанализ, аналитическая психология, индивидуальная психология); психология исследует индивидуальный интеллект (когнитивная психология); психология исследует единство сознания и деятельности человека (школа С.Л.Рубинштейна); психология – наука о личности (персоналистическая психология) и т.д.

Как отнестись к такому изобилию разнообразных определений, список которых можно продолжать? С одной стороны, хорошо, когда предмет психологии формулируется на демократических началах (мол, сколько направлений – столько и определений предмета) или когда он настолько полимодален и обобщен, что может служить путеводной звездой для любого из существующих в психологии направлений. Однако, с другой стороны, важно видеть грань и, по возможности, выдерживать дистанцию между предметом психологии как отдельной самостоятельной науки и предметами тех направлений, которые существуют и развиваются внутри нее. Что уж говорить о соотношении предмета науки психологии и предмета конкретного научно-психологического исследования, которые в принципе могут совпасть лишь при условии, что целью последнего выступает ни что иное, как сам предмет психологической науки.

От сущности психического к предмету психологии.

Если при определении предмета психологии возникает такое множество нередко взаимоисключающих интерпретаций, следует предположить, что не достигнут консенсус в основном – в *определении того, что есть психическое по своей сути*, или в том, например, как соотносятся понятия «психика», «сознание», «душа», «дух». В свое время вполне определенно по этому поводу высказался С.Л.Рубинштейн. В качестве деятельности мозга, отмечал он, психическая деятельность есть чисто природное явление. Как регулятивная инстанция, существующая независимо от рефлексии, она обретает статус «душевной деятельностью». Насыщенная отношениями человека к другим людям, она выступает как «душевная», но уже в другом смысле слова. По мере того как из жизни и деятельности человека, из его непосредственных безотчетных переживаний выделяется рефлексия на мир и на самого себя, психическая деятельность начинает выступать в качестве сознания. Когда человек в ходе общественной жизни осваивает содержание знаний, его психическая деятельность выступает опять в новом качестве – духовной деятельности.

Следует ли из такого представления о психическом, что предметом психологии должна быть признана психическая деятельность в ее различных ипостасях – сознательного, бессознательного, душевного, духовного? И как быть с тем, кто эту деятельность осуществляет, то есть с самим деятелем? Насколько такое вычленение деятеля, субъекта деятельности из психической деятельности является существенным для определения предмета психологии?

Как известно, именно С.Л.Рубинштейну принадлежит заслуга введения категории субъекта в современную отечественную психологию. Во всеобщую детерминацию бытия, утверждал он, включается не сознание само по себе, а человек как осознающее мир существо, субъект не только сознания, но и действия. Здесь, вероятно, следует напомнить также известное в психологии положение о том, что «мыслит не мозг, а человек при помощи мозга». То есть, продвигаясь от представления о сущности психического к представлению о предмете психологии, следует учесть момент единства, но не тождества понятий психической деятельности и деятеля или субъекта деятельности.

Понятно, что человек не может на уровне сознания отслеживать и управлять мозговыми процессами, например процессом превращения внешнего раздражителя в психический образ. Однако, вполне правомерен и вопрос о том, может ли в принципе что-либо происходить во внутреннем мире человека помимо его участия и только ли на уровне сознания индивид управляет своим организмом, своей психикой, самим собой? Иными словами, если не я, то кто «производит», а также «осуществляет» мое психическое?

На этот вопрос пытался ответить в свое время В.В.Зеньковский. По его мнению, и чисто психическая, и психофизическая причинность осуществляется в системе актов, исходящих от реального Я как творческой основы индивидуальности. Каждый отдельный психический процесс, считал он, представляет собой работу души, имеющую свое основание в центре психической жизни, т.е. в субъекте, а потому «психическая работа» осуществляется в актах, исходящих от единого субъекта.

Если с сущностных позиций проанализировать различные определения психического, то в одних она рассматривается преимущественно в качестве средства, органа, инструментальной возможности человеческого индивида, в других как нечто самодостаточное, субстанциональное, а в третьих (восходящих к понятиям души и духа) – как организующее начало, источник активности, деятель, автор, творец, субъект. Потому, прежде, чем приступить к определению предмета психологии, необходимо *соотнести представления о системе психики в целом и о человеке как носителе психики, субъекте психической жизни.* Рассмотрим кратко эту проблему.

Психическое, душевное, духовное, равно как телесное и плотское, являются сущностными атрибутами единой субстанции, имя которой «человек». Потому, мы и говорим – «это я», «это мое тело», «это моя душа», «это мой дух». Если психика самодостаточна как монада, каким образом я могу пользоваться ею как своим «органом»? Если психика, сознание, душа есть «мои», то что тогда представляю я сам как субъект психики, из какой «материи» соткано это мое «я»?

Определяясь в своих атрибутах, индивид, вместе с тем, обнаруживает и себя самого, свою «самость». В функциональном смысле самость – это пра-

субъектная инстанция, фиксирующая факт самостоятельного бытия сущего, соотносящая это сущее с миром, констатирующая и конституирующая идентичность данного сущего самому себе в различных ситуациях жизнеосуществления. Сознющее себя Я выступает продуктом развертывания, самообнаружения и высшим уровнем развития самости. Я также имеет свой высший онтопсихический уровень, а именно – бытие в качестве субъекта собственной жизни, в том числе и жизни психической как его объекта. Но и это качество или уровень психической жизни имеет свою онтическую планку: в отличие от всего сущего человек стремится достичь уровня надобъектного бытия или абсолютной субъектности, то есть возможности быть субъектом и не быть объектом, причем, даже для себя самого.

Уточним эту мысль. Дело в том, что подлинная «свобода для» невозможна без «свободы от», самодетерминации, от превращения человеком себя самого в объект (вспомним «человека для себя» Э.Фромма). К тому же, по определению, означающий никогда не совпадает с означаемым, деятель не должен растворяться в деятельности, а творец неразличимо отождествляться с его творением. Иными словами, если из «Я» как высшего уровня развития психической, душевно-духовной жизни, условно говоря, вычесть «мою» психику (мою душу, мой дух, мое сознание, мое бессознательное и т.д.) и меня самого как означенного или даже могущего быть означенным, – получим некий в принципе не означаемый остаток, который ни я сам, ни кто другой не может объективировать, то есть превратить в объект. Это и есть уникальный для природы в целом, но естественный для человеческого существа случай особого рода онтической субъектности, очищенной от уравнивающих гносеологических доопределений типа «нет субъекта без объекта, нет объекта без субъекта». Если ты человек, значит в тебе изначально заложена потенциальная возможность начинать причинный ряд из себя (И.Кант). То есть нельзя быть немножко субъектом, а немножко объектом; в этом суть и смысл подлинно человеческого бытия. В этом – истинная суть метафоры о богоподобии человека, ибо Бог и есть генерализованный, сущностно очищенный образ Субъекта-Творца, свободного от объектных определений (П.Тиллих). Стремление достичь этот уровень *свободного бытия* составляет исходный жизненный замысел

человеческого существа, придающий значение и смысл его бесконечным «самопревосхождениям» и переходам от несвободы через «свободу от» к «свободе для».

Таким образом, *реальный конкретный индивид как субъект психической жизни является частью этой жизни и одновременно противостоит ей в качестве ее носителя, центра, интегратора и пользователя*. Он ответственен за целостность, сохранность, совершенствование и развитие своей системы психики и себя как ее части. Субъектный уровень психической жизни человека – это не только уровень сущностного отражения (рефлексии) действительности и сущностной организации (целенаправленной регуляции) психической активности с целью творения новых сущих и сущностного самопревосхождения. Это предельный из известных современной психологической науке *уровень развития психики*, взойдя на который, человек начинает относиться к самой своей психике не только гносеологически, но и онтологически – как сущему в себе, имеющему право на собственное существование как ценности и цели. Это он, который в максимальной степени репрезентирует ее качественное своеобразие и отличие от всего сущего.

Потому, даже испытывая сомнения, навеянные концепциями, возвещающими неизбежную «смерть субъекта», при определении предмета психологии никак нельзя ограничиваться представлением о психической деятельности, оставляя за его рамками собственно того, кто эту деятельность осуществляет, то есть индивида – субъекта, как это свойственно, например, постструктуралистам, когда они абсолютизируют «жизненную», фактическую событийность в ущерб «человеку живущему».

Предмет и объект психологии: от тождества к единству. В 70-е годы XX ст. в отечественной психологии состоялась дискуссия по поводу определения ее предмета. При этом были высказаны различные точки зрения. Так, Ф.В. Бассин предлагал рассматривать в качестве предмета психологии «значащие», то есть «неформализуемые» переживания, Б.Ф. Ломов – «системогенез психики», П.Я. Гальперин – «ориентировочную деятельность», А.Я. Пономарев – «формы и закономерности сигнальной связи». М.Г. Ярошевский отстаивал возможность приведения предмета психологии к «развивающемуся категориальному строю».

Но, как утверждают очевидцы, в итоге обсуждений было все же решено считать *предметом* психологии *психику* как свойство высокоорганизованной материи, с последующим уточнением того, что конкретно входит в состав предмета психологической науки. Содержанием предмета стали многообразные механизмы формирования и развития психических явлений, совокупность закономерных связей, взаимодействий и опосредований психики, выявляющихся в ее отражательной и регулирующих функциях.

Если, таким образом, предметом психологии определять психику, что же тогда следует рассматривать в качестве ее *объекта*? Конечно, этот вопрос можно признать некорректным, если учесть, что исследователи, которые предлагают подобное определение предмета психологии просто не ставили себе задачу соотносить его с представлением об объекте этой науки. Однако, как видно, проблема таким образом не снимается, и просто уйти при определении предмета психологии от соотнесения его с ее объектом не представляется возможным.

Если обратиться к разнообразным первоисточникам и солидной справочной литературе, то можно убедиться, что понятие «предмет» так или иначе определяется через его связь с понятием «объект». В понятии «предмет познания» выражаются и фиксируются те свойства, связи, отношения и законы развития исследуемого объекта, которые уже включены в научное познание и выражены в определенных логических формах (С. Д. Максименко). Иными словами можно сказать, что предмет в данном понимании это то, что остается от объекта в поле зрения науки после операции абстрагирования.

Разотождествление представлений о предмете и объекте психологии как науки возможно также, если под ее предметом понимать то наиболее существенное, что отличает психическую действительность от других видов действительности, а следовательно, выделяет психологию в качестве самостоятельной и самодостаточной науки. Если, таким образом, под объектом психологии как субъекта познания понимать психическую действительность во всей полноте ее проявлений, то под предметом – то, что составляет сущностную сторону психической жизни, что придает ей качественную определенность.

В качестве примера подобного подхода можно привести точку зрения П.Я.Гальперина, который усматривал сущность психики в «деятельности,

направленной на решение многообразных задач ориентировки» и потому считал, что именно ориентировочная деятельность, ее формирование, структура и динамика составляет предмет психологии.

Можно, конечно, спорить по поводу того, что именно составляет сущность психического – ориентировочная, коммуникативная или какая-либо иная деятельность или функция. В своем исследовании мы придерживаемся точки зрения, согласно которой на высших уровнях своего развития человеческое существо обретает возможность самопроизвольно разрывать им же установленное равновесие, порождать из себя новый мир отношений с другими сущими и с самим собой и, таким образом, шаг за шагом превосходить себя самого. Аутентичной для человека является возможность движения к новому, более высокому уровню единения с миром и самим собой. Ориентационную деятельность при этом можно рассматривать как необходимое средство и условие такого движения.

Потому, в контексте «сущностного» подхода к определению предмета психологии более убедительной нам представляется мысль о том, что именно **«субъектность»** как фундаментальная характеристика психического, обнаруживающая его бытийные возможности, конституирует и замыкает на себя ***предметное поле психологии как науки***.

Таким образом, если объектом психологической науки как субъекта познания полагается ***психическая жизнь*** во всех ее душевно-духовных проявлениях, то при определении предмета психологической науки следует двигаться не столько «вширь», рискуя в конечном итоге отождествить этот предмет с понятием объекта, сколько погружаться в сущностные глубины, дабы обнаружить там новые пласты психического бытия и новые аргументы в пользу его качественной определенности, самобытности и естественной включенности в мир. Иными словами, предмет психологии при «сущностном» подходе формируется путем конкретизации представления о высшей, предельной характеристике психического, в качестве которой мыслится присущая только человеку реальная возможность дорасти в своем развитии как «психического субъекта» (А.Пфендер) до уровня ***субъекта психической жизни***, относящегося

к ней как ценности и целенаправленно, сознательно творящего ее по законам душевной гармонии.

В заключение этой темы акцентируем внимание на отдельных дискуссионных вопросах. Так, с одной стороны, если в качестве объекта психологии (наряду с другими науками) рассматривается человеческий индивид, то ее предмет (психика, психическая жизнь этого индивида и т.п.) в данном случае «схватывает» уже не психическую реальность как таковую, «существующую вне и независимо от сознания» науки психологии, а некий гносеологический конструкт, результат вычленения, абстрагирования, который может лишь приближаться к действительности, быть ее более или менее адекватной моделью. При этом, психология, не имея именно психическое в качестве объективной реальности, объекта, утрачивает возможность быть полноценным субъектом познания, могущим предметно постигать его сущностную специфику.

По замечанию К.А.Абульхановой, определение специфики ряда наук, формулирование их предметов носило до последнего времени принципиально бессубъектный характер: в них исследовалось психическое, этическое, социальное и т. д.; лишь недавно в этих науках начали складываться понятия субъектов – субъекта социального действия, субъекта морально-этических отношений, субъекта психической деятельности. Введением понятия «субъекта психической деятельности», было осуществлено «приземление» предмета психологии – психики, которая до того понималась бессубъектно, гносеологически, к реальному онтологическому основанию – индивиду, личности, решающей противоречия жизнедеятельности.

При определении предмета психологии речь, по сути, должна идти не о психологии деятельности, а о психологии субъекта психической деятельности, поскольку предметом психологии является не деятельность, а ее принципиальная возможность, «канун», поняты как субъект деятельности. Человек сам себя создает, преодолевая биологический и социальный фатум. Он выражает себя в индивидуальном и историческом становлении, в жизненном и творческом пути, как субъект индивидуального и исторического развития. Это и является главным предметом исследования в современной психологии (В. А. Роменец).

Однако, с другой стороны, для психологии при определении ее предмета и объекта существует опасность «оторваться в свободном полете» от реальности, замкнуться, капсулироваться в своем объекте и оттуда, изнутри смотреть на мир как продукт собственной порождающей активности. Здесь уже объект оказывается тождественным предмету как все сотворенное или придуманное. Потому, вполне оправданными представляются попытки рассматривать психическое не как самодовлеющее автономное существо, а как, например, «психический план жизни индивида», извлеченный субъектом познания из целостного объекта путем абстрагирования. Согласно Е. Б. Старовойтенко, все проблемы, лучшие гипотезы, идеи, исследовательские пути психологии сходятся на едином объекте – отдельном, конкретном человеке или «индивиде живущем». Момент действительности, который может быть назван «психическим планом жизни индивида», является предметом психологии, вобравшим богатство и сложность определений мира, человека, бытия индивида, индивидуального существования. Эта формула предмета обобщает исторически сложившиеся знания о «душе», «душевном мире», «душевных сущностях», «внутреннем мире», «психике», «психических процессах», и т.д.

Таким образом, задача психологии состоит в том, чтобы найти пути построения целостного определения своего предмета, в котором как онтологические (психическая реальность), так и гносеологические (знание о психике) подходы органично и гармонично дополняли бы друг друга.

Объект, предмет и метод психологии как субъекта познания. Представление о предмете и методе науки, как отмечается в авторитетных источниках, составляет ее теоретико-методологический фундамент: любой закон науки, отражая то, что *есть в действительности*, вместе с тем указывает и на то, *как нужно мыслить* о соответствующей сфере бытия. Метод науки не может «родиться» раньше ее предмета и наоборот, поскольку «вынашиваются» они вместе. Разве что предмет науки первым «появляется на свет», а за ним – как его другое я – ее метод.

Не случайно, поэтому, и при рассмотрении вопроса о предмете психологии актуализируется проблема ее метода. Так, поскольку психическое, с точки зрения интроспекционистов, можно исследовать исключительно методом

рефлексии, ретроспекции, самонаблюдения и т. п., сущностное определение психического сводится к субъективному опыту. Для ортодоксальных бихевиористов, напротив, психика для науки как бы не существует, поскольку ее нельзя изучать объективными методами по аналогии с наблюдаемыми феноменами. Н.Н. Ланге пытался примирить обе крайности, полагая, что в психологическом эксперименте исследуемая личность всегда должна давать (себе или нам) отчет о своих переживаниях, и лишь соотношение между этими субъективными переживаниями и объективными причинами и следствиями их, составляет предмет исследования..

И все же особый интерес в контексте парадигмы «объект-предмет-метод» психологии представляет позиция К.А. Абульхановой, которая связывает представление об объекте психологии с пониманием «индивидуального уровня бытия» человека. Предмет же определяется ею как обусловленный природой объекта специфический содержательный способ исследования качественного своеобразие индивидуального уровня бытия человека – единство «субъектности» и субъектного подхода. В результате открывается возможность целостной интерпретации и содержательной увязки рассматриваемых оппозиционных категориальных пар («субъект-объект», «предмет-метод») в виде следующей объяснительной модели (См. рис.1):

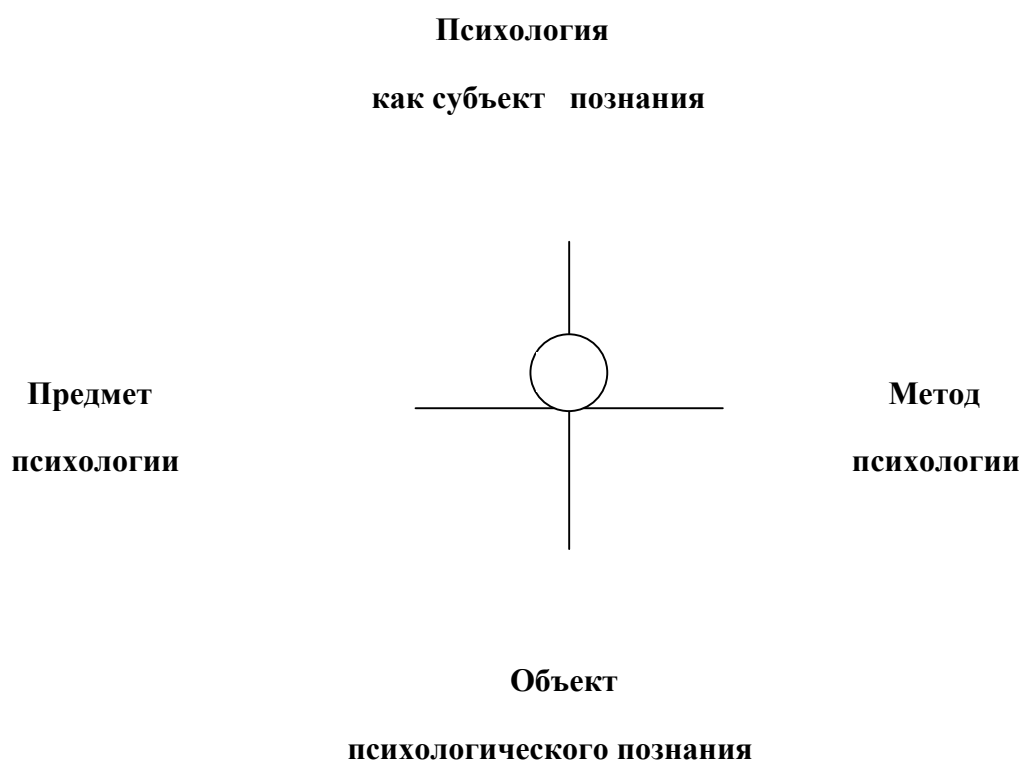

Рис. 1 Категориальное пространство самоопределения науки психологии

В чем смысл такого построения? Вероятно, прежде всего, в том, что в результате соотнесения представлений о психологии как субъекте познания с представлениями об ее объекте, предмете и методе, можно получить более цельную картину основных определений данной науки. Потому, попытаемся пунктирно наметить векторы, позволяющие увидеть эти категории в их содержательном соподчинении, в их единстве, но не тождестве.

1. **Субъект и объект психологического познания.** Психология (если ее признавать самостоятельной наукой) выступает субъектом познания. Специфическим объектом для нее служит независимо существующая от нее психическая реальность. Качественная особенность психологии состоит в том, что она как субъект познания в принципе совпадает со своим объектом: субъект познает самое себя путем созерцания и созидания, через «самооткровение возможных самопревращений». При этом психология может утрачивать свой субъектный статус, если, например, будет скатываться к субъективизму, если какая-нибудь другая наука сделает психологию своим придатком или если по какой-либо странной причине объект (психика) начнет мимикрировать, перерождаться, превращаться в иную реальность.

2. **Психология как субъект познания и ее предмет.** Это смысловой и целевой вектор психологии. Если свой объект психология по определению как бы находит в готовом виде, то предмет она определяет для себя самостоятельно в зависимости от сложившихся теоретико-методологических установок (гносеологических и онтологических, аксиологических и праксеологических и т.п.), а также всевозможных внешних условий (например, господствующей идеологии). В этом смысле можно говорить, что предмет психологической науки может претерпевать изменение и развитие.

3. **Объект и предмет психологии.** Если объект психологии репрезентирует психическую реальность во всей ее полноте как отдельное сущее, предмет этой науки несет в себе представление о том, что составляет квинтэссенцию

психического, определяет его качественное своеобразие. Поскольку, как было показано, качество субъектности наиболее адекватно и наиболее убедительно репрезентирует сущностный потенциал психического и обнаруживает его несводимость к иным реалиям, именно оно содержательно конституирует предмет психологии, утверждая ее в статусе самостоятельной науки.

4. **Объект и метод психологии.** Метод науки должен быть релевантным той реальности, которую предполагается с его помощью изучать. То есть, если объектом науки является психика, то ее метод должен быть собственно психологическим, не редуцированным к методам физиологии, социологии, философии и других наук.

5. **Психология и ее метод.** Задача психологии как субъекта познания - не только констатировать необходимость соответствия метода ее объекту, но и конституировать, открыть, произвести его. Потому метод, как и предмет, является функцией субъекта, изменяющимся и развивающимся продуктом его творческих усилий.

6. **Предмет и метод психологии.** Эта пара в своем существовании и развитии онтологически зависит от объекта и гносеологически определяется субъектом познавательного процесса. Предмет не статичен, он есть движение, проникновение субъекта познания в сущность психической жизни. Метод есть путь, по которому субъект (психология) направляет это движение внутри объекта (психики). Если в определении своего предмета психология восходит к качеству субъектности, то и в основу построения своего метода она должна положить принцип субъектности, «выражаться в категориях субъекта, взятого в соотношении с его жизнедеятельностью» (К.А.Абульханова).

Подведем итоги сказанному. Так, обращаясь к тому, что составляет ее фундамент и делает ее самодостаточным субъектом познания, психология вряд ли может позволить себе нечеткость, двусмысленность в определении своего объекта, предмета и метода. Как можно убедиться, эта проблема в той или иной мере всегда обращала на себя внимание психологов. Однако, с одной стороны, значительные различия, возникшие за последнее время в теоретических взглядах и методологических подходах, а, с другой, – снижение интереса к «теоретизированию», прежде всего, думается, по причине отождествления

практики с прагматикой, приводят к тому, что представления о предмете и методе психологии в своей совокупности, образно говоря, не вписываются в понятие гештальта. При этом способ рассмотрения этих судьбоносных для нашей науки вопросов ныне строится преимущественно по принципу проб и ошибок или по принципу «встряхивания», применяемого в калейдоскопе. То есть, достаточно встряхнуть смесь осколков марксистской, экзистенциальной, феноменологической, трансперсональной, глубинной, вершинной и других психологий и, в результате, можно получить иногда простую, а иногда довольно сложную, но, что важно, – всегда какую-то новую комбинацию. Сколько встряхиваний – столько новых представлений о предмете и методе психологии. Если же умножить количество встряхиваний на количество встряхивающих, то получается вполне постмодернистский портрет предмета и метода науки психологии, пестрящий «симулякрами» и «ризомами».

В своем исследовании мы придерживаемся традиционной ориентации, которая предполагает анализ и обобщение известных взглядов по изучаемой проблеме. Среди научных подходов к определению предмета и метода психологии мы отдаем предпочтение «сущностному» подходу, который находит свою содержательную конкретизацию в представлении о *человеке как субъекте психической жизни*. Этот понятийно-категориальный конструкт выполняет особую роль сущностно - предметной линзы-матрицы, через которую психология как субъект всматривается и проникает в свой объект. В этом смысле даже простейшие, генетически исходные психические феномены могут быть нами адекватно «распредмечены», если рассмотрение их производится в контексте *субъектно-психологической предметной парадигмы* – как фрагмент или момент движения к субъектности, то есть высшему сущностному критерию определения качественного своеобразия психического.

Принцип субъектности составляет то «внутреннее условие» в научной психологии, через которое она «преломляет» противостоящую ей психическую действительность как объективно и независимо от нее существующее «внешнее».

Предметное значение категории субъекта заключается в том, что в нее как в точку может сворачиваться и из нее же может разворачиваться вся психическая

вселенная. Она вбирает в себя, «снимает в себе» все сущностные определения психического во всей его полноте и многообразии проявлений.

«Восходи – нисходя», – учил известный индийский философ и психолог Шри Ауробиндо Гхош. Данная формула помогает наглядно представить связь, которая существует между объектом и предметом психологической науки. «Нисходя» в свой объект, психология погружается в бездонные глубины психической жизни с ее безграничными просторами, открывая там для себя все новые феномены, устанавливая новые закономерности, одновременно уточняя и проясняя открытое прежде. Однако, все эти результаты проникновений в глубины и просторы психического (что выступает предметом конкретных научных изысканий) она не только хранит для себя, не только делится ими с другими науками или дарует их общественной практике, но отправляет, образно говоря, «наверх», в «Лабораторию исследования сущности психического и пределов его развития».

Почему именно так называется эта Лаборатория? Почему при определении сущности психического возникает вопрос о высшем (предельно возможном) уровне развитии психики? Дело в том, что высшая сущность психического открывается психологии не сразу и не во всем. Не исключено, что до конца эта сущность никогда постигнута и не будет, ибо *тайны психики* имеют тенденцию не только скрываться, но и множиться по мере ее развития. Однако, в зависимости от понимания этой на сегодня предельной сущности психики получают определенную интерпретацию все известные психические феномены. Так, сказав себе, что сущность психического – в его *способности отражать объективную реальность*, мы нашу психическую жизнь можем ограничить рамками познавательной активности. Если прибавим к отражению еще и *регуляцию*, – то психическое предстанет пред нами как механизм, позволяющий человеку ориентироваться и принаравливаться к природной, социальной среде, достигая согласия с самим собой. Если на новом уровне психологического познания сущностной чертой психического устанавливается *сознательная преобразовательная, созидательная, творческая душевно-духовная деятельность* человека, то именно эта черта выступает главным критерием переоценки имеющихся знаний и главным ориентиром в последующих

психологических исследованиях. Куда же можно отнести с наибольшим правом последнюю причинность, вопрошал И. Кант, если не туда, где находится также высшая причинность, т.е. к тому существу, которое изначально содержит в себе достаточную причину для всякого возможного действия. Применительно к нашей теме последней и высшей причинностью в пространстве психической жизни выступает субъектность. И именно она является высшим сущностным критерием, по которому мир психический отличается от всего иного мира.

Последнее время в психологии получила развитие тенденция разотождествления понятий деятельности и ее субъекта, стремление представить их как единство, но не тождество. Это означает требование за проявлениями любой деятельности видеть *деятеля*, за актами творчества – *творца*. И, если действительно «сначала было дело», то психологии не может быть не интересно, кто это дело сделал, если поступок или подвиг, то кто их совершил, а если слово, то кто его высказал, когда, кому и зачем. Не психика вообще, а то в ней, что со временем вырастет в самосознающего Я - субъекта, является носителем и центром психической жизни. Он решает что, как, с кем, зачем и когда следует делать. Он оценивает результаты своей активности и интегрирует их в собственном опыте. Он избирательно и инициативно вступает во взаимодействие с природой и обществом. Онтологический императив «быть субъектом» есть общечеловеческое выражение суверенности действительного человека, ответственного за результаты своих деяний, изначально «виновного» во всем, что от него зависит.

Психическая жизнь человека может восходить до уровня особого рода субъектности, то есть не только отражать, регулировать, ориентировать, управлять, но творить мир. Это и есть специфический для человека *способ существования* или то, что составляет его *сущность*. В этом качестве человек способен начинать причинный ряд событий с самого себя и сознательно вершить свои дела. Потому, если говорить о своеобразии психической реальности, сравнивая ее с иными формами бытия сущего, то именно субъектное определение психической жизни человека должно венчать пирамиду ее сущностных характеристик, а значит, содержательно представлять предметное ядро психологической науки. При этом другие, ранее или иначе

сформулированные «предопределения» предмета психологии не отбрасываются, а переосмысливаются и сохраняются в его субъектном варианте в «снятом» виде.

«Восхождение» к субъектному уровню определения предмета психологии, с одной стороны, позволяет, а с другой, – требует переосмыслить все, доселе открытое психологией в ее объекте – психике. Появление новых пластов бытия в процессе развития приводит к тому, отмечал С.Л. Рубинштейн, что и предыдущие выступают в новом качестве. Это значит, что вся психика в ее становлении, функционировании и развитии, начиная с простейших психических реакций и заканчивая сложнейшими движениями души и духа, есть по сути развертывающаяся и утверждающая себя особого рода субъектность, воплощенная в форме свободного Я - творчества.

Субъектная специфика метода психологической науки состоит в том, что она не только созерцает, не только исследует всеми доступными ей средствами и способами наличную психическую реальность, но, в конечном счете и на высших уровнях, стремится постичь эту реальность путем творения ее новых форм и тем самым восходит к исследованию собственных возможностей научно-психологического творчества.

На этом пиковом уровне происходит как бы естественное сочленение изначально условно разобщенных представлений о психологии как субъекте познания, об ее объекте, предмете и методе. Это и есть самое себя познающая и творящая психика – высший синтез психологической науки и практики психической жизни.

Таким образом, в своем исследовании мы пришли к выводу, что:

– объектом для психологии как субъекта познания выступает безусловно субъективно значимая, но объективно и независимо от нее существующая психическая реальность;

– предметом психологии полагается то, что качественно отличает психическую реальность от других ее видов, а именно: возможность человека быть субъектом своей психической, душевно-духовной жизни;

– методом (методологическим принципом) психологии как науки, руководствуясь которым она может рассчитывать на открытие истинных законов психического, полагается субъектный метод или принцип субъектности.

На наш взгляд, подлинно гуманистический и оптимистический взгляд на природу человека, вера в позитивную перспективу его личного и исторического роста открывает возможность и делает необходимым субъектное истолкование предмета и метода психологии как отдельной самостоятельной науки.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ: Восхождение мысли в текстах о психическом...3 -16

ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИЯ

А. Бэн	Определение и разделение духа. Логика психологии. Основные понятия психологии. Методы психологии.	17 – 35
В. Вундт	Элементы сознания.....	36 – 56
В. Дильтей	Возможность и условия разрешения задачи описательной психологии. Структура душевной жизни.....	57 – 76
К. Коффка	Функциональные и описательные понятия.....	77 – 83
Э. Гуссерль	Амстердамские доклады: феноменологическая психология.....	84 – 100

В. Джемс	Что такое прагматизм?.....	101 –116
А. Пфендер	Психология как самостоятельная и опытная наука Предмет и задачи психологии.....	117 – 143
Дж. Уотсон	Задачи и цели психологии.....	144 – 168
З. Фрейд	Я и ОНО.....	169 – 186
К. Г. Юнг	Структура души.....	187 - 203
Ж – П. Сартр	Экзистенциализм – это гуманизм.....	204 – 230
А. Маслоу	Психология развития и самоактуализации: основные положения.....	228 – 255

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Г. И. Челпанов	О методах психологии.....	256 – 272
С. Л. Рубинштейн	Предмет психологии.....	273 – 307
А. Н. Леонтьев	Психические явления и жизненные процессы.....	308 – 320
Б. Г. Ананьев	Общественная детерминация индивидуального сознания.....	321 - 339
Б. Ф. Ломов	Психика как предмет системного исследования. О системной детерминации поведения и психики.....	340 – 371
В. А. Роменец	Поступковая природа психического и предмет психологии.....	372 – 390

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ. АЛЬТЕРНАТИВЫ

В.Д. Шадриков	Характеристика внутреннего мира.	
----------------------	----------------------------------	--

	Развитие внутреннего мира.....	391 – 419
К. А. Абульханова – Славская	Состояние современной психологии: субъектная парадигма.....	420 – 442
Е. Б. Старовойтенко	Моделирование как перспектива теоретической психологии. Предмет психологии и способ его раскрытия. Детерминация психического.....	443 – 482
В. А. Татенко	Предмет и метод психологической науки: субъектная парадигма.....	483 - 502.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

- с.
Бэн А. Психология – Сб. Ассоциативная психология. М. : АСТ. 1998, с. 216 – 229
- с.
Вундт В. Введение в психологию. СПб: Питер. 2002, с. 32 – 54
- С.
Дильтей В. Описательная психология. М.: Алетейя. 1996, с. 95 – 118
- с.
Коффка К. Основы психического развития – Сб. Гештальт – психология. М.:АСТ. 1998, с. 358 – 362
- с.
Гуссерль Э. – Журнал «Логос».№ 3. М.: 1992, с. 63 – 80
- с.
Джемс В. Прагматизм (Новое название для некоторых новых методов мышления) К.: Украина.1995, с. 25 – 44
- с.

Пфендер А. Введение в психологию. СПб: Провинция. 1909, с. 7 – 42, с. 108 – 127

с.

Уотсон Дж. Психология как наука о поведении – Сб. Бихевиоризм. М. : АСТ.1998, с. 259 – 281

с.

Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение. 1989, с. 425 439

с.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993, с. 111 – 133

с.

Сартр Ж-П - Сб. Сумерки богов (А. Камю, Ф. Ницше, Ж-П Сартр, З. Фрейд) М.: Политич. литерат. 1989, с. 319 – 344

с.

Маслоу А Психология бытия. М.: Рефл – бук.1997, с. 230 – 259

с.

Челпанов Г. И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: Круг. 1994, с. 79 – 95

с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика. 1989, с. 12 – 40

с.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. СПб : Питер. 2002, с.

с.

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука. 1977, с. 149 – 173

с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984, с. 78 – 92, 115 – 130

с.

Роменец В. А. – Основи психології (За загал. ред. О. В. Киричука и В. А. Роменця) Київ: Лыбідь. 2002, с. 179 – 193

с.

Шадриков В. Д. Введение в психологию: Мир внутренней жизни человека. М. 2002, с. 6 – 35

с.

Публикуется впервые в данной антологии

с.

Старовойтенко Е. Б. Современная психология: Формы интеллектуальной жизни. М.: Академич. проект. 2001, с. 5 – 32

Татенко В.А.

с.

Публикуется впервые в данной антологии.